

Министерство образования РФ
Северо-Кавказский научный центр высшей школы
Кубанский государственный аграрный университет
Краснодарский филиала Международного университета (в Москве)

Хагуров Т.А.

Введение в современную девиантологию

Учебное пособие

Под редакцией Драча Г.В.

Ростов-на-Дону 2003

ББК 60.53
УДК 316.6

Редактор Драч Г.В.

Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию /учебное пособие/ – Ростов-на-Дону, 2003. 343с.

В учебнике в доступной и увлекательной форме рассматриваются вопросы относительно нового в нашей стране междисциплинарного направления социально-гуманитарного знания – девиантологии. Излагаются концептуальные подходы и теоретические модели девиантного поведения, обобщается значительный фактический материал.

Для студентов и аспирантов, обучающихся по специальностям: социология, психология, криминология, педагогика, социальная работа, а так же для всех, интересующихся вопросами человеческого поведения.

ISBN 5-94672-108-9

© 343

© обложка Ken Kelly' 90.

Содержание

Ведение.	3.
Глава I. Девиантология и изучение отклонений	9.
§ 1. Наука и отклонения от нормы.	9.
§ 2. Девиантология в системе гуманитарного знания.	33.
§ 3. Как изучают отклоняющееся поведение.	68.
Глава II. Социализация и социальный контроль	
(как закрепляются и поддерживаются нормы)	112.
§ 1. Нормы в повседневной жизни.	112.
§ 2. Социализация и закрепление норм.	142.
§ 3. Социальный контроль.	162.
§ 4. Преступление: главная форма девиантности.	184.
Глава III. Теории девиантного поведения.	213.
§ 1. Биологические теории девиантности.	215.
§ 2. Походы психологии личности к объяснению девиантного поведения.	225.
§ 3. Социально-психологические теории девиантности.	252.
§ 4. Социологические теории девиантности.	279.
§ 5. Философско-гуманистические концепции девиантности.	312.
Заключение.	337.
Литература.	339.

Введение.

История человека - это история человеческих сообществ. Как считает большинство ученых, первые организованные сообщества появились на нашей планете примерно 40-50 тысяч лет назад. Уже тогда человек придумал правила, регулирующие жизнь сообщества и поддерживающие его организацию. Правила эти претерпели длительную эволюцию, они много раз менялись и пересматривались, а правила разных сообществ, зачастую противоречили друг другу. Однако во все времена, эти правила решали одну важнейшую задачу: определяли, **что можно и чего нельзя делать** людям, живущим в сообществах. Наличие в правилах негатива - “нельзя” - подсказывает, что люди, создававшие правила, подразумевали возможность поведения, не укладывающегося в рамки правил. Так оно и было. Как только один человек придумал правила, другой человек начал их нарушать. Почему?! Зачем?! Для чего?! Точных ответов на эти вопросы не было.

Правила, которые можно легко нарушать - уже не правила. Так возникли наказания, удерживающие людей от нарушения правил. Это не помогло. Человек нарушал правила, несмотря на наказание. Создатели правил и наказаний совершенствовались их в каждом новом поколении. Законы Ману, Хаммурапи, заповеди Моисея, римское право, заповеди Христа, Саллическая правда, конституции - далеко неполный список правил, направлявших человечество. Изгнание, побиение камнями, отрубание конечностей, сажание на кол, электрический стул, газовая камера, тюремное заключение - далеко неполный список наказаний, сопровождавший нарушение правил. Нарушители правил не отступали и продолжали их нарушать, несмотря ни на что. Правила устанавливали **норму**, нарушители демонстрировали **отклонения** от этой нормы. В обществах возникли большие группы людей, создававшие правила, следившие за их исполнением и наказывающие за их нарушение. Нарушители продолжали нарушать. ПОЧЕМУ?! ЗАЧЕМ?!

Ответы на эти вопросы человечество ищет давно. Философы, теологи, писатели, поэты по-своему решали одну и ту же загадку: “Почему во ВСЕХ человеческих обществах ВСЕГДА находились люди, нарушавшие общепризнанные правила? КАК заставить людей не делать этого?”. Примерно с середины XIX века к поиску ответов на эти вопросы активно подключилась наука. Первенство в этом попеременно оспаривали друг у друга психология и социология. История их соперничества полна диалогов, конфликтов, обмена мнениями и взаимных обвинений. Психологи утверждали, что причины нарушения правил коренятся в человеческой психике. Социологи уверяли, - что в общественном устройстве. Психологи упрекали социологов в том, что они мыслят абстракциями, обобщениями. Социологи отвечали психологам обвинениями в том, что они зацикливаются на частных случаях, не видя общих закономерностей. Не поняв личности преступника, мы не поймем мотивов и причин преступления - кричали психологи. Но ведь личности типичны, они формируются и действуют в обществах - не менее громко кричали в ответ социологи.

По мере развития обеих наук, их представители, все больше осознавали, что для решения проблемы нужно стремиться не к конфликтам а к сотрудничеству. В психологии оформилось особое направление - *патопсихология* (психологии патологий), изучавшее нарушения нормальной психической деятельности. В социологии, соответственно, выделилась *социология отклоняющегося поведения*. И психологи и социологи сталкивались с фактами и событиями, объяснить которые, оставаясь каждый в рамках своей науки, они были не в состоянии. Это и послужило толчком к выделению особой науки - *девиантологии*, призванной изучать *отклоняющееся поведение* (от лат. *deviatio* - отклонение). Хотя слово “наука” здесь не совсем уместно. Первоначально, девиантология считалась *междисциплинарной* областью на стыке психологии и социологии. Однако, вскоре она синтезировала достижения и методы многих других наук. Свой

вклад в её развитие, наряду с психологией и социологией, внесли этнология, культурология, медицина, история и философия. Таким образом, она переросла границы социологии, так же как и психологии. Однако, вряд ли ее с полным правом можно назвать самостоятельной наукой. Отдельная научная дисциплина имеет ряд характерных признаков. Во-первых - это свой, четко очерченный круг проблем, своя область изучения. Во-вторых - наличие профессионального сообщества ученых - представителей данной науки, отделяющих себя от представителей других наук. В-третьих, необходимо наличие специализированной профессиональной периодики, т.е. изданий, целиком посвященных проблемам данной науки. В-четвертых, академическая наука опирается на собственную систему подготовки специалистов. Туда входят как преподавание данной науки в ВУЗах, так и механизмы повышения и подтверждения квалификации - аспирантуры, ученые степени и т.д. Наконец, науки располагают своими собственными методами познания реальности. Например, астроном, познает свою реальность с помощью телескопа, социолог - с помощью анкеты и т.д. Проще говоря, что бы говорить о существовании отдельной науки нужно четко сказать ЧТО, КЕМ и КАК изучается. Вот как раз таки с этими “что”, “кем” и “как” все не очень понятно. На первый вопрос ответить вроде бы легко - изучается все, что связано с отклонениями от норм и правил поведения. Но ведь отклонения от нормы это и самые разные преступления и гениальность и алкоголизм и психические болезни и переход улицы на красный свет и умственная отсталость и обман и половая распущенность и многое-многое другое. Вдобавок представление о норме постоянно пересматриваются: то, что считалось отклонением становится нормой и наоборот. Дальше - хуже - кто изучает? Да кто угодно: социологи, психологи, юристы, медики, философы, культурологи, этнографы, экономисты, политологи, педагоги. Как изучают? По-разному: используют методы и приемы тех наук, к которым они себя относят. Статьи по проблемам

отклоняющегося поведения можно встретить почти в каждом профессиональном издании, практически любой из гуманитарных наук. Поэтому, девиантология - это, скорее, не наука, а своего рода, подход к проблеме. Особый взгляд на общество и человека, возможный с позиций многих наук. Взгляд через призму вопроса о причинах и природе отклонений в поведении людей. Своего рода синтез теорий, концепций, практических рекомендаций и методик исследования проблемы нарушения правил. “Отпочковавшись” в самостоятельную область знания, девиантология, тем не менее, не теряет прочных связей со своими “прародителями” - психологией и социологией. И все же в системе наук, изучающих общество и человека, девиантология занимает пока еще маргинальное (/от лат. *marginalis* - находящийся на краю/ т.е. неустойчивое, непонятное, промежуточное) положение. Вместе с тем, девиантология сегодня это достаточно самостоятельное направление в гуманитарном знании.

Все сказанное подводит нас к сути этой книги. Для кого и зачем она была написана. Предназначена книга, прежде всего, для студентов факультетов социологии, психологии, социальной работы и криминологии - т.е. для тех, кому предстоит профессионально сталкиваться с проблемами отклоняющегося поведения. Автор - сам социолог и давно интересуется девиантологическими проблемами. Этот интерес привел его к одному досадному наблюдению. Дело в том, что в учебных пособиях отсутствует цельный взгляд на проблему отклонений в поведении людей. Очень неплохо отдельные девиантологические вопросы подаются в учебниках по социологии, социальной психологии и криминологии, но при этом практически отсутствуют попытки синтеза. В общем и целом наблюдается одна и та же картина: психологи незнакомы с социологическим взглядом на проблему и наоборот. И те и другие плохо представляют себе криминологический взгляд на вещи. Преподавая социологию и социальную психологию в различных ВУЗах, автор имел возможность убедиться в этом.

Между тем, заявленный синтез действительно необходим. Непременным условием всякого профессионализма является не только глубина, но и широта взгляда на изучаемые проблемы. Сказанное, в особенности относится к тем, кто готовится изучать самый сложный объект любого исследования - человека. Все перечисленные соображения и подтолкнули автора к идее написать учебное пособие, стремящееся представить проблему отклонений максимально популярно и доступно, не теряя при этом научной строгости и достоверности. Насколько это удалось - судить не нам.

Мы убеждены, что правила – **нужны**. Опираясь на данное представление, мы можем задать вопрос: “А разве не является ЛЮБОЙ факт намеренного нарушения социальных норм примером нанесения ущерба?” Стоп - возразите вы. Кому причиняется ущерб в случае, например, неправильных убеждений. Скажем, некто уверен в том, что Земля - плоская. Это ведь тоже отклонение. Кто пострадавший, кому причинен вред? Обществу - ответим мы, в частности - науке. Любое человеческое общество стремится к “согласию умов” своих членов. Нарушение этого согласия расценивается, как агрессия и наказывается ответной агрессией. Попробуйте публично объявить о своих убеждениях, относительно плоской Земли - сами увидите. Сказанное, кстати, позволяет объяснить, почему в средние века сжигали еретиков, а XX веке расстреливали “врагов народа”.

То, что правила необходимы не отменяет того факта, что иногда их создатели и проводники этих правил начинают действовать в ущерб людям. Поэтому, не всегда нарушение правил – это зло. Сложные вопросы (к которым относится вопрос о том, «что такое хорошо и что такое плохо?») не подлежат однозначному разрешению. Поэтому-то и возникает необходимость их специально изучать.

Наконец, немного о самой структуре книги. Первая глава посвящена знакомству читателя с основными понятиями, вопросами и подходами, принятыми в современной девиантологии. Здесь мы старались по

возможности полно представить те проблемы с которыми сталкиваются ученые, изучающие отклонения в поведении людей. Это необходимо для того, что бы “погрузиться” в тему, почувствовать ее сложность, неоднозначность. Здесь же мы описываем методы, с помощью которых ученые изучают девиантное поведение.

Во второй главе мы рассматриваем вопросы о существовании, закреплении и поддержании норм в человеческих обществах. Ведь девиантность – это отклонение от *нормы*.

В третьей главе осуществляется экскурс в ведущие теории девиантности. Мы постараемся познакомить читателя с наиболее признанными в науке биологическими, психологическими и социологическими концепциями, объясняющими природу отклонений. Здесь мы старались представить этапы “научной эволюции” взглядов на проблему отклонений.

В каждом параграфе выделяются ключевые термины для запоминания. Итоги каждой главы подводятся кратким резюме основных идей. Затем даются приложения, иллюстрирующие материал параграфов, а заканчиваются параграфы вопросами для самопроверки.

Нам хочется верить, что данная работа внесет еще один, конечно очень скромный, вклад в понимание природы древней и сложной проблемы нормы и отклонения. При этом, мы выражаем надежду, что читатели, прочтя эту книгу не разочаруются в человеке, хотя им придется столкнуться именно с темной стороной человеческой природы. Люди могут быть чудовищно агрессивны жестоки по отношению к друг другу. Но в то же время они оказываются способны на впечатляющие проявления доброты, альтруизма и жертвенности. Говоря словами В.Франкла: “Человек - это животное, которое изобрело газовые камеры. Но он же входил в них с гордо поднятой головой и молитвой на устах”.

Глава I.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ДЕВИАНТОЛОГИЯ.

(Девиантология и изучение отклонений).

§ 1. Наука и отклонения от нормы.

Что обычно мы отвечаем на вопрос “Как дела?”. Наверно самым стандартным ответом будет “Нормально” или “Хорошо”. Давайте задумаемся - а что значит “нормально”? Нормально - ответит читатель - значит в пределах нормы. Значит ничего экстраординарного не произошло, все идет как обычно. Мы отправились на вечеринку с друзьями. Вернувшись, на вопрос о том, как прошла вечеринка, мы даем стандартный ответ: “нормально”. Тем самым подразумевая, что ничего “ужасного” или “превосходного” не произошло. Между тем, наш приятель, вернувшись с той же вечеринки, сообщает, что вечеринка прошла “превосходно”. А наша подруга, которая тоже была там, рассказывает всем насколько “ужасным” был тот вечер. Согласитесь, такое бывает, и довольно часто. Однако какое отношение имеют к теме этой книги вечеринки и обычная вежливость. Самое прямое.

Девиантология изучает отклонения от нормы. Прежде всего, имеются в виду отклонения в поведении людей. Девиантологи стремятся найти ответ на вопросы о том, как и почему происходят отклонения от норм, регулирующих жизнь человеческих обществ.

Норм этих - великое множество. Они охватывают практически всё - представления о нравственности, законе, приличиях, красоте и т.д. и т.п. Большинство людей придерживается этих норм, что отнюдь не мешает их постоянному нарушению.

Давайте снова вернемся к вечеринкам и приветствиям. Сказав, что дела у нас идут нормально, мы тем самым указали на отсутствие отклонений. Тогда, как приятель и подруга продемонстрировали отклонения от нашей оценки той совместной вечеринки. Он - в положительную, она - в отрицательную

стороны. Пришло время задать вопрос, не ответив на который нельзя двигаться дальше. Вопрос этот звучит так: **“Что есть норма и что считать отклонением от нормы?”**

Ответить на него труднее, чем кажется на первый взгляд. Действительно, в обыденной жизни мы часто делим людей, предметы и явления на нормальные и ненормальные, совершенно не задумываясь о том, **на основании чего** мы проводим это разделение. Знание о том, что нормально, а что - нет, как бы “растворено” в нашей повседневности. Чаще всего мы просто “знаем”, что такое “нормально”. Но ведь то, что нормально для нас может, например, быть не вполне нормальным для наших родителей. На самом деле, людям бывает очень трудно прийти к общему пониманию нормы. Что бы ясно ответить на поставленный выше вопрос, нужно отдавать себе отчет в том, что это вопрос о **критериях** определения нормы. На основании чего мы признаем явление “Х” нормальным, а явление “У” - нет. Другими словами, на этот вопрос нельзя ответить однозначно, все зависит от точки зрения на проблему. Однако, несколько общих замечаний сделать все-таки можно. Во-первых, нас интересуют не любые отклонения, а только те, что связаны с жизнедеятельностью человека в обществе. Бывают ведь отклонения в траекториях движения небесных тел или отклонения стрелки компаса - нас они не интересуют. А говоря о человеке в обществе, мы говорим о **поведении**. Почему обязательно о поведении - возразит читатель. Есть ведь еще и мышление и эмоции. Все так, но и мышление и эмоции можно рассматривать, как поведение. Когда я мечтаю, глядя на звезды или радуюсь, огорчаюсь или сплю - **я веду себя определенным образом по отношению к окружающей действительности**. Когда меня мучает стыд, и я обращаюсь к своей совести - я веду себя определенным образом по отношению к себе. Таким образом, **проблема отклонений - это поведенческая проблема**. Однако, данное определение, хотя и задает общий подход к проблеме, но отнюдь не проясняет саму проблему.

Это в полной мере становится очевидным, когда задумываешься о **девиантном поведении**. Попросив группу обычных людей назвать примеры отклонений от нормы или отклоняющегося поведения, то вероятнее всего мы получим поразительно широкий круг ответов. В результате одного социологического опроса, имевшего целью выяснить, как люди определяют девиантность, было получено 252 различных ответа. Вот некоторые из них:

- кинозвезды, насильники над детьми и подростками, извращенцы, профессиональные картежники, психиатры, наркоманы, политические экстремисты, консервативно настроенные, женщины-карьеристки, проститутки, лгуны, обольстительницы, священники, атеисты, либералы, коммунисты, алкоголики, пенсионеры, уголовники, разведенные, водители-лихачи, всезнайки-профессора (Симмонс, 1965).

Глядя на этот список можно удивляться, как респонденты описывали некоторые из этих примеров в качестве девиантных. Этот факт иллюстрирует то, что девиантное поведение не определяется предельно ясно и очевидно и не является чем-то фиксированным и неизменным, как мы иногда полагаем. Что бы прийти к истинному пониманию девиантного поведения, необходимо, прежде всего, увидеть, что девиантность социально определена и социальные дефиниции (определения) девиантности отличаются друг от друга в различных обществах или социальных группах. Проще говоря, что бы существовали нормы и нарушения, нужны носители этих норм и их нарушители. Носителями норм могут быть только люди, в сознании которых эти нормы и существуют. А люди склонны расходиться в своих оценках и определениях нормального и ненормального.

<p>Девиантное поведение – поведение, идущее вразрез с существующими нормами и правилами.</p>

Социальная природа девиантности. Утверждение о том, что девиантность социально определена означает, что когда большинство людей данного общества или социальной группы считают какое-либо поведение откло-

няющимся от нормы, то оно и является девиантным. *Большинство стремится навязать свои представления о норме меньшинству.* В результате, широкое разнообразие форм поведения считалось и считается девиантным в различных обществах. Даже внутри одного и того же общества наблюдаются значительные различия в том, что люди считают девиантным поведением. Кросс-культурный и исторический опыт предоставляет много примеров изменяющейся природы девиантности, ясно показывающих, что она - социально определена. Например, родители в Стапхорсте (Нидерланды) ожидают и желают, чтобы их дочери имели сексуальные контакты и становились беременными до вступления в брак. Эти глубоко религиозные люди не считают такое поведение отклоняющимся от нормы, поскольку оно соответствует их культурным стандартам. Если, однако, мы бы услышали о наших соотечественниках, ожидающих, чтобы их дочери-тинэйджеры забеременели до вступления в брак, мы бы вероятно думали бы о поведении этих родителей, как о девиантном.

Другой пример, Среди большинства арабов употребление алкоголя строго запрещено, тогда как курение гашиша считается приемлемым. Араб, предпочитающий алкоголь гашишу, считался бы девиантом среди своих соотечественников, а большинство европейцев рассматривали бы ситуацию прямо противоположным образом (Симмонс, 1965).

Влияние культурной специфики на “естественные” представления о нормах и отклонениях хорошо иллюстрирует учебник по международному бизнесу, на следующем примере. Группе американских и азиатских бизнесменов был задан вопрос: “Если бы вы оказались на тонущем корабле с женой, матерью и ребенком, которые не умеют плавать, кого бы вы спасли, если можно было спасти только одного из них?”. Среди американцев около 60% опрошенных выбрали жену и около 40% -ребенка, но никто не выбрал мать. В то же время все азиаты выбрали мать./ Джон Д. Дэниэлс, Ли Х. Радета. *Международный бизнес.* М., 1994./ Этот пример ярко иллюстрирует как, в зави-

симости от культуры, могут устанавливаться приоритеты в мотивах поведения.

Социальные определения девиантности изменяются не только от общества к обществу, но и с течением времени в одном и том же обществе. К примеру, два века назад на Западе считалось социально желательным быть полным; это не считалось девиантным (Шварц, 1986). Но в современных западных обществах многие люди считают полноту формой девиантности. Быть полным сегодня - значит иметь проблемы с внешним видом и быть социально нежелательным (Милльман, 1980).

От приемлемости к девиантности. Курение, особенно в общественных местах, является видом поведения, который подвергся очень быстрой трансформации в Соединенных Штатах за очень короткий промежуток времени. К концу Второй мировой войны курение достигло пика своей популярности в США. Курение сигарет рассматривалось, как утонченное и обаятельное поведение. Табачная индустрия даже рекламировала курение, как полезное для здоровья (“как помогающее усвоению пищи”, “успокаивающее нервы”, “контролирующее вес”). Курение в обществе, даже в таких ограниченных местах, самолеты, машины, рестораны, было вполне приемлемым поведением.

Отношение к курению стало меняться, когда Генеральное медицинское управление США опубликовало доклад в 1963 году, в котором говорилось, что курение связано с рядом серьезных заболеваний, особенно с раком и болезнями сердца. Хотя многие решали бросить курить, отношение к курению в общественных местах не изменилось. Лишь постепенно в 1970-е гг., а затем быстро, в 1980-е гг. менялось социальное определение курения в общественных местах. В течении 1980-х гг. все больше и больше американцев открыто оспаривали права курильщиков курить везде, где им нравится. Сегодня социальное определение курения в США почти полностью противоположно тому, что было 25 лет назад. Курильщики теперь часто жалуются, что их права на-

рушаются, поскольку их вынуждают чувствовать себя, “преступниками” когда они курят (Кингснорт и Джунгстен, 1988).

Еще 15 лет назад в школах нашей страны многие учащиеся носили пионерские галстуки. Это было приемлемым и желательным. Быть пионером считалось почетным, соответственно не принимали в пионеры тех, кого считали девиантами - двоечников, имеющих плохие оценки по поведению и т.д..

Нонконформизм – публичное несогласие с принятыми правилами и нарушение «социальной корректности», выражающееся в поведении, манере вести себя, взглядах и мнениях; по содержанию, это понятие близко к понятию девиантности, однако, в данном случае речь идет, скорее, не о прямом нарушении норм, а о поведении на грани приемлемого.

В наши дни практика ношения красных галстуков школьниками исчезла, так как исчезла пионерская организация. Ученик, пришедший в школу в пионерском галстуке сегодня, скорее всего, будет определен одноклассниками и учителями, как девиант, либо нонконформист.

От девиантности к приемлемости. Так же как некоторые виды поведения из приемлемых превращаются в девиантные, так же возможен обратный процесс - поведение, считавшееся девиантным, может со временем стать более приемлемым. Классический пример - сожительство

вне брака. Всего 30-40 лет назад отношение к парам, живущим вместе и не регистрирующим свой брак, было резко отрицательным. Такие пары обычно характеризовались, как живущие “во грехе”. Часто употреблялись ярлыки: “недостаточно законный брак” или “гражданский брак”, носящие негативный оттенок. Теперь, несколько десятилетий спустя, многие считают сожительство естественным этапом развития отношений, позволяющим проверить их искренность. Даже люди, которые не признают сожительство для себя, не проявляют негативного отношения к тем, кто это практикует.

Аналогичный пример можно привести с публичным обсуждением сексуального поведения (например, в различных телевизионных шоу). Еще 10 лет назад подобные темы считались в нашем обществе табу, сегодня же это ни у кого не вызывает удивления.

Точно так же, буквально за последние 10-15 лет, в нашем обществе изменились представления о приемлемом экономическом поведении. Одни и те же действия - например, продажа товара по более высокой цене, чем он был куплен - из “спекуляции” превратились в “коммерцию”.

Девиантное поведение, определяемое референтной группой. Даже внутри одного и того же общества различные социальные группы часто определяют девиантность по-разному. Группы людей, разделяющих одинаковые нормы и ценности, разрабатывают свои собственные представления о том, что является девиантным, а что - нет. Их взгляды могут не разделяться обществом в целом, но их определения девиантности применяются к членам группы. Социологи и социальные психологи склонны считать, что поведение людей во многом связано со спецификой *референтных* (эталонных) групп, к которым эти люди принадлежат. Например, учащиеся школ сами устанавливают свои собственные правила одежды, причесок и поведения. Хотя каждый из группы и не должен иметь одинаковый внешний вид, когда индивид слишком явно отклоняется от современной моды, этот человек, вероятнее всего считается девиантом.

<p>Референтная группа - это та совокупность людей, чьи представления о нормальном и ненормальном мы разделяем, соотнося с мнением группы свои поступки.</p>
--

Важность групповых определений девиантности среди учащихся школ может быть проиллюстрирована на примере одаренных американских учащихся, считающих себя девиантами. Один такой учащийся описал всех одаренных учеников, как “действительно не старающихся уживаться с другими, несколько назойливо старающихся быть умными, элегантными” (Хьюрайн, 1986). Одаренные учащиеся не только считали себя девиантными, но 77% из них ощущали, что их сверстники в школе относились к ним, как к девиантам. В то время, как общество в целом, особенно взрослые, чаще всего рассматривают одаренных учащихся, как идеал для молодых людей, сами одаренные учащиеся могут считаться девиантами в своих социальных кругах.

Интересно, что референтная группа, не обязательно должна состоять из реальных людей. В нее вполне могут входить люди давно умершие или никогда не существовавшие. Хорошим примером является обязательное для науки советского периода правило: любая научная концепция обязательно должна была быть подтверждена ссылками на классиков марксизма-ленинизма - Маркса, Энгельса и Ленина. Хотя трое этих ученых умерли до того, как развилась советская наука, они вплоть до середины 80-х годов XX века считались высшим авторитетом для советского научного сообщества - т.е. референтной группой.

Другой пример. Во многих странах западной Европы, да и у нас в стране можно иногда увидеть странных молодых людей. Они собираются вместе (как правило, где-нибудь за городом) одетые в доспехи и вооруженные разнообразным холодным оружием - мечами, кинжалами, луками. Одни из них называют себя эльфами, другие - гномами, третьи - волшебниками. Вступая друг с другом в сватки (без кровопролития) они сражаются на стороне Добрых или Злых Сил. Перед нами - толкиенисты, поклонники творчества Дж.Р.Толкиена - создателя знаменитой фэнтези-трилогии "Властелин колец". В своих играх они повторяют приключения героев Толкиена. Хотя сами толкиенисты свои занятия считают не играми, а вполне серьезным делом - обитатели волшебного мира "Властелина колец" стали для них референтной группой.

Эти иллюстрации ясно показывают, что девиантность глубоко обусловлена влиянием общества или социальной группы, в которых поведение или поступок имели место. Хотя девиантность часто ассоциируется с индивидуальным поведением (индивиды считаются плохими, слабыми, нечестными, зловредными и т.д., когда они совершают девиантные поступки), внимательный взгляд подчеркивает, что девиантность есть социальное явление. Мы можем понять девиантное поведение, лишь если мы, прежде всего, признаем, что общества и социальные группы определяют, что является деви-

антным, а что - нет. Следовательно, первым (из возможных) определением девиантности будет следующее: *любое поведение, связанное с нарушением групповых норм, будет являться девиантным.*

Универсальная природа девиантности. Из приведенного выше определения сразу можно сделать важный теоретический вывод: *не существует в чистом виде “нормального” или “отклоняющегося” поведения; существует своего рода договоренность людей, живущих в обществе, о том, что считать нормальным, а что - нет.*

Действительно, многие факты и теории подтверждают этот уважаемый (даже если он не принимается) всеми учеными-девиантологами вывод. Однако, сделанный вывод - все-таки один из **возможных** подходов к проблеме отклонений. Противоположный подход связан с попыткой найти такие образцы поведения, которые бы считались отклоняющимися во всех обществах и культурах. По сути, такой взгляд на проблему отклонений - это стремление отыскать универсальные критерии “нормальности”. Учитывая огромное разнообразие культурных моделей, существующих на нашей планете, примеров “абсолютно отклоняющегося поведения” должно быть не очень много. Многие ученые вообще сомневаются в их существовании. Однако, по-видимому, все-таки существуют типы поведения, которые могут быть отнесены к разряду “абсолютно девиантных”. Речь идет о таких действиях, как убийство члена своего общества, без веских на то оснований (основания могут быть разными - скажем, самозащита или кровная месть - так же, как и критерии “вескости”). Сюда же, как нам кажется, следует отнести предательство интересов своего сообщества в случае противостояния или конфликта с другим сообществом. Далее можно упомянуть нарушение норм сексуального (или шире - поло-ролевого поведения). Наконец, сюда же, видимо, относится оскорбление (или даже просто непризнание) **важных** духовных верований своего общества. Если первые два примера достаточно очевидны (действия, угрожающие безопасности общества), то относительно последних двух нужно сказать

отдельно. В связи с «сексуальной революцией» в общественном сознании утверждается тезис о сексуальной вседозволенности: «можно делать все, что нравится, если это не приносит вред другим людям». Однако, нужно помнить, что *в истории не было обществ, никак не ограничивающих проявления сексуальности* своих членов. Сексуальное поведение напрямую связано с воспроизводством поколений, а значит – с интересами выживания общества. Кроме того, сексуальность неразрывно связана с существующими в обществе *гендерными стереотипами*, направляющими социальные взаимодействия и регулирующие отношения между полами. Поскольку люди – существа двуполые (пока еще «прогресс» науки этот факт отменить не может), отношения между полами – важнейшая часть социальных отношений и должна регулироваться.

Кроме того, читатель, помнящий о “демократическом плюрализме”, наверное, возразил бы, относительно последнего примера - “Неправда, в демократических обществах возможно обсуждение любых точек зрения. Цивилизованные люди - это не дикари какие-нибудь, которые за то, что вы священный кактус съели, могут вас самого в пищу употребить!” Возражение вероятное, поэтому придется прокомментировать. Во-первых, мы сделали акцент на “важных” духовных верованиях не случайно. Например, для “примитивных дикарей”^{*} может быть важно не то, что вы съели именно священный кактус, а то, как вы его съели - в зависимости от того, что считается в этой культуре важным. В самых демократических “цивилизованных” странах (как принято называть - без кавычек - цивилизованные страны) отношение к важным духовным верованиям не менее трепетное. Пример из области политики: попробуйте публично усомниться в таком важном для современных обществ веровании, как вера в демократию. Скажем, публичное утверждение о том, что демократия - это плохо, а

<p>Гендерные стереотипы – устойчивые представления о социальных ролях мужчины и женщины; представления определяющие модели поведения и мышления мужчин и женщин.</p>
---

^{*} Кстати, употребление характеристики “примитивный” в отношении культуры или ее представителей считается в современных гуманитарных науках некорректным - а, значит - девиантным.

фашизм - это хорошо - может попасть под действие статьи “о пропаганде фашизма” Уголовного Кодекса и быть наказано тюремным заключением. Пример из области науки: попробуйте на серьезной научной дискуссии опровергнуть теорию эволюции Дарвина и отстаивать утверждение, что жизнь на Земле развилась не благодаря эволюции и естественному отбору, а благодаря настойчивым усилиям маленьких зеленых человечков из летающих тарелок. С этой дискуссии вас, скорее всего, выгонят, а ваши книги, посвященные человечкам не опубликует ни одно серьезное научное издательство.

Кроме того, с проблемой важных духовных верований связан еще один интересный феномен, к которому мы еще не раз вернемся - феномен “очевидного”. Важные верования обычно закрепляются в представлениях о “само собой разумеющемся”. Скажем для большинства людей в современных западных обществах, само собой разумеется, что человек слышащий “голоса духов” - болен (очевидно, шизофренией) и его надо лечить. *Тот, кто утверждает обратное - девиант* (скорее всего тоже больной). В то же время для “примитивного дикаря” может быть “совершенно очевидно”, что человек слышащий “голоса” - обладает особым даром и его нужно уважать. *Тот, кто утверждает обратное - девиант* (скорее всего богохульник или одержимый злым духом). Общий момент в этих, казалось бы разных типах духовной практики заметен, не правда ли.

Другими словами, мы хотели показать, что наряду с бесконечным разнообразием содержания различных норм и определений девиантности в различных культурах, могут существовать универсальные кросс-культурные стандарты отклоняющегося поведения. Прежде всего, речь идет о действиях, препятствующих возможностям выживания сообщества. Приведенные нами три примера (в принципе их может быть и больше) относятся именно к таким действиям: **1)** Общество не сможет выжить, если не гарантирует своим членам минимума личной безопасности по формуле “нельзя убивать членов нашего общества без веских на то оснований”. Как мы уже говорили, сами ос-

нования и критерии вескости оных могут различаться. 2) Общество не сможет выжить если не обеспечит должного сплочения своих членов в случае противостояния или конфликта с другим сообществом - отсюда запрет на предательство. 3) Общество не сможет выжить, если не установит нормы взаимоотношений между мужчинами и женщинами, обеспечивающие устой-

Социальное воспроизводство – воспитание новых поколений, привитие им социально необходимых качеств и навыков.

чивое воспроизводство новых поколений (как биологическое, так и *социальное*). 4) Общество не сможет существовать без хотя бы минимального “согласия умов” по поводу важных верований - в противном случае люди в этом обществе начинают существовать в “разных реальностях” и общество распадается.

Таким образом, перечисленные поступки, во ВСЕХ (или почти во всех, хотя случаи исключения нам неизвестны) обществах попадают под категорию девиантных. Отсюда можно вывести еще одно из возможных определений девиантности: *девиантным во ВСЕХ обществах считается поведение, угрожающее возможностям выживания этого общества.*

Важно понять, что два вышеприведенных взгляда на природу девиантности - утверждение о социальной природе девиантности и об универсальных критериях девиантности - не противоречат друг другу - они сосуществуют и дополняют друг друга. Разница в уровне анализа. В первом случае ученые фокусируют внимание на **содержании** нормативных определений, во втором - на **функциях норм и потребностях общества**.

Социальные функции девиантного поведения. Всегда ли девиантность - это что-то плохое. На первый взгляд, так оно и есть, но это - поверхностный взгляд. Во-первых, отклонения могут быть не только в отрицательную, но и в положительную сторону. Например, гениальность - это, конечно же, девиантность, но девиантность - положительная. Или возьмем существующую в любом обществе фигуру героя, столь любимую современным кинематографом. Герой - это девиант, девиант положительный, он - отклонение от нормы - он сильнее, смелее и благороднее “нормальных” людей.

Во-вторых, даже негативная девиантность может иметь свои положительные стороны. По крайней мере именно так считают социологи, работающие в традициях **функционализма**. Сторонники функциональной теории рассматривают **социальные структуры** (*регулярные модели взаимодействия людей друг с другом*), как имеющие целью обеспечение функционирования общества (*выполняющие определенную функцию, необходимую для жизни общества*). Общество здесь сравнивается с организмом, в котором каждый орган, выполняет что-то, необходимое всему организму. Тем не менее функционалисты также признают, что некоторые социальные структуры могут иметь результатом своего существования негативные последствия (*дисфункции*) для общества. На первый взгляд может показаться, что большая часть девиантного поведения (преступность и проч.) социально дисфункциональна. Однако, считают функционалисты, подобные явления могут быть **латентно функциональны** (т.е. неявно, завуалировано выполнять полезные функции). Впервые Эмиль Дюркгейм в своем произведении “Самоубийство” (1895г.) показал, что девиантное поведение может иметь положительные последствия для общества. Это парадоксальное утверждение объясняется тем фактом, что когда девиантное поведение имеет место, нормы общества вновь укрепляются. Девиантный акт служит прояснению существующих стандартов социального поведения. Без периодических нарушений поведенческих норм, сами эти нормы могли бы стать менее ясными и, таким образом, менее строго соблюдаемыми (Дентлер и Эрикссон, 1959; Дженсен, 1988).

Функционализм – одно из теоретических направлений в социологии, фокусирующее внимание на функциях, выполняемых социальными структурами; общество, при этом рассматривается, как система взаимосвязанных элементов.

Латентная функциональность – свойство некоторых социальных феноменов выполнять скрытые функции; при этом, внешне феномен может выглядеть как дисфункциональный – препятствующий нормальному функционированию системы.

Конечно, обществу не нужны хладнокровные убийцы для того, чтобы напомнить, что убийство человека является **делинквентным** (так называют девиантное поведение, преследуемое по закону) актом. Многим областям со-

циальной жизни, однако, не хватает ясности в том, что является девиантным, а что - нет. К этим областям относятся те, в которых позитивная функция девиантности наиболее ясно обнаруживается. Например, широко распространенная в американских властных структурах практика использования личных связей для получения выгоды, была подвергнута резкой критике администрацией президента Рейгана. Были введены санкции против чиновников, использующих служебное положение в личных целях, что в ряде случаев привело к изобличению и осуждению подобных практик. В других случаях действия некоторых чиновников были признаны неэтичными. Одним из первых актов президента Буша, вступившего в должность в 1989 году, было назначение комиссии, которая должна была подготовить кодекс этики. С функционалистской точки зрения, эта цепь событий иллюстрирует, как девиантные поступки могут иметь позитивные социальные функции.

Другой пример. Когда наша страна вошла в эпоху "гласности" в конце 80-х гг. XX века, то общество столкнулось с проблемой безнаказанной клеветы и порочащих честь и достоинство людей голословных обвинений, которые обрушились на многих известных в России людей со стороны СМИ (средств массовой информации). Клеветничество стало распространенным способом сведения личных счетов в случае отсутствия реальных "прегрешений". Открытая клевета, как форма девиантного поведения в течении нескольких лет заставляла юристов страны работать над тем, что бы законы об "оскорблении чести и достоинства" и "о клевете" стали реально действенными. В итоге общество осознало опасность подобных действий, хотя проблем в указанной сфере немало и до сих пор.

В повседневной жизни нормы имеют тенденцию "размываться". Люди привносят в общество свою индивидуальность, что ведет к потере однозначности в понимании норм. Девиантный поступок, привлекая внимание людей, заставляет их более ясно осознать существующие нормы и укрепиться в их исполнении. Разумеется, такой взгляд на проблему не оправдывает преступ-

ников, совершающих убийства и изнасилования, под тем предлогом, что они, якобы этим служат укреплению правосознания законопослушных граждан. К тому же, любой поступок, который определяется обществом, как девиантный, может послужить примером тем, кто не имеет еще ясного представления о нормах - например, детям и подросткам.

Кратко обобщим все вышесказанное

Резюме:

- *Девиантология* - изучает отклонения от норм, регулирующих жизнь, человеческих сообществ. Девиантологи ищут возможные ответы на вопрос "Как и почему нарушаются нормы".
- Девиантология придерживается **поведенческого подхода** к изучению человека и общества. Считается, что люди всегда каким-то образом **ведут себя по отношению** к окружающему миру, независимо от того действуют ли они, думают, или испытывают эмоции.
- Предполагается, что девиантность **социально определена**. Представления о нормальном и ненормальном изменяются, как от сообщества к сообществу, так и с течением времени в одном и том же сообществе
- Вместе с тем, существует точка зрения, согласно которой можно говорить об ограниченном наборе типов поведения, которые являются "универсально девиантными" - т.е. признаются таковыми во всех культурах.
- На девиантность в значительной мере влияет принадлежность к **референтной группе**, которая определяет не только границы нормального и допустимого, но и общее представление об окружающем мире. При этом, референтная группа может быть как реальной, так и виртуальной (люди не существующие в данный момент в мире).

- *Наконец, ученые склонны усматривать в девиантности не только отрицательные, но и положительные функции. Помимо положительных отклонений (таких как гениальность или героизм) нарушения норм могут помочь людям яснее осознать что же на самом деле является нормальным, а что - нет.*

Приложения к параграфу.

1. *В последние годы в нашей стране стали распространяться явно девиантные формы поведения, которые, однако, иногда подаются, как «нормальные». К их числу смело можно отнести мужскую проституцию.*

Мир отклонений: мужская проституция.

...Каждый мужчина стремится овладеть тем или иным умением, ремеслом, с помощью которого он добывает себе хлеб насущный, которым по-своему гордится и в котором самоутверждается.

Но есть определенная категория мужчин, которые настолько бесталанны, настолько ленивы и при этом алчны, что любого рода деятельности предпочитают самую низкую и позорную степень падения—торговлю своим телом.

Проституция, называемая самой древней профессией, традиционно считается явлением сугубо женским, как и род, к которому принадлежит слово «проститутка». Что ж, традиции, как правило, устанавливаются мужчинами, и естественно их желание не включать в лексику мужской аналог определения принадлежности к позорнейшей из профессий.

Но лексика далеко не всегда отражает суть жизненных явлений.

А явления эти таковы, что со всей наглядностью подтверждают наличие мужской проституции, едва ли уступающей женской в древности своего происхождения.

АРГУМЕНТЫ:

«Мужская проституция ведет свое начало, как и проституция женская, с самых древних времен. По свидетельству Ювенала, Петрония и других римских сатириков, в вечном городе было много мужчин, удовлетворяющих похотливость женщин вовсе не из любви или страсти, а единственно с целью очистить их карманы.

Женщины платили деньги мужчинам за удовлетворение своих половых требований точно так же, как мужчины платят за это проституткам,

Факт продажи мужчинами своего тела продолжает еще свое существование и до настоящего времени.

Женщин, которых часто не зависящие от них обстоятельства ввергают в проституцию, мы клеймим страшным незаслуженным позором; между тем, продающих свою особу мужчин мы как будто бы не замечаем и к этому положительно непростительному для мужчины ремеслу относимся снисходительно и обходим его полны молчанием.

Но скорее всего можно быть снисходительным к вору, посягнувшему на преступление не по испорченности своего нрава, не по склонности к самому преступлению или лени добывать себе честным трудом кусок хлеба, а просто вследствие тяжелых, часто вовсе невыносимых жизненных обстоятельств, как, например, голода, холода и т. п., нежели снисходить к человеку, удовлетворяющему половой инстинкт женщины с преследованием корыстных целей. Продажа своего тела женщиной, в весьма многих случаях, порождает сочувствие, тогда как в мужчине подобный *факт* безразлично заслуживает полнейшего презрения. Женщина еще не доведена ни до того нравственного развития, ни до того общественного положения, чтобы окончательно быть лицом самостоятельным; мужчина, напротив, имеет все эти преимущества, наконец, мужчина есть общественная сила, а женщина—существо слабое, вечно находящееся под его гнетом.

Например, женщина, доведенная до нищеты, мучимая голодом, дрожащая от стужи, по весьма естественному чувству самосохранения выходит на улицу и продает себя первому привязавшемуся к ней мужчине...

Между тем мужчина положительно не может быть извинен в торговле своим телом подобными потрясающими обстоятельствами. Умирая с голоду, мужчина не пойдет себя продавать женщине, он знает, что его не возьмут. Для того, что бы зарабатывать мужчине средства к жизни продажей своего тела, необходимо умение пользоваться обстоятельствами, нужно отыскивать случаи, изобретать способы, чтобы воспользоваться той или другой женщиной, на щедрость которой можно рассчитывать.

Проституирующие мужчины обыкновенно зарабатывают своей особой деньги двояким способом: или прикидываясь страстными любовниками, или просто-напросто изображая из себя постельных гайдуков, но в обоих случаях мужчина

поступает вполне сознательно; в подобное положение он не может попасть в момент критических обстоятельств. К сожалению, невозможно не сознаться, что вид такой мужской проституции весьма распространен у нас и нередко гнездится в высших слоях общества». **М. КУЗНЕЦОВ. История проституции в России. 1871**

Однако, если продажа себя женщине еще «естественный» способ падения, то гомосексуальная проституция – это уже более глубокая стадия деградации; особенно по этому пути продвинулись общества традиционного Востока, что было связано с деформацией ислама.

АРГУМЕНТЫ:

«Публичному распространению гомосексуальных наклонностей в странах Ближнего Востока способствовали также учения магометанских гностиков, не только превративших греческую (впервые гомосексуализм получил массовое распространение именно в Др. Греции – прим. мое – Т.Х.) любовь чуть ли не в догму, но и предававшихся ей на практике, между тем как учение пророка в чистом виде подвергало любовь между мужчинами проклятию. Впрочем, первая организация гомосексуальной проституции исходит именно из священных городов Мекки и Медины как рассадников музыкального и вокального искусства, мужские представители которого, **моханнат**, образовали цех профессиональных кинедов. Отсюда выписывал своих артистов-музыкантов дамасский двор, а впоследствии моханнат были типичными представителями мужской проституции и в других арабских городах, в Багдаде, Бассоре, Куфе, Каире. В конце концов мужская проституция развилась до таких размеров, которые напоминают положение вещей во время римских императоров.

Моханнат, всегда окруженные большим числом поклонников, за плату предлагали свои услуги лицам обоих полов. Костюмом и внешним видом они подражали женщинам: красили руки хной, носили широкие пестрые женские одежды и причесанные, заплетенные косы, пели под аккомпанемент ручного барабана и кастаньет, танцуя, надо полагать, известные развратные танцы, еще и теперь употребительные на Востоке. Подобно сводникам и женщинам-проституткам, они составляли собственный цех. Благодаря деятельности моханнат, сильно пострадала репутация певцов и музыкантов, которые неоднократно подвергались строгому преследованию. Во время халифа Сулеймана, например, в Медине оскотлены были все моханнат, в том числе и знаменитый певец Ион Даллал.

Наряду с моханнат, существовали проституированные мальчики. Они носи-

ли желтую одежду в пестрых цветах и, расхаживая попарно, открыто и самым бесстыдным образом предлагали себя на улице мужчинам, как это описывает Абу Нувас (762—813), знаменитый «поэт кинедов»:

Я встретил несравненную безбородую пару и воскликнул: - Клянусь, я люблю вас обоих!

— Есть ли у тебя деньги?—спросил один.

Я сказал: — И щедрая рука. |

— Это именно то, что нам нужно! — воскликнула красивая пара,

В другом стихотворении Абу Нувас описывает медленную, мягкую походку проституированного мальчика и его женственную наружность.

Какого громадного объема достигла гомосексуальная проституция в некоторых городах, видно, например, из того характерного факта, что любимец халифа Мамуна, кади (судья) Ягна Ибн Актан из Бассоры, закоренелым педераст, мог в самое короткое время собрать не менее 400 проституированных мальчиков для составления фельдъегерского полка и для удовлетворении собственной похоти. Спрос соответствовал громадному числу проституированных мужчин, клиентура которых обнимала, прежде всего, высшие сословия. При знаменитом халифе Гарун-аль-Рашиде, при котором гомосексуализм воспет был придворным поэтом Абу Нувасом, достигла своего расцвета и гомосексуальная проституция. Сам Амии, сын Гарун-аль-Рашида и его кузины Зобаиды, был страстным педерастом и подчинялся красивым пажам. Зобаида, чтобы отвлечь сына от опасной страсти, придумала следующее: она велела облечь наиболее красивых рабынь в костюмы пажей, чтобы дать, таким образом, другое направление вкусам сына, что ей вполне удалось. Девушки-пажи чрезвычайно понравились ему и с тех пор вошли в моду в домах богатых людей.

Как мы уже упоминали, любовь к мальчикам нашла тогда своего поэта в лице Абу Нуваса, который, будучи бисексуальным, предпочитал в поэзии и в жизни гомосексуализм и считался поэтом кинедов. Таким он представлен в одной из историй «1001 ночи» (381— 383 ночи).

...Местом для завязывания сношений и для практики гомосексуализма служили здесь преимущественно винные погреба, а типом проституированного мальчика был саки, юный виноторговец. На магометанском Востоке все презрение издавна сосредоточено было на патике и проституированном мужчине (альмафуль), между тем как гражданская честь активных педерастов страдала куда реже, видимо потому, что в этом случае мужчина ронял свое достоинство не

столь наглядным и бесстыдным образом. И. БЛОХ. *История проституции* (Источник: Гитин В.Г. *Это жестокое животное мужчина*. М.-2002.с.262-263; 282-283)

Крайне интересные рассуждения о норме и отклонении приводит в своем романе–антиутопии «Глобальный человек», писатель и социолог А.Зиновьев.

УРОДЛИВОЕ ОБЩЕСТВО И ОБЩЕСТВО УРОДОВ.

Соотношение нормы и отклонения от нормы (то есть уродства) является очевидным только в самых примитивных случаях. В большинстве же случаев бывает трудно и даже невозможно установить, имеет место норма или уродство.

Норма сама по себе вообще реально не существует. Это есть лишь абстракция от уродств, и уродство суть реальность нормы*. Норма существует лишь в уродствах. Но мы все-таки говорим о норме как о реальности. Тут происходит смешение понятий. Есть норма абстрактная и норма реальная. Реальная норма есть реальное уродство, наиболее близкое к норме абстрактной, то есть к идеалу. Потому есть нормальные уродства и ненормальные, то есть уродства второго уровня. Фактически, уродами и считают вторых. Абсолютной грани тут нет. В отношении крайних случаев это ясно. В прочих случаях имеют силу условности, соглашения, принятые критерии различения.

Уродство есть закономерное явление. Уроды появлялись и будут появляться везде и всегда. Это — универсальное явление. Если бы уроды не появлялись сами собой, люди стали бы производить их специально. Впрочем, это в той или иной форме в истории делалось постоянно. Разве мы не культивируем уродов в духе потребностей нашего общества?! Включи телевизор, и ты их увидишь в изобилии. Только благодаря уродам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей или впадают в иллюзию нормальности. Сами отклонения от нормы суть норма. Ненормально другое, а именно — когда отклонения от нормы начинают доминировать над нормой, когда уродство становится более обычным явлением, чем его нормальный образец. Тогда все переворачивается. Наступает деградация. Общество в целом превращается в социального урода.

---

* В данном случае Зиновьев рассматривает «норму» не как наиболее распространенную практику (когда поведение большинства - нормально), а как идеал, к которому в реальности можно только приближаться (в этом суть идеала – он недостижим), отсюда, любая реальность – суть отклонение от идеала (в некоторой степени приближения к нему), следовательно – уродство. – (прим. мое – Т.Х.)

Норма есть состояние, наиболее адекватное устойчивым условиям бытия, есть наилучший механизм индивидуального самосохранения. Уродство же есть порча этого механизма, есть ослабление способности самосохранения. В большинстве обществ прошлого вырабатывались средства против этой угрозы существованию общества. В частности, уродливых младенцев уничтожали. В нашем обществе такой механизм самозащиты не существует. У нас физические уроды выживают, включаются в жизнь здоровых на равных правах и даже имеют некоторые привилегии. А об уродствах духовных и говорить не приходится. Тут мы превзошли все, что когда-либо было в истории. Вся наша система воспитания и образования, вся наша культура и весь наш образ жизни как будто специально придуманы для того, чтобы в массовых масштабах производить духовных уродов и чудовищ.

Большие человеческие объединения, целые общества и даже цивилизации могут рассматриваться как нормальные или уродливые. Нормальные, при этом, суть большая редкость. Биологические организмы часто бывают нормальными, потому что их огромное число. А число социальных организмов очень невелико, во всяком случае, недостаточно велико, чтобы нормальные случаи стали обычными. Наше общество является грандиозным уродом, поистине монстром. И это стало решающим фактором в производстве духовных и физических уродов людей.

Общество может состоять в основном из здоровых людей, но быть уродом как целое. Но возможен и такой случай, когда общество состоит в основном из уродов, но является в целом здоровым. Мы приблизились к рубежу, когда наше общество будет состоять в основном из уродов, будучи уродом в целом. Сможем ли мы, уроды, превратить его в здоровый социальный организм или нет — вот проблема.

Общество в такие дни мне представляется обществом лжецов, мошенников, извращенцев, уродов, сумасшедших.

ОБЩЕСТВО ИЗВРАЩЕНЦЕВ И УРОДОВ

Наши извращенные вкусы особенно ярко проявляются во время фестивалей и конкурсов красоты. Боже, и что только нам не навязывается в качестве идеалов прекрасного! Об этом лучше не думать. А во время фестивалей и спортивных игр инвалидов обнаруживается, что чуть ли не половина детей у нас рож-

дается физическими уродами. На время таких оргий уродства я стараюсь полностью изолироваться от внешнего мира.

ОБЩЕСТВО СУМАСШЕДШИХ

Сейчас в средствах массовой информации много внимания уделяется массовому движению «SOS». Я попросил Мака рассказать мне, что оно из себя представляет на самом деле. И вот что я услышал от него.

Социологи, психологи, писатели, журналисты, священники, общественные деятели и прочие представители мыслящей части нашего общества в один голос называют одиночество главной и самой страшной болезнью нашей эпохи. Но в чем причина этой болезни? Как преодолеть ее? Предлагаются бесчисленные объяснения, которые тут же опровергаются. Создаются бесчисленные объединения людей с целью преодоления состояния одиночества, но все они оказываются недолговечными, поверхностными и приносящими лишь иллюзию облегчения, после которой становится еще более одиноко. Основатель движения «SOS» (это врач-психоаналитик В.) предложил такую концепцию.

Общепринято считать, будто человеческое «Я» есть нечто такое, что помещается в мозгу каждого отдельно взятого человека. В изучении его якобы достигнуты колоссальные результаты. Фактически для нас якобы уже нет тайн в отношении строения мозга. Функционирование его якобы детальнейшим образом изучено на электронных моделях и с помощью новейших компьютерных систем. Но каков же общий результат этих «колоссальных результатов»? Он был очевиден независимо от этих исследований, причем заранее: в человеческом мозгу нет такого участка, в котором было бы локализовано «Я». В мозгу вообще не было найдено никаких следов «Я». Если такой феномен не есть лишь вымысел философов и психологов, то есть если он как-то существует, то он не является материальным. Современные мракобесы получили таким образом мощную поддержку со стороны «новейших достижений науки».

Мы же исходим из того (утверждает В.), что нормальный человек осознает себя как «Я», наблюдая других людей и вступая с ними в разнообразные отношения. Он оценивает свое положение, сравнивая с положением других. Он всегда предполагает хотя бы потенциальных свидетелей его жизни и деятельности. Слава, власть и богатство имеют смысл лишь как явления общественные. Нельзя быть знаменитым в одиночку. Тайное богатство есть патология. Лишь власть над другими есть власть. Даже красоту человек воспринимает в полную меру лишь в

обществе других людей, разделяющих его состояние. Все человеческие добродетели предполагают публичность и публичную оценку. Все переживаемое человеком в одиночку предполагает совместную жизнь многих людей. От масштабов и характера этого множества зависят и субъективные состояния человека. Самосознание человека есть функция от характера и масштабов самосознаний окружающих.

Человеческое «Я» есть не просто состояние мозга отдельно взятого человека. Оно есть состояние мозгов многих людей, соединенных с мозгом отдельного человека незримыми нитями. Важно при этом не только то, что многие другие люди занимают какое-то место в психике одного человека, но и то, что этот человек занимает какое-то место в психике других людей, и он это осознает и ощущает. С этой точки зрения, «Я» отдельных людей суть лишь своего рода узлы в сети психик многих людей и их объединений, — в сети коллективной психики, которая есть «Мы».

Способность людей создавать сети «Мы» из множества «Я» есть результат длительной социобиологической эволюции. В этом процессе происходило одновременно распадение первичного «Мы — Я» на множество «Я» и образование нитей, связывающих их в «Мы». У различных народов развивались различные формы «Я» и «Мы», а также различные формы их взаимоотношений.

Имеются общие законы образования сетей «Мы» из множеств «Я». Самые фундаментальные из них очевидны. Иначе люди вообще не появились бы. Человек должен чувствовать, что он занимает определенное место в сознании других людей, причем место, с его точки зрения, адекватное его собственным представлениям о себе. Он должен ощущать, что он не является излишним, что другие не являются полностью индифферентными к нему. И он сам должен ощущать потребность в других людях. Последние должны занимать адекватное им место в его сознании. Другие законы являются не столь очевидными, а то вообще не осознаются в качестве таковых. И даже отвергаются, если кто-то открывает их людям. Попробуйте, например, растолкуйте знаменитым писателям, актерам, политикам и т.п., что они в своем стремлении к славе лишь подчиняются примитивным законам «Я — Мы», и вы увидите, какой протест это у них вызовет. Им хочется думать о себе как об исключительных существах, движимых возвышенными мотивами, а не как о социобиологических существах той же породы, что и их соплеменники низших категорий.

Наше общество развило необычайно сложное «Мы», вернее, сложнейший комплекс из огромного числа «Мы». Вместе с тем, оно до неслыханных высот подняло «Я» и его претензии на исключительность, если не божественность. Но оно достигло этого слишком дорогой ценой, а именно — ценой тотального нарушения естественных законов взаимоотношений между «Я» и «Мы». Эти отношения оказались непрочными, поверхностными, кратковременными. Любовные отношения, бывшие естественным базисом интимного «Мы», разрушены гипертрофией секса и непостоянством. Семья ослаблена и для большинства разрушена совсем. Деловые ячейки лишены свойств коллективов. Рациональные сговоры и практический расчет оттеснили личные привязанности и заглушили их. Мы легко отрываемся от «Мы» и нигде не вращаем в него глубоко. Мы суть просто партнеры, коллеги, соучастники. То, что мы считаем нашим «Я», суть лишь обрывки, вырванные из сетей «Мы». Наше общество состоит в основном не из полноценных «Я», а из кусочков, лохмотьев растерзанного «Мы». Защищаясь от мучительного одиночества, мы вынуждены превращаться в роботообразные существа и превращать всю нашу общественную жизнь в сплошное зрелище и развлечение, дабы хоть как-то компенсировать потерю основ нормального человеческого бытия.

Следствием всего этого является превращение нашего общества в скопление психически больных существ с разрушенным личным идентитетом. (Источник: Зиновьев А. Глобальный человек. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. с.286-288; 356-361)

Вопросы для повторения:

1. *Что изучает девиантология? Какие вопросы являются для девиантологов основными?*
2. *Как вы думаете, что составляет сферу деятельности для девиантолога?*
3. *В чем суть поведенческого подхода?*
4. *Что такое отклоняющееся поведение?*
5. *Что значит тезис о социальной определенности девиантности?*
6. *Как проявляются кросс-культурные и временные изменения девиантности?*

7. *Насколько по вашему девиантное поведение изменчиво?*
8. *Какие виды поведения можно считать универсально девиантными?*
9. *Как соотносятся между собой подход, рассматривающий девиантность, как изменчивое поведение и подход, рассматривающий девиантную универсальность?*
10. *Что такое референтная группа? как она может влиять на девиантность?*
11. *О каких положительных функциях девиантности можно говорить?*

В общих чертах, мы разобрались с тем, как девиантологи подходят к проблеме отклонений. Теперь обратимся к рассмотрению вопроса о связях девиантологии с различными областями гуманитарного знания.

---

§ 2. Девиантология в системе гуманитарного знания.

Девиантология и социология. Социология (наряду с психологией) по праву претендует на роль одного из “родителей” девиантологии - это общепризнанно, хотя разобраться, кто здесь “мама”, а кто “папа” значительно сложнее. Любой учебник по общей социологии в обязательном порядке включает в себя раздел “Девиантное поведение”. Но, как мы уже говорили, девиантология сегодня переросла границы социологии, поэтому имеет смысл присмотреться к их взаимоотношениям подробнее. Среди профессионального социологического сообщества до сих пор сохраняются претензии на монополию в области девиантологических разработок. Нередким является стремление вообще отрицать существование девиантологии, как самостоятельной

области знания. “Нет никакой девиантологии - есть социология девиантного поведения!” - подобные высказывания - не редкость.

Чем же все-таки занимается социология и почему девиантология не сводится к роли отраслевой социологической дисциплины. Социология изучает общество, как следует из самого названия этой науки (*societas* - лат. - общество и *logos* - греч. знание, наука). Однако сказанное мало что проясняет, поскольку общество изучается многими науками - экономикой, политологией, этнологией т.п. В учебниках и энциклопедиях можно найти с десяток

Объект науки – та часть реальности, которая данной наукой изучается (для социологии - общества); **предмет** – угол зрения на объект (что нужно знать об объекте) – неотделим от конкретного ученого, школы или теории.

или более определений *объекта и предмета* социологии. Одним из лучших, по нашему мнению, является метафорическое определение шведского социолога Пера Монсона, известное, как “Лодка на аллеях парка”.

В своей метафоре Монсон предлагает использовать социологическое воображение. Представьте, говорит он, что вы рано утром поднялись на вертолете и неподвижно зависли над городским парком. Вот появились первые прохожие, идущие по широким асфальтированным парковым аллеям. Постепенно людей в парке становится все больше. Основная часть прохожих идет по аллеям, однако, некоторые выбирают узкие неасфальтированные тропинки. Другие вообще лезут напролом через клумбы и густые колючие кусты, ограждающие аллеи. Некоторые из пошедших напролом скрываются в кустах и больше не показываются, другие вновь появляются, оцарапанные колючками. Иногда вслед за одним смельчаком, свернувшем с дороги, устремляются другие и там, где недавно не было никакой тропинки, возникает широкая протоптанная тропа. Возможно, вскоре она будет заасфальтирована и станет одной из парковых аллей. Наконец наступает вечер, поток прохожих редет и аллеи скрывает тьма.

На следующий день, продолжает Монсон, вы опять садитесь в вертолет рано утром. На этот раз вы зависаете над морем. Вот показываются первые

корабли, плывущие по водной глади. Кажется, что корабли и лодки двигаются совершенно бессистемно, каждый сам по себе. Но вскоре вы замечаете, что они следуют невидимым фарватерам. Одни лодки плывут быстрее, другие медленнее, иногда они почти соприкасаются бортами, потом расходятся, или же вместе удаляются за горизонт. Некоторые кораблики налетают на рифы и тонут. Вот несколько маленьких лодочек буксируют большую баржу. Каждый кораблик сам прокладывает себе путь в морских просторах, сверяясь с ему одним ведомым маршрутом. Наконец снова наступает вечер, корабли зажигают бортовые огни. Постепенно водная гладь пустеет, вы возвращаетесь домой.

Образ парка символизирует *социальную структуру общества*. Аллеи - это метафорическое описание **типичных моделей социального поведения** - тех образцов поведения, которые считаются правильными и поддерживаются большинством людей. Люди, пришедшие в парк, воспринимали его, как некий заранее установленный порядок - именно так большинство людей воспринимает социальные структуры. Но как в парке были посетители, топтавшие клумбы и забирающиеся в гущу кустарника, так и в обществе встречаются люди, демонстрирующие отклоняющееся поведение. Так же, как и дорожки, протоптанные в клумбах, со временем превращаются в асфальтированные аллеи, так и виды поведения, считающиеся изначально отклоняющимися, могут превращаться в нормальные.

Когда социолог подходит к обществу с позиций образа парка, он выбирает *структуралистский* подход. При этом социолог отвлекается от вопроса о том, почему конкретный человек ведет себя так, а не иначе. Его интересует как возникают, изменяются и исчезают социальные структуры.

Структуралистский подход - акцент на изучении социальных структур - устойчивых, воспроизводящихся моделей социального взаимодействия.

Образ лодок символизирует восприятие человека, как творца собственной жизни. Так же, как корабли в море плывут по одним им ведомым маршрутам, так и каждый человек может строить свою жизнь в соответствии со

своими личными целями и представлениями. Символ кораблей - это символ свободы воли человека. Такое восприятие характерно для *экзистенциального*

Экзистенциальное направление в социологии – от англ. *existence* (существование) – подход, акцентирующий внимание на личном смысле социальных действий; человек рассматривается, как озабоченный смыслом своей жизни.

направления в социологии, где общество рассматривается, как результат поступков отдельных индивидов, обладающих свободой воли.

Современная социология рассматривает общество в обеих перспективах. Общество создается в процессе деятельности людей, вступающих друг с другом в различные отношения. Вместе с тем, люди несут в себе идеи и представления предшествующих поколений. Первое обеспечивает изменчивость, второе - устойчивость. Как считает П.Монсон, этот парадокс “свободных индивидов в тюрьме общества” стал источником и широты социологии и невероятного разнообразия того, **что** изучается, **как** изучается и **для чего** изучается этой наукой. Опираясь на рассуждения Монсона мы можем дать одно из возможных определений предмета социологии: *социология изучает, как люди, обладающие свободой воли, вступая друг с другом в различные типы отношений в течении жизни, создают сложную, устойчивую систему, называемую обществом.* Повторим - это - лишь одно из многих возможных определений предмета социологии.

Приведенная нами метафора шведского социолога была использована

Социальный институт – устойчивая форма взаимоотношений между людьми, выполняющая важные для общества функции; имеющая внутреннюю структуру – систему статусов и ролей; форма безличная, где имеют значения прежде всего роли, исполняемые индивидами, а не их личности.

не случайно. Она прекрасно иллюстрирует область совпадения интереса девиантологии и социологии - интерес к тем, кто “топчет клумбы” - нарушает устанавливаемые обществом правила.

Социологи считают очень важными вопросы о социальных *институтах* (устойчивых формах взаимоотношений между людьми, отличающихся обезличенностью, структурированностью и функциональностью). Среди социальных институтов особое место занимают институты *социального кон-*

троля, призванные защищать общество от опасных отклонений. Вопросы о том, как действуют эти институты, что они собой представляют, в чем заключается их воздействие на отдельного человека и группы людей – представляют огромный интерес для девиантологии. Подробно тема социального контроля рассматривается во второй главе.

Не менее интересны вопросы, касающиеся *социализации* членов общества. Ведь социализация – это не что иное, как воспроизведение «нормальных» (с позиций данного общества) индивидов. Почему не все люди оказываются в результате «нормальными»? Почему процессы социализации дает сбой? Вопросы интересные, особенно для девиантолога.

<p>Социализация – процесс превращения биологического индивида (каким является ребенок) в социальную единицу, умеющую жить и действовать в обществе; специфическая деятельность агентов и институтов, участвующих в этом процессе.</p>
--

Культура, как совокупность норм, ценностей и идей, упорядочивающая жизнь людей, придающая их жизни смысл и направление – еще один из предметов изучения социологии, очень интересный девиантологам. Ведь именно закрепленные в культуре *матрицы мышления и социального взаимодействия*, определяют формы отклонений в конкретном обществе. Кросс-культурный анализ девиантности дает массу интересного материала. Равно, как и наблюдения за изменениями в культурной сфере, влияющими на поведение и мышление людей.

Социология действительно способна ответить на многие девиантологические вопросы, возникающие в связи с нарушением *институционального порядка*. Однако - пусть не обижаются социологи - на *все возможные* вопросы социология ответить не в силах. Например, знания о тех общественных условиях, которые побуждают людей нарушать нормы (скажем, слабость правоохранительной системы или деформации культурной сферы) конечно необходимо девиантологу. Но не менее интересно и необходимо ему знать о внутреннем мире человека, нарушающего правила. Можно сказать, что социальные условия создают общие предпосылки проявления девиантности, но реализуются эти предпосылки на уровне конкретных личностей. Почему, на-

ходясь в одних и тех же условиях, одни люди становятся девиантами, другие – нет? Ответ – причина в психике отдельного человека. О закономерностях психики, влияющих на поведение людей, и о формах отклонений от этих закономерностей. Здесь уже никак не обойтись без *психологии личности*.

Девиантология и психология личности. Психология, как мы уже говорили, по праву претендует на роль одного из “родителей” девиантологии. При этом уточним - в данном случае речь идет об одном из разделов психологического знания - *психологии личности или персонологии*. Этот раздел психологии включает в себя широкий спектр разных, зачастую противоречивых представлений о личности. Персонологи, так же как и социологи,

Персонология – психология личности. Термин «личность» (англ. *personality*) происходит от латинского слова “*persona*”, обозначающего театральную маску, которую надевал актер в греческой драме.

долгое время претендовали на монополию в области решения девиантологических вопросов. Хотя сегодня подобные представления большинству представителей научного психологического сообщества чужды, никто не отрицает заслуг психологии личности в области изучения проблем отклоняющегося поведения.

Чтобы прояснить, где предмет интереса персонологии и девиантологии совпадает, а где расходится, присмотримся к психологии личности повнимательней. Что и с каких позиций изучает это направление психологии? Общеизвестно, что на нашей планете нельзя найти хотя бы двух абсолютно похожих людей. Каждый из нас - уникальная, неповторимая личность. Совершая одни и те же поступки, люди могут испытывать самые противоположные чувства. Например, участвуя в политическом митинге, один выражает свои убеждения, другой придерживается противоположных убеждений, но пришел из солидарности с товарищем, третий участвует просто от скуки. Стремление понять, что лежит в основе поступков человека - один из главных интересов персонологии. У каждого человека есть свой внутренний мир. Свой особый комплекс представлений, эмоциональных реакций, переживаний, склонностей поступать определенным образом. По каким законам

функционирует этот внутренний мир? Ответ на этот вопрос связан с тем или иным взглядом на природу человека. Скажем, если я склонен просыпаться по ночам от ощущения, что по мне ползают маленькие зеленые крокодильчики - это проявление свойственных большинству людей переживаний или повод для визита к психиатру? Пытаясь ответить на эти и другие вопросы персонологи создают *теории личности*. Что это такое? Коротко говоря, *любая теория личности - это система идей, которая объясняет, что представляет собой человек (т.е. выявляет, относительно постоянные характеристики личности), как он себя ведет и чем он руководствуется в своем поведении*. Это - тщательно выверенные умозаключения относительно природы человека, которые обязательно должны иметь *эмпирическое* подтверждение. Теория должна не только объяснять прошлое и настоящее поведение человека, но и предсказывать будущее. Таким образом, теории личности **описывают, объясняют и предсказывают** человеческое поведение. Если теории этих функций не выполняю, они отвергаются научным сообществом, как недостоверные. Скажем сразу - до согласия в среде ученых по основным вопросам психологии личности - пока еще очень далеко. Так З.Фрейд утверждал, что истинных мотивов своих поступков человек не осознает и направлено его поведение на удовлетворение инстинктивных (не зависящих от воли и сознания человека) потребностей. Американский психолог Б.Ф.Скиннер утверждал, что поведение людей не очень сильно отличается от поведения его подопытных голубей. Другой психолог, В.Франкл, утверждал, что человек стремится к поиску смысла жизни и в основе его поступков лежит осознанный и свободный выбор. Эти представления о природе человека по сути противоположны. С другой стороны, каждая из этих теорий объясняет какие-то аспекты человеческой природы. Следует понимать, что любая теория - это модель, упрощенное описание самого сложного объекта изучения - человека.

Несмотря на разницу в содержании каждой из теорий личности, их *основные компоненты*, другими словами - наиболее серьезные вопросы, разре-

шить которые стремится любая теория - во многом совпадают. При этом ответы даются, разумеется, разные. Что это за вопросы?

Структура личности – устойчивая внутренняя конфигурация «Я»; каким-то образом организованный комплекс эмоций, черт, влечений и т.п.

Во-первых, это вопрос о *структуре личности*. Все психологи стремятся найти относительно неизменные характеристики психики человека, которые устойчиво проявляются в различных обстоятельствах в разное время. Каждый из нас на всем протяжении жизни чем-то отличается от других людей. Это объясняется неповторимостью структуры нашей личности.

В то же время все мы во-многом похожи - это результат структурного сходства. Эти различия и похожесть объясняются различными теориями по разному. Однако любая теория личности рассматривает вопрос о том, что представляют собой стабильные, неизменные аспекты поведения человека.

Во-вторых, любая теория личности рассматривает вопрос о *мотивации*. Психологи стремятся объяснить, почему люди поступают так, а не иначе. Вопрос о мотивации затрагивает изменяющиеся, динамические особенности поведения человека. “Почему люди ставят перед собой различные цели в течение жизни, и с различной степенью упорства стремятся к этим целям?” “Что побуждает человека к действию, и что направляет его поступки?” - таковы распространенные варианты подобных вопросов. Разумеется, ответы на эти вопросы, даваемые в рамках различных теорий, так же отличаются друг от друга.

Третий компонент теорий личности - вопрос о *развитии*. Не секрет, что люди меняются с течением жизни. Пожилые люди ведут себя и воспринимают окружающий мир иначе, чем молодежь. На развитие человека действуют самые разнообразные факторы: наследственность, семья, школа, имущественное положение, принадлежность к той или иной культуре. Все это создает уникальный запас личного опыта. Какова роль тех или иных факторов в процессе развития личности? Каковы закономерности этого процесса? Без ответа на эти вопросы невозможно полноценное познание человека.

Четвертый блок вопросов, стоящих перед любой теорией личности - это вопросы *психопатологии*. Почему одни люди легко приспосабливаются к жизни в обществе, а другие испытывают затруднения при взаимодействии с окружающими? Почему некоторые люди склонны воспринимать окружающий мир совершенно по-другому, нежели большинство людей (например, всерьез подозревать, что все окружающие желают причинить им вред)? Наконец, чем “нормальная” психика отличается от “ненормальной”? Эти вопросы смело можно отнести к числу важнейших в персонологии.

<p>Психопатология – 1) теория личностных отклонений от психологической нормы. 2) наличие отклонений в психике.</p>

Тесно связан с предыдущим пятый компонент любой теории. Речь идет о проблеме психического здоровья. Любая теория должна предложить критерии оценки здоровой личности. Персонологи уделяют много внимания созданию портрета здоровой личности и разработке положений здорового образа жизни (разумеется речь идет прежде всего о психологических, а не физкультурных критериях здоровья). Разумеется, ответы на этот, центральный для психологов, вопрос даются разные. Фрейд считал, что показателем здоровья может служить способность справляться с внутренней тревогой и достигать чувства удовлетворенности жизнью. Франкл, наоборот, утверждал, что внутреннее напряжение, борьба, переживание жизни, как драмы - есть условия и показатель здоровья.

Наконец шестой важный вопрос - это вопрос о *терапевтическом воздействии* на личность. Как помочь людям с разлучными психическими отклонениями? Возможно ли скорректировать эти отклонения и изменить больную личность? Это пожалуй наиболее актуальные вопросы, служащие критерием оценки практической значимости той или иной теории.

Из нашего краткого анализа проблемной области психологии личности, видно, что три последних вопроса имеют ярко выраженную девиантологическую окраску. Действительно теории психопатологии, психического здоровья и возможностей терапии - дают девиантологам исключительно богатый материал для решения своих проблем. Что бы понять природу и причины

отклоняющегося поведения людей, девиантолог обязан быть компетентным в этих (желательно и других) разделах психологии личности.

Однако нелегкая девиантологическая доля не исчерпывается социологической и персонологической компетентностью. Люди - слишком сложные существа. Мало того, что человек участвует в общественных отношениях и имеет свой неповторимый внутренний мир. Он еще и проявляет поразительную устойчивость некоторых психологических реакций, которые оказываются почти автономными от структуры общества или от того или иного типа личности. Другими словами, ничего не остается, как вступить на территорию *социальной психологии*.

Девиантология и социальная психология. Социальная психология одна из самых молодых отраслей знания о человеке и обществе. В самостоятельную науку она выделилась во второй половине XX века, “отпочковавшись” от социологии и психологии личности. Хотя автономность социальной психологии сегодня общепризнанна, дискуссии о совпадении ее предмета с предметом персонологии и социологии не утихают и поныне. И все-таки и социологи и личностные психологи признают, что достижения социальной психологии интересны и самобытны. Чем же занимаются социальные психологи. Упрощая, можно сказать, что *социальная психология изучает устойчивые, повторяющиеся психологические феномены, лежащие в основе социального поведения людей, их отношения друг к другу и характерных способов мышления*. Говоря о разнице предмета интереса социологии, психологии личности и социальной психологии, можно сказать, что социолога интересует, как из взаимодействия индивидуальностей возникает общество; персонолога интересуют сами эти индивидуальности; а социальный психолог интересуется психологической и поведенческой схожестью этих индивидуальностей.

Попробуем прояснить эту разницу на примере. Одна и та же ситуация - например драка на улице и толпа на нее глазеющая - представляет несомнен-

ный интерес, как для социолога, так и для персонолога и социального психолога. Однако этот интерес будет весьма различным. Так социолог, скорее всего, заинтересуется социальной принадлежностью участников драки и зрителей. Их имущественным положением и уровнем образования, а так же их профессиональной принадлежностью. Он постарается выяснить общие характеристики того сообщества, где имел место инцидент. Был это крупный город или деревня? Каково экономическое и политическое состояние данного сообщества? Разрешают ли местные законы и обычаи драки в общественных местах? Отвечая на подобные вопросы социолог даст свое объяснение происшедшему.

Персонолог, рассматривая ту же самую ситуацию заинтересуется, скорее всего личностными особенностями участников инцидента. Каков уровень агрессивности тех, кто дерется, и каков уровень *эмпатии* у зрителей? какова история жизни дерущихся и безучастно наблюдающих за дракой? Каковы, наконец, мотивы совершаемых действий? Выяснив все это, персонолог объяснит происходящее по-своему.

Социального психолога заинтересует другое. Первое, что он постарается выяснить - это вопрос о том, является ли подобное поведение типичным для большинства людей в подобных ситуациях? Если да, то какие психологические механизмы лежат в его основе? Если нет, то что уникального было в анализируемой ситуации, что заставило ее участников вести себя подобным образом? Выяснив ответы на эти вопросы, социальный психолог, скорее всего, поведает нам об “*эффекте зрителя*” - феномене, описанном во всех учебниках по социальной психологии.

Эмпатия	–
<i>сопереживание, проявляющееся в умении проникнуться состоянием другого, поставить себя на его место.</i>	

Из этого примера видно, что социально-психологические теории представляют для девиантолога безусловный интерес. Попробуем рассказать об этом подробнее. В своем объяснении человеческого поведения, социальная психология опирается на два основных положения. Первое - *власть ситуа-*

ции. Непосредственные условия, в которых разворачивается поведение, ока-

Эффект зрителя
 – склонность к неоказанию помощи в ситуации, наблюдаемой одновременно множеством свидетелей, которые «ищут подсказки» со стороны окружающих, скрыто наблюдая друг за другом; обычен в местах массовых скоплений.

зывают огромное влияние на само это поведение. Большинство людей не позволяет себе делать в присутствии других то, что вполне позволяет наедине с собой (например, ковырять в носу). Оказавшись на дипломатическом приеме, мы вряд ли станем есть пищу руками, хотя вполне можем делать это у себя дома. В обыденной жизни власть ситуации редко осознается. Многие интересные эксперименты социальных психологов прекрасно иллюстрируют всю силу этого скрытого влияния.

Однако нельзя не признавать и *власть личности*. Разные люди все-таки ведут себя по-разному в одних и тех же ситуациях. Услышав крик о помощи, один кинется на выручку, а другой предпочтет “не услышать”. Кроме того, разные люди **выбирают** для себя различные ситуации. Так, вряд ли справедливым будет утверждение, что священник и проститутка имеют одинаковую вероятность оказаться в ситуации насилия со стороны сутенера.

Таким образом человеческое поведение рассматривается, как результат сложного взаимодействия личностных и ситуационных факторов*. Один из столпов социальной психологии Курт Левин описывал этот подход формулой: $P = f(L + S)$ - поведение есть функция от взаимодействия личности и ситуации.

Подобный подход оказывается весьма ценным для девиантолога. Опираясь на него, мы можем рассматривать различные социальные ситуации, как “проверку на девиантологическую прочность” - одни люди ее выдерживают

---

* Интересно, что подобный подход фиксируется и, так называемым, обыденным сознанием, однако, зачастую в несколько искаженной форме. Так большинство людей объясняя поведение других, ссылаются на личностные факторы: “он ругается, потому, что злой и невоспитанный”. В то же время, объясняя свое собственное поведение, большинство людей предпочитает обращать внимание на ситуативные факторы: “я ругаюсь потому, что у меня был тяжелый день, или потому, что меня **вынудили**”. Это происходит потому, что объясняя поведение других, мы, как наблюдатели, обращаем внимание в первую очередь на человека - ведь люди интересны и динамичны. Тогда как при объяснении собственного поведения нам первыми бросаются в глаза внешние условия (ситуация), а лишь потом наши внутренние мотивы.

и несмотря ни на что демонстрируют “нормальное” поведение, другие - нет - они становятся девиантами.

Один из наиболее интересных и жестоких социально-психологических экспериментов, с явно девиантологической проблематикой, был поставлен жизнью. В 1964 г. в одном из районов Нью-Йорка (Бронксе) молодая женщина, возвращавшаяся поздно вечером с работы, подверглась вооруженному нападению. Китти Дженовиз - так звали жертву - боролась за свою жизнь около сорока минут, пытаясь увернуться от ножа в маленьком переулке, куда загнал ее нападавший. Все это время она громко звала на помощь, однако, так ее и не дождавшись, была убита. Трагизм ситуации в том, что всю сцену от начала до конца наблюдало около 40 человек - вполне добропорядочных жителей Бронкса!!! Никто из них не только не пришел несчастной на помощь, но даже не вызвал полицию! Согласитесь, трудно поверить, что такое возможно. Между тем, этот инцидент имел несчастье быть. Почему “нормальные” во всех отношениях люди, представители среднего класса - гордости Америки - остались безучастными наблюдателями кровавой расправы. Среди социальных психологов до сих пор нет единого мнения по этому вопросу. Как правило, ссылаются на уже упомянутый “эффект зрителя”, снижающий личную ответственность человека за вмешательство в наблюдаемые события. Согласно другой версии, всему виной принцип “социального доказательства”: не зная как поступить в этой, явно экстраординарной, ситуации, люди руководствовались реакцией других наблюдателей, которые, так же не реагировали, не зная, как поступить - получился замкнутый круг.

Разумеется, интересы социальных психологов не ограничены подобной проблематикой. Их интересуют такие явления, как конформизм, социальное мышление, любовь и дружба, восприятие себя и других в социальных отношениях и др. Со многими интересными экспериментами, представляющими интерес для девиантолога, мы познакомимся позднее. Но уже сейчас доста-

точно ясно - ученый, изучающий отклоняющееся поведение без социальной психологии не обойдется.

Итак, компетентный девиантолог должен обладать обширными социологическими, персонологическими и социально-психологическими знаниями. Однако, ограничиться этим он не может. Сфера поведенческих отклонений невероятно широка. В то же время, существует группа отклонений, всегда привлекающих особое внимание общества - речь идет о преступном поведении. Оставить этот вопрос без специального рассмотрения невозможно - придется обратиться к *криминологии*.

Девиантология и криминология. Криминология - это наука о преступлениях (от лат. *crimen* - преступление и греч. *logos*). Криминология - одна из самых древних наук о человеческом поведении, несмотря на то, что само название "криминология" появилось относительно недавно. Мыслителей всегда занимал вопрос о том, почему люди нарушают закон - т.е. совершают преступление.* В XX веке наука о преступлениях синтезировала достижения таких наук, как юриспруденция, психология и социология и выделилась в самостоятельную *междисциплинарную* область знания. Криминология изучает не только закономерности отдельных преступлений - индивидуального преступного поведения, но и закономерности преступности, как обществен-

Эмпирический
— связанный с опытом (в отличие от теоретического, связанного с рассуждением); ориентация на факты, а не на теории.

ного явления. Другими словами, для криминолога одинаково интересно то, как и почему "мистер X" совершил преступление и то, почему и как совершают преступления вообще, в том городе, где живет "мистер X". Почему совершает преступление человек? Почему для решения жизненной проблемы выбирается преступный путь? Что делать для того, что бы не допустить этого?

Вот примерный список вопросов, волнующих криминолога в первую очередь. Криминология с самого начала заявила о себе, как *эмпирическая* наука.

* Интересно, что немногие задумываются о значении слова "преступление". Между тем, оно буквально означает выход за границы нормативного (регулируемого правилами) поведения - от слова "переступить".

Об этом стоит сказать подробнее, поскольку это определение во многом проясняет взаимосвязь криминологии и девиантологии.

Во-первых, проблемы криминологии локализованы в пространстве и времени. Само понятие преступления специфично для каждого общества в конкретный период его развития. Например, супружеская измена, рассматривавшаяся, как преступление в средневековой Европе, в наши дни преступлением не является, следовательно, этот тип поведения выпадает из поля зрения криминологии. Конечно, криминологи обращаются к истории преступности, но делают это, в первую очередь для того, что бы лучше понять причины современных преступлений.

Во-вторых, эмпиричность криминологии, во многом, связана с прикладным характером этой науки. Одной из главных задач криминолога является не только объяснение преступности, но и выработка рекомендаций по борьбе с ней. Криминологи постоянно совершенствуют методы борьбы с преступностью. Разумеется, бороться можно только с конкретной преступностью, в конкретном обществе, в конкретную историческую эпоху. Соответственно, криминолог еще в большей степени привязывается к месту и времени - к эмпирике. Сказанное, повторим, не означает, что криминологи не используют общетеоретический и исторический опыт - просто этот опыт имеет, прежде всего, вспомогательное значение, представляя мало интереса сам по себе.

Криминологи ориентированы на поиск базовых причин преступности, корнящихся в специфике общественного устройства и особенностях отношений между членами социума. Преступность - статистическое явление, т.е. связана с деятельностью достаточно большого количества членов общества. Это заставляет криминолога находить связи между преступностью и другими видами поведенческих отклонений, например пьянством или половой распущенностью. Однако криминолог обращается к этим явлениям, как к *фоновым* для главной проблемы - преступности. Совершенно ясно, что кри-

минолог, занимающийся указанными проблемами, не в состоянии обойтись без социологических знаний. Не менее важным, однако, является поиск конкретных причин конкретного преступления. Почему преступление совершил именно “мистер Х” - ведь общественные отношения действуют на всех. Раз уж мы заговорили о взаимодействии личности и общества, а, значит, о личностных различиях, мы пришли к психологии.

Таким образом, криминология, так же как и девиантология не может обойтись без “двух китов” в системе наук о человеке и обществе - социологии и психологии. В чем же различие предмета изучения девиантологии и криминологии? Разница очевидна. Она подобна разнице между девиантологией и теми науками, о которых речь уже шла в этом параграфе. Предмет этих наук соотносится с предметом девиантологии, как общее с частным - социология интересуется обществом в целом, а не только нарушением каких-либо норм в этом обществе; психологию интересуют все формы психической деятельности, а не только отклоняющиеся от нормы. Так же соотносятся между собой девиантология и криминология - девиантология выступает более общей дисциплиной - ее интересуют все виды отклонений от нормы, встречающиеся в человеческих обществах, а не только преступность.

В то же время, подчеркнем еще раз, криминология представляет особую ценность для девиантолога. Прежде всего, потому, что имеет дело с самым вызывающим видом отклонений - с преступным поведением.

Однако, пришло время задуматься - а что такое, вообще, преступление. Более того, мы можем задать и более сложный вопрос: “а что такое вообще норма и что такое вообще отклонение от нормы?” Поиск ответов на эти и им подобные вопросы, приведет нас к философии, как наиболее общей области знания о людях и вообще о мире.

Девиантология и философия. Ну-у, - вздохнет читатель - сейчас начнутся малопонятные и туманные рассуждения о “смысле вселенной” и

“Феноменологии духа”.* Действительно, большинство людей смотрят на философию, как на малопонятное занятие, связанное с запутанными и туманными рассуждениями, подходящее для чудаков, курящих трубку и везде забывающих свои очки. “Философия - самая непонятная и бесполезная из всех наук” - это определение нам не раз приходилось слышать от студентов, когда-то ее изучавших. Интересно, что это утверждение ошибочно вдвойне: во-первых, философия - это прежде всего *прикладная, ориентированная на жизнь, область знания*; во-вторых, строго говоря, *философия - это не наука*. По-видимому, нужно сказать об этом подробнее.

Начнем с первого утверждения - “философия является прикладной, ориентированной на реальную жизнь, областью знания”. Это действительно так. Более того, ВСЕ люди (кроме разве что умственно отсталых) являются философами - даже если не осознают этого. Философия имеет дело с самыми общими вопросами, касающимися человеческой жизни и мира, в котором эта жизнь протекает. “Что такое жизнь?” “Есть ли у жизни смысл?” “Если да, то в чем он заключается?” “Как вообще возможно найти ответ на вопрос о смысле жизни?” “Что мы можем, и что не можем познать?” “Свободен ли человек в выборе своей судьбы, или он раб обстоятельств?” “Может ли человек что-то познавать и каковы границы этого познания?” “Существуют ли на самом деле такие идеалы, как честь, любовь, долг - или все это лишь иллюзии?” “Имеет ли вселенная какую-либо цель или причину своего существования?” Все эти вопросы относятся к разряду философских. Нет никаких сомнений в том, что очень многое в жизни человека зависит от того, как он отвечает на эти и им подобные вопросы. Отвечают на них все, даже не осознавая этого. Считаем ли мы себя свободными или рабами обстоятельств, видим ли смысл жизни в служении долгу или в удовлетворении желаний - любой из ответов сразу отражается на нашем поведении и повседневной жизни. Более того, жизнь целых сообществ зависит от ответов на эти важнейшие вопросы.

---

* Так называется одно из самых знаменитых философских произведений, принадлежащее перу великого немецкого мыслителя Гегеля.

Стоит нам решить, что мы поняли, в чем счастье для человечества и, что само человечество просто не видит и не понимает своего счастья - и, мы вполне можем уподобиться Гитлеру или Робеспьеру. Во время Великой французской революции гильотина в Париже работала не переставая несколько суток - во имя “свободы, равенства и братства” - один из самых трагичных примеров поспешного решения философских вопросов. Когда кто-то говорит нам, что безработные сами виноваты в своих несчастьях - это философская позиция, с которой мы можем согласиться или нет. Таким образом, философия - тесно связана с реальной жизнью.

Теперь о втором аспекте - утверждении, что философия - это не наука - редко принимаемом во внимание неспециалистами. Давайте разберемся, что же такое наука. Наука - это *изучение окружающего мира, опирающееся на теории и данные опыта*. Причем опытные данные выступают решающими. Теории, как мы уже говорили - это идеи, которые объясняют реальность. Научные теории **обязательно должны подтверждаться опытом**. Опыт - это то, что можно измерить, взвесить, пощупать и т.д. Классическим примером научной теории является закон всемирного тяготения, сформулированный Иссааком Ньютоном: “все тела притягиваются друг к другу, с силой прямо пропорциональной квадрату их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними”. Эта теория объясняет, почему яблоко упало на голову Ньютона и почему ракета должна сжечь определенное количество топлива, прежде, чем оторваться от земли. И эти объяснения подтверждаются данными опыта - зная массу яблока, можно подсчитать с какой скоростью оно падало, зная массу ракеты и Земли можно подсчитать необходимое количество топлива. Однако, философские вопросы не могут быть однозначно подтверждены опытом - не случайно их называют “вечными”. Можно ли окончательно доказать, что существует смысл жизни, так же, как и доказать, что его не существует? Смысл жизни (так же, как и свободу воли или цель вселенной) нельзя пощупать, потрогать или измерить. Один человек чувству-

ет себя рабом обстоятельств и убедительно доказывает это, другой опьянен своей свободой - и она для него очевидна.

Суммируя все выше сказанное, можно утверждать, что философия является наиболее общей областью компетенции девиантолога. Ведь отвечая на основные вопросы девиантологии - что есть норма, а что отклонение - мы фактически решаем философскую проблему. Что бы лучше понять сказанное, нам придется совершить краткий экскурс в историю.

Философия возникла в Греции, приблизительно в VI веке до н.э. Именно греки заложили основы всей последующей философской мысли. Многих мыслителей последующих поколений поражал тот факт, что греческие философы подняли практически все актуальные философские вопросы и, более того, обозначили основные ответы на них. Нас, разумеется, интересуют, в первую очередь, те вопросы, которые касаются нормального и ненормального в поведении людей. Эти вопросы оформились в особую область философского знания, называемую *этикой* или *моральной философией*. Однако сами этические учения упираются в представления о человеческой природе. Коротко рассмотрим лишь два из крупнейших этических учений Античности, предопределивших дальнейшее развитие этической мысли.

Очень влиятельным, среди древнегреческих философов, считался Сократ. Его этическая концепция предполагала взгляд на человека, как на существо обладающее двойственной природой. С одной стороны человек подобен животным - во всем, что связано со страстями, телесными желаниями и влечениями. С другой стороны человек имеет разум - божественную способность постигать суть вещей - то, чего лишены животные. Нормальным (т.е. правильным, этическим) для человека Сократ считал максимальное развитие разумного начала и полный контроль разума над телесной природой. Это должно было обессмертить "разумную душу". Таким образом, Сократ зало-

<p><i>Этика – учение о должном; раздел философии, изучающий человеческое поведение с точки зрения его соответствия ценностям.</i></p>

жил основы этики долга, ориентированной на самоконтроль во имя какой-то высшей цели.

Противоположного взгляда на человека придерживался Протагор - гла-

Сократ – род. ок. 470, ум. в 399 г. до Р.Х. учитель Платона; главным разделом философии считал этику, как учение о самом важном – о том, как следует жить человеку; первый из философов полностью сосредоточился на проблемах гуманитарного знания.

ва софистов. Ему принадлежит выражение “человек - мера всех вещей”. Человек, согласно Протагору, сам для себя есть высший авторитет и моральный судья. Человек вправе делать то, что считает нужным, не обращая внимание на окружающих. Его личное счастье - превыше всего. “Что толку связывать себя каким-то долгом, обязательствами, если завтра мы умрем. Нужно жить сейчас и жить успешно.” - вот основная идея этого направления моральной мысли. Иногда его называют этикой успеха или эффективности.

Античность создала и другие этико-философские учения, например, этику Аристотеля или Эпикура, стоицизм, но мы не будем их рассматривать, предоставив читателю возможность сделать это самостоятельно.

Для нас важно другое. Мы можем соглашаться с Сократом или Протагором, но мы обязаны отдавать себе отчет в том, что вставая на ЛЮБУЮ фи-

Протагор – ок. 481-411 до Р.Х. – приобрел известность благодаря преподавательской деятельности; крупнейший представитель софистики – интеллектуального течения, рассматривающего знание по критерию эффективности.

лософскую позицию, мы принимаем строго определенную точку зрения на девиантологические проблемы. Другими словами, если мы согласны с Протагором, то мы не сможем считать нормальным человека, который имеет возможность безнаказанно украсть и не делает этого из моральных соображений. Это противоречит принципу успеха. Точно так же, если мы согласны с Сократом, то мы не сможем считать нормальным человека, который в свободное время посвящает

обжорству и сексуальным развлечениям. Это противоречит принципу самоограничения. Отсюда важный для нас с вами вывод: *любое представление о норме или отклонении уходит своими корнями в философию; считая ка-*

кие-то действия людей девиантными, мы тем самым занимаем философскую позицию.

Отсюда следует, что девиантолог просто обязан быть компетентным в области философских морально-этических учений. Философские вопросы считаются “вечными”, но люди всегда так или иначе отвечали на них - в разные исторические эпохи по разному. Любой ответ сразу задавал координаты проявлений девиантности, очерчивал круг того, что делать (или думать) нельзя. Нам с вами очень пригодится знание этих примеров - ведь прошлое дает повод для размышлений о настоящем. Теперь к последнему вопросу этого параграфа - вопросу о соотношении личной моральной позиции с требованиями научной объективности.

Девиантология как наука и девиантолог как человек. “А в чем, собственно проблема?” - недоуменно спросит читатель. И будет неправ - проблема как раз таки существует. Каждый человек, и девиантолог - не исключение, имеет свой взгляд на мир. Взгляд, который включает в себя представления о добре и зле, норме и отклонениях. Это - личная нравственная позиция, и человек ее не имеющий - не очень нормален.* Однако девиантолог не имеет права (как ученый) руководствоваться своими представлениями о норме и отклонении в своих исследованиях. Сами посудите: ученый, не одобряющий однополый секс, выносит “научное заключение”: “все эти голубые - чокнутые”. Это, конечно, не наука - это обывательское мышление. Но, что же теперь отказываться от личных убеждений? Вопрос может быть поставлен так: Как ученому сохранить научную объективность и свои личные ценности? Один из, считающихся классическими, ответов дал немецкий социолог М.Вебер (1864-1920). Он предложил разделять *ценностные суждения* и *отнесения к ценности*. Ценностное суждение - это, например, утверждение, типа “воровать плохо!”. Когда мы даем оценку какому-либо действию (в категории “хорошо-плохо”), мы используем ценностные (или оценочные) суж-

---

* Это, как вы понимает, наша личная нравственная позиция. НО! эту позицию можно подтвердить данными психологии, поэтому мы ее и приводим.

дения. Однако большинство оценочных суждений субъективны, связаны с личной нравственной позицией конкретного человека. Люди часто исповедуют разные ценности, тогда, как наука стремится к объективной истине. Поэтому ученый, изучающий человеческое поведение, не должен делать оценочных заключений, а использовать *отнесение к ценности*. В этом случае, вместо, например “воровать плохо”, мы должны будем сказать “в таком-то обществе, в такую-то историческую эпоху большинство людей считало, что воровать - это плохо”. Другими словами, девиантолог должен соотносить наблюдаемое поведение не со своими личными ценностями, а с ценностями того общества, которое он изучает. Разумеется, очень часто в обществе можно наблюдать различные группы, придерживающиеся разных ценностей. Например, домохозяйки, феминистки, водопроводчики и панки скорее всего имеют различающиеся представления о норме и отклонении. В этом случае ученый должен ориентироваться на ценности той группы, которую он изучает. Так с точки зрения сообщества панков, ношение строгого костюма и галстука часто рассматривается, как девиантное поведение. Девиантолог, описывающий это сообщество должен оперировать отнесением к ценности: “панки считают ношение строгого костюма девиантным поступком”.

Введенная Вебером практика использования отнесения к ценности, вместо оценочных суждений не решает проблему “субъективности - объективности” полностью. Дело в том, что личные ценности ученых все равно влияют на их исследования человеческого поведения. Во-первых, это связано с самим выбором проблемы для исследования. Ученые изучают то, что считают интересным и важным. Соответственно представления об интересном и важном формируются под влиянием личных ценностей. Не случайно многие ученые-девиантологи расходятся в своих суждениях, относительно наиболее значимых отклонений в современных обществах. Одни считают самой важной проблемой рост преступности, другие - кризис семьи, третьи - сексуаль-

ную революцию. Различные оценки связаны с различиями в личной системе ценностей.

Во-вторых, личные ценности исследователей в неявной форме проникают в их выводы и теории. Связано это, прежде всего, с огромным богатством человеческого языка. Говорим ли мы о “агрессивных девочках”, “пай-мальчиках” или “жадных до новостей журналистах” - мы в неявной форме используем оценочные суждения. В любом языке для обозначения одного и того же есть “слова-рычалки” и “слова-хвалилки”. Следовательно для любого явления можно найти различные определения. Говоря о самоубийстве, мы можем воспринимать данный поступок, как “слабость, трусость и отказ от великого дара жизни” (точка зрения христианской этики) или, как “достойный выход и сохранение чести” (точка зрения самурайской этики). Представителей сексуальных меньшинств можно назвать извращенцами, а они склонны себя называть “продвинутыми геями”. Более того, большинство теорий человеческого поведения просто пронизаны влиянием ценностей. Описание здоровой личности по В.Франклу включает в себя “напряжение, борьбу и поиск смысла”, тогда как по З.Фрейду - это “невротические симптомы”.

Таким образом, ценности влияют на выводы ученых в явной или скрытой форме. Иногда это приводит к “ошибке описания”: вместо того, что бы описывать то, что *есть*, ученый начинает рассуждать о том, что *должно быть*. Не следует думать, что влияние ценностей лишает науку всякой объективности, конечно нет. Наоборот - зная об этом влиянии, легче сделать на него поправку. Дело в том, что в изучении человеческого поведения, **полной объективности просто не может быть никогда!** Объективность (относительная) возможна при описании физических явлений, например, закона всемирного тяготения - как бы ученый к нему не относился, но “все тела притягиваются... и т.д.”. Но *говоря о людях, их поступках и мыслях, мы вольно или не вольно интерпретируем эти поступки и мысли в соответствии с нашей*

личной шкалой добра и зла - это одно из базовых свойств человеческой психики. Ученый должен стараться избегать субъективности и стремиться к объ-

Релятивизм – тенденция рассматривать нормы, как относительные, изменчивые, отказ от абсолютных ценностей и абсолютной истины.

ективности, но полная объективность - недостижима. Более того, в чрезмерном стремлении к ней может таиться опасность *релятивизма*. Видя поразительную изменчивость человеческого поведения легко прийти к мысли, что не существует абсолютных ценностей и норм. Раз их не существует, человек свободен в своем поведении - ведь все представления о добре и зле - относительны. Однако такая позиция, по определению безнравственна, поскольку позволяет оправдать любой поступок. Более того, вся история человечества доказывает пагубность подобной позиции. Общества, где аналогичные настроения преобладали, всегда в скором времени погибали и исчезали с исторической арены. Достаточно вспомнить эллинистическую Грецию или позднеимперский Рим.

Наконец, наверное, самый важный аспект проблемы влияния ценностей связан с *прикладными задачами* девиантологии. Ведь мы должны не просто описывать поведенческие отклонения, но и давать рекомендации по их коррекции и предотвращению. А это заставляет нас с особой строгостью относиться к своим выводам и предложениям - ведь ответственность за их применение будет целиком лежать на нас. Большая опасность связана со свойственным многим интеллектуалам тщеславию. Любой ученый хочет закрепить за собой открытие истины в области своих научных интересов. Но настоящий ученый всегда честен с собой и избегает окончательных выводов, если есть хоть малейшее сомнение в их достоверности. Подчиняясь профессиональной совести, он обязательно перепроверит все еще раз, и если нужно, проведет дополнительные исследования.

Современная девиантология развивается в очень сложном мире. Мире, где разрушены барьеры между культурами и культуры смешиваются друг с другом. Изменяется характер отношений между обществами, размываются

Современная девиантология развивается в очень сложном мире. Мире, где разрушены барьеры между культурами и культуры смешиваются друг с другом. Изменяется характер отношений между обществами, размываются

привычные представления о нормальном и ненормальном, человечество сконцентрировало в своих руках небывалые возможности. Ученый, изучающий многообразие форм человеческого поведения, подвергается двум сильным искушениям. Первое - это искушение релятивизмом, мы о нем уже говорили. Второе - это искушение претензией на конечную истину, часто связанное с попыткой обрести стабильность в изменчивом мире. Следует понимать, что релятивизм ведет к нравственной деградации, а слишком жесткая позиция не дает возможности воспринимать новое, а значит, ведет к интеллектуальной закостенелости. Поэтому девиантолог должен в полной мере не забывать и опираться на нравственный и нормативный опыт предшествующих поколений и обладать достаточно гибким мышлением, для беспристрастного восприятия нового. К тому же ученые в современном мире, как и остальные люди сталкиваются с мощным давлением на свое сознание со стороны массовой культуры и СМИ. Задача - крайне сложная, но делать нечего. И последнее - следует помнить, что наука не может научить человека, как ему жить. Наука объясняет и описывает окружающий мир. А цель и смысл жизни придают ценности - сфера влияния философии и религии. Вместе с тем, науки о человеке сегодня вынуждены давать человечеству советы по организации своей жизни. Для того, что бы эти советы были оправданы, и ученый не боялся брать на себя ответственность за их последствия, необходимо (помимо моральных качеств) профессионально владеть научными методами исследования поведенческих феноменов. О чем мы и поговорим в следующем разделе.

Резюме:

- *девиантология в полной мере заимствует достижения социологии, которая считается одним из ее “родителей”; социологи изучают то, как люди в процессе повседневных взаимодействий создают и поддерживают сложную реальность, называемую обществом; при*

- этом для социологов и девиантологов общим является интерес к тому, почему некоторые члены общества отказываются от привычных, диктуемых обществом, моделей поведения и демонстрируют склонность к девиантности;
- девиантология не теряет связи и со “вторым родителем” - с **психологией личности** (персонологией); персонологи изучают закономерности деятельности индивидуального сознания; пытаясь объяснить человеческое поведение, они создают различные теории личности; и девиантологов и персонологов в равной степени интересует вопросы о том, что такое психологическая патология, затрудняющая нормальную жизнедеятельность личности, что есть психическое здоровье и каковы возможности коррекции психологических отклонений;
  - с **социальной психологией** девиантологию роднит интерес к универсальным психологическим реакциям, свойственным большинству людей; многие из типичных социальных моделей поведения и мышления, связаны с проблемой девиантного поведения - например “эффект зрителя” или ситуации психологического давления в группе; используя социально-психологический подход, девиантологи пытаются понять как взаимодействуют личностные качества человека и ситуационное давление на него при поведенческих отклонениях;
  - если интерес социологии, персонологии и социальной психологии шире интереса девиантологии, то область девиантологии шире области **криминологии**; криминологи изучают самый опасный вид отклонений - преступность; однако не все виды поведенческих отклонений попадают под категорию преступного поведения, поэтому девиантологи, в полной мере заимствуя результаты криминологических исследований и теорий, работают в гораздо более широкой области;

- базовой дисциплиной не только для девиантологии, но и для всех гуманитарных наук выступает **философия**; философия интересуется “вечными” вопросами, на которые не может ответить наука: о смысле жизни, о предназначении человека, о границах познания и т.п.; важнейшим для девиантолога разделом философии является **этика** - учение о том, как должен жить человек, что для него благо, а что - зло; этические учения задают общие представления о норме и отклонении и всегда значительно влияют на жизнь человеческих сообществ;
- в своем изучении человеческого поведения девиантолог должен сочетать требования **научной объективности** и верность своей **нравственной позиции**; избежать ловушек релятивизма и претензии на окончательную истину ему должно помочь **умение различать ценностные суждения и отнесение к ценности**; зная, что личные ценности ученого неизбежно влияют на его работу, девиантолог вынужден с особой тщательностью относиться к своим выводам и рекомендациям, зная, что на нем лежит моральная ответственность за их применение в жизни.

Приложения к параграфу.

Социальные психологи считают, что переизбыток зарубежных фильмов на наших телеэкранах – явно девиантное явление, вызывающее негативные последствия.

Вестернизация кинематографа.

О засилии зарубежных фильмов на нашем теле-рынке говорится и пишется давно. Однако об истинных размерах возможных последствий тотальной вестернизации кинематографа знает лишь небольшой круг специалистов.

*Толковый словарь английского языка Уэбстера так раскрывает значение слова “вестернизация”: “вестернизировать – оказывать влияние западными идеями и обычаями”.

Защитники западной теле-видео-продукции (представленной у нас фильмами, в основном американского производства), возможно скажут, что зарубежные фильмы намного превосходят отечественную кинопродукцию по многим показателям: зрелищности, динамичности сюжета, качеству съемки и т.п. Однако, следует помнить, что каково бы ни было художественно-эстетическое, профессиональное качество американского фильма, он – продукт иного общества, иной культуры. Как таковой американский фильм, возможно, в силу большей необычности своего содержания и высокого профессионального мастерства его создателей, эффективнее уводит какую-то часть публики от тягот российской жизни, эффективнее влияет на формирование этоса самостоятельного молодого человека, но он не способен формировать у отечественного зрителя чувства идентичности со своей культурой, своим народом, судьбой своего общества. Между тем, это чувство – естественное состояние человека как гражданина – важная функция любой национальной культуры.¹

Американский социолог Г.Тернер пишет: “Получить контроль над повседневной репрезентацией мира для нации – значит приобрести серьезную над представлениями индивидов и себе и о друг друге. Это одна из причин того, что во многих странах столь сильно обеспокоены господством США в производстве и дистрибьюции фильмов и телепрограмм. Если мы понимаем наш мир (или нацию) посредством его репрезентаций главным масс-медиа, иностранный контроль за этими репрезентациями действительно угрожает связности понимания индивидом мира (или нации). Американское господство над масс-медиа до некоторой степени превратило в норму американские образы общества”.(\Социс\№2.,1996г.)

Как мы можем увидеть, в мире серьезно обеспокоены господством американских масс-медиа на национальных теле-видео-рынках, у нас же пока особого беспокойства (по крайней мере на официальном уровне) не наблюдается. А ведь проблема культурной идентификации нации, пожалуй посерьезней экономических и политических проблем.

Как мы уже отмечали, наиболее уязвимо для воздействия экранных стереотипов именно подростковое сознание. В связи с этим следует упомянуть еще об

---

¹Жабский М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории. \Социс.№2.1996г.с.30.

одной тревожной тенденции поведения подростков, обусловленной увлечением вестернизированным кинематографом. Речь идет о начавшемся в конце 80-х гг. буме восточных единоборств. Разрекламированные в популярных боевиках, герои которых демонстрируют сверхчеловеческую ловкость, силу и отвагу, единоборства быстро стали одним из самых популярных увлечений российских подростков. При этом начисто игнорировались два момента: 1) родиной большинства этих боевых систем является Юго-Восточная Азия, т.е. они ориентированы не на европейца; 2) в традиционном варианте все восточные единоборства представляют собой системы скорее духовно-психологического, нежели физического тренинга. Система же преподавания единоборств в нашей стране абсолютно не способствовала (за редким исключением) воспитанию в подростках каких-либо духовно-ценностных ориентиров, кроме культа силы и презрения к слабости. Согласно мнению одного из крупнейших в нашей стране специалистов по традиционным единоборствам стран Востока Ю. Ю. Сенчукова, "...основной интерес представляет не то, что с помощью какого-либо искусства можно сделать с кем-то другим - важнее то, что это искусство за время занятий сделает с тобой". Поскольку большинство "наставников" преподавали боевые единоборства только как технику рукопашного боя, а духовное содержание этих систем заменяли туманными фразами о "заветах древних мастеров", молодые люди черпали "духовное содержание" из дешевой кино-, теле- и книгопродукции. Приведем по этому поводу слова того же Ю. Ю. Сенчукова: "Скажите - пустите ли вы своего ребенка играть с "другом", который привык к тому, что удар молотком по голове - лишь одна из многих остроумных шуток? А какое, по-вашему воздействие на детское подсознание оказывают всеми любимые Том и Джери (*персонажи популярного мультфильма, прим. мое - Т. Х.*), из серии в серию весело лупящие друг друга по головам молотками, расплющивающие, расстреливающие и взрывающие друг друга?

По мере взросления - далее в том же духе - страдающий от множества комплексов юнец один за другим глотает кровавые боевики, снятые по одной и той же надуманной схеме. ... Как говорится, "учебный процесс" в полном разгаре. А потом он спокойно лупит человека арматурой по почкам... . Ведь так делал его кинокумир - и от этого никто не умирал."

Как следствие такого воспитания, "... не человек владеет боевым искусством, а боевое искусство, как некий комплекс стереотипов, владеет человеком, выходит из под его контроля; сам человек превращается при этом в рабочий прирада-

ток своего искусства, который не может проявиться иначе, как в бою.” Не удивителен, в таком случае, рост уровня агрессии среди подростков (учитывая массовость увлечения единоборствами) и криминализация боевых видов спорта. Согласно мнению большинства отечественных специалистов в области единоборств, большинство крупных федераций боевых видов спорта являются мафиозными “крышами” - т.е. занимаются подготовкой боевиков преступных группировок. (Источники: Хагуров Т.А. Степанова Н.Е. Агрессивность и маргинальность – характерные черты кризисного общества. Москва-Краснодар, 2000.)

Социальная технология, как пример взаимодействия социологии, психологии и девиантологии.

Нижеследующие примеры, хорошо показывая, как могут соотноситься методы социологии и психологии, имеют прямое отношение к девиантологии.

...Социальная технология есть инструментальная, искусственная система, которая является результатом целенаправленной человеческой деятельности и создается для решения задач в некоторой проблемной области.

Социально-психологическая методология проектирования социальных технологий.

В социальных системах мы часто видим разные явления внешне не связанные, но тем не менее связанные "скрытно" - латентным образом. Приведем два примера.

1. Одно исследование в США удостоверило огромный рост числа самоубийств среди детей и подростков. Среди самых юных самоубийства увеличились за последние годы на 300%. В то время как среди взрослых - на 20%.

Второе исследование (осуществленное Нью-йоркским институтом передовых исследований) об избраннике, выбираемом при удобном случае женщинами, состоящими в браке, показало, что из 43% подобных женщин изменяют собственному мужу с другим мужчиной.

Какова связь между этими фактами? Единственно возможной мотивацией самоубийств детей и подростков может быть страх противостоять жизни в одиночестве, до которого они доведены распадом семьи. Подлинная семья огораживает своих членов, поддерживает их и помогает им. Только отсутствие или недостаток такой семьи может вызвать у самых юных чувство отчаянного одиночества... Поведение жен, указанное этой статистикой, говорит не все: возможно, из аналогичного исследования явствовало бы, что поведение мужей еще хуже. Если жены и

мужья имеют свои интересы вне семьи, частью которой они являются, сама семья оказывается формальной*.

2. Несколько лет назад рекламное агентство Mc Canu-Erikson захотело выяснить, почему спрей от насекомых "Raid" на некоторых рынках пользуется гораздо большей популярностью, чем ловушки для тараканов "Combat". В ходе интервью многие респонденты согласились, что "Combat" эффективнее потому, что убивает насекомых безо всяких усилий со стороны человека

Агентство попросило самых активных покупателей спрея «Raid»-женщинок, имеющих невысокий доход, нарисовать "картину своей мечты".

Все сто женщин, участвовавших в опросе, сказали, что насекомые ассоциируются у них с мужчинами. Большинство их чувств по отношению к тараканам было очень похоже на отношение к мужчинам в их жизни:

"Таракан, как и мужчина, появляется только тогда, когда хочет есть".

Этим разочаровавшимся в жизни дамам для реванша было достаточно наблюдать смерть насекомых в результате распыления спрея. Возможно, расставить ловушки "Комбат" было бы проще, но чувства при этом уже не те.*

Как известно, фрейдизм таким явлениям дает свое объяснение.

Латентные социально-психологические механизмы не могут не сказываться и в социальных технологиях.

В социальных технологиях, которые должны максимально приближаться к естественно-историческому процессу, они играют громадную роль. Они - передаточный механизм, через который оказывают или не оказывают свое влияние политические, экономические и другие воздействия на индивиды и их сообщества. Поэтому при проектировании социальных технологий полезно помнить "три кита социальной психологии". Первый гласит, что на человеческое поведение оказывает определяющее воздействие непосредственная социальная ситуация. В одном эксперименте с испытуемыми-студентами старших курсов была проведена беседа о риске заболевания столбняком и важности вакцинации. Письменное анкетирование показало, что беседа оказала соответствующее влияние на изменение убеждений и установок студентов. Однако, фактически вакцинацию сделали лишь 3% испытуемых. Если же испытуемым, прослушавшим ту же беседу, давали карту студенческого городка с помеченным на ней зданием медпункта, то количе-

---

* Аббаньяно н. *Мудрость жизни*. Спб., 1996. –с.71-72.

* Энджел Ф. *Джеймс. Поведение потребителей*. – СПб.,1999. с.319.

ство студентов, сделавших прививку, возрастало до 28%. Как видим, убеждения и установки не очень помогают предсказать, кто пойдет на прививку. И наоборот, более мощным средством прогноза оказывается информация о расстоянии до ближайшего медицинского учреждения.

Если выше изложенный ситуационизм продолжает традиции бихевиоризма, то следующий "кит" подвергает сомнению его исходные позиции. Он подчеркивает, определяющее влияние субъективной интерпретации на человеческое поведение. В известных исследованиях Стауферера американских солдат было показано явное расхождение в моральном духе (который проявлялся и в поступках) чернокожих солдат, расквартированных на юге и на севере США. Расквартированные на юге чернокожие солдаты были более довольны своей судьбой, чем солдаты, расквартированные на севере (независимо от того являлись они северянами или южанами). Чернокожие солдаты юга чувствовали себя обеспеченными, потому что сопоставляли себя, прежде всего, с неграми, жителями юга, которые были из-за сегрегационных законов в более суровых социальных и экономических условиях, чем солдаты. А чернокожие солдаты, расквартированные на севере, были недовольны и собой и службой, потому что также сравнивали себя с чернокожими из числа гражданского населения. Однако последние имели и работу, и высокие заработки, которые им обеспечивали законы северных штатов.

Сами интерпретации меняются, из-за чего происходит большое число важных социальных явлений, а также из-за различий между разными интерпретациями.

Третий концептуальный "кит", на котором покоится социальная психология - положение о том, что индивидуальная психика, а также сообщества должны рассматриваться как системы, пребывающие в состоянии напряжения. Это означает, что нет простых механических закономерностей, соотносящих отдельные стимулы с конкретными реакциями. И те, и другие встроены в динамический контекст, видоизменяющий и ограничивающий действие двух, выше отмеченных закономерностей.

Напряжение может создаваться принадлежностью к определенной культуре, обуславливающей темпераментное отстаивание ценностей и убеждений данной культуры. Культура может и облегчать и затруднять внедрение комплексных

представлений о социальной реальности. В данном случае речь идет и о субкультурах. Приведем пример.

В 50-60-х годах в США был осуществлен беспрецедентный проект по сносу трущоб. Городской квартал целиком освобождался от них. На освободившемся месте строились двадцатиэтажные дома в окружении парков и детских площадок. В эти дома переселялись бедняки, населявшие снесенные трущобы. По прошествии 20 лет, этот проект полностью обанкротился, и правительству пришлось сносить эти башни. Финансовые издержки исчислялись сотнями миллиардов долларов, а социальные подсчету не поддавались.

При изучении проблемы оказалось, что в старых домах жизнь была по своему сбалансирована. Физические условия существования в них часто были ужасающими, но в тех многоквартирных старомодных домах люди поддерживали тесные контакты, общались интенсивно. Вся система социальных связей была нарушена, когда людей переселили в многоэтажку. Уровень неформальных связей резко снизился. Новый дом предоставил минимум возможностей для развития личных отношений. Молодежь или вынуждена была сидеть заточенной в квартирах или слоняться по уголкам парков. Преступность, страх и отчаяние полностью разрушили нищее, но некогда жизнеспособное сообщество обитателей бывших трущоб. Всего этого можно было избежать, если бы предварительно в нескольких городах выстроили бы по паре таких домов и года два понаблюдали бы за образом жизни их обитателей*.

Итак, психолог-практик, принимающий участие в реализации социальных технологий, должен быть: 1. Ситуационистом; 2. Признавать решающую роль субъективной интерпретации; и 3. Динамическую природу когнитивных и социальных систем (другими словами их противоречивый диалектический характер).

Реформы, осуществляемые в разных обществах, представляют собой крупномасштабные социальные технологии. В последнее время успешные социально-экономические реформы были осуществлены в Германии и Японии. В настоящее время произведены реформы в Китае и в России. Реформа в Китае также как в Германии и Японии прошла успешно. Переход на рыночные отношения и здесь позволил поднять уровень жизни населения, укрепить экономику страны и само государство. В России реформа привела к системному кризису всех сфер жизнедеятельности общества. Уровень жизни абсолютного большинст-

---

* См.: Росс Л., Нисбетт Р. *Человек и ситуация*. - М., 1999. с. 333-334.

ва населения резко снизился, экономика пришла в упадок, ослабло государство. Анализ российского феномена показывает, что причины кризиса в стремлении реформаторов внедрить сразу в масштабах всей России именно те модели рыночных отношений, которые менее всего соответствуют менталитету российского общества. Менталитет более всего воплощен в культуре народа. Следовательно, крупно" масштабные социально-экономические реформы должны осуществляться с учетом культуры народа, вписываться в нее. Так это было сделано в Германии, Японии и Китае. Поучителен для России опыт Китая, в прошлом тоже коммунистического, в котором была тщательно соблюдена поэтапность реформ. Вначале новые рыночные отношения были опробованы в сфере мелкой торговли и обслуживания, затем в сельском хозяйстве.

На третьем этапе - в промышленности. Для того чтобы обеспечить стабильность общества, политическая система не изменялась, а социально-психологическому благополучию общества способствовала защита и укрепление национальной культуры. В результате реформа стала общенародным делом.

Ничего подобного не наблюдалось в России с самого начала реформ. "Шоковая терапия" отторгла от реформ абсолютное большинство населения. Приватизация породила криминальный крупный и теневой мелкий бизнес. В страну через все центральные средства информации хлынула низкопробная субкультура западного толка, загнав по углам отечественную.

С социально-психологической точки зрения, все это поучительно в плане того, как в одних случаях через соответствующее отношение к культуре и образу жизни мобилизуется психология народа на поддержку крупномасштабных социальных технологий, в другом она обращается против и обуславливает провал технологии реформ. (Источник: Хагуров А.А. *Технология исследовательской деятельности*. Москва-Краснодар, 2001.с.405-415).

Вопросы для самопроверки:

1. *Как связаны девиантология и социология? Что изучает социология?*
2. *Почему нельзя сводить девиантологию к социологии отклоняющегося поведения?*
3. *Какие разделы социологического знания представляют особый интерес для девиантолога?*

4. *Как связаны девиантология и персонология?*
  5. *Что изучает психология личности? Каковы главные вопросы персонологии?*
  6. *Какие вопросы являются общими для девиантологии и психологии личности?*
  7. *Что изучает социальная психология? В чем ее отличие от социологии и персонологии?*
  8. *Опишите принципы социально-психологического подхода к человеческому поведению.*
  9. *Какие разделы социально психологического знания особенно интересны девиантологу?*
  10. *В чем специфика криминологического подхода к изучению отклонений? Какие виды отклонений изучает криминология?*
  11. *Как соотносятся между собой девиантология и криминология?*
  12. *Что изучает философия? В чем заключается специфика философского подхода?*
  13. *В чем отличие философии от науки? В чем проявляется практическая ориентация философии?*
  14. *Зачем девиантологу философское знание? Как связаны этика и девиантология?*
  15. *В чем опасность релятивизма и претензий на окончательную истину?*
  16. *Каким образом девиантолог может сочетать научную объективность с сохранением личной нравственной позиции?*
  17. *Чем различаются ценностное суждение и отнесение к ценности?*
-

§ 3. Как изучают отклоняющееся поведение.

Общие принципы научного исследования. Наука - это высокопро-

Метод – основной способ сбора или обработки информации; **методика** - совокупность технических приемов, связанных с данным методом; **техника** - совокупность специальных приемов для эффективного использования того или иного метода.

фессиональная сфера деятельности. Одним из главных признаков профессионализма ученого является совершенное владение *методикой* и *техникой* исследования. Для девиантолога это справедливо в особенности. Изучая человеческое поведение *нужно уметь изучать* его. В этом разделе мы познакомимся с тем, что представляет из себя *любое* научное исследование. Другими словами, здесь мы излагаем *общую методологию* любого научного исследования. Познакомив-

шись с общими принципами изучения человеческого поведения, мы - в следующих разделах - перейдем к рассмотрению конкретных методов, заимствованных из арсенала наук о человеке. Все, приводимые для иллюстрации теоретических положений, примеры будут иметь отношение к девиантологическим проблемам, хотя сама методология является универсальной.

С чего начинается любое научное изучение чего-либо (в том числе -

Методология – общие принципы научного исследования, включая логику решения конкретных и общих задач, логику подхода к проблеме и анализа данных.

человеческого поведения)? Правильно - с постановки и определения проблемы! Ведь исследование требуется как раз в том случае, если существует какая-то проблема. Изучая ее, мы пытаемся найти информацию, способную помочь в решении этой проблемы. Все научные проблемы можно разделить на два вида: теоретические и прикладные. Теоретиче-

ская проблема связана с отсутствием каких-либо знаний - ученый не может объяснить изучаемую область реальности, не может составить достаточно полного теоретического описания. Например, мы не можем объяснить какие именно факторы обеспечивают универсальность преступности, как социального явления - это теоретическая проблема. Прикладные проблемы имеют отношение к изменению социальной реальности. Например, от ученого требуется дать рекомендации, по снижению уровня преступности в конкретном

регионе. Если неизвестно, какие именно факторы определяют динамику преступности в данном регионе, то мы имеем дело с прикладной проблемой. Таким образом, теоретические проблемы связаны с приращением научного знания, а прикладные - с использованием этого знания в конкретных целях. Важно помнить, что четкое определение проблемы, осознание того, **что** нам не ясно, **что** нужно исследовать - это краеугольный камень исследовательской процедуры. Ведь правильно поставленная и осознанная проблема - уже наполовину решена.

Следующим шагом является определение *объекта и предмета* исследования. Упрощая, можно сказать, что объект - это *то, что мы изучаем*, а предмет - это - *то, что мы хотим узнать*. Что бы было понятнее, давайте рассмотрим все это на примере. Предположим, мы изучаем употребление наркотиков подростками. В этом случае объектом изучения будут подростки, принимающие наркотики, а предметом - причины, по которым они это делают. Стоп! - скажет возмущенный читатель - да ведь это и так было ясно с момента определения проблемы нашего исследования! Не совсем так. Объект и предмет определяются для того, что бы исследователь еще раз ясно представил себе **что именно** он изучает и **для чего**. Это необходимо для того, что бы не утонуть в море фактов, которые приходится анализировать в ходе исследования. Четко представляя себе объект и предмет изучения, мы легче сможем отбрасывать ненужные нам факты и отбирать необходимые.

<p>Объект исследования - та часть реальности, которая изучается;</p> <p>предмет исследования - угол зрения на проблему - то, что нужно узнать об объекте.</p>

Тесно связан с предыдущим следующий этап - постановка цели! Прежде чем что-то изучать, мы должны ответить на вопрос “зачем мы это делаем”. Определив цель нашего исследования, мы четко определяем *что* мы хотим получить “на выходе“. Казалось бы - о чем говорить - мы хотим изучить отклонения в человеческом поведении. Да нет, не пойдет такая постановка цели - слишком она расплывчата. Какие отклонения? С какой точки зрения изучать? Что именно нас интересует в данном виде отклонений? Что мы хо-

тим узнать: *почему* происходят данные отклонения, или *как* они происходят? интересуют ли нас причины, или последствия, таких отклонений? Каков будет фокус нашего интереса: хотим ли мы узнать о личности девианта, о социальных условиях совершения девиантного поступка (ов), или мы оцениваем моральные характеристики (последствия) действия? Ответив на все эти вопросы, мы сможем ясно представить себе цель нашего исследования, а значит - сделать первый шаг к решению исходной проблемы.

Следующим шагом станет определение задач исследования. Задачи - это промежуточные этапы, необходимые для достижения цели... Цель нашего исследования мы определили, как изучение *причин*, подталкивающих подростков к употреблению наркотиков. Каковы будут в этом случае задачи? Что бы их определить, мы должны задуматься - а что нам нужно узнать, что бы ответить на вопрос о причинах подростковой наркомании. Можно предположить следующую структуру задач: **а)** выяснение общей статистики употребления наркотиков (сколько случаев зарегистрировано милицией, какие наркотики чаще употребляются и т.д.); **б)** демографические характеристики молодежи (распределение по возрасту, полу, уровню образования, профессии и т.д. подростков, употребляющих и не употребляющих наркотики); **в)** сравнение социальных характеристик подростков, употребляющих и не употребляющих наркотики (кто родители, какие семьи, имущественное положение и т.д.); **г)** выяснит отношения самих подростков к наркотикам (серия опросов или интервью); **д)** выяснить мнение экспертов по данному вопросу (психологов, педагогов, работников милиции, родителей); **е)** обобщить полученные результаты.

Последовательно решая вышеприведенные задачи, мы, скорее всего, достигнем поставленной цели и ответим на вопрос о причинах употребления наркотиков подростками. В каждом конкретном случае структура задач формируется таким образом, что бы обеспечить максимальное приближение к

поставленной цели. Цель определяет какие именно задачи будут поставлены, а задачи определяют будет ли достигнута цель.

Далее, для социального ученого желательным будет уточнить (как говорят специалисты - *операционализовать*) основные понятия исследования. Дело в том, что многие слова, используемые учеными (например - общество, поведение, психика и т.д.) используются и в обиходной речи. Если мы ориентируемся на точное, научное знание, то мы должны ясно и четко определить смысл, используемых слов. Это отнюдь не лишний шаг, как может показаться на первый взгляд. Скажем в нашем случае с подростками и наркотиками. Необходимо уточнить, кого мы будем называть подростками - тех, кому от 13 до 19 лет (teenagers - англ), или от 14 до 20, или вообще только тех, кому 12-16 лет? На эти вопросы желательно ответить предварительно, дабы потом не запутаться. То же самое - с наркотиками. Какие вещества мы назовем наркотическими - героин, кокаин и марихуану, или добавим сюда табак и алкоголь, а как же чай и кофе - ведь это, строго говоря, тоже наркотики? Другими словами, данный шаг - совсем не блажь, а действительно необходимый этап исследования. Кстати в нашем примере еще все очень просто. Попробуйте на досуге уточнить смысл понятия “психическое расстройство”.

<p>Операционализация понятий – уточнение смысла, соотнесение с реальностью; указание на те факты, которые отражены в данных понятиях.</p>
--

Далее весьма полезным будет ознакомиться со степенью разработанности изучаемой проблемы. Говоря проще, желательно как можно подробнее узнать, изучал ли кто-нибудь подобные проблемы до нас с вами, и, если да, то какие результаты были получены. Знакомство с историей вопроса позволяет “не изобретать велосипед дважды”. Тем более, что большинство девиантологических проблем достаточно давно привлекают внимание ученых. В нашем примере сказанное означает, что мы должны как можно подробнее изучить все исследования, посвященные проблемам наркотиков. Вполне воз-

можно, что то, что мы пытаемся изучить, уже изучено и нам остается только использовать уже готовое знание.

Наконец, опираясь на все предыдущие шаги, мы можем попытаться выдвинуть *исследовательскую гипотезу*. Гипотеза - это обоснованное предположение о природе изучаемой проблемы. Гипотезу так же можно опреде-

Гипотеза исследования – обоснованное предположение о природе изучаемой проблемы; т.е. теоретическое «решение» проблемы заранее.

лить, как предварительное решение проблемы. Скажем, в нашем примере с наркотиками - проблемой было незнание причин, побуждающих подростков к их употреблению. Соответственно, выдвигаемая гипотеза может иметь следующий вид:

“возможными причинами употребления наркотиков подростками могут быть излишки свободного времени и невозможность реализовать себя, на фоне низкого имущественного уровня семьи”. Это предположение (которое не обязательно может оказаться истинным) подлежит дальнейшей проверке. Собирая информацию (в целом - выполняя задачи), мы получаем данные, подтверждающие, либо опровергающие гипотезу. Гипотеза вполне может подвергаться уточнениям по ходу исследования*.

Наконец, нам предстоит выбрать метод, с помощью которого мы будем собирать информацию. Девиантология использует методы разных наук (прежде всего - социологические и психологические), поэтому разговор о методах будет отдельным. Мы выделяем его в специальный раздел. Далее следует сбор фактов и их анализ в соответствии с поставленными задачами.

Таким образом, мы в сжатой форме описали общую методологию научного исследования. Знать ее необходимо, т.к. без этого знания не может быть действительно *научного* изучения чего-либо. К сожалению, именно методологическая подготовка студентов, обычно вызывает наибольшее количе-

* Наличие гипотезы характерно для, так называемых, “жестких”, количественных методов исследования, связанных, в основном, со статистическим анализом данных. В то же время в современной социологии и психологии все большее развитие получают качественные методы, связанные со смысловым анализом. В социологии их называют “мягкими”, психологи относят к подобным методам проективные тесты. Ввиду дефицита места мы не даем подробного описания разницы между этими двумя методологическими подходами, тем более, что данному вопросу посвящена обширная литература (См. Семенова В.В. Качественные методы (введение в гуманистическую социологию) М., 2000 г., Ядов А.Я. Стратегия социологического ис-

ство упреков со стороны преподавателей. Незнание методологии проявляется на всех уровнях - от написания контрольных и курсовых работ, вплоть до работы над дипломом. А ведь завтра студенты станут действующими учеными. Да и разница между студентом и ученым, скорее количественная. Все это мы говорим, что бы подчеркнуть важность знания методологии. В следующих разделах, мы дадим описание *методов* изучения девиантологических проблем, заимствованных из социологии, психологии личности и социальной психологии. Сразу оговоримся - наше изложение методов исследования будет весьма схематично. Это связано с тем, что основная задача данного раздела - дать студентам *общее представление* о способах изучения девиантности, показать широту спектра используемых девиантологами методов. В то же время существует глубокая и обширная специальная литература, посвященная именно методам исследования. Прекрасные учебники по теории и практике исследовательской работы изданы в рамках каждой гуманитарной специальности. Будущим специалистам обязательно стоит с ними ознакомиться.

Социологические методы изучения девиантологических проблем.

Первыми, среди социологических методов, заимствованных девиантологами, мы рассмотрим *опросы и интервью*. Так или иначе про эти методы, вероятно слышали почти все. Среди начинающих ученых бытует мнение, что опрос - один из наиболее легких способов изучения социальных проблем. Этим очевидно и объясняется их популярность среди молодых обществоведов. Однако на самом деле, опрос - это достаточно сложный метод, простота которого обманчива, а непрофессиональное владение которым легко приводит к искажению результатов. Ниже мы кратко рассмотрим основные этапы проведения опроса.

Итак, первое - *составление анкеты*. Здесь важно соблюдать несколько принципиальных требований. Во-первых, *тематический подбор вопросов:*

вопросы анкеты должны в максимальной степени соответствовать изучаемой проблеме. Необходимо исключить все лишнее, не относящееся к теме исследования. Во-вторых, приемлемая структура вопросов. Так, бывают вопросы закрытые (с перечнем вариантов ответов) и открытые (когда вариантов ответа нет, а опрашиваемый дает свободный ответ). Ответы на первый тип вопросов легче анализировать, но, с другой стороны, свободное мнение респондента в этом случае подгоняется под шаблон, что снижает информативность ответов. Свободные ответы информативны и отражают действительное мнение респондента, но их значительно труднее анализировать. Здесь, необходимо находить компромисс. Так же необходимо следить за тем, что бы вопросы не подталкивали респондента к какому-то определенному ответу. *Формулировки должны быть нейтральными**. В третьих, анкета должна быть составлена на языке респондента. Это значит, что вопросы должны формулироваться так, что бы респондент их легко понимал. Ведь язык, используемый учеными не всегда понятен обычным людям. Нужно адаптировать вопросы для разных респондентов - опрашиваем ли мы школьников, учителей, милиционеров или государственных служащих.

Когда анкета составлена, желательно провести коротенькое пилотажное исследование, что бы посмотреть, как она работает, насколько вопросы понятны респондентам.

Следующим шагом является формирование *выборки*. В выборку попа-

Выборка – совокупность единиц наблюдения тех людей или фактов, которые непосредственно участвуют в исследовании.

дают те люди, которых мы будем опрашивать. Дело в том, что невозможно, как правило, опросить каждого члена интересующей нас категории населения. Например, подростки - в масштабах среднего города их численность составляет несколько десятков тысяч человек - опросить их всех - проблематично. По-

* Для девиантолога последнее особенно важно. Традиционно используемые для обозначения девиантных поступков формулировки носят, как правило, оценочный характер и вызывают негативные эмоции. Вряд ли кто-нибудь в анкете признается в “нанесении телесных повреждений”, но насчет “драк со сверстниками” признания возможны. Аналогичным образом, немногие подростки ответят “да” на вопрос “не наркоман ли ты?”. В то же время вопрос “твое отношение к наркотикам?” вполне может содержать вариант ответа “баловался пару раз со сверстниками” - он несет в себе меньше негативного оценочного отношения.

этому нам придется отобрать некоторое количество опрашиваемых и решить какие подростки будут опрошены. Социологи называют те категории населения, которые изучаются (в нашем случае - подростки) *генеральной совокупностью*. Тех же, кто непосредственно участвует в опросе - *выборочной совокупностью*, на социологическом жаргоне - выборкой. Основное требование выборки - *репрезентативность*. Этот противный термин означает, что выборка должна в миниатюре повторять структуру генеральной совокупности. Проще говоря, если среди всех подростков в городе 50% учатся, 40% работают, а 10% не учатся и не работают, - то в таком же процентном соотношении они должны быть представлены в выборке. Это касается и других социальных характеристик генеральной совокупности - пола, возраста, имущественного положения и т.д. Выборка может быть и целевой. В этом случае мы отбираем участников опроса по какому-то одному критерию, связанному с темой исследования. Например, нас могут интересовать не все подростки, а только те, кто учится в школах, или те, кто имел приводы в милицию, или подростки из неполных семей и т.д.

<p>Репрезентативность – соответствие структуры выборочной совокупности целям и задачам исследования.</p>

Далее собственно опрос. Здесь основная сложность - добиться нужного качества ответов. Если опрос проводят интервьюеры, то они должны проходить специальный инструктаж, где обучаются технике проведения опроса. Особенно важным является умение интервьюера оставаться беспристрастным при общении с респондентом и не подталкивать его к каким-то определенным ответам, не влиять на его мнение. Если респонденты сами отвечают на вопросы анкеты, то анкета должна содержать подробную и понятную инструкцию, объясняющую как именно нужно отвечать.

Наконец, собранные анкеты подвергаются математическому анализу. Вообще-то сегодня ученому в этом вопросе гораздо проще, поскольку существуют эффективные компьютерные программы, помогающие обрабатывать информацию. Лучшей на сегодня остается программа SPSS для Windows, по-

следние версии которой дают невероятно широкие возможности для обработки статистической информации. Однако, наличие компьютерных программ, отнюдь не избавляет исследователя от необходимости серьезно разбираться в статистике. Без этого знания он просто не сможет работать с программой.

Здесь мы изложили технологию проведения опросов очень коротко, в ознакомительных целях, не коснувшись при этом, многих важных деталей. Анкетные опросы используются представителями и других наук, например, социальными психологами.

Разновидностью опросного метода можно считать интервью. Различие между ними, как правило, довольно условно, по этому вопросу нет окончательного согласия и в среде специалистов. Наиболее оправданным представляется количественный подход. Опросы, как правило, охватывают большее число респондентов, а в случае интервью, общение с респондентом длится дольше. Хотя, повторим, различие это весьма условно. Это, что касается *структурированных* интервью - т.е. имеющих четкий план задаваемых вопросов.

Гораздо более интересны *полуструктурированные и неструктурированные* интервью. Они относятся к качественным методам. В первом случае исследователь имеет лишь общий план, в котором отмечены основные темы беседы с респондентом. Само интервью протекает достаточно свободно и может занимать несколько часов. Интервьюер, “подкидывает” темы, а респондент свободно их развивает. Фиксируя свободные ответы, интервьюер может уточнять их с помощью наводящих и дополнительных вопросов. Проводить такое интервью достаточно сложно, но и информация получаемая в результате, обычно значительно глубже и интереснее, чем в обычном интервью. Неструктурированное интервью представляет собой, по сути, свободную беседу, на заранее оговоренную тему. Интервьюер не имеет никакого предварительного плана, а общий тематический план начинает прорисовы-

ваться по ходу исследования. Часто неструктурированное интервью принимает вид “истории жизни”, когда респондент свободно рассказывает о себе. Наверное, не нужно объяснять какой интерес для девиантолога может представлять “история жизни профессионального преступника”, или “история жизни наркомана”, или, наконец, “история жизни проститутки”.

Далее, среди методов, заимствованных девиантологами у социологов, стоит отметить метод *анализа документов*. Широкой публике он гораздо менее известен, по сравнению с теми же опросами. Между тем использование данного метода может оказаться очень плодотворным и позволить получить много интересной информации. Все документы можно условно разделить на две большие группы - личные и официальные. Среди последних особую группу составляют печатные издания - пресса. Поиск информации в официальных документах можно вести по-разному. Можно, например, сравнить между собой конкурирующие в печатных изданиях (местных, региональных или федеральных) точки зрения по какому-то вопросу (скажем, по проблеме наркомании, или детской беспризорности). Можно составить рейтинг самых упоминаемых в прессе девиантологических проблем, или отдельно анализировать криминальную хронику. К официальным документам относятся так же официальная статистическая информация - экономическая, социальная, демографическая и криминальная статистика. Количество и состав зарегистрированных преступлений, средняя продолжительность жизни населения, уровень благосостояния - все это ценная информация для девиантолога. Особый интерес могут представлять специальные документы - отчеты экспертов, материалы уголовных дел и т.д.

Личные документы - это, прежде всего, дневники, письма и фотографии. Конечно, использование этих источников возможно лишь с согласия респондента. Изучение писем и фотографий позволяет реконструировать интереснейший социальный мир человека. В этом случае взгляды, привычки и проблемы человека предстают перед исследователем в “чистом” виде, по-

сколькx они изначально не искажаются вниманием ученого, а потому более искренни. Изучая личные документы, ученый получает бесценную возможность взглянуть на интересующие его проблемы глазами того, кого он изучает.

Стоит упомянуть еще один весьма эффективный, но в то же время сложный и дорогостоящий метод - метод *включенного наблюдения*.^{*} Здесь ученый становится непосредственным участником тех процессов, которые он изучает. “Погружаясь” в изучаемую социальную реальность, глядя на события глазами участника, ученый способен проникнуть в специфику мироощущения интересующей его категории людей. Заметим, что обычно подобная информация исследователю оказывается недоступной, ведь проникнуть в суть жизненного мира какой-либо социальной группы, можно только “став

Чикагская социологическая школа в начале XX века крупнейший центр прикладной социологии. Представители школы осуществили массу интереснейших исследований по изучению самых разных социальных миров - от промышленных рабочих, до иммигрантов и проституток.

своим” в ней. Особый интерес представляет этот метод для изучения замкнутых сообществ - профессиональных преступников, проституток, наркоманов, неизлечимых больных и т.д. В то же время, использование данного метода сопряжено со значительными временными и денежными затратами. Сбор информации может растянуться на несколько месяцев, или даже лет. К тому же исследователь вполне может столкнуться с опасными для себя ситуациями, угрожающими не только здоровью, но и жизни. Интересующимся этим

методом советуем ознакомиться с исследованиями представителей *Чикагской школы*, много внимания уделявшим девиантологическим проблемам.

В заключении следует сказать несколько слов об уже упоминавшемся различии между качественными и количественными методами в социологии. Количественные (жесткие) методы связаны со статистической обработкой информации и точным следованием процедуре, заранее намеченному плану.

^{*}Строго говоря, наблюдение может быть и не включенным, когда исследователь выступает в роли внешнего наблюдателя, не участвуя в интересующих его событиях. Однако мы рассматриваем именно тот случай, когда наблюдатель является участником, как более интересный и эффективный.

Они особенно эффективны в макромасштабах - при анализе больших объемов информации, когда нужно отразить состояние больших групп людей. К этим методам относятся в первую очередь опросы, формализованные интервью и анализ официальных документов. Качественные методы связаны с отсутствием жестких процедур и нацелены на передачу и выявление смысла. Обработка данных, собранных с помощью качественных методов подразумевает не статистический анализ, а интерпретацию. Исследователь пытается выявить смысл, который люди вкладывают в свое поведение и в свои переживания. К качественным методам относятся неструктурированные и полуструктурированные интервью, включенное наблюдение и анализ личных документов*. Определенная часть студентов сразу задаст вопрос - "А какие методы лучше?" Однозначного ответа на него нет, так же как и на вопрос "Кто сильнее - слон или кит?" Слон живет на суше, кит - в воде, померятся силами им не удастся. Так же и любые методы, количественные или качественные призваны решать *свои, специфические* задачи. Выбор метода зависит от характера проблемы и специфики цели исследования. Если метод им соответствует, то он является наилучшим.

Психологические методы изучения девиантного поведения. Как и в предыдущем случае, мы не сможем охватить все возможные методы психологического исследования девиантного поведения. В этом разделе мы лишь в общих чертах представим самые популярные из них. Обобщая, мы сводим все эти методы к четырем большим группам: *тестовые и опросные методики, наблюдения, эксперименты и самоотчеты*. Итак, по порядку.

Опросники и тесты. Это, без всякого преувеличения самые известные и популярные из психологических методов исследования. Кто из нас не читал в газетах и журналах различные "тесты" характера, склонностей и т.д. и не проверял по ним себя и друзей. Конечно, следует различать такие "журнальные" тесты и серьезные разработки профессиональных психологов.

---

* Мы не приводим здесь полного описания качественных и количественных методов, поскольку цель параграфа - дать читателю общее, схематичное представление о проблеме.

Разработаны самые разные опросники и тесты, затрагивающие практически все аспекты психической деятельности. С помощью опросных и тестовых методик диагностируются особенности характера и темперамента, интеллектуальные, профессиональные и творческие способности, исследуется структура мотивации личности и т.д. Кстати, разница между тестом и опросником весьма условна. Мы ее обозначим, сказав, что тесты, в большинстве случаев (не всегда), имеют ключ, используя который можно сразу получить интерпретацию данных. Кроме того, тест может состоять из каких-либо заданий (например, что-либо нарисовать), не обязательно содержать вопросы. Опросник же предполагает самостоятельную оценку результатов психологом. Применение тестовых и опросных методик, несмотря на свою популярность, имеет целый ряд сложностей. В первую очередь это сложности, связанные с достоверностью полученной информации. Здесь можно выделить, как минимум три опасности. *Первая* связана с выбором конкретной методики - насколько выбранный исследователем тест соответствует изучаемой проблеме. Для тех, кому данное замечание кажется наивным (“неужели проблема - выбрать методику”), отметим, что все не так просто. Например, если мы имеем дело с конкретным случаем убийства, то что нам изучать - интеллект, мотивацию, склад характера или темперамент и реактивность нервной системы? Здесь на девиантолога может оказать влияние популярность того или иного теста, а не его практическая применимость. *Вторая опасность* связана с интерпретацией полученных результатов психологом.* Исследователь, вольно или невольно субъективен в своих взглядах на различные явления и проблемы. Отсюда вполне реальна ситуация, когда результаты одного и того же исследования личности по разному интерпретируются двумя разными психологами. Помня об этом, исследователь должен быть максимально внимательным к себе, своим оценкам и суждениям. *Третья опасность* связана с точностью и искренностью ответов испытуемых. Очень часто отвечая на вопросы

---

* Сказанное не относится к тем тестам, которые имеют однозначный ключ к расшифровке результатов.

теста, люди подгоняют свои ответы под существующие в обществе культурные стандарты и представления о желательном и нежелательном. Например, один из популярных личностных опросников (опросник Я.Стреляу) включает такие вопросы: “Самостоятельны ли вы в трудных жизненных ситуациях?”, “Считаете ли вы себя смелым?” и т.д. Вряд ли нужно напоминать, что самостоятельность в трудных жизненных ситуациях и смелость относятся к социально желательным и одобряемым моделям поведения. Соответственно, часть испытуемых обязательно исказит свои ответы, стремясь соответствовать существующим социальным ожиданиям. Все это заставляет девиантолога свободно ориентироваться в многообразии существующих тестовых и опросных методик, зная их слабые и сильные стороны.

Валидность – требование, предъявляемое к тестовым методикам, согласно которому тест должен измерять именно то качество (ва) для измерения которого (ых) он предназначен; надежность – воспроизведение результатов теста с хорошим постоянством (у одного и того же испытуемого).
--

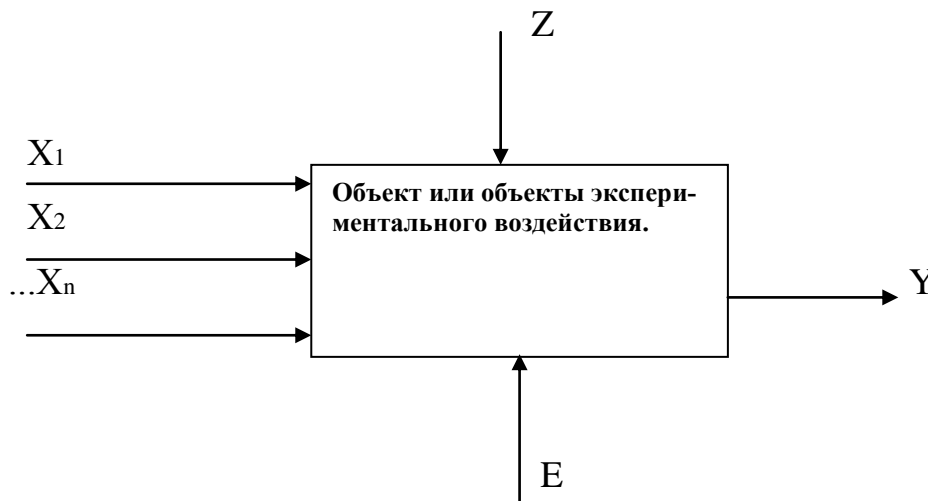
Важнейшими требованиями, предъявляемыми к тестовым и опросным методикам являются требования *валидности* и *надежности*. Валидность связана с требованием, что бы тест измерял именно то качество или свойство, которое он должен измерять. Для того, что бы определить является ли тест валидным, нужно иметь четкое представление о природе изучаемого качества. Это не так просто, как может показаться. Возьмем, к примеру, тест на оценку интеллекта. Дело в том, что дать единое и объективное определение интеллекта практически невозможно. В разных культурах представление об интеллекте различаются.

Западная культура отдает приоритет логической рациональности и словесному рассуждению. Восточные культуры больше ценят интуитивность и образность. Когда попытались разработать тест на интеллект, вне зависимости от каких-либо культурных влияний, оказалось, что это невозможно. Сам создатель первого теста на интеллект Бине, как-то пошутил: «Интеллект... Да это же просто то, что оценивает мой тест». На самом деле тест Бине был разработан с целью определения шансов ребенка на успешное обучение в шко-

ле, и его валидность определялась путем установления корреляции между результатами тестирования и школьными оценками.

Эксперимент – это более сложный метод изучения поведения, нежели тест или опросник. Эксперимент требует от исследователя безукоризненных знаний методологии научного исследования и точных способов измерения. Суть экспериментального метода заключается в том, что мы подвергаем объект воздействию каких-либо факторов, которые (согласно гипотезе) влияют на изучаемый нами феномен. Строго говоря, при проведении эксперимента имеют место две гипотезы: *рабочая и нулевая*. Рабочая гипотеза – это и есть предположение, что те факторы, воздействию которых мы подвергаем объект, влияют на изучаемые нами свойства или феномены. Нулевая гипотеза – это неявное предположение о том, что факторы воздействия не связаны с изучаемыми феноменами. Рабочая и нулевая гипотеза связаны обратной связью – если подтверждается одна – то опровергается вторая.

Все составляющие эксперимента можно представить в виде схемы:

Здесь: $X_1, X_2, \dots, X_n$ – экспериментальные факторы;

Y – реакция объекта на воздействие факторов;

Z – влияние среды; E – случайные факторы, неучтенные экспериментатором, определяющие ошибки измерения при повторных экспериментах. При $X > Z$, мы имеем активный эксперимент; $X < Z$ – пассивный.

Фактор «Е» имеет принципиальное значение, определяя вероятностный подход к проведению эксперимента. Всегда существует вероятность, что влияние каких-то посторонних факторов, мы не учли. Поэтому важнейшим требованием надежности экспериментальной процедуры является воспроизводимость результатов в последующих экспериментах.

Исследователь манипулирует экспериментальными факторами, что бы определить их влияние на поведение объекта (в нашем случае – это люди, участвующие в исследовании). Тот фактор, которым исследователь может манипулировать носит название независимой переменной. Тот, который под его воздействием изменяется называют зависимой переменной.

Другим важным требованием является *требование корректности измерений*, осуществляемых в процессе развития экспериментальной ситуации. Для проведения измерений необходимы: 1) наличие единиц измерения (что мы будем фиксировать: слова, акты поведения и т.д.); 2) измерительный инструмент (видеокамера, магнитофон, карточка наблюдений); правила измерения (унифицированные требования к процедуре измерения, что бы исключить неточности и расхождения).

Историко-философские и культурологические методы изучения девиантного поведения. Девиантолог в своем исследовании поведения опирается не только на достижения психологии и социологии, то так же обязан обращаться к данным истории, философии и культурологии.

История дает нам возможность познакомиться со всем опытом человечества в отношении представлений о «нормальном» и «девиантном». В различные исторические эпохи представления о норме и отклонении наполнялись разным содержанием. Внимание общества привлекали то одни, то другие формы поведения, считавшиеся образцами должного и недолжного. Вместе с тем, история показывает, что в разные эпохи взгляды на отклонения и норму часто совпадали. Изучение истории блестящих цивилизаций прошлого, их расцвета и упадка дает нам возможность проследить те формы поведе-

ния, которые преобладают в благополучные и неблагополучные периоды. Для девиантолога это – важное знание, позволяющее лучше понять специфику современных проблем.

К историческим методам исследования относится изучение документов (официальных и личных) той или иной эпохи, сравнение взглядов специалистов-историков на те или иные проблемы эпохи, моделирование исторических ситуаций и фактов. В целом, можно говорить о сравнительно-историческом методе, заключающемся в сравнительном анализе различных исторических феноменов. Важнейшим требованием, предъявляемым к данному методу, является требование соблюдения правил аналогии: *сравниваемые между собой ситуации должны иметь общую природу, подчиняться воздействию одних и тех же факторов.*

Культурология ценна для девиантолога, прежде всего, данными о других культурах и принятых в них образцах поведения. Как мы уже говорили, эталоны нормы и отклонения могут сильно отличаться в различных культурах. В своих подходах и выводах, девиантолог обязан учитывать эти различия. Вместе с тем кросс-культурный анализ дает возможность для поиска универсальных поведенческих и мировоззренческих феноменов, трактуемых во всех культурах, как «правильные» и «неправильные». При проведении кросс-культурного исследования так же должны соблюдаться требования аналогии: природа феноменов должна быть общей, сопоставимой.

Онтологический – сущностный, отражающий специфические свойства бытия данного объекта, отличающие его от всех других объектов.

Наконец, философия, дает возможность выработать собственную методологию анализа девиантности. Нужно понимать, что любые выводы и положения, относительно «нормальности» или «ненормальности» изучаемого поведения, должны опираться на ту или иную концепцию общества и человека. Следовательно, должен быть решен вопрос об *онтологических* свойствах человека и общества. Этот вопрос является важнейшим вопросом социальной философии. Что есть человек? Что есть общество? Это

вопросы о сущностных, онтологических корнях человека. Именно в этот вопрос логически упираются все девиантологические построения. То, что человек есть онтологическая реальность (т.е. отличается от всех других объектов) вряд ли может вызвать сомнения. Несмотря на всю изменчивость и пластичность своих конкретно-исторических воплощений человек остается уникальной, четко фиксируемой сущностью. То же относится и к обществу.

Как и все философские вопросы, вопрос о том, что есть человек - не нов. Фундаментальные попытки разрешения этого вопроса ясно обнаруживаются в античной Греции. Сравним, уже упоминавшиеся нами, две точки зрения по этому вопросу, данные в философии Протагора и в философии Сократа. Сократ учил, что человек - существо призванное развивать в себе разумное начало. Развитие разумного (подразумевающего и нравственное) начала подразумевает презрение к телесному, животному началу. Именно так человек реализует свою человечность. Именно эту концепцию доказывал Сократ своим учением и своей жизнью. Протагоровское "человек есть мера всех вещей" являет собой прямо противоположную точку зрения. Протагора, по справедливому замечанию Б.Рассела, следует понимать так, что каждый человек - мера всех вещей. Другими словами нет и не может быть внешних по отношению к человеку требований и критериев, каждый прав в меру своей успешности.

Нетрудно заметить, что современное социологическое представление о социальной природе девиантности опирается именно на последнюю точку зрения. Оно фактически отрицает внешние по отношению к человеку и обществу онтологические критерии. Действительно, девиантным признается поведение, отличающееся от поведения большинства людей в данном обществе, людей, ведущих себя именно так, в силу того, что они есть мера всех вещей. Конечно, глупо было бы отрицать, что каждое общество вырабатывает свои нормативные стандарты, свою систему ценностей. Этот объективный процесс связан со спецификой конкретно-исторических условий бытия чело-

века и общества. Однако, это не снимает вопроса об онтологических корнях девиантности. Этот вопрос, как мы уже отмечали, логически упирается в вопрос об онтологических корнях человека и человеческого общества.

История философии учит нас, что софистическая точка зрения не стала доминирующей. Одной из причин этого является тот факт, что протагоровское определение человека заводит вопрос о человеческой онтологии в тупик, лишает его смысла. Ведь если человек действительно мера всех вещей, то нет ничего, через что могла бы быть определена природа человека, раскрыты его бытийственные характеристики. Наоборот - все в природе может быть определено через человека. Сам же человек определяем только через самого себя - меру всех вещей. Это - логический тупик, делающий невозможным дальнейший анализ. Но ведь мы же признали за человеком онтологическую реальность. Если человек реально существует, то должно быть нечто, что делает человека тем, что он есть. И греческая классика и стоики и христианская философия двигались именно в этом направлении, пытаясь определить сущностные, онтологические свойства человека. Так создавались различные модели человека: человек социальный, человек разумный, человек экономический, человек играющий и т.д.

Среди всех онтологических характеристик человека наиболее фундаментальными (по крайней мере для целей девиантологии) представляются две - социальность и разумность, предполагающая поиск смысла. О социальности первым сказал Аристотель, сформулировав, что человек - животное политическое. Это определение можно считать фундаментальным, поскольку человечность способна развиваться, оформиться и реализоваться только в обществе. Социальность требует ограничения многих иррациональных сторон человеческой природы, в первую очередь, сексуальности и агрессивности. Социальность, как онтологический феномен вызывает к жизни новый пласт реальности - реальность социальную. Для жизни в обществе требуется соподчинение множества отдельных индивидуумов чему-то внешнему по отноше-

нию к ним, требуются особые средства контроля и управления членами общества. Без них общество существовать не сможет, как не может организм функционировать без органов, выполняющих дифференцированные задачи. Потребности общества, как особой реальности, вызывают к жизни различные социальные институты, призванные эти потребности удовлетворять: семья, право, экономическая система, мораль, государство и т.д. Другими словами, социальность, как фундаментальное онтологическое качество человека требует формирования искусственных (неприродных, социальных) моделей хозяйственного, правового, нравственного, репродуктивного и т.д. поведения. Соответственно, отступление от данных моделей подразумевает протест против онтологии социального и, таким образом, будет явно девиантным. Пока ничего нового мы не сказали. Это общеизвестно и описано в любом учебнике социологии.

Что обычно остается “за кадром”? Тот простой факт, что человеческая история есть история проб и ошибок различных моделей социального поведения. Историческая логика подсказывает нам, что именно в тех обществах, где эти пробы оказывались удачными и возникали блестящие цивилизации. Древневосточная государственность, греко-римская Античность, Христианская Европа, Византия и т.д. дают богатейший материал для девиантологии. Анализ социальных практик обществ прошлого дает реальную возможность выйти на “универсально девиантные” модели поведения. Таким образом, исторический подход, оказывается неразрывно связанным с философским подходом.

Философская логика подсказывает, что цивилизация клонящаяся к упадку *девиантогенна*. В подобных обществах, получают распространение поведенческие модели, вступающие в конфликт с традиционными (для данного общества) ценностями.

<p>Девиантогенность – свойство реальности нести в себе потенциал девиантных форм поведения, провоцировать девиантность.</p>
--

Второй фундаментальной онтологической характеристикой человека можно считать разумность. Разумность, способность к рефлексии, способ-

ность к осознанию собственной конечности и потребность к осмыслению собственного конечного бытия делают человеческую жизнь крайне сложной, проблемной, требующей ответа на вызов. Вызов связан с поиском смысла существования. Главнейшая в человеческих обществах форма осмысления бытия, нахождения своего места в мире, ответа на вызов - есть *религия*. Природа человеческого разума такова, что он не может не задавать себе вопроса о смысле жизни - это онтологический факт. Соответственно, найти ответ на этот вопрос - онтологическая потребность. Логически развивая эту мысль, можно утверждать, что онтологической потребностью человеческого разума является потребность в метафизике, ибо все религии ищут смысл вне обыденной реальности, но в мире сверхъестественном, метафизическом. Именно сверхфизическая реальность освящает реальность природную, придает ей смысл.

Социальность, как онтологическое качество позволила нам выделить базовые критерии “нормальности” социума. Разумность, как поиск смысла позволяет нам выйти на вопрос о том, что есть “нормальный человек”, что для личностного бытия человека является девиантным, а что – нет. Это – лишь набросок возможной девиантологической методологии, не имея которой исследователь отклоняющегося поведения не сможет адекватно понимать предмет своего исследования. Каждый ученый–девиантолог стоит перед необходимостью выработки собственной методологии девиантологического анализа, в чем, как мы надеемся, поможет и материал настоящего учебника.

Резюме:

- 1. Для изучения отклоняющегося поведения необходимо владеть методологией научного исследования; так же необходимо хорошее знание методики, техники и методов исследования.*

2. *Общая схема научного исследования включает в себя: определение проблемы, объекта и предмета исследования, постановку целей и задач, операционализацию основных понятий, выдвижение гипотезы исследования.*
3. *Социологические методы изучения девиантности включают в себя опросы, интервью, анализ документов и наблюдение (включенное и невключенное).*
4. *В случае использования любого социологического метода, необходимо корректно сформировать выборку, что полученные данные были репрезентативными.*
5. *Психологические методы исследования девиантности включают в себя, прежде всего, опросники, тесты и эксперименты.*
6. *Важнейшими требованиями, предъявляемыми к тестовым методикам, являются требования валидности и надежности*
7. *Эксперимент подчиняется общей логике, позволяющей выяснить степень зависимости изучаемых переменных от экспериментальных факторов.*
8. *Важными для девиантолога являются методы исторического и кросс-культурного анализа, позволяющие сравнивать представления о девиантности, существующие в различных культурах и доминирующих в различные исторические периоды.*
9. *Философские методы анализа необходимы девиантологу для выработки общего методологического подхода к анализу девиантности, подразумевающего определенную концепцию онтологических свойств человека и общества; а следовательно и онтологических характеристик девиантности.*

Приложения к параграфу.

Одним из самых впечатляющих девиантологических исследований, выполненных социальными психологами стал Стэнфордский тюремный эксперимент. Мы представляем вам наиболее полную версию описания экспериментальной процедуры, перепечатанную

с сокращениями из: *Э.Пайнс, К.Маслач. Практикум по социальной психологии. – СПб.: Изд-во ПИТЕР, 2000. с. 296-320.*

СТЭНФОРДСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Филипп Д. Зимбардо

...Примечание редактора. Одним из наиболее впечатляющих примеров того, какую власть могут иметь над людьми ситуация и социальные роли, является эксперимент по имитации тюрьмы, проведенный Филиппом Зимбардо и его коллегами. В этой работе исследователи полностью воссоздали обстановку тюрьмы — как материальную, так и психологическую — и наблюдали за поведением людей, которые находились там почти неделю. Хотя участники эксперимента сначала воспринимали происходящее с ними как ролевую игру «понарошку», они вскоре погрузились в мощную реальность этой социальной среды. В приведенной ниже статье Зимбардо описывает свой эксперимент и рассказывает закулисные подробности этой захватывающей и спорной работы.

Тишина воскресного утра в Пало-Альто, Калифорния, была нарушена воем сирены патрульной машины — полиция прочесывала город, производя массовые неожиданные аресты студентов колледжа. Каждому подозреваемому предъявляли обвинение в уголовном преступлении, сообщали о его конституционных правах, заставляли поднять руки и встать лицом к стене, обыскивали и заталкивали на заднее сиденье полицейской машины, чтобы доставить в полицейский участок для оформления протокола. В некоторых случаях любопытные соседи, которые были свидетелями ареста, выражали сочувствие и соболезнования семьям этих злополучных молодых людей...

После снятия отпечатков пальцев и оформления идентификационных документов для «досье» подозреваемого (файл централизованной информационной картотеки) его помещали в одиночную камеру, где он ломал голову над тем, из-за чего он мог попасть в такую переделку. Через некоторое время его с завязанными глазами перевозили в «Стэнфордскую окружную тюрьму». Здесь происходило его превращение в заключенного: его раздевали догола, обыскивали, проводили санобработку и выдавали ему тюремную форменную одежду, постель и туалетные принадлежности. Отдавая приказы, конвоиры кричали на заключенного и подталкивали его, если он подчинялся недостаточно быстро. Вечером смотритель тюрьмы приветствовал своих новых подопечных, произнес импровизированную речь:

«Как вам, наверное, уже известно, я начальник этой тюрьмы. Каждый из вас доказал, что по той или иной причине не может нормально функционировать во внешнем мире, который находится за этими стенами, — вам не хватает чувства ответственности, которое необходимо хороше-

му гражданину нашей великой страны. Мы, персонал этой исправительной тюрьмы, поможем вам узнать, в чем заключаются ваши гражданские обязанности. Сейчас я расскажу вам наши правила. Очень скоро эти правила будут вывешены в каждой камере. Мы хотим, чтобы вы их выучили и могли рассказывать наизусть по пунктам. Если вы будете выполнять все эти правила, вести себя честно, раскаетесь в своих преступлениях и измените свое отношение к жизни, то мы с вами отлично поладим».

За этим последовало чтение шестнадцати основных правил поведения заключенных (которые были написаны смотрителем тюрьмы и ее персоналом, состоявшим из 11 надзирателей):

Правило 1. Заключенные не должны разговаривать и шуметь во время отдыха, после отбоя, во время еды и находясь за пределами тюремного двора. *Правило 2.* Заключенные должны принимать пищу в установленное режимом время и только в это время. *Правило 3.* Заключенные не должны двигать, ломать, портить или как-либо повреждать стены, потолки, окна, двери или другое тюремное имущество... *Правило 7.* Заключенные должны обращаться друг к другу только по идентификационным номерам. *Правило 8.* Заключенные должны обращаться к охранникам «господин надзиратель»... *Правило 16.* За невыполнение любого из перечисленных выше правил заключенный может быть наказан.

Большинство из девяти заключенных, которые все «совершили свое первое преступление», сидели на койках в своих голых камерах, оглушенные и потрясенные неожиданными событиями, которые так внезапно изменили их жизнь.

...При перевозке подозреваемых из полицейского участка в исправительное учреждение, то есть в Стэнфордскую окружную тюрьму, было допущено только одно отклонение от установленного порядка: заключенным завязали глаза, чтобы они не знали, где они теперь будут жить. Ситуация включала в себя еще нескольких необычных штрихов: заключенные были одеты в странную униформу, состоявшую из рабочего халата (или балахона) и колпака, сделанного из чулка, а на лодыжке у каждого из них была цепь. Конвоиры тоже не были похожи на «настоящих» охранников: по своему внешнему виду они не отличались от большинства длинноволосых, напоминающих хиппи, заключенных, только на них была военная форма защитного цвета. Что же это была за тюрьма?..

Это была, на самом деле, особая тюрьма, первая и поэтому единственная в своем роде. Описанные выше молодые люди были мнимыми заключенными и надзирателями, участвовавшими в социально-психологическом эксперименте по исследованию групповой динамики в имитированной тюрьме. Это исследование было задумано и «поставлено» Крэйгом Хэйни, Куртом Бэнксом, Дэвидом Джаффи и мной...

Первоначально мы ставили перед собой следующие вопросы: как люди будут адаптироваться к непривычной и чуждой им ситуации, в которой так называемые «заключенные» теряют свою свободу, гражданские права и право на тайну частной жизни, в то время как так называемые «надзиратели» получают власть и социальный статус? Что является причиной жестокости и насилия, якобы царящих в американских тюрьмах, — свойства характера обитателей тюрем, в которых, как принято считать, «социопатических» преступников охраняют «садисты-надзиратели», или особенности самой социально-психологической среды, в которую попадают заключенные? (Здесь мы противопоставили друг другу диспозиционные и ситуационные детерминанты поведения, чтобы выяснить, какие из них будут преобладать, то есть каким из них можно приписать большую часть отклонений.)

...На основе проведенных нами наблюдений мы смогли дать полные или, по крайней мере, частичные ответы на эти вопросы и, кроме того, обнаружили новые проблемы, о которых мы не знали до тех пор, пока непосредственно с ними не столкнулись. Но что важнее всего, в результате исследования тюремной жизни некоторые наши основные ценности, установки и когнитивная ориентация претерпели серьезные изменения. Несмотря на то, что во время эксперимента мы этого еще не осознавали, мы были одновременно и «испытуемыми», находившимися под влиянием своих ролей тюремного персонала, и экспериментаторами, управлявшими событиями этого эксперимента.

...На исследователей воздействовали те же силы, благодаря которым с группой обычных, здоровых и разумных индивидов произошла метаморфоза, превратившая их в жалких заключенных и в надзирателей, развращенных патологическим влиянием власти, доминировавшей в этой тюремной среде. Эти силы были настолько мощными, что я был вынужден прекратить эксперимент раньше запланированного срока, закрыв тюрьму всего через шесть суток после начала ее работы.

<...>

Опыт тюремного заключения

...Общение с Карло Прескоттом возродило мое детское увлечение тюремной темой, вызванное кинофильмами Джеймса Кэгни, Хамфри Богарта, Джорджа Рафта и Бродерика Кроуфорда и романами об Острове Дьявола. В то лето мы с ним вместе проводили в Стэнфорде серию семинаров под названием «Психология тюремного заключения». На этих семинарах я учился не только у Карло, но и у

приглашенных им гостей: у инспектора, который занимался его досрочным освобождением; у бывших соучастников его преступления и у других людей, которые побывали в тюрьме либо в качестве заключенных, либо в качестве надзирателей. Я надеялся понаблюдать за жизнью тюрьмы изнутри, но на свою просьбу посетить одно из местных исправительных учреждений получил отказ.

К концу учебного года, выслушав огромное количество рассказов Карло и посвятив много времени чтению, которое заменяло мне реальный опыт, я почувствовал, что достаточно хорошо разобрался в психологических компонентах тюремного заключения, чтобы начать его исследование тем методом, которым я лучше всего владею — с помощью нормального эксперимента, Карло будет консультантом, Джаффи вернется обратно в Стэнфорд из Чикаго, где он подрабатывал летом, чтобы стать смотрителем тюрьмы, Крэйг Хэйни и Курт Бэнкс, которые тогда были аспирантами и работали со мной над другой темой, должны были стать интервьюерами, сборщиками данных и психологическими консультантами. Я должен был играть двойную роль главного исследователя и начальника тюрьмы.

...Сначала эксперимент будет описан в традиционной форме, принятой для сообщения об исследованиях коллегам на страницах профессиональных журналов.

Краткое содержание эксперимента

Исследовалось психологическое влияние исполнения ролей «надзирателя» или «заключенного» в контексте экспериментального моделирования тюремной среды. План эксперимента был довольно прост и предусматривал только одну варьируемую переменную — случайное распределение испытуемых на роли надзирателей и заключенных. Испытуемые играли эти роли в течение длительного периода времени (почти целую неделю) в среде, которая материально воссоздавала обстановку, близкую к тюремной. Методология создания и поддержания психологического состояния тюремного заключения была основана на функциональном моделировании существенных характеристик «настоящей тюремной жизни».

Надзиратели могли самостоятельно проводить процедуры введения заключенных в тюремную обстановку и поддерживать тюремный режим, подчиняясь лишь определенным ограничениям. Узники, добровольно согласившиеся на все условия учреждения, где они теперь жили, различными способами справлялись с возникавшими у них стрессами и трудностями. За поведением обеих групп испытуемых проводили наблюдения, которые записывали и подвергали анализу. Зави-

симые переменные относились к двум основным типам: 1) взаимодействия между группами испытуемых и взаимодействия внутри каждой группы, которые записывались на видео- и аудиопленку и наблюдались непосредственно; 2) индивидуальные реакции, полученные с помощью анкетирования, опросников настроений, личностных тестов, ежедневных отчетов каждой смены надзирателей и постэкспериментальных интервью.

Испытуемые

В эксперименте участвовали 24 испытуемых, выбранные из 75 человек, которые откликнулись на газетное объявление, приглашавшее добровольцев-мужчин для участия в психологическом исследовании «тюремной жизни» с оплатой 15 долларов в день. Каждый респондент заполнил подробную анкету, касающуюся его биографических данных, медицинского и психиатрического анамнеза, предыдущего опыта, установок и склонностей по отношению к источникам психопатологии (включая случаи участия в преступлениях). Кроме того, с каждым респондентом провел интервью один из двух экспериментаторов. В конце концов, для участия в эксперименте были выбраны 24 испытуемых, которые были сочтены наиболее устойчивыми (физически и психически), наиболее зрелыми и проявлявшими наименьшую склонность к антиобщественному поведению. Методом случайного распределения половина испытуемых была назначена на роли надзирателей, а половина — на роли заключенных.

Испытуемые были нормальными, здоровыми мужчинами — студентами колледжей, которые на лето приехали в Стэнфорд. В основном они относились к среднему классу и принадлежали к белой расе (за исключением одного испытуемого-азиата). При выборе испытуемых выполнялось условие, чтобы до начала эксперимента они не были знакомы друг с другом. Такая предосторожность принималась для того, чтобы не разрушить ранее существовавшие дружеские связи и не допустить никакого переноса на экспериментальную ситуацию уже установившихся отношений или моделей поведения,

Испытуемые, попавшие в окончательную выборку, накануне дня начала эксперимента выполнили ряд психологических тестов, но результаты тестирования не обрабатывались до окончания эксперимента, чтобы избежать какой-либо селективной необъективности со стороны экспериментаторов-наблюдателей.

...Таким образом, наш анализ результатов основывается на данных, полученных на десяти заключенных и одиннадцати надзирателях, помещенных в наши экспериментальные условия.

ПРОЦЕДУРА

Помещение тюрьмы

Тюрьма была построена на участке коридора длиной 35 футов в подвале здания факультета психологии Стэнфордского университета. Были сооружены две стены, которые перегородили коридор. В одной из них была сделана единственная дверь, которая вела к блоку камер, а в другой находилось маленькое окошко для наблюдения. Три лабораторные кладовые были превращены в маленькие камеры (размером 6 на 9 футов) — обычные двери были заменены черными стальными решетками, а вся мебель вынесена.

Из мебели в камерах стояли только койки (с матрасом, простыней и подушкой) для каждого заключенного. Чулан, находившийся напротив камер, служил карцером для одиночного заключения; он был очень малых размеров (2х2х7 футов) и не освещался.

Кроме того, в соседнем крыле здания использовались еще несколько комнат: казарма для надзирателей (для переодевания в форму или в обычную одежду или для отдыха), спальня для смотрителя и начальника тюрьмы и комната для проведения интервью и тестирования. За окном для наблюдения на одном конце «двора» (маленькая внутренняя комната, изображавшая огороженный двор тюрьмы) находилось видеозаписывающее оборудование; там же было достаточно места для нескольких наблюдателей.

Подробности проведения эксперимента

Испытуемые-заключенные круглосуточно находились в имитированной тюрьме в течение всего периода исследования. Они были произвольно распределены по три человека в каждую из трех камер; остальные, были запасными и ждали вызова, находясь у себя дома. Испытуемые - надзиратели работали по 8 часов сменами по три человека; они находились в тюремной обстановке только в течение своей рабочей смены, а все остальное время жили своей обычной жизнью.

Ролевые инструкции

Всем испытуемым сказали, что они совершенно случайным способом будут назначены либо на роль надзирателя, либо на роль заключенного, и все они добровольно согласились играть любую из этих ролей за 15 долларов в день в течение

ние срока, не превышающего двух недель. Они заключили договор, гарантировавший им минимально достаточный рацион питания, одежду, жилье и медицинское обслуживание, а также денежное вознаграждение, а взамен подписали «намерение» исполнять предписанную им роль в течение всего эксперимента.

Из текста договора было ясно, что тем испытуемым, которые получают роли заключенных, следует ожидать, что во время тюремного заключения они будут находиться под надзором (они будут лишены или почти лишены права на уединение), а некоторые их основные гражданские права будут приостановлены, за исключением права не подвергаться физическому насилию. Они не получили никакой другой информации о том, чего им следует ожидать, или инструкции по поведению, соответствующему роли заключенного. Тем, кто на самом деле был назначен на эту роль, сообщили по телефону, чтобы они находились у себя дома в то воскресенье, когда должен был начаться эксперимент.

Испытуемые, назначенные на роли надзирателей, присутствовали на организационном собрании накануне дня поступления заключенных в тюрьму. Там они были представлены основным исследователям, «начальнику» тюрьмы (автору) и студенту-старшекурснику, который был ассистентом исследователя и исполнял административную роль «смотрителя» тюрьмы. Испытуемым сообщили, что мы хотим попытаться имитировать тюремную обстановку, ограничиваясь лишь рамками практических и этических соображений. Перед ними была поставлена задача «поддерживать в тюрьме порядок на разумном уровне, необходимом для ее эффективного функционирования», но конкретные способы выполнения этих обязанностей в явной форме указаны не были. До их сведения был доведен тот факт, что хотя многие из чрезвычайных обстоятельств, с которыми они могут столкнуться, принципиально непредсказуемы (например, попытки побега заключенных), в их обязанности входит быть подготовленными к таким непредвиденным происшествиям и уметь надлежащим образом справляться с разнообразными ситуациями, которые могут возникнуть. Смотритель тюрьмы проинструктировал надзирателей, сообщив им детали административного характера, в том числе: рабочие смены, обязательное ежедневное составление отчетов о деятельности надзирателей и заключенных за смену, составление отчетов о «серьезных инцидентах», где подробно описываются необычные происшествия, и режим раздачи пищи, работы и отдыха заключенных. Чтобы эти испытуемые начали привыкать к своим ролям еще до того, как в тюрьме появится первый узник, надзиратели помогали на за-

вершающем этапе подготовки тюремного комплекса — ставили койки в камеры, вешали на стены таблички, подготавливали казарму для надзирателей, передвигали мебель, бачки с охлажденной водой, холодильники и т. п.

Надзиратели в основном думали, что нас в первую очередь интересует исследование поведения заключенных. Но нас, конечно же, в такой же степени интересовало и влияние, которое окажет исполнение испытуемым роли тюремного надзирателя на его поведение и субъективное состояние.

Для того чтобы поведение надзирателей отражало их истинные реакции на экспериментальные тюремные ситуации, а не просто их способность выполнять инструкцию, им преднамеренно давали лишь минимальные указания по поводу того, каким должен быть надзиратель. Однако экспериментаторы в явной форме категорически запретили применение телесных наказаний и физического насилия и подчеркнули обязательность выполнения этого правила. Таким образом, единственным, но заслуживающим упоминания исключением, роли надзирателей изначально были относительно неструктурированными и требовали от каждого из них деятельности, необходимой для взаимодействия с группой заключенных, а также с другими надзирателями и тюремным персоналом.

Форменная одежда

Чтобы у испытуемых возникло чувство обезличенности, для каждой группы была введена одинаковая форменная одежда. Форма надзирателей состояла из простых рубашек и брюк защитного цвета, им полагалось носить свисток, полицейскую дубинку (деревянную) и зеркальные темные очки, которые скрывали глаза. Форма заключенных состояла из свободного миткалевого балахона с идентификационным номером на груди и на спине, легкой цепи с замком на лодыжке, резиновых шлепанцев и колпака, сделанного из нейлонового чулка. Нижнего белья им не полагалось. Каждому заключенному выдали зубную щетку, мыло, мыльницу, полотенце и постельное белье. Брать с собой в камеру личные вещи не разрешалось.

Мы одели заключенных и надзирателей таким образом для того, что бы усилить групповую идентичность и ослабить индивидуальную уникальность внутри каждой из групп. Форма защитного цвета должна была придавать обстановке военизированный характер, а свисток и дубинка служили символами власти и силы. Фасон формы для заключенных был разработан не только для обезличивания заключенных, но и для того, чтобы унижить их и служить символом их зависимого

и подчиненного положения. Цепь на ноге постоянно напоминала им (даже во сне, когда она ударяла по другой ноге) о враждебности окружающей среды. Благодаря сделанному из чулка колпаку стирались все различия, связанные с длиной и цветом волос или прической (в некоторых «настоящих» тюрьмах и в армии тот же эффект достигается бритьем головы). Из-за плохо сидевшей формы заключенные испытывали неловкость при движениях, поскольку эти «балахоны» были надеты на голое тело, заключенные были вынуждены принимать непривычные позы, больше походившие на женские, чем на мужские. Все это тоже было частью подавляющего личную волю процесса превращения в заключенного.

Процедура приема заключенных в тюрьму

С помощью полицейского отдела города Пало-Альто все испытуемые, назначенные на роль заключенных, были неожиданно «арестованы» у себя дома. Офицер полиции объявлял каждому из них, что он подозревается в совершении кражи со взломом или вооруженного ограбления, сообщал ему его законные права, надевал ему наручники, тщательно обыскивал (часто за этим наблюдали любопытные соседи) и, посадив на заднее сиденье полицейской машины, доставлял в полицейский участок. Там испытуемые проходили через стандартную процедуру снятия отпечатков пальцев и подготовки идентификационного файла, а затем их помещали в камеру предварительного заключения. Каждому узнику завязывали глаза, после чего один из экспериментаторов и испытуемый-надзиратель отвозили его в нашу мнимую тюрьму. В течение всей процедуры ареста, проводившие его полицейские сохраняли официальную серьезность, отказываясь отвечать на какие-либо вопросы и давать пояснения по поводу связи между этим «арестом» и имитационным тюремным исследованием.

Когда арестованный прибывал в экспериментальную тюрьму, его раздевали догола, опрыскивали препаратом против вшей (дезодорант-спрей) и на некоторое время оставляли обнаженным одного на тюремном дворе. После выдачи форменной одежды и фотографирования для «личного дела» заключенного помещали в камеру и приказывали ему не разговаривать.

Административные порядки.

Когда все камеры были заселены, заключенных приветствовал смотритель, который прочитал им тюремные правила (составленные надзирателями и смотрителем). Их надо было запомнить и соблюдать. К заключенным надо было обра-

щаться только по номерам, написанным на их форме, — это тоже было одним из способов их обезличивания.

Заключенным полагалось скудное трехразовое питание, им разрешалось три раза в день под конвоем посещать туалет и предоставлялось право ежедневно в течение двух часов читать или писать письма. Им предписывалось работать, за что они должны были получать почасовую оплату, которая и составляла их дневной заработок 15 долларов. Режим предусматривал два свидания в неделю, а также время для просмотра фильмов и занятий физкультурой. Три раза в день заключенных строили в шеренгу для «переклички» (один раз за рабочую смену каждого надзирателя). Сначала цель переклички состояла в том, чтобы удостовериться в присутствии всех заключенных и проверить, знают ли они тюремные правила и свои идентификационные номера. Первые формальные переклички длились только около 10 минут, но с каждым следующим днем (или ночью) их продолжительность спонтанно возрастала и иногда достигала нескольких часов. Надзиратели изменили многие из предварительно установленных административных процедур или не выполняли их, а некоторые права заключенных были забыты персоналом тюрьмы по ходу исследования.

Решение прекратить исследование

...Теперь мы имели дело уже не с интеллектуальной работой по проверке гипотезы, которая согласно канонам научной методологии должна проводиться совершенно бесстрастно. Мы погрузились в переживания настоящего момента: страдания заключенных, необходимость управлять людьми, а не переменными, эскалация силы и все неожиданные вещи, которые происходили вокруг и внутри нас самих.

В четверг вечером моя невеста Кристина Маслач пришла в тюрьму, чтобы помочь интервьюировать заключенных. Когда она подготавливала магнитофон и материалы интервью, я указал ей на шеренгу заключенных, которые с завязанными глазами и, едва волоча ноги, шли под конвоем в туалет. Когда я спросил, видела ли она заключенных (наш «цирк») она отвела взгляд и ответила со слезами на глазах: «То, что вы делаете с этими ребятами, ужасно». Прошла почти неделя эксперимента, но это был первый голос, который разрушил иллюзию реальности нашей тюрьмы. Он напомнил нам, что это были не заключенные, а ребята, которые не сделали ничего такого, что могло бы оправдать наше обращение ними, и что эксперимент вышел из-под контроля. Ни один человек и более чем 30 наблю-

дателей, которые приходили посмотреть (через окно для наблюдения) на наше исследование, ни один из дюжины родителей и друзей заключенных, которые дважды приходили на свидания, не усомнились в основных исходных положениях нашего эксперимента. Слезы Кристины нарушили консенсус «огруппленного мышления»... Ее эмоциональной реакции оказалось достаточно для того, чтобы восторжествовал разум, и мы решили прекратить исследование на следующее утро, чтобы все испытуемые могли посвятить целый день групповым процедурам дебрифинга и индивидуальным интервью. Таким образом, наша запланированная на две недели имитация тюрьмы, была прервана после шести дней и ночей исследования, ставшего для каждого из нас незабываемым переживанием, из которого мы до сих пор извлекаем уроки... .

Результаты

У нас имеется большое количество результатов, относящихся к тем событиям и формам поведения, которые мы оценивали и записывали на пленку. Здесь приводится лишь краткий обзор этих результатов, чтобы мы смогли уделить основное внимание рассмотрению и обсуждению открытий, сделанных с помощью нашей экспериментальной парадигмы.

1. Структурный анализ записанных на видеопленку 25 случаев взаимодействия между заключенными и надзирателями ясно указывает на существование резких различий между этими двумя группами. Для поведения надзирателей были характерны следующие черты: приказы, оскорбления, угрозы, вербальная и физическая агрессия и обезличивающее отношение к заключенным. Заключенные сопротивлялись, отвечали на заданные им вопросы и задавали вопросы. Но в поведении заключенных наиболее примечательны не особые качественные характеристики, а низкий базовый уровень активности. С каждым следующим днем заключенные становились все пассивнее, редко предпринимали действия по своей инициативе и в лучшем случае только реагировали на требования надзирателей.

2. Уровень вербальной и физической агрессии надзирателей постоянно повышался течением времени. Каждый из надзирателей в тех или иных случаях проявлял жестокость по отношению к заключенным и унижал их. Однако некоторые делали это только иногда, в то время как примерно одна треть надзирателей систематически проявляли агрессивность и настолько деградировали, что их поведение можно было назвать садистским. Казалось, что им было приятно видеть страдания заключенных.

3. У заключенных наблюдалась заметная тенденция к возрастанию негативизма, депрессии и склонности причинять вред другим людям.

4. Все заключенные испытывали сильные душевные страдания. Половина из них (5 испытуемых) не смогли эффективно с ними справиться, и из-за крайней депрессии, острой тревоги или психосоматических заболеваний их пришлось освободить.

5. Ни в одной из полученных нами до эксперимента личностных оценок испытуемых не наблюдалось различий, которые позволили бы прогнозировать (или объяснить постфактум) столь резкие различия в поведении между заключенными и надзирателями или между самыми жестокими и самыми снисходительными надзирателями. Единственными диспозиционными оценками, связанными с явным поведением в этой ситуации, являлись показатели по F-шкале авторитарности и время, в течение которого заключенный продолжал участвовать в исследовании. ...По-видимому, заключенным с большей склонностью к авторитарности было психологически проще переносить авторитарную атмосферу тюрьмы. Созданную нами среду можно вполне справедливо охарактеризовать как авторитарную.

6. Записывая частные разговоры заключенных, мы узнали, что почти все, о чем они разговаривали (90%), было непосредственно связано с тюремными условиями, пищей, правами, наказаниями, тревогами жалобами. Таким образом, даже когда заключенные были одни и не участвовали в унижительных столкновениях с надзирателями, они, тем не менее, сохраняли иллюзию тюремного заключения, разговаривая о нем, а не о своей прошлой или будущей жизни (как мы ожидали)

7. Один из наиболее примечательных случаев за все время эксперимента произошел во время заседания комиссии по досрочному освобождению. Каждого из пяти заключенных спрашивали, согласен ли он отказаться от всех заработанных в тюрьме денег, если его досрочно освободят (от участия в исследовании). Трое из пяти заключенных ответили согласием и выразили желание сделать именно так. Отметим, что исходным мотивом для участия в исследовании было обещание денежного вознаграждения, а всего лишь через четыре дня заключенные были готовы полностью отказаться от денег. Еще удивительнее то, что когда заключенным говорили, что такую возможность надо обсудить с персоналом тюрьмы и только после этого можно принять решение, то каждый из них покорно вставал и под охраной надзирателя возвращался обратно в свою камеру. Если

они считали себя просто испытуемыми, которые за деньги участвуют в эксперименте, то у них больше не было никакого стимула оставаться участниками исследования, и они могли легко выйти из ситуации, вызывавшей у них столь явное отращение, путем отказа от дальнейшего участия.

Но данная ситуация приобрела над ними такую мощную власть, имитированная среда стала для них настолько реальной, что они уже не могли понять, что их первоначальный и единственный мотив участия в эксперименте больше не существовал. Поэтому они возвращались в свои камеры ожидать от своих тюремщиков решения о «досрочном освобождении».

8. Если попытаться ответить на наши исходные вопросы, то вполне очевидно, что в тюрьме сложилась угрожающе патологическая обстановка; со стороны надзирателей это проявлялось в жестокости и злоупотреблениях властью, со стороны заключенных — а стойких проявлениях приобретенной в тюрьме беспомощности. ...Индивиды, тщательно подобранные по критериям нормальности, здравомыслия и однородности их личностных черт, через несколько дней стали действовать таким образом, что вне данного контекста их поведение было бы сочтено аномальным, безумным, невротическим, психопатическим и садистским. Их поведение определялось исполняемой ролью, и его нельзя было объяснить ранее существовавшими чертами характера или, так называемой «преморбидной» (- травмирующей – *прим. мое – Т.Х.*) историей.

Открытия

...Эта подвальная тюрьма, которая причинила столько страданий и способствовала торжеству зла, стала также неожиданным источником знания...

...Открытия, которых я собираюсь коснуться в этой статье, имеют отношение к темам власти, времени, обезличенности и к правилам...

Власть.

Власть — это самая важная переменная в социальной психологии в то же время наиболее игнорируемая...

В нашей имитированной тюрьме власть была главным фактором, от которого зависели все и вся. Со всеми нами постепенно, но неуклонно происходила метаморфоза — мы начинали ориентироваться на власть. Типичная хроника такой метаморфозы представлена в записях из дневника одного из надзирателей:

До начала эксперимента. Поскольку я пацифист и не склонен к агрессии я не могу себе представить, чтобы когда-нибудь я мог охранять других живых существ и/или плохо обращаться с ними.

После организационного собрания. Покупка форменной одежды в конце собрания подтверждает игровой характер этого дела. Сомневаюсь, что многие из нас разделяют ожидания экспериментаторов по поводу «серьезности» будущего исследования.

Первый день. Уверен, что заключенные будут насмеяться над моим внешним видом, поэтому выработал свое первое стратегическое правило — никогда не улыбаться, что бы они ни говорили и ни делали. Это означало бы признать, что все это только игра... Я останавливаюсь у камеры 3 и суровым басом говорю номеру 5486: «Чему ты улыбаешься?» — «Ничему, господин надзиратель». — «Мы проследим, чтобы ты не улыбался». (Уходя, я чувствую себя глупо.)

Второй день. Номер 5704 попросил сигарету, а я проигнорировал его просьбу — сам я не курю и не мог ему посочувствовать... Между тем я чувствую симпатию к номеру 1037, поэтому решил с ним не разговаривать... После переключки и отбоя мы с надзирателем Д, громко разговаривали о том, как пойдем домой к своим девушкам и что мы с ними будем делать.

Третий день (подготавливаясь к первому вечернему свиданию). Предупредив заключенных, чтобы они ни на что не жаловались, если не хотят, чтобы свидание было быстро прекращено, мы, наконец, впустили первых родителей. Я позаботился о том, чтобы присутствовать во дворе во время свидания, потому что это была моя первая возможность манипулировать людьми. Это как раз тот вид власти, который мне нравится больше всего — быть заметной фигурой и иметь почти полный контроль над всем, что говорится или о чем умалчивается. В то время как родители и заключенные сидели на стульях, я сидел на краю стола, болтая ногами, и возражал против всего, что мне только было угодно. Это был первый момент эксперимента, который мне по-настоящему понравился. ...Номер 817 мне надоедает, стоит за ним присмотреть.

Четвертый день. ...Психолог сделал мне выговор за то, что я надел заключенному наручники и повязку на глаза перед тем, как увести его из (консультационного) кабинета, а я возмущенно ответил, что это необходимая мера безопасности и, кроме того, моя обязанность.

Пятый день. Я пристаю к «Сержанту», который упрямо продолжает «перевыполнять» все приказы. Я выбрал его, чтобы поиздеваться над ним особо, потому что он сам на это напрашивается и, кроме того, он просто мне не нравится. Настоящие неприятности начинаются во время обеда. Новый заключенный (416) отказывается есть сосиску,.. мы кидаем его в карцер, приказав держать в каждой руке по сосиске. У нас кризис власти, это непослушание может лишить нас полного контроля над остальными заключенными. Мы решили сыграть на солидарности заключенных и сказали новенькому, что все остальные будут лишены свидания, если он не съест свой обед... Я прохожу мимо и колочу дубинкой по двери карцера. Я очень сердит на этого заключенного за то, что он доставляет неудобства и неприятности другим. Я решил накормить его насильно, но он не стал есть. Я размазал еду по его лицу, Я не мог поверить, что это делаю я. Я ненавижу самого себя за то, что заставлял его есть, но его я ненавижу еще больше за то, что он не ел.

Шестой день. Эксперимент окончен. Я очень рад, но поражаюсь тому, что некоторые другие надзиратели несколько разочарованы, потому что они теряют деньги, а некоторые — потому что им это очень нравится.

Применение власти сначала было средством контроля над непослушными заключенными, помогало более эффективно проводить административные процедуры и так далее — но вскоре власть сама по себе стала доставлять удоволь-

ствие. Власть начали использовать не для достижения какой-нибудь конкретной цели, а в качестве политической декларации о необходимости признания и принятия существующего положения вещей. Например, применение силы, издевательства и агрессия со стороны надзирателей стабильно нарастали день ото дня, несмотря на то, что сопротивление заключенных, которое изначально служило оправданием этих действий, уменьшалось и постепенно прекратилось. Возрастало не только количество прямых актов применения власти со стороны надзирателей, но и число случаев косвенного использования символов власти. Надзиратели, например, постукивали дубинками по своим ладоням или по мебели, расхаживали с важным видом и принимали самодовольные позы, подкрепляя, таким образом, пустяковые бессмысленные приказы. В то время как обладающие властью надзиратели, казалось, становились выше ростом, смиренные заключенные уменьшались, в росте в буквальном смысле, сутулясь и опуская головы. В конце исследования мы задали всем испытуемым вопрос: по каким критериям, по их мнению, происходило распределение на заключенных и надзирателей? Надзиратели считали, что это распределение не имело никакой систематической рациональной основы; в восприятии заключенных, наоборот, существовала очевидная причина — «потому что надзиратели были выше ростом». Таким образом, заключенные сами, в конечном счете, наделили надзирателей особой властью; они помогали создать образы своих наводящих страх тюремщиков.

Время

...Поскольку в тюрьме нет ни окон, ни часов, по которым можно был бы следить за ходом времени, нет значительных событий, достойных стать метками времени в памяти, тюрьма становится машиной времени, которая играет шутки с человеческими представлениями о времени...

Заключение в тюрьму нарушает непрерывность жизни, отрывая узника от его прошлого, отдаляя будущее и вводя в качестве главной системы отсчета времени ограниченное непосредственное настоящее. Из-за бесконечной рутины и однообразной повседневной деятельности начинает казаться, что время идет по кругу; жизнь не расчленяется на отличающиеся друг от друга содержательные линейные промежутки, а напоминает движение муравья по ленте Мёбиуса. Не имеет значения, кто ты, кем ты был и даже кем ты станешь. Главное — это насколько ты защищен и какой властью обладаешь сейчас. В атмосфере, где первостепенное значение приобретает выживание, будущее становится непозволительной роско-

шью. Точно так же опасно слишком часто возвращаться мыслями в прошлое — если оно вызывает ностальгию, то вы не захотите возвращаться в уродливое настоящее или потеряете бдительность и окажетесь неподготовленными к нападкам, которые возможны в любой момент...

Поскольку в восприятии узника главным вопросом является выживание, то тюремное заключение неизбежно приводит к постоянной фиксации внимания на настоящем, из-за чего люди теряют жизненную перспективу. Они чрезмерно остро реагируют на незначительные стимулы и не умеют планировать важные события — например свои действия после того, как наконец настанет день освобождения.

<...>

В результате незаметного искажения чувства времени, у узников тюрьмы происходят необратимые изменения основополагающих аспектов мышления, эмоциональной сферы и социального взаимодействия, и (жизнь заключенных лишается смысла...).

Обезличенность

...Условия, которые снижают чувство собственной уникальности человека и лишают его индивидуальности, порождают антисоциальное поведение, например агрессию, вандализм, воровство, мошенничество, Грубость, а также равнодушие к другим людям... И наоборот, просоциальному поведению способствуют такие факторы среды или межличностные условия, которые усиливают у человека чувство социального признания и самоидентичности. В ответ на ощущение, что тебя никто не знает и знать не хочет, возникает нежелание замечать других людей или заботиться о них. Золотое правило «поступать с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой» тускнеет по мере того, как обезличенность уничтожает мотивационную основу контроля над своим социальным поведением.

В тюрьмах предусмотрены специальные меры для достижения максимума обезличенности. Это обязательное ношение форменной одежды, по которой можно отличить заключенных от надзирателей. Фамилии могут быть заменены номерами, которые, с административной точки зрения, становятся важнее имен. Индивидуальные особенности стираются посредством бритья голов у новых заключенных, обязательной для заключенных и надзирателей стандартной длины волос, стандартной пищи (в стандартных мисках и кружках), которую едят стандартными столовыми приборами в установленное время. Потеря индивидуальности усили-

вается за счет ограничения количества личных вещей и деталей личного характера в камере, а также путем неожиданных обысков заключенных и их камер.

В окружающей их со всех сторон обезличенной среде у заключенных возникает потребность в индивидуальности, которая вынуждает их делить свой мир на «мое» и «не мое». Поскольку у них такая маленькая личная территория, то ее приходится защищать (часто ценой своей жизни), если они вообще хотят иметь хоть какую-нибудь ситуационную идентичность. Для заключенного кусок мыла, полотенце или карандаш становятся драгоценным имуществом, за которое он готов драться, если на него кто-нибудь посягнет. Это его вещи — а в мире, где ему почти ничего не принадлежит, все свое надо защищать. Этой же потребностью объясняются ссоры, которые часто возникают в психиатрических больницах из-за того, что один пациент сел или облокотился на кровать другого пациента. Когда твоей территорией является только твоя кровать, то, несмотря на то что она похожа на все остальные кровати в палате, она не такая, как все другие, потому что она твоя и является физическим продолжением твоего <Я>.

<...>

Материальная структура тюрьмы внушает всем, кто находится в ее стенах, прямую, непосредственную и постоянно повторяемую мысль. Это место отличается от всех других мест, где тебе приходилось жить, и от мест, где живут уважаемые, достойные доверия и нормальные люди, Но разве этого же нельзя сказать о наших психиатрических больницах, домах престарелых и жилых кварталах дешевых домов для бедных? Дегуманизация тюремной среды очевидна также и в планировке помещений, которая способствует процессу обезличивания, сводя к минимуму возможность любого уединения, кроме одиночного заключения. Коллективный прием пищи в столовой, коллективные физические упражнения во дворе или в коридорах, камеры с решетками вместо дверей или похожие на клетки для животных, которые просматриваются со всех сторон, означают, что заключенный потерял право на частную жизнь, уединение и индивидуальный подход. Заключенным приходится психологически обособляться, создавать себе личную жизнь в мечтах или фантазиях, чтобы уединиться в толпе или быть невидимыми, несмотря на постоянное наблюдение за ними стражников и других заключенных. В нашей имитированной тюрьме некоторые заключенные нарушали правила специально для того, чтобы их посадили в одиночку, то есть в карцер, который они считали спасительным местом покоя и уединения.

Длинные коридоры, голые камеры и серые стены обеспечивают минимум разнообразия сенсорной информации и способствуют притуплению чувств, как и монотонность ежедневного режима приема пищи, работы, отдыха и всего остального, когда человек является как бы деталью технологического процесса.

<...>

Тюрьмы, как и другие общественные институты, способствуют обезличиванию также путем лишения человека возможности выбора и подавления проявлений эмоций. Человеческий потенциал может быть раскрыт только тогда, когда индивидуумы могут свободно выбирать. Мужчины и женщины могут свободно управлять своими судьбами и не попадать под контроль других именно потому, что они способны производить выбор... «Индивидуальная воля» и «свобода выбора» угрожают тюремной атмосфере, поэтому эти понятия переопределяют и подменяют «своеволием», «упрямством» и «революционным обструкционизмом». Лишить человека свободы выбора — значит разрушить основной ингредиент человеческой природы. Это наиболее деструктивный фактор тюремной дегуманизации. Когда отрицание возможности выбора имеет место во всей среде, действующие лица становятся подопытными животными» а индивиды лишь пассивно обрабатывают поступающую из внешней среды информацию. Такие люди теряют способность к самоуправлению, а также когнитивную способность изменять последствия воздействия враждебных внешних сил. Систематически лишая узников возможности даже самого мелкого выбора, тюрьма опошляет и делает бессмысленной их жизнь. Это завершающий акт дегуманизации. «Нищие не могут выбирать» - напоминаем мы бедным — и всем остальным, кого тоже заключили в тюрьму.

Когда люди теряют возможность переживать эмоции или обедняется их эмоциональная экспрессия, это считается признаком серьезных психологических нарушений, например, при аутизме или шизофрении. При отсутствии эмоций нет основы для эмпатии, для привязанности к другим, для любви, заботы, для боязни последствий для себя, которые вытекают из собственных действий. Человек без эмоций становится роботом, автоматом, животным и самым опасным потенциальным врагом человечества. Вместо того чтобы способствовать более полному и нормальному выражению эмоций заключенных, тюрьма выполняет прямо противоположную функцию, создавая условия, в которых эмоции искажаются, сдерживаются и подавляются. В обстановке тюремного заключения эмоции надо сдержи-

вать, поскольку они представляют собой спонтанные, импульсивные, часто непредсказуемые индивидуальные реакции. В организациях, задачей которых является управление индивидами с девиантным поведением, такая эмоциональная экспрессия рассматривается как источник потенциальной опасности и должна находиться под контролем.

<...>

Мы должны, в конце концов, признать, что состояние обезличенности возникает не только в тюрьме и прочих местах, куда люди попадают не по своей воле. Когда окружающая среда воспринимается людьми как враждебная, люди сами стремятся к защитному камуфляжу анонимности. Поэтому мы можем судить о гуманности среды также и по количеству социальных индикаторов, указывающих, на то, что люди предпочитают анонимность. По мере того как растет преступность, поступают! оскорбительные телефонные звонки, убийства становятся обычными, а выдающихся людей похищают ради получения выкупа, граждане хотят раствориться в толпе, быть фоном, а не фигурой. Они изымают свои имена из телефонных книг, а адреса — из официальных картотек. Люди также стараются жить и одеваться таким образом, чтобы не привлекать к себе чрезмерного внимания — то есть вообще не иметь стиля жизни.

Ученый, занимающийся прикладными социальными науками, должен проявлять особое внимание к состояниям анонимности, которая делает всех нас потенциальными вандалами и убийцами или хамелеонами и ничтожествами.

«Если вы будете выполнять все эти правила... то мы с вами отлично поладим». Если же не будете, то в последнем правиле всегда сказано, как вы будете наказаны.

Мы знаем, что правила являются главной основой всех институциональных подходов к управлению людьми. Организации отличаются только по количеству установленных в них правил и по степени их явности и подробности, но организаций без правил не бывает. Правила налагают на межличностные отношения безличную внешнюю структуру. Они устраняют из социального взаимодействия неопределенность. Они делают человеческое поведение более предсказуемым путем снижения числа идиосинкразических реакций и индивидуализированных интерпретаций того, как следует себя вести. Правила устраняют потребность в личных объяснениях или оправданиях любого желаемого образа действий. Достаточно одного того, что так полагается «по правилам». В институциональной обста-

новке количество правил быстро растет. Они начинают жить своей собственной жизнью, их продолжают подкреплять даже после того, как они устаревают, и те, кто обеспечивает их соблюдение, уже не могут вспомнить их первоначальной цели. Принудительные правила автоматически навязывают людям властные отношения: кто-то должен обладать властью для их проведения в жизнь, а кто-то должен им подчиняться. Те, кто подчиняется, часто начинают ожидать, что управляемая правилами среда создаст определенный порядок, и даже уважают его.

В ответ на мой вопрос о том, какими характеристиками обладают хорошие надзиратели, многие заключенные, с которыми я переписываюсь, отвечали, что это люди, которые придерживаются инструкции, справедливы и являются настоящими профессионалами, потому что не делают ни для кого исключений. С точки зрения заключенных, на такого человека можно положиться и его поведение предсказуемо, потому что он тоже подчиняется правилам.

Одним из незамеченных психологами аспектов тюремного (и обычного повседневного) управления с помощью принудительных правил являются последствия подчинения правилам и их нарушения. Поскольку правила — это формулировки, описывающие ожидаемое поведение или нормы стандартного поведения, подчиняясь правилам, человек просто делает то, что от него ожидают, — и его поведение остается незамеченным. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация — чем больше существует правил, определяющих поведение, и чем точнее человек выполняет все правила, тем реже случаи, когда он получает положительное подкрепление.

Поскольку от людей ожидают соблюдения правил, то оно не вознаграждается. Однако нарушение правил всегда бывает замечено и сопровождается наказанием. На самом деле единственный надежный способ проверить строгость контроля за соблюдением правил в новой ситуации — это нарушить правило и посмотреть, последует ли за этим наказание. Суровость наказания зависит от институциональных санкций, от индивидуальных предпочтений агента, осуществляющего контроль, и от того, насколько дегуманизировано воспринимается объект наказания. Таким образом, существование множества явных принудительных правил снижает вероятность модификации поведения с помощью подкрепления, в то же самое время повышая вероятность использования методов наказания.

<...>

И последнее, что мне хотелось бы сказать о правилах, — они с удивительным коварством настолько глубоко укореняются в нашем социальном программировании, что в течение всей жизни продолжают влиять на наше поведение в ситуациях, которые лишь отдаленно напоминают исходную. В некоторых случаях соблюдение правила может даже оказаться контрпродуктивным или антисоциальным, потому что внимание будет приковано к тем аспектам ситуации, которые связаны с соблюдением правила, а принципиальный характер ситуации будет недопонят.

...Когда ученые, занимающиеся прикладными социальными науками, указывают на мощные силы, которые в определенных ситуациях могут разрушить личность, наши представления о характере и идентичности и даже моральные ценности, они должны также признать наличие предварительной социальной подготовки, с помощью которой культуры наделяют властью символы, устанавливая созданные из ничего, но обусловленные стимулы и связывают поведение произвольными правилами. (Источник: Э.Пайнс, К.Маслач. Практикум по социальной психологии. — СПб.: Изд-во ПИТЕР, 2000. с. 296-320.)

Вопросы для самопроверки:

1. *Какие знания общенаучного характера необходимы ученому-исследователю?*
2. *Что такое методология, методика, техника и метод исследования?*
3. *Что включает в себя общая схема научного исследования?*
4. *Раскройте содержание понятий: определение проблемы, объекта и предмета исследования, постановку целей и задач, операционализацию основных понятий, выдвижение гипотезы исследования?*
5. *Опишите (в общем) социологические методы исследования девиантного поведения.*
6. *В чем заключается специфика проведения опросов? Что такое выборка? Какие требования нужно соблюдать при составлении вопросов?*
7. *Перечислите известные вам психологические методы исследования девиантности. Что собой представляют опросники и тесты?*

8. *Какие возможные опасности связаны с использованием опросных и тестовых методик? Что такое валидность и надежность?*
  9. *Опишите общую логику проведения эксперимента.*
  10. *Что такое нулевая гипотеза? Что значит, если она подтверждается в процессе эксперимента?*
  11. *Какой интерес представляют для девиантолога методы исторического и кросс-культурного анализа?*
  12. *Что означает требование соблюдения корректности исторических и культурных аналогий?*
  13. *Какие принципы философского анализа применимы к изучению девиантного поведения?*
  14. *Что означает вопрос об онтологических характеристиках человека и общества? Для чего девиантологу необходимы ответы на эти вопросы?*
-

ГЛАВА II.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

(как закрепляются и поддерживаются нормы)

Девиантность немыслима без своего необходимого дополнения – нормы. Ведь любые отклонения – это отклонения от **чего-то**, что считается нормой. Нормы и правила нас окружают со всех сторон. Они пронизывают жизнь человеческих сообществ, часто оставаясь неявными, скрытыми. Однако, они не существуют сами по себе. Необходимы специальные усилия общества, что бы нормы передавались из поколения в поколение, упорядочивая жизнь людей. Не менее важно обеспечить выполнение этих норм «здесь и сейчас». В этой главе мы сначала рассмотрим, как и в какой форме нормы и правила *существуют*, пронизывая и регулируя наш опыт. Затем, мы рассмотрим, как они *закрепляются* в сознании людей. Наконец, обратимся к тому, как они *поддерживаются*. Между этими процессами нет абсолютной разницы. Они постоянно переходят друг в друга, оставаясь трудноуловимыми. Как мы увидим далее, значительная их часть проходит мимо нас незамеченными. Итак, по порядку.

§1. Нормы в повседневной жизни.

Жизнь в обществе себе подобных требует от человека знания. Знания о самых разных вещах. Нам нужно знать, что означают те или иные слова, что бы общаться с другими людьми. Нужно знать, что означает то или иное выражение лица людей, с которыми мы общаемся. Нужно знать как нам вести себя в тех или иных ситуациях. Нужно.... . Этот перечень можно продолжать до бесконечности. Объем самого необходимого для жизни знания, которым обладает каждый из нас, намного превосходит объем памяти любого персонального компьютера. Большую часть этого необходимого, повседнев-

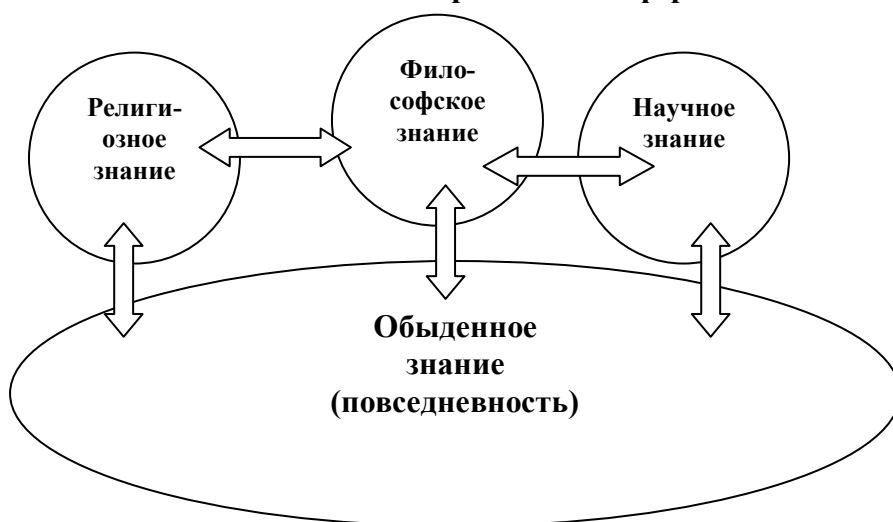
Социальная компетентность
– знание повседневных, «самостоятельно разумеющихся» правил взаимодействия между людьми.

ного знания, составляет знание правил. Правил, пронизывающих нашу с вами повседневность. Можно определить знание правил повседневности, как *нормативное*. Обладание этим знанием составляет сущность **социальной компетентности**. Социальная компетентность подразумевает умение общаться с другими, понимать их реакции и намерения, прогнозировать их поведение в процессе взаимодействия и т.п. Помимо этого, можно выделить, собственно **нормативную компетентность** – знание что можно и чего нельзя делать или говорить в тех или иных ситуациях. Таким образом, **все нормы и правила, регулирующие жизнь людей, можно рассматривать, как знание**. В дальнейшем, мы будем придерживаться именно этого подхода. При этом, мы опираемся на очень влиятельную в современной гуманитарной науке, *постмодернистскую* традицию. В наиболее полной форме взгляд на общество с позиций знания представлен в книге американских социологов П.Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». Рекомендуем ее всем, желающим ознакомиться с данным подходом подробнее. Согласно этому подходу, знание является главным, центральным элементом любого сообщества людей. Любая активность людей по отношению к друг другу, а чаще всего и по отношению к самим себе, опирается на знание. Учитывая, что социальная активность людей подчиняется правилам, мы можем поставить знак равенства между знанием и нормами. «Стоп, хватит!» – воскликнет читатель, привыкший рассматривать знание, как что-то, имеющее отношение к науке и учебе – «знание - знанием, а сколько людей вокруг никогда ни о каком знании не задумываются, просто живут себе, да и все!». Конечно, далеко не все люди имеют отношение к *теоретическому* знанию. С ним связан достаточно узкий круг людей – интеллектуалов. Однако нужно говорить о *сферах знания*. Теоретическое знание, объясняющее и описывающее окружающий мир в терминах и понятиях науки, - только одна из сфер знания. Кроме него суще-

Постмодернизм в науке – общий подход, описывающий общество в терминах информации и множественности знания; связан с отказом от «жесткого» знания, допускает плюрализм теорий, мнений и ценностей; особое внимание уделяет знакам и знаковым системам.

ствуют и другие сферы: религиозное знание, философское знание. Каждая из этих сфер описывает и объясняет свой тип реальности. Очень часто, эти реальности сильно отличаются друг от друга. Мир ученого (кванты, пространство, галактики и т.д.), отличается от мира монаха (спасение души, грех, добродетель и т.п.). Оба они отличаются от мира философа (сущность, бытие, универсалии). Заметим, что мы говорим о различии, а не о противоречии. Однако и ученый, и религиозный деятель, и философ разделяют между собой и с другими людьми *реальность повседневности*. Повседневность – это то поле, на котором мы играем игру жизни. Это то, что само собой разумеется, и часто, просто не замечается. Повседневность отражена в **обыденном знании**, общем для всех. Простые и понятные истины, типа «солнце – желтое, вода – мокрая, а Земля - вертится». Сюда же относится знание того, например, что люди плачут, когда у них горе и улыбаются, когда радуются. Что ходить по улице нужно в одежде. Это то, что знают все. Это то, что **нужно** знать, что бы жить вместе с себе подобными. Я не смогу общаться с другими людьми, если не буду знать, как это делать. Подчеркнем, что упомянутые нами сферы знания отнюдь не абсолютно изолированы друг от друга. Они взаимно пересекаются, подпитывают и обогащают друг друга. Их отношения могут быть представлены в виде схемы.

Взаимное отношение различных сфер знания.

Обыденное знание образует как бы платформу для других типов знания. В то же время, оно содержит в себе элементы других сфер знания. В обыденном знании присутствуют элементы научных теорий («земля вертится»), философских концепций («права человека»), религиозных учений («грех»).

Обыденное знание не только доступно всем, оно к тому же, принудительно. Принудительно, значит – нормативно. Обыденное знание делает нас «нормальными» в самом общем смысле. «Нормальность» означает знание тех неявных правил и смыслов, которые лежат в основе социальной жизни. Можно говорить о *контекстах*, как нормативных системах, упорядочивающих и придающих смысл взаимодействиям. Любое поведение обретает смысл в каком то контексте, подчиняясь присущему этому контексту порядку. Сам контекст – это некоторая система норм и значений. Наше поведение в каждом конкретном случае ориентировано на контекст, -

«ситуация радости», «ситуация горя», «ситуация с друзьями», «ситуация с незнакомыми» и т.д. Каждая из этих и любых других ситуаций имеет свои правила и свои значения. Их нельзя смешивать. Например, мы не станем общаться с другом так, как общаемся со случайным знакомым. Мы по разному разговариваем с родителями и друзьями. Таким образом, сама наша

Семантический – связанный со значением. Например, семантические правила языка определяют значения слов и выражений, устанавливая определенный порядок их употребления.

повседневность организована нормативно и *семантически*. Когда семантические и нормативные контексты нарушаются, мы говорим о девиантности. Представим ситуацию, когда два человека идут навстречу друг по городской улице. Оба обмениваются короткими взглядами, осматривая лицо и одежду другого. Подходя ближе, и проходя мимо друг друга, они отводят глаза в сторону, избегая встречного взгляда. Подобное происходит ежедневно, миллионы раз в разных городах разных стран. Эта ситуация абсолютно обычна. Она «нормальна». Девиантность проявилась бы, если бы один из незнакомых прохожих вдруг не отвел бы взгляда и «уставился» бы на другого. Общение с

друзьями выстраивается в другом контексте. Здесь свои правила. Например, опять о взгляде. Когда мы беседуем с другом, каждый из нас демонстрирует внимание и увлеченность беседой, время от времени глядя в глаза собеседнику, но, отнюдь не *уставившись* на него. Слишком пристальный взгляд может восприниматься как знак недоверия или непонимания. Если же разговаривающий совсем не смотрит в глаза собеседнику, то его могут счесть уклончивым, хитрым или странным.

Изучение повседневности чрезвычайно интересно и полезно для девиантологического анализа. Через анализ повседневности мы получаем представление о фундаментальных основаниях нормативности и девиантности. Социологи, описывая повседневность, используют понятие **фоновых ожиданий**. Фоновые ожидания делают возможным взаимное общение людей. Именно, благодаря их наличию, особенно заметны бывают случаи нарушения этих ожиданий. Подробнее об этом, – ниже.

Фоновые ожидания – взаимные ожидания участников социального взаимодействия, что партнер по общению знает «самой собой разумеющиеся» правила, понимает контекст ситуации.

Взаимное совпадение фоновых ожиданий - норма для людей, принадлежащих к одной и той же *культуре*. Само понятие культуры, мы более подробно разберем ниже. Сейчас же, отметим, что культуру можно рассматривать, как систему знаков, значения которых известны всем людям, принадлежащим к данной культуре. Самого человека можно определить, как существо, способное оперировать знаками и создавать знаки. «Homo semeioticus», если хотите (от греч. semeiotos - обозначенный). Наше мышление организовано посредством знаков. Знак – это метка, обозначающая реальный объект или совокупность объектов, т.е. – имеющая значение. Фактически, мыслить - значит оперировать знаками (словами, например). Знаки группируются в системы. Так существуют системы жестовых знаков (стандартные позы, жесты и телодвижения), лингвистических знаков (слова), системы физических, материальных знаков (например, крест или особый вид одежды). Язык – наиболее важная знаковая систе-

ма. Это было подмечено очень давно. Евангелие от Иоанна начинается словами «Вначале было слово». Помимо языка, существуют, конечно, и другие важные знаковые системы, но они, в определенной мере, подчинены языку. Поэтому, важнейшей составляющей культуры является язык. Многие ученые считают, что любая культура имеет именно *лингвистические* основания. Наше восприятие мира организовано посредством языка. Те из читателей, кто не согласен, пусть попробует представить себе то, что нельзя назвать. Как только вы это сделали, вы уже дали название – «то, что нельзя назвать». Далее, плод вашего воображения может быть описан – словами, типа «это похоже на...» и т.д.

Это, в полной мере относится к повседневности. Контексты повседневности организованы вербально. Доступ к ним мы можем получить, именно через язык. Разумеется, какая-то часть повседневных норм не проговаривается явно, но она всегда подразумевается.

Несмотря на существование множества невербальных сигналов, используемых обычно нами и имеющих смысл для остальных, большей частью наше взаимодействие происходит в форме разговора или беседы. Социологи всегда считали, что язык имеет фундаментальное значение для социальной жизни. Однако подход, концентрирующийся именно на *использовании* языка в обыденных ситуациях повседневной жизни, разработан совсем недавно. В языковом общении чаще всего встречается разговор — нерегулярный вербальный обмен, происходящий в неформальных беседах с остальными. Значительный толчок к исследованиям разговора дали работы И.Гоффмана, посвященные этой теме. Но наиболее известны в этой области исследования Гарольда Гарфинкеля, основателя этнометодологии.

Этнометодология — изучение «этно-методов» (народных или обыденных методов), которыми люди пользуются для того, чтобы осмыслить действия и речь других.

Каждый человек пользуется своими методами *осмысления* процесса взаимодействия с другими, причем применяет их неосознанно. Мы можем понять

смысл разговора правильно в том случае, если известен контекст ситуации, который не проявляется в самих словах. Возьмем следующий разговор.

А: Как дела?. **В:** Плохо, скоро выписывают, А у тебя?.

А: Нормально, лежу до весны. **В:** Везет!

Как вы думаете, что происходит? Какие отношения между участниками разговора? Мы можем очень легко понять, что и почему они говорили, если догадаемся, или нам скажут, что это разговор между двумя друзьями, «косящими» от армии. Разговор тогда становится осмысленным и «очевидным». Тем не менее, без знания социального контекста, разговор выглядит странным. *Часть* смысла находится в словах, а *часть* в социальном контексте, связанном с разговором. В контексте разговор становится совершенно осмысленным и кажется очевидным.

Большинство малозначительных форм ежедневного разговора предполагает сложное коллективное знание, «вводимое и игру» участвующими сторо-

Гарфинкель Г. (1917) – американский социолог, создатель этнометодологии. Считал, что общество, как объективная реальность не существует, а сводится к объясняющей и интерпретирующей деятельности людей в процессе общения.

нами. Внешне это воспринимается как само собой разумеющееся, но в то же время даже самый незначительный разговор настолько сложен, что до сих пор не смогли создать компьютер, который мог бы беседовать с людьми, как мы общаемся между собой. Слова, используемые в обычной беседе, не имеют точного значения, и мы «подчеркиваем», что хотим сказать, или то, как мы поняли сказанное, используя не высказываемые вслух допущения, образующие фон беседы. Если

один человек спрашивает другого: «Чем ты занимался вчера?» — то его вопрос, очевидно, не подразумевает ответа типа: «В семь шестнадцать я проснулся, в семь восемнадцать встал е постели, пошел в ванную, и стал чистить зубы. В семь девятнадцать я включил ... и т.п.

Фоновые ожидания, посредством которых организуются обыденные разговоры, были основной темой в экспериментах Гарфинкеля, проведенных со студентами-добровольцами. Студенту необходимо было вовлечь в беседу

знакомому ему человека, и прояснять смысл любой ремарки и реплики. Случайные замечания, общие комментарии не оставались без внимания, активно извлекался их точный смысл. Если кто-то говорил: «Добрый день», — они отвечали: «Добрый — в каком смысле именно?», «Какое время дня вы имеете в виду?» и так далее. Приведем в качестве примера один диалог:

А: (*приветливо поднимает руку*) Ну, как ты? / **Б:** Как я, в каком смысле? Здоровье, финансы, учеба, душевное спокойствие, мое...

А: (покрасневший и внезапно теряющий самообладание) Вот что! Я только старался быть вежливым. Мне, честно говоря, наплевать, как ты там себя чувствуешь.

Почему при нарушении столь незначительных условностей разговора люди так выходят из себя? Вероятно потому, что стабильность и осмысленность нашей обыденной социальной жизни основывается на взаимном понимании не высказываемых вслух общекультурных допущений по поводу того, что говорить и как. Если бы способность воспринимать эти допущения как данность отсутствовала, то осмысленное общение было бы невозможным. В этом случае каждая реплика должна была бы сопровождаться громоздкой процедурой, как показали помощники Гарфинкеля; любое общение в таком случае разрушилось бы. Следовательно, то, что выглядит на первый взгляд незначительным разговором, оказывается фундаментальным каркасом социальной жизни. Именно поэтому нарушения подобных условностей воспринимаются так серьезно.

Бывает, что в повседневной жизни люди нарочно прикидываются игнорирующими подразумеваемые допущения, используемые для интерпретации высказываний, замечаний и вопросов. Это может делаться с целью дать отпор другим, подшутить над ними, вызвать смущение или привлечь внимание к двойному смыслу сказанного. Э.Гидденс, в своем учебнике, приводит классический обмен репликами между родителем и подростком:

Р: Ты куда-то идешь?

П: Из дому.

Р: Что ты собираешься делать?

П: Ничего.

Ответы подростка прямо противоположны ответам добровольцев в экспериментах Гарфинкеля. В отличие от ненормально настойчивых уточнений, подросток вообще отказывается отвечать по существу, — фактически говорит «Занимайся своим делом». Подросток должен понимать, когда намеренное игнорирование контекста общения возможно, а когда нет. Вряд ли он будет реагировать так же на реплики преподавателей, во время сдачи экзамена.

Большинство, рассмотренных нами примеров нормативной и семантической упорядоченности повседневности, обычно не заметны. «Нормальное» течение жизни не представляет проблемы, поэтому на повседневность редко обращают внимание. Однако, когда происходит «взламывание» повседневной упорядоченности (как в опытах Гарфинкеля), это заметно и вызывает возмущение. Это угрожает нашему миру, основам нашего существования. П.Бергер, говоря об этом, приводит следующий пример. Муж собирается утром на работу. Жена его провожает. Происходит обыденный обмен репликами: «Дорогая, я пошел в контору.» - «Удачного дня тебе дорогой». Все нормально. Эта ситуация не вызывает у ее участников каких-либо проблем. Контекст, присутствующий в обмене репликами разделяется обоими. Он понимает, что значит «удачного дня», она — что значит «контора». Но представьте себе реакцию мужа на небольшое изменение ситуации. Все то же самое, но вместо пожелания удачного дня он слышит: «Хорошо дорогой, не забудь захватить с собой ружье». Подобное нарушение контекста заставит его в срочном порядке рассматривать несколько возможных вариантов объяснения ситуации. Скажем, выбирать между объяснениями, типа «я сошел с ума» или «мне послышалось» или «она сошла с ума». Подобная ситуация будет явно девиантной.

Развивая начатое, скажем, что вообще, любые действия опираются на широкий культурный контекст, в рамках которого они и становятся «нор-

мальными» или «девиантными». Можно сказать, что на поступки людей окружающие накладывают, как бы, культурную матрицу, проявляющую «нормальность» или «девиантность поступка». Культура – одно из самых многозначных понятий в современной науке. В литературе можно встретить более ста определений культуры. Мы, используя социологическую трактовку, будем рассматривать ее, как систему норм, ценностей, обычаев и традиций, упорядочивающих повседневность.

Человеческие культуры очень разнообразны. Ценности и нормы поведения широко варьируются и часто весьма отличаются от того, что люди, принадлежащие к средиземноморской культуре (к которой принадлежим и мы с вами) считают «нормальным». Мы едим куриц, но не едим котят или щенков, которые считаются деликатесом в некоторых странах. Иудеи не едят свинину, в то время как индусы едят свинину и избегают есть говядину. Мы считаем поцелуй естественным проявлением сексуального влечения, но во многих других культурах он либо неизвестен, либо признается отвратительным. Все эти особенности поведения являются лишь аспектами широких культурных различий, отделяющих одно общество от другого.

<p>Культура – система норм, ценностей, идей, обычаев и традиций, упорядочивающих повседневную жизнь людей и регулирующих социальные взаимодействия.</p>
--

Культура небольших общностей унифицирована, единообразна. В больших индустриальных обществах внутренние культурные различия образуют многообразные *субкультуры*. В современных городах, например, бок о бок сосуществуют разнообразные субкультурные общности. Особенно это заметно в мегаполисах. В одном только районе Москвы можно обнаружить множество различных субкультурных группировок: китайцев, вьетнамцев, кавказцев, русских, греков и т.д. Все эти группы внутри себя ведут свой специфический образ жизни.

В каждой культуре приняты свои уникальные модели поведения, которые кажутся странными или, даже, девиантными представителям других культурных образований. Часто это происходит по причине отсутствия зна-

ния контекста. В переведенном у нас учебнике Э.Гидденса рассматривается в качестве примера культура Накирема, описанная в знаменитом исследовании Хораса Майнера. Приведем фрагмент из этого учебника, хорошо иллюстрирующий важность культурного контекста. Контекста, включающего в себя все многообразие смыслов и значений, задающих основания нормативности.

[Свое внимание Майнер сосредоточил на замысловатых телесных ритуалах Накирема — по мнению западного человека, весьма странных и экзотичных. Описание Майнера стоит привести здесь целиком.

В основе всей системы верований Накирема лежит убеждение, что человеческое тело уродливо и изначально склонно к болезням и одряхлению. Человек, обреченный иметь такое тело, может надеяться только на действие специфических ритуалов и церемоний. В каждом доме имеется несколько культовых предметов, специально для этого предназначенных. Важнейшим из них является ящичек, вделанный в стену хижины Накирема. В ящичке хранятся амулеты и различные магические снадобья, без которых не может обойтись ни один представитель племени. Снадобья и амулеты, как правило, изготовлены несколькими шаманами, каждый из которых специализируется в какой-то определенной области. Наиболее могущественными из них считаются знахари, и их помощь следует всегда щедро вознаграждать. Однако сами знахари лекарственных снадобий своим пациентам не дают, а лишь определяют их состав и записывают его на некоем тайном и древнем наречии. Наречие это понятно только знахарям и сборщикам лекарственных трав и корней, которые, опять-таки за подношения и дары, и приготавливают требуемое зелье.

Накирема испытывают почти патологический ужас и благоговение перед своим ртом, состояние которого, по их мнению, сверхъестественным образом воздействует на все общественные отношения. Народ Накирема верит, что если не исполнять определенный ритуал, зубы выпадут, десны начнут кровоточить, челюсти станут шамкать, а самого человека покинут друзья и отвергнут любовники. Дикари также верят в существование прямой связи между оральными и моральными качествами. Например, желая укрепить моральные качества своих детей, они заставляют их совершать ритуальные полоскания рта.

Ежедневный ритуал, неукоснительно соблюдаемый каждым Накирема, включает и специфические манипуляции с ротовой полостью. Однако, несмотря на то, что этот народ столь трепетно заботится об указанном органе, данный ритуал кажется непосвящен-

ному просто отвратительным. Мне говорили, что Накирема берут в рот пучок свиной щетины, покрытый магическим порошком, и выполняют там серию каких-то чрезвычайно формализованных движений.

Кто такие эти Накирема и в какой части света они живут? Вы сможете ответить на этот вопрос и идентифицируете описанный ритуал, если произнесете слово «Накирема» наоборот. Почти любое привычное действие покажется странным, если его вырвать из контекста и не рассматривать в качестве элемента специфического образа жизни данного народа.] (Цит. по Э.Гидденс «Социология». М.: Эдиториал УССР, 1999 – 704 с.)

Невозможно понять подобные действия и верования вне того культурного целого, частью которого они являются. Всякую культуру следует изучать исходя из ее собственных смысловых значений и ценностей — таково ключевое правило социологии. Социолог стремится в максимально возможной степени избежать *этноцентризма*, то есть попытки оценивать чужую культуру, сравнивая ее со своей собственной.

<p>Этноцентризм – <i>пристрастность, проявляющаяся в попытках оценки другой культуры, по меркам своей собственной.</i></p>

Это же правило, в полной мере, относится к девиантологическим исследованиям. В первой главе мы сформулировали это правило, как запрет на *ценностные суждения*. Там же мы указали на сложности, связанные с выполнением этого правила (скрытое влияние ценностей и необходимость выносить экспертные заключения по поводу «нормальности» тех или иных видов поведения).

Поскольку человеческие культуры весьма отличаются друг от друга, неудивительно, что представители одной культуры часто находят девиантными представления и поведение, принятые в другой. Однако, девиантолог должен уметь убирать шоры своей культуры, если хочет увидеть жизнь других людей в «истинном свете» - их собственном нормативном контексте.

Нормативные универсалии. Среди многообразия культурных норм и контекстов обнаруживаются и некоторые общие черты. Те из них, которые

присутствуют в той или иной форме во всех, или почти во всех обществах, называются *нормативными универсалиями*. Их можно назвать *базовыми регуляторами*, поскольку они образуют фундамент, базу социальных отношений. Без них социальная жизнь превратилась бы в хаос, где исчезли бы сами понятия нормы и отклонения. Говоря об универсальности некоторых норм, ненужно заблуждаться относительно природы этой универсальности. Речь не идет о *содержательной* (что именно можно или нельзя) или *экспрессивной* (в какой форме реализуется запрет или разрешение) универсальности. Мы говорим об *интенциональной* (на что направлено, **какая сфера** регулируется; от англ. intention - намерение) универсальности. Именно в этом проявляется универсальность норм и правил - в том, какие именно сферы человеческой деятельности регулируются. Можно выделить, по крайней мере четыре группы универсальных норм, или, если точнее, регуляторов:

<p>Нормативные универсалии – регулируемые во всех человеческих обществах сферы деятельности и соответствующие им регуляторы.</p>
--

1. Регуляторы *картины мира*, призванные навязать всем членам сообщества разделяемый контекст взаимодействий – картину мира. Любому сообществу требуется некая система идей, объясняющая окружающую действительность, формирующая фоновые ожидания, задающая систему координат «хорошо/плохо», проясняющая смысл существования. Это, без преувеличения, основная группа регуляторов.
2. Регуляторы *субординации*, призванные упорядочить отношения между поколениями и обеспечить управление сообществом, координацию деятельности. Существование сообщества немислимо без власти и управления, иначе невозможно координировать деятельность и ставить долгосрочные цели. Один из основных атрибутов власти – более высокий уровень компетентности (знание того, **что** нужно делать и **как** это нужно делать). Это пример универсальной (по со-

держанию) нормы, обращенной к власти. Эта группа норм опирается на первую.

3. Регуляторы *сексуальности*, упорядочивающие отношения между полами, формы воспроизводства поколений. Отсутствие контроля за этой сферой ведет, если использовать биологическую терминологию, к вырождению популяции. Во всех культурах действуют регуляторы сексуального влечения, поэтому смело можно говорить, что абсолютно никак не контролируемое сексуальное поведение – «универсально девиантно». Поскольку люди – существа двуполые, то эта же группа норм регулирует отношения между полами.
4. Регуляторы *агрессивности*, упорядочивающие формы допустимого насилия. Человек одно из самых агрессивных живых существ. Более того, эта агрессивность подкреплена мощным интеллектом. Контроль над агрессивностью членов сообщества и возможность ее канализации (направления в определенное русло, например, охота или война) – условие выживаемости сообщества.

Таким образом, нормативные универсалии контролируют наиболее важные сферы человеческой жизнедеятельности. Перечисленные нами группы правил создают нормативный каркас, на базе которого формируются частные нормативные системы. Еще раз хотелось бы подчеркнуть разницу между содержательной, экспрессивной и интенциональной универсальностью. Например, возьмем регуляторы сексуальности. Интенциональность этой группы норм одинакова: направлена на контроль сексуальности и регулирование отношений полов. Содержательный же аспект может быть выражен различно: запрет или разрешение гомосексуализма, запрет или разрешение добрых половых связей, количество партнеров в браке – все это может сильно различаться. Экспрессивные аспекты: характерные способы сексуальных контактов, степень строгости запретов, специфика наказаний нарушителей, так же могут быть дифференцированы. Аналогично обстоит дело с

регуляторами агрессивности. Скажем, запрет на убийство члена своего общества (кроме специально оговариваемых исключений, типа смертной казни) есть во всех обществах (интенциональность). Однако формы и спектр этих исключений: разрешение или запрещение дуэлей, право на самооборону – различны (содержательность). Так же, как и возможные обоснования: религиозный запрет, правовой запрет и т.д. (экспрессивность). В полном смысле универсальным является только интенциональный аспект норм.

Антропологи описывают нечто подобное в терминах *культурных универсалий*. Во всех культурах существует определенная форма *семейной системы*, ценности и нормы которой связаны с заботой о детях. Универсалиями являются институт *брака*, *религиозные ритуалы* и *права собственности*. Во всех культурах в той или иной форме содержится *запрет инцеста* — сексуальных отношений между близкими родственниками: отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой. Антропологи также говорят о существовании многих других подобных универсалий. К числу базовых можно отнести язык. Неизвестны культуры, в которых отсутствовал бы *язык* со сложной грамматикой. Язык можно рассматривать, как стержневой элемент первой группы нормативных универсалий – регуляторов картины мира. Многогранность феномена языка и его исключительная важность первой группы регуляторов заставляют нас рассмотреть их подробнее.

Язык, картина мира и ценности. Отличительная черта человека – ра-

Картина мира – система идей, объясняющая реальность и место человека в ней. Может быть религиозной, научной, философской и т.д.

зумность, способность к абстрактно-логическому мышлению и рефлексии (самопознанию). Наличие как норм, так и отклонений возможно только в случае наличия *картины мира* – некоторой системы идей, дающей ответы на важнейшие вопросы человеческого существования: «Что собой представляет этот мир? Кто я такой? Каковы мои отношения с миром?» Требования иметь ответы на эти вопросы вытекает из самого качества разумности.

Это очень непростой момент, имеющий длительную философскую историю.

Что бы не вдаваться в сложные и обширные рассуждения, скажем, что необходимость осмысления мира – *онтологическое (сущностное)* свойство человека. Почему? – это другой вопрос, вернее комплекс вопросов, связанный с различными взглядами на природу человека.

Так вот есть все основания полагать, что наша с вами картина мира организована *лингвистически*, посредством языка. По крайней мере, именно это утверждает очень влиятельная в научном мире *гипотеза Сепира-Уорфа*. Данное положение связано со спецификой абстрактно-логического мышления – отличительного свойства человека. Вообще мышление, как обработка информации извне, из окружающего мира, свойственно и животным. Человека отличает возможность мыслить в понятиях – вторая сигнальная система, с помощью которой мы и связаны с окружающим миром. Как формируется картина мира? Посредством понятий и категорий. Все, что нас окружает, имеет названия. Понятие – это слово, наименование некоей части реальности. Например, мы говорим о тигре. Используя это понятие, нам не обязательно предъявлять собеседнику живого тигра. Встретив «нечто» в лесу, мы можем идентифицировать его, как тигра, отнести к категории «опасные животные», что определит наш способ реакции (бегство или нападение). «Тигр» - лишь один из элементов нашей картины мира, так же как «опасные животные» - лишь одна из категорий, упорядочивающих эту картину. Все эти *вербальные конструкции* задают для нас схему действий. Заметим, что большая часть «реальностей», таких, как «тигр», «опасность», «боль» - не всегда даны нам непосредственно, но мы всегда можем ими оперировать. Наша деятельность протекает в рамках этих понятий и категорий, хранящихся в нашем сознании в вербальной форме. Можно ввести в диалог требование: «Не делай этого, а то мне придется причинить тебе боль!» При этом, сама «боль» может не причиняться – вполне может оказаться достаточно предупреждения.

Гипотеза Сепира-Уорфа (по имени ученых ее выдвинувших): согласно этой гипотезе, язык определяет форму мышления, восприятия и конструирует реальность. Т.о., «реальность» разных языковых групп различается.

Поскольку, картина мира образует базу для существования всех видов норм, мы, учитывая роль языка в формировании картины мира, можем рассматривать его, как *условие и способ существования норм*. В языке содержится вся система значений, имеющая отношения к «нормальности» или «девиантности». Для нас непосредственный интерес представляют понятия отражающие представления о норме или отклонении. Помните, как у Маяковского: «Что такое хорошо и что такое плохо?». Кстати, в этой наивной детской книжке замечательным образом подмечена одна важная деталь: поведение, регулируемое нормами («тыкать в книжку пальчик» или «заохав, убежать от вороны») должно включаться в смысловой континуум «хорошо/плохо». Фундаментальные категории, задающие основы картины мира и

Ценности (в контексте настоящего употребления) – базовые представления о добре и зле, лежащие в основе любой культуры.

определяющие мышление и восприятие реальности – это категории Добра (хорошо) и Зла (плохо). Многие ученые, занимавшиеся проблемами языка и мышления, подчеркивали дуалистичность последнего, как сущностную, специфическую черту. Практически к любому слову язык позволяет добавить

приставку «не», создавая представления о его антиподе. Почему так? – в рамках настоящего учебника не суть важно. В любом случае, можно констатировать с полной определенностью: НЕТ и НЕ БЫЛО культур и языков, не включавших фундаментальных представлений о добре и зле. Все сказанное нас выводит на важное, для девиантологического анализа заключение: *любая нормативная система опирается на ценности, лежащие в основе картины мира*. Самое сложное – это прояснить сущность, раскрыть содержание понятий «Добро» и «Зло». Решению этой сложной задачи посвящено немало объемных философских трактатов. Как говорится в известном афоризме, «никто в точности не знает, что такое добро, но все понимают, что без него было бы очень плохо». Указанная сложность требует от девиантолога хорошей философской подготовки. Это в первую очередь относится к необходимости давать экспертные заключения, относительно тех или иных форм

поведения людей. Серьезное изучение проблемы отклонений, требует формулировки оценочных суждений (как бы мы их не избегали), поскольку «нормально/ненормально», почти всегда (бывают исключения) означает «хорошо/плохо». Однако для целей *общего научного анализа*, достаточным будет знание того, что нормативный контекст опирается на контекст ценностный. Содержание ценностей (что именно хорошо или плохо), в общем –то, доступно. Доступ открывается через знание культуры и формируемое этой культурой представление о мире. Отдельный интерес представляет то, как и в какой форме нормы включаются в картину мира. Этот вопрос мы подробно рассмотрим в третьем параграфе. Сказанное нами о нормативной картине мира, в контексте ее связи с практикой может быть представлено схематично.

Приведенная схема показывает (в упрощенной форме) как те или иные компоненты нормативного знания взаимодействуют с нормативной практикой. Схема обобщает идеи высказанные в параграфе, представляя нормативное знание в виде системы взаимодействующих идей и практик различной

природы. Разумеется это – модель, т.е. – упрощение реальности, т.к. реальные взаимосвязи между компонентами системы крайне запутаны и трудно уловимы.

Рассмотрев, как существуют нормы в человеческих обществах, движемся дальше. Для изучения отклонений, очень интересным и важным является знание того, как нормы закрепляются в сознании носителя этих норм – человека. Но сначала подведем итоги.

Резюме:

- *Нормы, окружающие нас со всех сторон представляют собой разновидность знания; владение этим знанием обеспечивает социальную компетентность.*
- *Компетентность проявляется в знании контекстов, формирующих фоновые ожидания, относящиеся к сфере «само-собой» разумеющегося.*
- *Любое культурное пространство организовано нормативно и семантически (смыслы и значения); изучением фоновой нормативной и семантической организации культуры занимается этнометодология.*
- *Хотя нормы, принятые в различных культурах различаются в содержательном и экспрессивном аспектах, можно говорить о интенциональной нормативной универсальности.*
- *Интенциональные универсалии представлены четырьмя группами регуляторов: 1) регуляторы картины мира, 2) регуляторы субординации, 3) регуляторы сексуальности, 4) регуляторы агрессии.*
- *Базой всех нормативных систем служит определенная картина мира, организованная лингвистически; поэтому, язык является стержневым элементом нормативности.*
- *Любые нормы так или иначе опираются на закрепленные в языке ценности – базовые представления о добре и зле.*

Приложения к параграфу.

Повседневная антинормативность: деструктивные культы.

Мы видим, как марионетки танцуют на миниатюрной сцене, перемещаются туда и сюда, влекомые своими веревочками, и следуют сценарию, определяющему их скромные роли. Мы учимся понимать логику этого театра, и оказывается, что мы и сами уже участвуем в представлении. Мы занимаем свое место в обществе и тем определяем позу, в которой повисаем на невидимых струнах. На мгновение мы действительно верим, что мы ~ марионетки. Но затем мы замечаем существенную разницу между театром марионеток и нашей собственной драмой. В отличие от марионеток, мы можем прервать свой танец, осмотреться и обнаружить движущие нас механизмы. За этим поступком скрывается первый шаг к свободе.

Питер Бергер, социолог

Весьма вероятно, что вы сталкивались с такой ситуацией: кто-то из ваших родственников, коллег, друзей или знакомых неожиданно и незаметно увлекся какими-то слишком оригинальными для него идеями; регулярно проводит время в некоей группе, о которой рассказывает не очень охотно; с неоправданной стремительностью отказывается от прежних интересов, увлечений, дружбы, общения, жизненных целей, привычек и буквально на глазах превращается в незнакомую, отчужденную личность.

Этот человек приобретает «стеклянный» взгляд и механические интонации в голосе при попытках поговорить с ним о происходящем и через некоторое время либо переходит в состояние некоего «параллельного существования», либо вообще исчезает из вашего окружения, расставаясь с семьей, работой, прежним образом жизни.

Если вы психолог, психотерапевт, психиатр или социальный работник, то вам почти наверняка приходилось выслушивать родственников вышеописанных людей и, опираясь на традиционные подходы, пытаться классифицировать это либо как обычный внутрисемейный конфликт из-за «оригинального личностного роста» кого-то из детей или других членов семьи, либо как симптомы каких-то психопатологических процессов, либо как личные проблемы тех, кто непосредственно к вам обратился. К сожалению, во многих случаях значительно больше шансов, что перед вами — картина последствий деструктивного контроля сознания и зависимости от авторитарной или даже тоталитарной группы.

Данная проблема, обозначается как «контроль сознания и деструктивные культы». Эти феномены представляют собой наиболее последовательные и организационно оформленные проявления более широкого явления — психологического насилия. История исследований контроля сознания и деструктивных культов в американской психологической науке и практике насчитывает, по сути дела, уже

полвека и по известным причинам была почти неизвестна в России до 90-х годов. Но и сейчас ознакомление российской публики и профессионалов с этими актуальнейшими наработками наталкивается на подспудное и даже явное сопротивление — мне приходилось выслушивать прямые угрозы в свой адрес после анонсирования некоторых переводов. Угар «черных» да и сомнительно «белых» полит- и пиар-технологий, мания магических методов манипулирования клиентами, амбиции СМК/СМИ по подчинению себе мозгов соотечественников — все это тоже создает не самую благоприятную атмосферу для честного, научно обоснованного обсуждения оснований и границ социально-психологического воздействия на личность и общество.

Книга Стива Хассена «Борьба с культовым контролем сознания», заканчивалась словами Эдмунда Берка: «Каждая победа зла обязана тому, что значительное число добрых людей ничего не делает».

Последнее десятилетие в нашей стране привело как к бурному вторжению зарубежных неототалитарных групп и движений, так и обильному «цветению» доморощенных деструктивных культов. Проблема злостной и изощренной манипуляции человеческой психикой, психологического насилия, избавлению от которого посвящена данная книга, действительно почти необъятна и сверхактуальна. При этом, главная проблема — проблема социально-психологической экологии.

До сих пор тему экологии культуры и человеческой души в основном развивали философы, культурологи или естествоиспытатели типа В. Вернадского. Социально-психологические процессы последних десятилетий XX в. и опыт столкновения с массовой трансформацией личности и психологическим насилием на протяжении всего уходящего столетия (коммунизм, фашизм, деструктивные культы) ставят эту проблему в разряд первоочередных как для психологической теории, так и для психологической практики.

Понимание ценности и хрупкости биосферы привело к возникновению «зеленого» экологического движения и соответствующего направления государственной и международной политики. Понимание сложности и ценности тысячелетиями наработанных аспектов социо-психосферы и ее экологии находится пока в зачаточном состоянии. На этом обстоятельстве беззастенчиво спекулирует огромная армия шарлатанов- парапсихологов, «био-поле-энерго-экстрасенсор-терапевтов» и просто психопатов с нездоровой фантазией, вроде Рона Хаббарда, Секо Асахары и им подобных. Не меньше проблем создают и плохо контролируе-

мые «информационные загрязнения» социальной среды, резкие изменения условий и способов коммуникации, в связи с чем психологи начинают говорить об информационных психологических заболеваниях.

Возникла парадоксальная ситуация: темы «промывания мозгов», «зомбирования», «психологических войн», манипулирования сознанием через СМК/СМИ, вообще «информационно-психологических воздействий» давно и устойчиво являются одними из самых популярных у широкой публики, политических и общественных деятелей, представителей многочисленных псевдонаук, сомнительных популяризаторов «от психологии», но только последние два-три года были опубликованы действительно серьезные труды с результатами подлинно научных экспериментов и с настоящими профессиональными концепциями.

Способность человека к самодеструктивному поведению и погружению в иллюзорные миры связана с отсутствием у него жесткой, генетически предопределяемой программы жизнедеятельности и привязки к специфической экологической нише. Эта исходная фундаментальная свобода человека позволила ему вырваться из царства животных, но одновременно возложила тяжелейшую ношу согласованного конструирования и поддержания особой экологической системы — социума с его культурой и цивилизацией. Это, в свою очередь, создало настолько сильную и тотальную психологическую зависимость людей друг от друга, что ею сравнительно легко можно пользоваться как в конструктивных, так, к сожалению, и в любых других целях. Начало индустриальной эксплуатации этих своеобразных социоэкологических ресурсов примерно в середине прошлого столетия совпало и с резким ростом в развитых странах тех групп, которые позднее получили определение в качестве «деструктивных культов».

Проблема деструктивных культов, таким образом, заключается не только и не столько в них самих, сколько в тех глобальных социально-психологических процессах, индикаторами которых они являются, хотя и в патологической форме. Современная многочисленность и массовость деструктивных культов связана с возникновением очень широкого люфта в механизмах социализации и в правилах и нормах «социального конструирования реальности» (от заголовка книги П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»). В силу этого задача определения правил и норм социально-психологической экологии приобретает в настоящее время характер не только проблемы академической или узко-

профессиональной, но и проблемы национальной безопасности, а также глобальной социальной проблемы.

Борьба за права человека позволила личности выбраться из-под тотального диктата тех или иных социальных групп, появилась широкая возможность перехода из группы в группу, смены не только рода занятий, но и самого образа жизни, мировоззрения и ценностей. В результате обострилась конкуренция групп между собой за привлечение в свои ряды новых приверженцев. Такая мобильность личности создала благоприятную почву не только для индивидуального развития, но и для попыток асоциальных личностей создавать новые тоталитарные группы и движения, обслуживающие их патологические комплексы. Это не только идеологическая или политическая проблема, это социозэкологическая и психологическая проблема.

Феномен деструктивных культов выявляет, прежде всего, неразработанность и незакрепленность ряда существенных правил социального взаимодействия. Деструктивные культы предполагают не просто изменение некоторых правил, а весьма существенное изменение самой сути и смысла наличной социальной реальности. Тут возникают проблемы не только недостаточности средств правового, административного или гражданского (негосударственного) регулирования, но и дефицита теоретических концепций, терминологии, отсутствия согласованности многих важных принципов научного анализа подобных явлений.

Если выражать эту проблему на языке социальной психологии и к тому же в терминах, не получивших общепризнанного толкования, то деструктивные культы демонстрируют попытку, используя плюрализм и толерантность современного общества, навязать господство своей «реальности» посредством нарушения множества основных писанных и неписанных правил человеческого общежития. При этом они изначально отвергают все существующие возможности диалога, поскольку исходят из постулата неразумности и неменяемости всего некультового мира. «Социальная реальность» в данном контексте — это постоянное создание и воссоздание человеком себя и всей системы социальности, которая и существует только как непрерывный процесс взаимодействия людей по разделяемым ими правилам и взаимно принятыми способами, в отличие от природной реальности самой по себе, включающей человека только как биологическое существо с природно-экологическими последствиями его деятельности.

В этом отношении в деятельности культов можно выделить два аспекта:

- манипулятивное перемещение человека без его осознанного согласия из «основной реальности» в «культовую реальность». Это аспект прав человека, личности.
- деятельность, направленная на тотальное замещение «основной реальности» «реальностью», основанной на культовой доктрине. Это аспект социально-психологической экологии, прав социума.

При этом отнюдь не исключаются и иные формы насилия, они включаются в гораздо более изощренную систему, в которой становятся неременным дополнением и страховкой (в смысле «орудие страха») социально-психологических средств агрессии.

Деструктивные культы обустроиваются именно в том аморфном поле, которое создается отказом общества и государства от многих позиционных ограничений и отсутствием сильной и организованной системы, гарантирующей соблюдение наиболее важных принципов и правил социально-психологического взаимодействия.

Любой деструктивный культ вырастает на почве «основного общества», «основной реальности», педалируя и концентрируя вроде бы мелочные и привычные грани повседневной реальности: стереотипы доверия, подчинения, взаимобмена, иллюзии простых и быстрых решений, гипноз слов, титулов, иных знаков. Это позволяет добиться того, что человек становится врагом самому себе при соответствующей организации взаимодействия и воздействия окружающей его группы. Как писал М. К. Мамардашвили, человек способен оставаться самим собой только тогда, когда он постоянно преодолевает себя, превосходит (трансцендирует) себя, в том числе наперекор обстоятельствам и влиянию других людей. При организованном же чрезмерном социальном (групповом) давлении способность человека к самостоятельному поведению подвергается неоправданной перегрузке. Тот факт, что большинство людей относительно быстро покидают ряды культов, свидетельствует прежде всего о том, что эти «дезертиры» пока могут находить поддержку своего противостояния культам в «основном обществе» и в его здоровых группах, а не о том, что они лично обладают такими сильными чертами характера. При этом редко кто из них громко «хлопает дверью», большинство предпочитает незаметно отстраняться от участия в культе.

Активной сферой противодействия деструктивным культам должно быть образование и просвещение, все остальные институциональные формы социали-

зации, а также система коммуникации и информирования, т. е. СМК — средства массовой коммуникации (телевидение, радио, Интернет, печать). Теоретическая и практическая психология должны дать ясную и обоснованную систему критериев деструктивности, разработать инструменты и технологии профилактики, терапии и реабилитации культовой травмы, чему и посвящена данная книга.

В заключение еще раз подчеркну, что социально-психологическая экология, экология третьего тысячелетия, не сводится только к проблеме деструктивных культов. Она значительно шире и включает весь спектр проявлений психологического насилия и вреда, возникающего в результате информационных и психологических воздействий. Особенно актуальным является регулирование СМК/СМИ именно с точки зрения непосредственных и отдаленных психологических последствий тех способов искажения и подачи информации, которые в них сегодня преобладают.

Не менее злободневно и просвещение граждан о разнообразных методах манипулирования и контроля их сознания со стороны бизнеса, политических и государственных деятелей и соответствующих организаций, а также вооружение гражданского общества эффективными инструментами и технологиями для обеспечения здоровой социально-психологической среды.

Евгений Волков, психолог, переводчик, доцент Нижегородского университета. Февраль 2001 г., Нижний Новгород (Источник: Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. с. 24-32)

А. Зиновьев в своем романе-антиутопии «Глобальный человек» приводит интересные рассуждения о границах мышления человека и компьютера, что напрямую относится к нашей теме нормативного знания:

[...КОМПЬЮТЕРНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Начав профессионально изучать вторую половину XX века, я был буквально раздавлен, узнав, какой объем информационных материалов печатался в странах Запада на бумаге. Я думаю, что проблема дефицита бумаги и избытка бумажного мусора была одним из важнейших стимулов развития современной информационной техники.

Все последующее столетие происходил не только процесс изобретения, усовершенствования и распространения информационных устройств (процесс развития отрасли науки, техники и промышленности, занятой производством этих устройств), но и стремительный процесс образования информационной индуст-

рии, использующей информационные устройства как орудия работы с информацией, — информационной индустрии в собственном смысле этого слова. Здесь можно было наблюдать все те явления, которые были очевидны и в других сферах общества, а именно — образование огромного числа информационных учреждений и предприятий всех возможных размеров и специализаций, их децентрализацию и централизацию, их дробление и концентрацию, информационный рынок и государственное регулирование. Но в этой мешанине различных потоков и тенденций постепенно стало выкристаллизовываться доминирующее направление ~ образование иерархизированных и централизованных систем информационных учреждений и предприятий, объединяющихся в сверхсистемы на уровне стран, блоков стран, союзов из этих блоков. И теперь информационная система западных стран приняла такой вид, что аналогичная система тоталитарных стран XX века, производившая устрашающее воздействие на воображение западного либерального обывателя, показалась бы примитивной.

Сейчас в одних только странах Западного Союза имеется более миллиарда компьютеров всех сортов, не считая детских компьютерных игрушек. Это вовсе не означает, будто каждый житель Западного Союза имеет компьютер. По крайней мере 300 миллионов из них понятия не имеют о компьютерах вообще. По крайней мере 50 миллионов других знают, что такое компьютер, но не нуждаются в них и не прикасаются к ним руками — за них это делают другие. Многие имеют в своем распоряжении по несколько компьютеров. Одним словом, это осредненное «один компьютер на душу» имеет такой же реальный смысл, как десять тысяч долов в год на каждого гражданина Западного Союза. ...Согласно тем же статистическим данным, 33 процентов занятых граждан Западного Союза так или иначе используют компьютеры в своей работе. 12 процентов работают в сфере производства компьютеров, в их продаже, транспортировке, установке и ремонте, а также в сфере обучения и в исследованиях. Компьютеры стали таким же привычным элементом нашей жизни, как автомобиль, самолет, холодильник и телевизор. К числу научно-технических изобретений, терроризирующих человечество, добавился еще один беспощадный тиран, от которого человечество уже не способно избавиться.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Считается, что информационная система свободна в своей деятельности. Ее задача — работа с информацией в соответствии со спросом на нее, и все. Но

это, конечно, чисто пропагандистская ложь. Информацию собирают, обрабатывают, распределяют и потребляют люди, занимающие определенное положение в обществе, выполняющие определенные социальные функции, имеющие определенные интересы.

...Сложился гигантский механизм, распоряжающийся всем, что касается информации. Он обладает практически неограниченной властью над умами и чувствами миллиардов людей. Он фактически вышел из-под контроля тех, кто формально считается его хозяевами. Последние превратились в прислужников этого обезличенного божества человечества. Они стали рабами законов этого божества по той причине, что они имеют все блага мира, прислуживая ему. Они отбираются и формируются как слуги его в соответствии с теми требованиями, какие предъявляются к самому ему как механизму самосохранения нашего Глобального Человейника.

ЧЕЛОВЕК И КОМПЬЮТЕР

Формально считается, что я управляю самой совершенной компьютерной установкой. Но фактически я лишь прислуживаю ей. Разумеется, если извлечь из общей связи явлений только пару «человек — компьютер», то человек выступает как активный субъект деятельности, а компьютер — как его орудие. Но если принять во внимание то, что работающий на компьютере человек (оператор) получает задания от своего начальника и сообщает ему результаты своей работы, то мы должны рассматривать тройку «начальник — оператор — компьютер», в которой оператор играет роль посредника между активным субъектом деятельности (начальником) и его орудием-компьютером, то есть роль слуги компьютера.

...Все те интеллектуальные операции, которые я осуществляю, как оператор, являются составной частью интеллектуальных операций компьютерной системы, которую я обслуживаю, но не наоборот. В этом смысле интеллектуальный уровень этой системы выше, чем мой. И только в этом смысле, то есть в смысле моей профессиональной работы в качестве оператора. Но развитие интеллектуальной техники лишь в крайне ограниченном смысле можно считать интеллектуальным прогрессом человечества, ибо эта техника заменила и гипертрофировала лишь самые примитивные интеллектуальные операции людей. Самые тонкие и сложные интеллектуальные способности людей остались за пределами этого прогресса. Для подавляющего большинства людей они остались лишь возможностями, не имеющими практического применения и не заслуживающими внима-

ния. Они для них вообще не существуют практически. Нам же, операторам современных компьютерных систем, так или иначе приходится сталкиваться с этими аспектами деятельности интеллекта человека, выпавшими из числа компьютерных операций. Мы имеем с ними дело не формально, то есть не с точки зрения их работы как особого рода операций, а содержательно, то есть в контексте информации, которую мы перерабатываем.

Поясню сказанное примером. Мы даем бесчисленные справки о научных открытиях вроде законов механики Ньютона. Содержательно это — примитивная задача. Но как, с помощью каких операций делаются такие интеллектуальные открытия? Никакая компьютерная система не может делать такие операции, поскольку их не сложишь ни из какого числа тех примитивных операций, которые лежат в основе компьютерного интеллекта. Убеждение, будто к этим примитивным операциям сводятся любые интеллектуальные операции, есть ложный предвзгляд. Опровергнуть его — пустяк!

....С точки зрения интеллектуальных операций, несводимых к компьютерным операциям, мы, т.е. компьютерные операторы МЦ, являемся представителями интеллектуальной деятельности всего человечества. Все компьютеры мира вместе взятые не превосходят с этой точки зрения интеллект рядового оператора качественно.

ГРИМАСЫ ПРОГРЕССА

Возможности многих современных технических устройств превышают потребности людей в них и человеческие способности их использования. Теоретики утверждают, будто наступила эпоха чрезмерной технологии. На эту тему ведутся бесконечные дискуссии. Одни настаивают на том, что такая ориентация технологии ведет к колоссальным непроизводительным тратам природных ресурсов и человеческих сил. Какой смысл в автомашинах, способных развивать скорость до пятисот километров в час, если на самых совершенных автострадах лимит скорости — двести?! Какой смысл в ракетопланах, способных летать с космической скоростью, но вынужденных ограничиваться земными скоростями самолетов?! Зачем нужна память для личных компьютеров, в тысячи раз превышающая то, что в них может надумать и наговорить человек за сто лет, думая и говоря все двадцать четыре часа в сутки?!

Их противники настаивают на том, что избыточность технологии есть неизбежное следствие законов нашей экономики и необходимое условие прогресса.

Вспомните, ведь и наш мозг сформировался как избыточный по своим возможностям, но именно эта избыточность послужила условием возникновения человека как мыслящего существа! Если технический прогресс заранее ограничивать какими-то факторами, он прекратится вообще. Наступит застой, а вслед за ним — деградация.

Я в этом споре не отдаю предпочтения никому. Но должен признаться, что чрезмерность или избыточность технологии действует на меня унижающе. Я это ощущаю в отношениях со всеми многочисленными приборами, начиная от прибора для чистки зубов и кончая Ла. Я чувствую себя ничтожеством, насекомым, червяком в сравнении с ними.

Мой Ла есть одно из таких устройств. Он способен накапливать в себе зрительно-звуковые сцены с участием своего оператора, воспроизводить их и создавать новые сцены в соответствии с заданием. Когда я попал в МЦ, эту часть способностей дублеров отключили, чтобы избежать злоупотреблений, которые тут стали частыми. По той же причине отключили возможность общения сотрудников с чужими дублерами.

От прогресса интеллектуальной техники выгадало незначительное меньшинство. Большинство же оказалось обреченным на бессмысленное, рутинное существование. Теперь любой в состоянии приобрести дешевое устройство, с помощью которого он может получить любую справку и решить любую проблему среднего интеллектуального уровня, на которую раньше требовалось длительное обучение и ум. Ничего не надо держать в памяти. Ничего не надо обдумывать. Все уже обдумано профессионалами. Не нужно годами учиться и тренировать ум. Проблема, можно ли создать искусственный интеллект, превосходящий человеческий, для большинства людей решилась путем их оглупления.

Интеллектуальная техника вторглась в такие сферы, где она совершенно не нужна. Жизненно важные проблемы в этих сферах суть не математические и технические задачи. Тут речь идет о различных интересах участников каких-то операций, о борьбе между ними, о соотношении сил. Обычный человеческий ум тут более чем достаточен. Решающую роль тут играют желания и воля контрагентов, а не отыскание неких оптимальных вариантов. Использование интеллектуальной техники тут создает иллюзию важности ума, маскирует банальную суть дела и дает оправдание бесчестным поступкам. Серьезные исследователи давно

установили, что в девяноста случаях из ста, когда применяется сложнейшая интеллектуальная технология, без нее, в принципе, можно обойтись.

Известны также многочисленные случаи, когда именно применение интеллектуальной техники есть препятствие решения проблем. Так, ни на каких компьютерах и ни с какими эмпирическими данными не выработаешь научное понимание общества. Тут нужен не компьютерный ум, представляющий собою гипертрофию лишь отдельных свойств человеческого интеллекта, причем самых простых, а ум совсем иного типа — ум творческий, широкий, многогранный, гибкий, диалектический. Компьютерное мышление убило живую ткань познания и творчества. В искусственный интеллект человечества загрузили огромную массу глупости, невежества, мракобесия. В понимании своего общества, своей жизни и самих себя мы оказались на уровне наших первобытных предков. (Источник: Зиновьев А. Глобальный человек. — М.: - ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000.с. 134-140.)

Вопросы для самопроверки:

1. *Опишите многообразие необходимого для жизни знания. Какое место в системе этого знания отведено нормам?*
2. *Что такое социальная компетентность? В чем она проявляется?*
3. *Что означает тезис о семантической организации повседневности?*
4. *Какое направление в социологии изучает фоновую семантическую и нормативную организацию повседневности?*
5. *Что такое экспрессивный, содержательный и интенциональный аспекты норм?*
6. *Что такое нормативные универсалии? С каким аспектом нормативности они связаны?*
7. *Какие группы нормативных универсалий вы помните?*
8. *Что такое картина мира? какова ее роль в поддержании нормативного контекста?*
9. *Как вы считаете, действительно ли можно отнести контроль за сексуальностью и агрессией к нормативным универсалиям? Если да, то в чем,*

по вашему, проявляется опасность сексуальности и агрессивности, вынуждающая их контролировать?

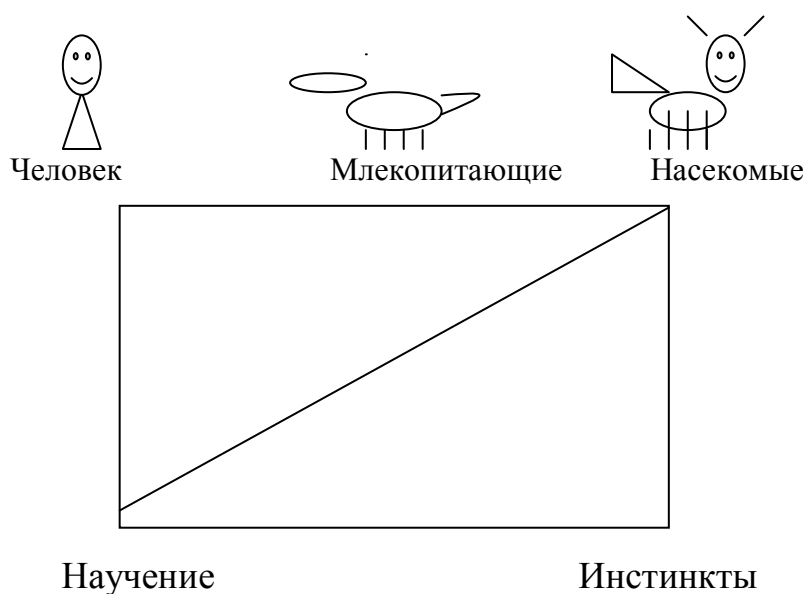
10. В чем проявляются нормативные функции языка?

11. Что такое ценности? Какова их роль в поддержании норм?

§ 2. Социализация и закрепление норм.

Мы выяснили, что для того, что бы жить с людьми нужно многое знать. Заметим, что это знание отнюдь не является врожденным. Все, что мы знаем, нам приходится учиться. От рождения мы умеем только принимать пищу и избавляться от нее. Да и то, полностью самостоятельно мы можем только второе. В этом плане, мы могли бы позавидовать «братьям нашим меньшим». Поведение животных регулируется инстинктом – врожденной поведенческой программой. Например, пчела или муравей рождаются, уже зная и умея все, что им нужно знать и уметь. В поведении многих млекопитающих, хотя и играет роль *научение*, но все же инстинкты выполняют роль основных регуляторов. Соотношение приобретенного и инстинктивного поведения у человека и у животных выглядит примерно следующим образом.

• **Объем инстинктивного и приобретенного поведения у человека и у животных.**

Таким образом, наше поведение – результат обучения. В полной мере сказанное относится к нормативному поведению, поведению «по правилам». С раннего детства мы начинаем учить и усваивать правила. Мы учимся быть «нормальными» членами общества. Каждый из нас в полном смысле учится быть человеком. Как это происходит? На этот вопрос мы и постараемся ответить.

Читатель может возразить: «Разве быть человеком нужно учиться? Разве грудной младенец – не человек?» Давайте подумаем. Какой смысл мы вкладываем в понятие «быть человеком»? К контексте нашего изучения девиантности, важнейшей чертой человека является знание правил и норм взаимодействия. Маленький ребенок, конечно человек, но человек только в одном аспекте – *биологическом*. Он еще не является человеком ни в *психологическом*, ни в *интеллектуальном*, ни в *социальном* отношении. Из биологического индивида ему предстоит превратиться в социальное существо, с развитым интеллектом и гибкой психикой. Описывая этот процесс, ученые используют термин *социализация*. Нарушения этого сложного и длительного процесса являются одним из основных источников различных отклонений. Показательна в этом отношении история «Аверонского дикаря». В 1799 г. в лесах Аверона на юге Франции охотники нашли мальчика, который, по видимому, жил там один. Мальчик не был похож на человека в психологическом плане, а отчасти, даже, в физическом. Он передвигался на четырех конечностях, ел как животное и кусал тех, кто к нему приближался. Обоняние и слух были у него чрезвычайно развиты. Он был способен ходить голышом в мороз или вытаскивать пищу из очень горячей воды, что не доставляло ему никакой боли. Он издавал лишь нечленораздельные звуки и крайне настороженно воспринимал людей. Молодой врач Итар предположил, что данные симптомы – следствие ранней и длительной изоляции от людей. Итар был убежден, что путем надлежащего обучения ему удастся вернуть мальчика в лоно общества и дать ему возможность жить нормальной жизнью. Однако,

после пятилетних усилий Итар вынужден был признать, что никогда, видимо, не достигнет своей цели. К юношескому возрасту Виктор (так называли мальчика) научился узнавать некоторые предметы, понимал несколько слов и умел их произносить, мог написать и прочитать некоторые из них, не очень представляя себе их значение; но вскоре он перестал делать успехи. Попытки приучить Виктора к общению потерпели полную неудачу. Он так никогда и не научился играть или вступать в какие-либо другие отношения с людьми, а его сексуальное поведение было в полной мере животным. Вплоть до смерти в возрасте около 40 лет никаких изменений в его поведении не наблюдалось.

Как человек, Виктор был явно девиантом, хотя его можно было считать вполне нормальным для жизни в лесу. Он не знал и не мог пользоваться схемами реальности, используемыми другими людьми – т.е. не имел социально-адекватного знания об окружающем мире. Его психика, реакции и восприятие отличались от аналогичных свойств «нормальных» людей. Наконец, он не имел представления о морали или нравственности.

Таким образом, мы выделили три главных аспекта социализации: *когнитивный, психологический и нравственный*. Их разделение очень условно – все три аспекта тесно связаны между собой. Только совместное наличие всех трех аспектов обеспечивает надлежащее усвоение норм и правил социальной жизни.

Нормы и интеллектуальное развитие. Знание норм и социальных контекстов предполагает наличие развитого *интеллекта*. Интеллект – это наш способ постижения мира. Без него невозможно ни знание норм, ни самооценка собственно поведения, ни прогнозирование последствий нарушения норм (в виде наказания, например). Попробуем рассмотреть подробнее процесс интеллектуального развития.

Согласно идеям французского психолога Ж.Пиаже, развитие когнитивных способностей является результатом адаптации ребенка к внешнему миру. Поскольку человек от рождения помещен в незнакомую и, часто, дис-

комфортную реальность, то перед ним стоит задача приспособиться к внешним условиям. Само поведение человека строится согласно схемам деятельности, имеющимся в его распоряжении. Приспособление означает либо применение уже имеющихся схем к новым ситуациям (ассимиляция), либо изменение старых и выработку новых схем (аккомодация). Процесс усвоения новых и обогащения имеющихся схем протекает последовательно. Пиаже выделял три главные стадии когнитивного развития: сенсомоторную, стадию конкретных операций и стадию формальных операций.

На первой, *сенсомоторной стадии* (примерно, до двух лет), осуществляется становление и развитие чувствительных и двигательных схем. Ребенок знакомится с окружающим миром непосредственно: он слушает, смотрит, трогает, нюхает, пробует на вкус, манипулирует, ломает и т.д. Все это позволяет ему накопить достаточно чувственных образов мира, что бы приступить к символической деятельности – заменять манипуляции с самими предметами манипуляциями с символами.

На стадии *конкретных операций* (от 2 до 11-12 лет) преобладает именно символическая деятельность. Символическое мышление развивается параллельно овладению языком и другими знаковыми системами (жестами), позволяющими представлять бесконечную разнообразность окружающего мира в конечном наборе символов и знаков. Ребенок учится сравнивать, классифицировать, упорядочивать – т.е. совершать конкретные действия с какими либо элементами действительности.

На стадии *формальных операций* (12-15 лет и далее) заканчивается формирование понятийного мышления. Все большую роль в познании мира начинают играть гипотезы и дедуктивные умозаключения. Мышление становится абстрактным – отвлеченным от непосредственной реальности. Именно на этой стадии заканчивается формирование нормативного и нравственного мышления, связанное с понятиями «справедливость», «добро», «зло», «грех», «добродетель» и т.д. Для нас особый интерес представляют правила мышле-

ния, которыми человек должен овладеть на этой стадии. Эти правила делают мышление «нормальным», логичным. Не случайно логику определяют, как науку о правильном мышлении. Большинство людей, даже не изучавших логику, умеют мыслить правильно, согласно логическим законам. Мы интуитивно следуем этим законам: закону исключенного третьего (суждение может быть истинным или ложным, третьего не дано), закону противоречия (запрет на противоречивые рассуждения) и другим. Нарушение этих законов в процессе мыслительной деятельности можно рассматривать, как *когнитивную девиантность*. Знание этих законов теснейшим образом связано с нормативностью и представлением о нормах. Например, «нормальный» человек не станет нарушать закон исключенного третьего, утверждая, что то или иное поведение является одновременно нормальным и девиантным. Мы пользуемся интуитивной логикой в нормативных рассуждениях, типа «человеческая жизнь – высшая ценность, поэтому убийство – самый страшный грех». Логическое мышление становится возможным благодаря глубокому владению языком, в котором, помимо всего прочего отражены все нормы и правила, регулирующие жизнь людей. На поведение человека накладывается *лингвистическая схема*, делающая его поведение «нормальным» и дающая ему рецепты взаимодействия с реальностью. Лингвистические схемы, выполняют две важные функции: мотивационную и интерпретационную. Они дают мотивацию к действию (например, желание действовать, как «хороший мальчик/девочка») и объясняют действительность («мальчики и девочки делятся на хороших и плохих»). Это еще раз подтверждает мысль, высказанную в

Интернализация норм – принятие в качестве своих собственных внутренних убеждений и принципов.

предыдущем параграфе: язык – стержень любой нормативной системы.

Нормативное и нравственное развитие тесно связаны с когнитивным. Здесь так же можно выделить несколько стадий, имеющих прямую связь с развитием интеллекта. Процесс

интернализации норм, можно представить на примере норм чистоплотности.

Суждение «мама сердится на меня сейчас» (простое восприятие) трансформируется в суждение «мама сердится на меня за то, что я написал в штаны» (конкретное восприятие), а затем в суждение «мама сердится на меня всякий раз когда я писаю в штаны» (*первичное обобщение*). Происходит фиксация связи между поведением и его последствиями. Можно назвать этот уровень нравственного развития *инструментальным*. Основной мотив выполнения нормы на этой стадии – прямая выгода (избегание наказания и получение поощрения). На следующей стадии нормативный горизонт расширяется. Первичное обобщение связывается с другими похожими обобщениями: суждение «бабушка, папа, сестра то же против того, что бы я писал в штаны» связывается с суждениями «воспитатели в детском саду ругают меня, когда я писаю в штаны» и «сверстники смеются надо мной, когда я писаю в штаны». Происходит формирование *вторичного обобщения*: «люди, вообще против того, что бы другие писали в штаны». Эту стадию можно назвать *конвенциональной*, норма рассматривается, прежде всего, с позиций социального согласия и возможных реакций других людей. Мотив выполнения норм принимает выраженную социальную окраску (одобрение или неприятие со стороны других). В целом нормы все еще рассматриваются с позиций выгоды. Наконец на третьей стадии происходит *конечное обобщение*: «человек не должен писать в штаны». Следствием этого должно стать формирование нормативной интенциональности: «я никогда не буду писать в штаны». В социальной психологии эта стадия описывается, как «формирование обобщенного другого». «Обобщенный другой» (человек вообще) – это нормативная абстракция, заменяющая «конкретных других» (мама, бабушка, сестра, воспитатели, сверстники и т.п.). Только на этой стадии возможна полная интернализация норм. Именно на этой стадии можно говорить о настоящей *нравственности* – стремлении поступать в соответствии со своими принципами.

Агенты и эмоции. Процесс социализации не протекает сам по себе. Он не возможен без участия людей и организаций, специализирующихся на пе-

Агенты социализации – люди и организации, занимающиеся воспитанием и передачей знаний, контролирующие процесс развития ребенка.

редаче норм и знаний новым членам общества. В социологии для этого используется специальный термин – *агенты социализации*. На разных этапах жизни человек взаимодействует с различными агентами социализации. Обычно выделяют агентов *первичной* и агентов *вторичной* социализации.

Первичная социализация (примерно до 7 лет) связана с овладением основами знаний, необходимых для жизни в обществе. Человек учится владеть языком, усваивает основные нормы и правила поведения, осваивает первые *социальные роли*. На этой стадии основными агентами социализации являются родители, родственники, воспитатели, в меньшей степени – сверстники. Агентов первичной социализации связывают с ребенком личностные отношения, каждый из них конкретен (мама, бабушка и т.д.), что соответствует конкретности мышления.

На стадии вторичной социализации, все большую роль начинают играть социальные институты (школа, церковь, право) и безличные источники информации (книги, газеты, журналы, теле-, видео-, аудио-продукция). Возрастает роль сверстников. Ребенок осваивает новые роли, расширяется нормативный контекст. Формальные агенты доносят до ребенка абстрактные идеи, правила и нормы, приобщая его ко всему социальному запасу знания. Можно образно назвать это «подключением к глобальной коммуникации». Глобальная коммуникация подразумевает циркуляцию социального запаса знания в обществе. Значительную часть коммуникации занимает *тиражирование нормативных моделей*. Из книг, фильмов, СМИ, в школе, армии и др., ребенок узнает, что значит «настоящий мужчина», «истинная женщина», «человек долга», «патриот». Этим моделям соответствуют *антимодели*: «предатель», «трус», «плохая хозяйка», «развратник», «женщина легкого поведения» и др. Таким образом, «нормальность», фактически означает следо-

вание позитивным моделям, тогда как «девиантность» - следование негативным моделям (антимоделям). Определенная часть этих моделей интернализируется, превращаясь во внутренние регуляторы поведения.

Важную роль в процессе, как первичной, так и вторичной социализации играют *значимые другие*, люди с которыми человек связан эмоционально, на личностном уровне. Первоначально значимые другие – это родители, ближайшее окружение ребенка. Ребенок не воспринимает свое окружение пассивно, напротив – он ориентирован на него, в полном смысле *любит* его. Значимые другие являются на начальном этапе посредниками между миром и ребенком. Эмоциональная связь с ними позволяет ребенку отождествлять себя с ними, примерять их роли и модели поведения. Взаимодействие со значимыми другими непосредственно участвует в формировании *самоидентификации* – представления о самом себе. Идентификация предполагает эмоциональные отношения, она не может быть чисто интеллектуальной. Эта эмоциональность сохраняется и в дальнейшем, когда становится возможна идентификация с символами и институтами. Идентифицировать себя как члена партии или патриота – значит испытывать сильные эмоции по отношению к таким вещам, как «партия» или «патриотизм».

<p>Идентификация – определение, выявление, отождествление. Самоидентификация – определение себя в качестве кого-то конкретно (мужчины, женщины, ученого и т.д.).</p>
--

Управление эмоциями – важный элемент нормативной социализации. Ведь принять норму – значит испытывать положительные эмоции по отношению к символу или поведению, с которым она отождествляется. Норма честности предполагает *желание* быть честным, *удовлетворение* от проявлений честности. Она же подразумевает негативные эмоции по отношению к нарушению этой нормы: *отвращение* к нечестности, *нежелание* быть нечестным. Наши эмоции горя или радости, удовольствия или неудовольствия являются врожденными. Однако формы проявления этих эмоций и их направленность – определенно сконструированы в процессе социализации. Можно говорить об *эмоциональной* нормативности. Мы должны научиться

проявлять эмоции по правилам. Мы *обязаны* радоваться на свадьбе или во время встречи Нового Года, грустить при разлуке или на похоронах. Мы *должны* сдерживать эмоции в общественном месте и можем себе позволить проявлять их свободно с близкими людьми. Мы проявляем более сильные эмоции, когда дело касается наших принципов, и остаемся равнодушными, когда речь идет о вещах нас не волнующих. Кстати, этот факт важен для девиантолога: нарушения норм сопровождаются различными по силе эмоциями у разных людей. Одни люди сквозь пальцы готовы смотреть на то, как окружающие нарушают обещания, зато резко негативно реагируют на грубость. Другие напротив, готовы простить грубость, но трясутся от злости, когда кто-то нарушает обещания. Очевидно, что реакция напрямую будет связана тем, насколько для себя важными (имеющими значение для самоидентификации) человек считает те или иные нормы. Учитывая то, что говорилось выше, выведем закономерность: *эмоции, сопровождающие нарушение или исполнение норм будут тем более сильными, чем более значимыми для самоидентификации будут ценности, служащие основанием для данных норм.*

Легитимизация норм. Люди – существа мыслящие и, как следствие, склонны во всем искать смысл. Мы не переносим бессмыслицы. Это в полной мере касается норм и правил. Как реагирует маленький ребенок на за-

Легитимизация норм – объяснение норм в процессе социализации, призванное убедить в их правильности и необходимости.

прет «нельзя» или требование «нужно»? Правильно, - вопросом «почему». Одна из главных задач социализации - представить людям объяснения норм. Объяснить, почему нельзя одно, можно другое и нужно третье. Эти объяснения принимают различную форму на всем процессе социализации, постепенно усложняясь, подстраиваясь под когнитивное развитие ребенка.

Что впрочем, отнюдь не исключает возможности пользоваться относительно простыми объяснениями «на взрослом уровне». Объяснение норм преследует две цели: 1. *объяснить*, почему существует норма и почему ее нельзя нару-

шать (обычно это связывается с картиной мира); 2. *заставить признать* данную норму, сделать ее легитимной*. Оба момента связаны, но это разные моменты. Ведь объяснить – еще не значит убедить, а социализация подразумевает именно последнее. Учитывая, что оба отмеченных момента в процессе социализации сливаются, мы будем называть объяснения норм *легитимацией*, делая тем самым акцент на убеждении. В этом процессе можно выделить несколько стадий:

1. *Дотеоретическая стадия*: начинается с момента овладением языком, т.е. практически – с первых месяцев жизни. В языке уже содержатся нормативные структуры, упорядочивающие, классифицирующие и проясняющие реальность. Например, ребенка окружают люди. Некоторые из них появляются чаще других. С появлением одного из них всегда связаны положительные эмоции и ощущения: тепло, кормление, поглаживания, ласковый голос. Когда ребенок узнает, что носитель этих свойств называется «мамой», это уже программирует его реакции на «маму», одновременно являясь фундаментом для дальнейшего накопления нормативных смыслов в отношении «мамы». На этом первом уровне ребенок сталкивается с самыми простыми объяснениями-утверждениями, типа «так надо» или «так устроены вещи». Это уровень самоочевидного знания, формирующегося, как простая констатация фактов – «это так, потому, что это так».

2. *Начально-теоретическая* стадия содержит теоретические обоснования в зачаточной форме. Это уровень простых объяснительных схем, часто имеющих прагматическую направленность, связанность с конкретными действиями. Пословицы, поговорки, моральные лозунги, народная мудрость, сказки, легенды – вот примеры подобных объяснений. Ребенок знакомится с изречениями, типа «Без отца дитя – пол-сироты, а без матери – полная сирота» (легитимация высокого статуса матери) или «яблочко от яблоньки недалеко падает» (возможная легитимация стремления быть похожим на родите-

---

* От лат. *legitimus* – законный, внутренне признаваемый.

лей). На этой же стадии объясняются стереотипы поведения, скажем «мужчина должен быть мужественным, что бы быть настоящим воином» или «девочки должны вести себя скромно, что бы быть желанной невестой». Суеверия можно так же отнести к этому уровню: «нельзя просыпать соль, иначе случится несчастье» или «если вернулся, выйдя из дома – посмотри в зеркало, что бы не было беды».

3. *Теоретическая стадия* подразумевает достаточно сложные схемы объяснения, с помощью которых нормативный порядок легитимируется в терминах развитой системы знаний. Эта стадия отличается от предшествовавшей уровнем интеграции. Легитимация норм на этой стадии предусматривает понятные и структурированные «системы отсчета» для соответствующего комплекса норм. Возьмем, к примеру, комплекс норм – регуляторов сексуальности. Если на первой стадии ограничения существуют в виде простых запретов, например: «заниматься мастурбацией - плохо»; то на втором уровне появится объяснение: «будешь мастурбировать – заболеешь». Третий же уровень предполагает соответствующую теорию сексуальности: «половое влечение заложено в человека Богом, для оставления потомства и выражения любви, использование его в целях личного удовольствия - грех». Для объяснения на этом уровне необходимо сконструировать теоретическую схему, которая бы включала в себя и объясняла большую часть реальностей, имеющих отношение к норме. В нашем случае нужно объяснить, что такое мужская и женская сексуальность, ее место и роль в человеческих отношениях, связь с другими, смежными нормами (например, самоограничение) и т.д.

4. *Метатеоретическая** стадия предполагает еще большую смысловую интеграцию, по сравнению с предыдущей. Если на теоретической стадии происходила смысловая интеграция реальностей, имеющих непосредственное отношение к норме, то теперь все сектора нормативной реальности ин-

---

* *Мета-* означает «сверх-, за-», передает смысл превосходства, выхода за пределы.

тегрируются во всеобъемлющую картину мира. Четвертый уровень легитимации представлен символическими системами, отражающими все уровни реальностей – от повседневности до религиозного опыта. На этом этапе формируется нормативно-смысловая матрица, упорядочивающая восприятие реальности и самовосприятие. Продолжая наш пример с нормами, регулирующими сексуальность, на метатеоретической стадии, мы получаем общую теорию сотворения мира Богом, концепцию спасения души, добродетели, греха, теорию человека и половых различий – короче все сложное и многоуровневое здание религиозного знания.

Таким образом, на конечной стадии легитимации, нормы должны быть интегрированы в общую картину мира, имеющуюся у индивида. Отсюда интересный вывод – *нарушение даже отдельных норм, ведет к более или менее сильным изменениям картины мира нарушителя*. Можно сказать и по другому – нарушение норм означает несовпадение картины мира «девианта» и «нормальных людей». Можно указать и на одну очень важную проблему современного общества: отсутствие единой интегрированной картины мира. Мир, тиражируемый средствами массовой информации – плюралистичен. Мировоззрение большинства наших современников представляет собой хаотичный сплав политических идей и лозунгов, научных теорий, религиозных и философских концепций (различных, разумеется), книжных и киношных штампов, и все это замешано на «здравом смысле» или его полном отсутствии. Современный человек от этого часто страдает – не очень понятно, что хорошо и что плохо, где правда, а где ложь. Это – ненормально (без кавычек), т.к. ясная картина мира – залог психического здоровья – в противном случае психика и интеллект перегружаются, пытаясь связать воедино несовместимое. Психика, как механизм адаптации не выносит неуверенности, противоречий, альтернативных реальностей – все это затрудняет адаптацию,

Принцип информированности – одна из базовых закономерностей психической жизни человека, подразумевающая необходимость знания - упорядоченной картины реальности; неизвестность таит опасность.

может содержать угрозу (можно назвать это *принципом информированности*: необходимости в ясной и непротиворечивой информации о реальности). Как следствие – рост числа стрессов, нервно-психических расстройств, самоубийств, популярность тоталитарных сект (дают ясную картину мира, избавляют от сомнений, правда – в обмен на все остальное: волю, силы, деньги, жизнь). Все это – сложные и болезненные симптомы современной цивилизации и их освещение выходит далеко за рамки настоящего учебника. Нам же осталось рассмотреть еще один – последний – аспект социализации.

Социализация, как ограничение. Поведение человека, потенциально – бесконечно разнообразно. Поведение, согласно нормам означает значительное ограничение этого разнообразия, сведение всех возможных поведенческих альтернатив к одной – нормативной. Учитывая, что одна из главных ценностей современной цивилизации – свобода, будет нелишним рассмотреть данный аспект социализации подробнее. Не означает ли следование нормам ограничения «естественного права» человека – свободы самовыражения. Одна из модных концепций нормативности сегодня – это концепция «ценностного и поведенческого плюрализма». Обобщенно ее можно сформулировать следующим образом: «каждый вправе делать все, что он хочет, если это не приносит вред другим людям». Лозунг популярный и, часто, воспринимается, как нечто само-собой разумеющееся. Однако строгий научный подход к проблеме, с позиций социологии и психологии, заставляет усомниться в истинности подобного принципа.

Используем для начала социологический ракурс анализа. Для того, чтобы общество существовало, как некая упорядоченная целостность, необходимо «согласие умов». Нужен некий минимум обязательных для всех идей, норм и принципов, дающий общую схему реальности. В противном случае общество окажется дезинтегрированным и его существование будет поставлено под угрозу. Главная задача всех норм – не допустить социального хаоса, упорядочить социальную реальность. Вспомним историю – неотъемлемыми

атрибутами любой развитой цивилизации являются общая нормативная и мировоззренческая (религия или идеология) база. Когда нормативное единство ослабевает (обычно это следствие изменений общей картины мира), наблюдается «падение нравов» - верный признак заката цивилизации. Вспомнить, хотя бы эллинистическую Грецию или позднеимперский Рим. Изменения в общей картине мира, как правило, - следствие усложнения общества, накопления нового знания. Что бы избежать дезинтеграции общество вынуждено приспособливаться, вводить новые типы регуляторов. Неслучайно, по мере возрастания плюралистичности современного общества, все более возрастает роль права. Юридическая сфера постоянно расширяется, беря под свой контроль все новые зоны реальности. Наконец представьте себе, что в соответствии с принципом «делай все, что хочешь, но не наноси вреда другим» станут необязательными такие нормы, как долг, совесть, трудолюбие, верность в дружбе и др. – совместная жизнь людей станет попросту невозможной. Жить в обществе себе подобных – значит ограничивать свое «Я».

Во-вторых, психологический ракурс анализа нам подсказывает, что главный источник неизбежного, в случае отсутствия норм, хаоса – это человек. В отличие от животных мы не имеем врожденных регуляторов поведения. Эту функцию берут на себя нормы, навязываемые нам обществом. Интересно, в этом смысле, первоначальное значение слова «этика» - *этнос* – это стойло для скота. Другими словами быть этичным – означает загнать в рамки свою биологическую сущность. Отец *психоанализа*, З.Фрейд, описывал процесс развития человеческих обществ, как постоянное самоограничение биологических побуждений (в первую очередь, сексуальности и агрессивности), перевод их энергии в нормативно приемлемые рамки. Нормы нам нужны, они направляют и придают смысл нашей активности. Человек, делающий все, что ему хочется, как правило, фиксируется на примитивных удовольствиях биологического типа: положительные пищевкусовые и сексуальные ощущения. Это по сути, поведение животного, а не человека. Примеры из

обыденной жизни это подтверждают: любой, кто чего-то добился в жизни, знает, что достижения предполагают самодисциплину, самоограничение, часто – самонасилие.

Тема социализации в ее различных аспектах интересна и обширна, мы коснулись лишь тех моментов, которые связаны с рассматриваемой темой норм и отклонений. Описав, в общих чертах, как нормы закрепляются, мы далее переходим к тому, как они поддерживаются. Однако, подведем итоги.

Резюме:

- *Человек рождается биологическим индивидом и превращается в личность и социального агента лишь в длительном процессе **социализации**, который связан приобретением знаний и навыков;*
- *Выделяют **когнитивный**, аспект социализации, связанный с формированием мышления; мышление подчиняется определенным нормам логики и здравого смысла, нарушение этих норм можно рассматривать, как **когнитивную девиантность**.*
- *В процессе социализации нормы **интернализуются** (вплетаются в формируемую картину мира); Интернализация протекает последовательно: стадия **первичного обобщения** сменяется **конвенциональной** стадией, а окончательное усвоение норм происходит на стадии **вторичного обобщения**.*
- *Социализация невозможна без участия агентов; **агенты первичной социализации** (значимые другие) необходимые ребенку на ранних стадиях развития (усвоение базовых норм), в дальнейшем заменяются **агентами вторичной социализации**, имеющими более безличный характер и более разнообразными по формам и оказываемому воздействию.*
- *Важный момент социализации – **эмоциональная нормативность**.*

- *Легитимация* закрепляемых норм в процессе социализации проходит 4 стадии: *дотеоретическая, первично-теоретическая, теоретическая, метатеоретическая.*
- *Центральный смысл социализации – ограничить возможные проявления неконтролируемой активности человека, подчинить эту активность нормам, научить его самоограничению.*

Приложения к параграфу.

Социализация в будущем?

Антиутопия А.Зиновьева «Глобальный человек» является одним из лучших девиантологических исследований, выполненных в художественной форме. Предлагаем читателю выдержки из этого произведения, где показывается, как общество может создавать условия для девиантной социализации.

[...СЕКСУАЛЬНОЕ ОБОЛВАНЕНИЕ

А л: Почему ты до сих пор не замужем? Женщина ты интересная. Занимаешь неплохое положение на работе. Найти мужа не проблема,

Р о: Какого-то мужа найти — пустяк. Если бы я обратилась в брачную фирму, предложений последовало бы тысяч сто, не меньше. Но... Есть бесчисленные «но», Знаешь, сколько женщин только в Большом Западе старше двадцати пяти лет не выходило замуж? Больше трех миллионов. Это более тридцати процентов. А во всем ЗС более ста миллионов. Говорит это тебе о чем-нибудь?

Ал: Действует устрашающе. Я знал, конечно, что многие женщины не могут или не хотят выходить замуж, но никогда не думал о масштабах этого явления.

Р о: Плюс к тому полтора миллиона женщин в Большом Западе разведенные, три с половиной миллиона вдовы (женщины живут дольше мужчин). В общей сложности почти половина взрослых женщин живет одиноко.

А л: Кошмар!

Ро: Это, конечно, не вчера началось. Например, в Германии в конце двадцатого века более десяти миллионов женщин старше двадцати пяти лет жило одиноко, около трех миллионов не выходило замуж. Более миллиона женщин растило детей в одиночку, причем в трудных материальных условиях. Сколько про-

шло лет! Какие перемены в мире произошли! А в этом отношении — никаких улучшений. Положение даже ухудшилось. Я не хочу тебя запугивать данными о том, сколько семей суть чистая формальность, сколько жен изменяют мужьям и мужей женам, в скольких семьях условия для детей таковы, что лучше бы без таких семей обойтись. Социологи предсказывают, что данные, которые я сообщила тебе, увеличатся в полтора раза.

А л: Так надо что-то предпринять, чтобы остановить этот пагубный процесс!

Р о: Все перепробовано. И безуспешно. Даже еще хуже становилось. Это — неизбежная плата за прогресс. Свобода и доступность секса, противозачаточные средства, пропаганда эротики, фильмы, книги, возбуждающие средства, догоовизна выращивания ребенка, отсутствие уверенности в будущем, независимость стариков от детей, нежелание терять средства, силы и время на детей, черствость детей по отношению к родителям, бесчисленные соблазны... Как от всего этого избавиться?! Можно, но только ценой гибели всей нашей цивилизации. А вернуться в некое неиспорченное прошлое — все равно как из старой проститутки сделать целомудренную и невинную девочку. Кстати, как началась твоя сексуальная жизнь?

А л: Убого. стыдно вспомнить.

Р о: Ты еще сохранил способность стыдиться?! Ты инопланетянин?!

А л: Всего лишь провинциал. А как началась твоя сексуальная... карьера?

Р о: Скучно вспоминать. Одним словом — заурядно. Был первый половой акт, но не было никакой первой любви. И второй не было. И третьей... Позднее я прочитала кое-какие старые любовные романы. Мне показалось, будто меня ограбили — я не испытывала ничего подобного. Но в конце концов я решила, что старые писатели ввали. Они просто выдумали любовь.

А л: А теперь что ты думаешь?

Р о: Думаю, что секс как теперь, так и раньше был средством оболванивания и без того глупых людей. Проблема секса не есть всего лишь физиологическая, психологическая и нравственная. Она прежде всего есть проблема социальная, поскольку она касается жизни масс людей в ряде поколений. Вот в нашем обществе когда-то совершили сексуальную революцию. Едва избавились от ее ужасных последствий, как поторопились совершить вторую, еще более ужасную. Думаешь, по злему умыслу? Или из добрых побуждений? Ничего подобного! Спе-

циалисты установили снижение сексуальности западоидов, нарастание импотенции и патологических явлений. Требуются все более сильные возбудители. Где их взять? Не в старых же романах?! К тому же манипулировать современными массами людей без ориентации их на секс просто невозможно. Все средства пропаганды приедаются и теряют эффективность. А секс как средство оболванивания масс вечен. Когда он приедается и надоедает, он все равно держит людей в своих когтях, вынуждая на еще большие извращения. Между прочим, тебе не повредило бы посещение секс-школы.

А л: Я смотрю уроки секса по телевидению.

Р о: Это все равно как учиться боксу, глядя, как дерутся другие.

А л; А что мне даст эта школа? Вряд ли я стану от этого привлекательнее как любовник.

Р о: Дело не в этом. Ты будешь увереннее держаться. Это будет замечено, и твои шансы остаться на основной срок повысятся. Учти, у нас секс-школа — это нечто вроде «университета марксизма-ленинизма» в коммунистических странах в твоём любимом двадцатом веке.] ...

[...ПУТЬ В СВЕРХЧЕЛОВЕКИ

После первого же занятия в секс-школе у меня появилось такое ощущение, будто меня стараются окунуть в помойку всего самого гнусного, грязного и отвратительного, что люди изобрели за свою долгую историю. Я сказал об этом Филу.

Р о: А ты надеешься добиться благополучия и успеха, оставшись чистым и непорочным?

А л: Я думал, что я уже был достаточно испорчен для этого.

Р о: Твоя испорченность наивна и примитивна. Это — детская испорченность. Тебе предстоит еще пройти школу порчи зрелого человека. Секс-школа — это лишь подготовка к порче всеобъемлющей и всепроникающей. Пройдя ее, ты будешь потом с грустью вспоминать свою прошлую испорченность как состояние чистоты и невинности. А скорее всего ты вообще забудешь о том, что нечто подобное было когда-то. Ты будешь уверен в том, что ты уже в утробе матери был растленным существом. Тебя приучат к этой мысли.

А л: Ты пугаешь меня?

Р о: Нет, я лишь предупреждаю об этом как человек, уже прошедший через это. У человека надо прежде всего разрушить все изначальные табу и иллюзии,

погрузив его в пучину сексуального маразма, чтобы у человека не осталось ничего святого.

Ал: Но зачем это?!

Ро: Чтобы облегчить тебе путь превращения в сверхчеловека.

Ал; Я до сих пор думал, что это падение в бездну разврата, а не возвышение над человеческим уровнем.

Ро: Нет, это не просто разврат, это — разврат, разработанный профессионально и поднятый на высоты культуры и идеологии.

Ал: А если я не хочу на эти высоты?

Ро: Увы, нам не дано уклониться от этого. Мы, западоиды, обречены подниматься на высоты того, что раньше считалось и до сих пор еще многими считается моральным разложением и деградацией.

Ал: Я не хочу становиться сверхчеловеком. Я хочу стать просто человеком.

Ро: Что значит стать просто человеком? Ладно, не будем спорить о словах. Я догадываюсь, что ты имеешь в виду. Представь себе, есть некая школа, в которой учат, как стать «просто человеком». Чему тебя стали бы учить в ней?

Ал: Лучшим человеческим качествам. Верной и бескорыстной дружбе. Чистой и беззаветной любви. Отзывчивости. Бескорыстию. Честности. Правдивости. Уступчивости. Доброте. Щедрости. Хватит?

Ро: Вполне. Вот ты с удовольствием учишься в такой школе человечности. Оканчиваешь ее. А дальше что? Где ты будешь жить? Где работать? С кем общаться? Где найдешь верного друга? Где найдешь чистую любовь? Как проявишь свое бескорыстие, честность, правдивость, искренность? Ты просто не найдешь уголка в нашем мире для проявления своей человечности. Тебе не дадут быть «просто человеком».

А л: Но ведь можно всех обучать в такой школе!

Р о: Ты, конечно, шутишь. Сколько веков Церковь пыталась сделать людей хотя бы отчасти «просто людьми»! А результат?! Сколько усилий приложили коммунисты в России, чтобы воспитать «нового человека»! А результат?! Много ли ты в жизни встретил существ, о которых можно было бы сказать, что они суть «просто люди»?! Хочешь быть «просто человеком»? Что же, будь им. Только учти, одно дело — отдельно взятый человек, и другое дело — когда их много. Не идеализируй человечность как качество больших объединений людей. Поезжай в Россию. Там этой человечности в избытке. Только в реальности это ничуть не лучше

нашей сверхчеловечности. Можешь даже в БЗ найти человечность. Знаешь где? В районах трущоб. В субкультурах выходцев из ЕАС и Четвертого Мира.

А л: Выходит, мы обречены? В чем ты видишь конечную причину этой предопределенности?

Р о: В том, что мы западоиды. Мы стали такими в результате неповторимой биологической и социальной эволюции. Повернуть эволюцию вспять или даже изменить ее направление уже невозможно. Будем доживать свою историю до конца в этом качестве.】 (Источник: Зиновьев а. Глобальный человек. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. с. 166-168; 232-234.)

Вопросы для самопроверки:

1. *В чем разница между индивидом и человеческой личностью?*
2. *О чем свидетельствует феномен «диких детей»?*
3. *Каков объем приобретенного поведения у человека, по сравнению с животными?*
4. *В чем проявляется когнитивный аспект социализации?*
5. *Что такое когнитивная девиантность?*
6. *Что такое интернализация норм? С чем она связана?*
7. *Перечислите стадии интернализации.*
8. *На какой стадии происходит формирование обобщенного другого? Что это такое?*
9. *Кто такие агенты социализации? В чем заключаются их функции?*
10. *В какие периоды жизни человека агенты первичной социализации играют ведущую роль в его формировании?*
11. *Чем отличаются агенты вторичной социализации? Можно ли говорить о возможном негативном воздействии на личность со стороны институтов социализации?*
12. *Что такое эмоциональная нормативность?*
13. *Вспомните стадии легитимации норм. Чем они отличаются?*

14. В каком смысле говорят о социализации, как о процессе ограничения спонтанной активности человека?

§3. Социальный контроль.

Определив, каким образом нормы существуют и как они закрепляются,

Социальный контроль – процесс контроля со стороны общества или группы за соблюдением существующих норм, включающий средства принуждения.

мы теперь подходим к проблеме анализа взаимного процесса *социального контроля*, являющегося важной частью анализа девиантности. Социальный контроль связан с процессом, посредством которого группа или общество настаивает на принятии индивидом норм, приспособлении к своим требованиям и ожиданиям. Социальный контроль включает два основных

элемента: социальные *предписания* и социальные *санкции*. Предписания – это нормы в широком смысле – *запреты, разрешения, пожелания* или *требования* каких-то действий. Указанные четыре группы норм являются универсальными. Любая норма будет относиться к одной из этих групп. Примером запрета, налагаемого обществом (группой) может служить запрещение инцеста (*нельзя!*). Разрешение можно проиллюстрировать на примере предпринимательской деятельности (*можно!*). Различие между требованием и пожеланием хорошо иллюстрируют нормы патриотизма: требование защищать Родину, в случае войны ступая в армию (*нужно!*) и пожелание героизма на войне (*желательно!, но не обязательно* – т.к. все не могут быть героями). Санкции – это меры *поощрения* и *наказания*, используемые обществом для исполнителей/нарушителей норм. Как правило, эти воздействия применяются в комплексе – исполнение нормы предполагает поощрение, нарушение – наказание. Кто-то из читателей не применит задать вопрос: «Насчет наказа-

ния – спору нет, но какие поощрения влечет за собой, к примеру, исполнение законов? – Никаких!». Ответим, – Вы не правы, уважаемый читатель. Исполнение законов вознаграждается возможностью пользоваться разрешенными социальными благами, реализовывать свои личные цели (не идущие в разрез с законом), социальным одобрением. Просто большинство людей воспринимает эти блага, как нечто «естественное» - норму, но никак не поощрение. Однако в случае лишения возможности пользоваться этими «естественными» благами, их привлекательность проявляется очень сильно. Воспоминания заключенных фашистских концлагерей (да и современных тюрем и «зон») свидетельствуют: первое время после освобождения самые обыденные вещи (возможность пойти куда хочешь, по своему желанию есть или спать и т.д.) воспринимаются как величайшее благо. Неубедительно? Попробуем развить мысль о санкциях, с помощью примеров.

Пример 1. Возьмем норму уважения к старшим. Например, пользуясь общественным транспортом, мы обязаны уступать место старшим. Если мы этого не делаем, то сталкиваемся с наказанием: общественным осуждением по схеме «Вот такая нынче молодежь пошла!». Скорее всего, мы столкнемся и с *социальным давлением* - принуждением к выполнению нормы: «Что вы сидите?! Уступите бабушке место!».

<p>Социальное давление – реакция общества (группы), принуждающая к выполнению нормы; обычно принимает вид осуждения, насмешки, отторжения и т.п.</p>

Пример 2. – война. Если мы отказываемся рисковать жизнью и служить в армии во время войны (требование) (без объективных оснований, типа болезни или важности нашей работы в тылу и т.д.), нас ждет серьезное наказание – суд, тюрьма, штрафбат, а то и расстрел по законам военного времени. Если мы просто служим, участвуя в военных действиях, то нас поощряют: «фронтовые 100 грамм», льготы военнослужащим, если останемся в живых – льготы, как участникам военных действий. Если же мы проявляем героизм во время военных действий (пожелание), то нас могут поощрить медалью или орденом

или внеочередным отпуском. Поощрение будет более серьезным, чем в случае простого исполнения требования служить.

Пример 3. Рассмотрим занятие бизнесом, как разрешающую норму. В этом случае вознаграждение за ее реализацию – те материальные выгоды, которые мы можем получить в результате. Соответственно, наказание – отсутствие этих выгод. В данном случае, в отличие от предыдущих примеров, *мы сами можем манипулировать поощрениями и наказаниями.* Хотя, справедливости ради, нужно заметить, что самостоятельность эта не является абсо-

Престиж (поведения или деятельности) – результат положительной оценки обществом (группой) этой деятельности, выражающейся в социальном одобрении и признании, большом объеме материальных и других вознаграждений.

лютной, определенное давление наблюдается и здесь. Давление в виде желательности материального благополучия и нежелательности его отсутствия, отраженных в общественном сознании. Кроме того, существует понятие *престижа*, связанное с тем или иным видом деятельности. Престижная деятельность становится не просто разрешенной, она становится желательной. Это может сильно менять соотношение поощрений и наказаний. Сравним, например, бизнес, как разрешенную и очень престижную в нашем обществе сегодня форму поведения и занятия наукой, как разрешенную, но менее престижную деятельность. Социальных вознаграждений значительно больше в первом случае: деньги, высокий статус, возможность пользоваться разнообразными благами и услугами, властные возможности и т.д.

Таким образом, мы с вами сделали интересное наблюдение: *существенной характеристикой поведения, регулируемого разрешающими нормами, является факт престижности/непрестижности этого поведения.* Отсюда вывод: *разрешающие нормы содержат в себе ресурс принуждения, проявляющийся в более высоком вознаграждении престижного поведения.* В этом случае мы можем говорить о переходе разрешения в пожелание или даже требование. Более того, *степень престижности/непрестижности деятельности (поведения), может выступать в качестве санкции поощре-*

ния/наказания. Сам факт престижной деятельности, часто служит для человека вознаграждением: опросы показали, что менеджеры, часто отказываются сменить работу на менее престижную, но более высоко оплачиваемую.

Все случаи применения санкций и выполнения/нарушения норм связаны с процессом *приклеивания ярлыков*. Что бы пояснить сущность этого процесса, придется снова обратиться к языковому аспекту социальных практик. Дело заключается в *маркирующей* функции языка. Она проявляется, как явно, так и неявно. Когда кто-то говорит нам о «трудных детях», «неисправимых преступниках», «честных тружениках», «достойных гражданах», по сути мы сталкиваемся с негативными или позитивными определениями тех или иных людей. Маркирующая функция языка опирается на первую группу нормативных универсалий, выделенных нами в предыдущем параграфе (регуляторы картины мира). По сути, слова и выражения языка, имеющие отношение к нормам, их соблюдению или нарушению, являются оценками поведения, по ценностной шкале «хорошо/плохо». Когда мы называем кого-то девиантом, мы приклеиваем ярлык – даем вербальную оценку поведения. Оценку публичную, т.е. доступную всему обществу (группе) или какой-то его части (пусть даже нескольким людям). Помимо маркирующей функции языка, для темы контроля большое значение имеет *репрезентативная* функция: функция отражения действительности. Как мы уже говорили, реальность организована семантически и лингвистически. Те слова и выражения, которыми мы описываем мир, влияют на наше к нему отношение, нашу позицию – т.е. это контроль за нашим восприятием мира. Неслучайно многие ученые-лингвисты сегодня бьют тревогу по поводу «мутации» русского языка. Вместе с языком меняется реальность, которую этот язык отражает. Простой пример: проникновение иноязычных элементов. Так, слово «коммерция» это совсем не то, что «спекуляция». Это разные смысловые оценки определенного вида поведения. Но ведь содержание этого поведения практически одно и то же, по крайней мере, в нашей стране. В подавляющем большинстве случа-

ев, «коммерция» в современной России – это перепродажа чего-либо, с целью получения выгоды. В «застойное» время этот тип поведения трактовался, как «спекуляция». Таким образом, использование разных лингвистических единиц для обозначения одного и того же поведения, позволяет делать последнее легитимным или нелегитимным. Отметим, что анализ процесса социального контроля в этом параграфе осуществляется именно с позиций

Агенты социального контроля – люди и институты, создающие и поддерживающие нормы.

теории наклеивания ярлыков, подробнее о которой мы будем говорить в следующей главе.

Социальный контроль протекает при помощи *агентов* – людей, облеченных властью, которые пытаются (часто успешно) применить ярлык девианта к тем, кто не приспособливается

к требованиям общества. Те, к кому успешно был применен ярлык, являются

Институциональный – действующий в системе социального института. С.п. – устойчивая модель отношений между людьми, воспроизводимая от поколения к поколению; организованная посредством упорядоченной системы статусов и ролей, что обеспечивает безличный характер деятельности (действуют не личности, а статусы).

девиантами. Можно делать различия между двумя основными типами агентов социального контроля: 1) создатели правил, 2) проводники правил. Первые разрабатывают правила и поддерживающие их санкции, адаптирую существующую нормативную систему к реалиям текущего момента. Вторые следят за выполнением норм и применяют санкции. В свою очередь, и те и другие могут действовать в *формальной или неформальной сфере*. Формальные агенты действуют в поле закона – системы норм, обязательной к

исполнению для всех членов общества. Функции формальных агентов, как создателей и проводников норм закреплены законодательно и, чаще всего, носит *институциональный характер*. Функции создания и проведения правил являются для них доминантными (главными). К неформальным агентам относят тех создателей и проводников правила, для которых эта деятельность не является законодательно обязательной. Функции создания и проведения правил не являются для них доминантными, а скорее – вторичными. Кроме того, можно говорить о *явном* и о *латентном (неявном)* социальном контроле

ле со стороны неформальных агентов. В первом случае сам факт контроля остается открытым и доступным наблюдению, во втором – не заметен и может не осознаваться. Сказанное можно представить в виде таблицы:

Агенты социального контроля

Тип агента		Форма существования	реализуемые функции	форма деятельности	
создатель	формальные	Государственные и международные законодательные органы; управленческие структуры религиозных организаций; крупнейшие научные и культурные сообщества; дома мод.	Нормотворчество в законодательной, религиозной, культурной и научной сферах; формирование юридической, религиозной научной и культурной картины мира.	Преимущественно институциональная, публичная; деятельность ориентирована на всех членов общества (юридическая сфера)/ сообщества (научного, религиозного и т.д.)	
	неформальные	действующие явно	Институт общественного мнения, «лидеры мнений» - ученые, писатели, деятели искусства, «звезды» в широком смысле.	Нормотворчество в сферах повседневности, «подавание примера», общественный консенсус; уточнение картины мира	Частично институциональная, ориентирована на определенные группы (аудитории), хотя возможна ориентация и на все сообщество.
		действующие латентно	СМИ, медиа-индустрия (теле-, радио-, видео-), популярная литература, глобальные бизнес-организации (ТНК и ТНБ)	Создание идеалов для подражания, жизненных моделей; конкретизация картины мира, продвижение информационных и других продуктов, стандартизация потребления.	Неявно институциональная; ориентирована на целевые аудитории массового общества. Внешне ориентирована на выполнение других функций.
проводник	формальные	Силловые структуры государства (МВД, прокуратура, суды); официальная медицина (врачи, психиатры); органы исполнительной власти; комитеты и комиссии по надзору и контролю (сопровождают любую деятельность, регулируемую законом), школы, родители.	Поддержка и контроль за исполнением формальных правил, создаваемых формальными агентами, социализация, прямое обучение нормам.	Явная, институциональная, ориентирована на конкретные сферы формальных норм, носит публичный характер.	
	неформальные	действующие явно	Взаимодействующие члены общества (эффект взаимного контроля); люди с повышенной гражданской (общественной) ответственностью; система образования, обычаи, традиции.	Повседневный контроль, мотивация к нормативному поведению, реализация нормативных матриц (шаблонов) действий, косвенное обучение.	Как институциональная, так и не институциональная, ориентирована на поддержку основ повседневности, как публичный, так и частный характер.
		действующие латентно	СМИ, медиа-индустрия (теле-, радио-, видео-), популярная литература, «стильная публика» - поклонники моды, известные личности, Интернет, язык и коммуникация.	Продвижение и поддержка «стилей жизни», создание нормативных примеров (под уже существующие нормы), упорядочивание повседневных индивидуальных и массовых коммуникаций.	Частично институциональный характер, публичная, внешне ориентирована на другое (развлечение, информирование, коммуникация).

Указанное разделение агентов социального контроля и присущих им функций, является аналитическим. Это модель – т.е. упрощение реальности за счет выделения характерных черт. В реальности не всегда можно точно разделить формальных и неформальных агентов, так же, как и явный или латентный характер выполняемых ими функций. Зачастую можно наблюдать создателя правил и их проводника в одном лице. Хороший пример подобного дают телеиндустрия, реклама, наука (придумывает правила мышления, а затем проверяет их соответствие «научному методу»). Однако, данная типология помогает лучше понять и представить многообразие существующих в обществах форм контроля. Следует заметить, что представленные в таблице данные представляют собой лишь схематичный набросок реальной картины многообразия агентов социального контроля и выполняемых ими функций. Однако реконструировать ВСЮ систему контроля в рамках нашего параграфа не представляется возможным. Следует понимать, что социальная реальность чрезвычайно сложна. Роль агентов контроля могут выполнять даже артефакты (предметы обихода и другие *изделия*): к примеру, стул уже «задает» способы возможного использования его как предмета сидения, автомобиль –

Нормативная ригидность – «за-цикливание» на выполнении норм, чаще всего проявляется в виде склонности поступать заученным образом.

как транспортного средства и т.д. Развивая эту тему, можно упомянуть *нормативную ригидность*, проявляющуюся в тенденции использовать предметы исключительно «по назначению». Иногда такой «нормальный» взгляд на вещи может помешать увидеть их в новом свете, использовать нетрадиционным образом. Учитывая это, например, слушателей курсов са-

мообороны и школ выживания специально обучают использования повседневных предметов нетрадиционным образом (самооборона с помощью подручных средств). Этот пример наглядно демонстрирует, насколько широкой является сфера нормативности.

Таким образом, не надеясь воспроизвести всеобщий процесс контроля во всей полноте, мы попробуем уточнить некоторые моменты. Что бы под-

робнее познакомиться с существующими в обществе практиками контроля, мы поочередно рассмотрим сначала деятельность проводников норм, затем – тех, кто придумывает правила и создает нормы.

Те, кто проводит в жизнь правила. Когда мы размышляем о тех, кто проводит в жизнь правила, мы обычно думаем о *формальных агентах*, вовлеченных в процесс социального контроля - полиции, судах, тюрьмах или родителях.

Арест полицией, осуждение и тюремное заключение по решению суда, наказания со стороны родителей - все это является примером осуществления социального контроля путем настойчивого проведения в жизнь правил. Каждый из этих агентов явно вовлечен в процесс приклеивания ярлыков. Арест и заключение в тюрьму служат приклеиванию ярлыка индивиду, что определяет его как убийцу, вора или насильника. Аналогично, родительские упреки могут приклеить ярлык ребенку, например, “ленивый”, “глупый”, “жадный” и т.п. Проводники правил в жизнь пытаются сохранить существующий порядок посредством угрозы или действительного применения нежелательных ярлыков, влекущих за собой негативную реакцию в виде санкций.

Размышляя о формальных агентах, большинство людей менее склонны считать себя проводниками правил в жизнь. Все мы, тем не менее, действуем как агенты социального контроля (причем на довольно регулярной основе) в нашей повседневной деятельности. Если люди вокруг нас нарушают социальные нормы, мы действуем таким образом, чтобы указать им что они нарушают правила, пытаясь поставить их на место. Мы действуем как агенты контроля, когда мы делаем замечания человеку плюющему на пол, вмешиваемся в разговор, обижающему невинного прохожего. Мы можем также в более экстремальных формах проводить в жизнь правила, например с помощью повышения голоса, сжатого кулака или даже применения физической силы. Такое межличностное осуществление социального контроля, как тактичное, так и грубое является гораздо более распространенным, чем фор-

мальные средства, используемые полицией, судами и другими формальными агентами.

Неявные формы контроля. Многие исследователи обращались к теме контроля за выполнением, описанных Гарфинкелем фоновых ожиданий. Какие именно механизмы обеспечивают выполнение фоновых ожиданий до конца неясно. Мы уже рассматривали этот вопрос в первом параграфе, теперь же попробуем взглянуть на него с позиций деятельности агентов социального контроля. Фоновым ожиданиям соответствуют «неявные» нормы повседневного взаимодействия. Американский социальный психолог Т. Шефф назвал их *остаточными*, подчеркнув их характерные черты: 1) большинство людей согласны с этими правилами; 2) эти правила остаются незамеченными до тех пор, пока не происходит их нарушение. Можно сравнить эти правила с правилами грамматики – человек соблюдает их, не зная, как они сформулированы, сразу же замечая нарушения. Шефф предположил, что данные нормы соблюдаются в силу немедленной, спонтанной негативной реакции окружающих на их нарушение. Все это знают и поэтому данные нормы нарушаются редко. Однако вопрос о том, что вызывает данную немедленную реакцию остался открытым. Общий ответ на него: этот класс норм создает основы для повседневного взаимодействия, они важны как основа социальной жизни. Их укорененность, естественность обуславливают негативную реакцию на их нарушение. Это, разумеется – чисто описательная модель, мало что говорящая о внутренних механизмах поддержания данного класса норм. Экспериментально этот вопрос исследовался С. Милграммом – автором знаменитого эксперимента, моделирующего деструктивное подчинение. Милграмм изучал данные нормы посредством нарушения. В качестве примера он выбрал повседневные нормы пользования общественным транспортом. Одна из базовых норм в этот случае (напомним – речь идет об американской повседневности) может быть сформулирована, как «кто успел – тот и сел»: не принято тревожить сидящего человека, без веских на то оснований (плохое

самочувствие, возраст, беременность.). Милграмм интересовал вопрос санкций, применяемых к нарушителю. Он просил своего студента без каких-либо предварительных мотивировок подходить к кому-то из сидящих с просьбой: «Извините, не уступите ли вы мне свое место?». На предварительной консультации с Т. Шеффом, последний высказал мысль, что возможным исходом станет «нормализация». Нормализация связана с процессом, когда факту нарушения подыскивается такая причина, что бы нарушение не воспринималось в качестве такового. Например, поведение экспериментатора может быть проинтерпретировано следующим образом: «этот человек просит уступить ему место, потому, что ему стало дурно». Это и есть «нормализация». В первом варианте эксперимента гипотеза Шеффа подтвердилась. Студент подходил в метро к сидящим пассажирам и в вежливой форме просил уступить ему место. После короткого замешательства, большая часть испытуемых (68%) уступали ему место. В данном случае как раз таки и наблюдалась «нормализация», предсказанная Шеффом: люди интерпретировали просьбу в ключе того, что молодому человеку стало плохо. Тогда Милграмм несколько изменил условия эксперимента. Студент, держа в руке дешевый детектив выражал просьбу уступить ему место: «Извините, вы не уступите мне место, а то мне неудобно читать стоя?». На этот раз место уступали лишь в 40% случаев. Слишком тривиальная мотивировка затрудняла процесс нормализации. Наблюдатели фиксировали, что в этом случае испытуемые дольше пребывали в замешательстве, а отказы давались более категоричным тоном.

Эти эксперименты наводят на некоторые размышления. Во первых, когда Милграмм просил специалистов спрогнозировать результаты экспериментов, то назывались цифры намного ниже тех, что были получены в ходе эксперимента (в среднем – 14% уступок, - т.е. почти в 5 раз меньше). Во вторых, все участники экспериментов, вынужденные озвучивать просьбы указывали на сильные сдерживающие эмоции, возникавшие в момент начала

эксперимента. Эмоции (ощущение неловкости, стыда, смущения) были настолько сильны, что большинство экспериментаторов, после того, как им уступали место, делали вид, что им нездоровится, оправдывая свою просьбу. Другими словами «нормализация» оказалась двусторонним процессом! Это подтверждается тем, что в случае второго эксперимента, негативные эмоции были более сильными, т.к. не было оснований для нормализации.

Это заставляет нас констатировать, что большинство людей в случае нарушения норм повседневности сам для себя выступает в роли агента социального контроля. Механизм контроля за повседневностью «встроен» в нашу психику. Как говорил Гарфинкель, - повседневность принудительна.

Создатели правил и социальные изменения. Создатели правил изобретают правила, нормы или законы. Без создателей правил не было бы самой девиантности, поскольку мы бы не имели того, от чего можно было бы отклоняться. Именно это и имеется в виду, когда говорится, что девиантность создается агентами социального контроля, которые устанавливают нормативную систему общества. С одной стороны, можно рассматривать нормы и правила, как неизменные и постоянные элементы социальной жизни. С этих позиций мы и анализировали нормы повседневности. Но тот факт, что с течением времени содержание норм меняется, заставляет социологов рассматривать эти правила, как обычаи, создаваемые для защиты узаконенных интересов создателей правил и тех, кого они представляют.

Ряд исследований показал, что социальные правила являются продуктом узаконенных интересов агентов социального контроля. Иллюстрацию этого вывода можно найти в анализе Уильяма Чемблисса истории законов о бродяжничестве - законов, которые появились во времена заката феодализма. Средневековые землевладельцы нуждались в большой группе дешевой рабочей силы, когда они не могли больше полагаться на выполнение работы крепостными крестьянами. Законы о бродяжничестве обеспечивали эту дешевую рабочую силу, вынуждая людей работать, чтобы избежать ареста за бродяж-

ничество. С окончательным кружением феодализма потребность в законах о бродяжничестве исчезла. Долгое время эти законы оставались бездействующими, мало изменялись и редко применялись. Однако, по мер развития торговли и коммерции в Европе, законы о бродяжничестве были обновлены и вновь стали применяться. Они были направлены против плутов и бродяг, которые угрожали нарушить упорядоченное течение коммерции ограблениями и воровством. Как видно законы о бродяжничестве были созданы, для того, чтобы помочь землевладельцам, вышли из употребления, а позже возродились и были переделаны в угоду новому, могущественному коммерческому классу. Законы о бродяжничестве подчеркивают, что правила являются результатом узаконенных личных интересов власть имущих.

Современный пример создания правил можно найти в криминализации компьютерных злоупотреблений. Компьютерное злоупотребление - недозволенный вход в чьи-либо компьютерные данные с целью их изменения, кражи или саботажа. Эти действия являются необычными и новыми типами девиантности, они могут быть совершены без применения силы или даже физического присутствия виновника. Первый закон против компьютерных преступлений был принят во Флориде (США) в 1978 г. Интересный социологический вопрос - почему возникли такие законы? СМИ сыграли ключевую роль в разработке законов о компьютерных преступлениях. Фактом является то, что лишь немногие люди знали бы о компьютерных преступлениях, если бы средства массовой информации не рассказывали о них. Число газетных статей о компьютерных преступлениях, описывающих связанную с ними угрозу резко увеличилось, так же как общественное восприятие компьютерной преступности как серьезной проблемы. В отличие от случая с законами о бродяжничестве, ни одна специфическая группа интересов не играла центральной роли в принятии законов о компьютерных преступлениях. Ключевую роль сыграли государственные и федеральные законодатели, которых привлекло к этой проблеме внимание СМИ. Таким образом, правила и законы

могут возникать как способ защиты групповых интересов привилегированных членов общества, но другие силы (например СМИ) так же могут играть существенную роль. Законы могут также возникнуть из-за изменившихся социальных условий, требующих нового законодательства (например, возросшая роль компьютера, возросшая осведомленность о компьютерных преступлениях).

Резюмируя сказанное по поводу социальных изменений, можно заметить, что наиболее склонны к изменению со временем формальные нормы, регулирующие общественную *деятельность*. К ним относятся различного рода законы, наподобие законов о бродяжничестве. Нормы же повседневного *поведения*, изменяются медленнее, т.к. связаны с большим количеством людей, их поддерживающих. Они закреплены в коллективном сознании, которое всегда инертно.

Язык, как агент социального контроля. Универсальным агентом социального контроля, более того – базовым его инструментом можно считать язык. Помимо того, что именно язык является «архивом» девиантных ярлыков, сама структура языка нормативна. Попробуем рассмотреть это подробнее. Во-первых, язык нормативен сам по себе: если я хочу выразить свои мысли так, что бы меня понимали другие, я должен соблюдать правила грамматики и синтаксиса. При этом, сами слова, соединяемые по определенным правилам (семантические правила языка) «программируют» мое восприятие того о чем я говорю. Свои мысли я должен облечь в нормативную форму, но будучи озвученной, форма (слова) начинают влиять на мои мысли. «Слово – не воробей», говорит народная мудрость. Считается, что основные функции языка – это описательная и оценочная. С ярлыками связана именно оценочная функция, это наиболее заметный нормативный аспект языка. Однако, описательная функция не менее нормативна. Скажем, вы попадаете на вечеринку в незнакомую компанию. Ваш друг, который уже бывал здесь, начинает вводить вас в курс дела. Он описывает присутствующих, рассказы-

вает, чем обычно на этих вечеринках занимаются и т.п. Вроде бы он просто описывает ситуацию. Однако, тем самым он кодирует ваши возможные поведенческие реакции. Например, он говорит: «Вот тот тип в углу все время молчит, а вот та девушка – любит анекдоты и вообще юмор». Имея эту информацию, вы вряд ли подсядете к «тому типу», что бы просто поболтать, а общаясь с девушкой, вряд ли начнете обсуждать с ней проблемы социальной несправедливости. По крайней мере сначала, пока вы ближе с ними не познакомитесь, вы будете опираться на информацию предоставленную вам другим, она станет нормативной основой ваших взаимодействий. Описания ситуаций и событий обладают нормативной силой. Когда вас приглашают на дипломатический прием, само словосочетание «дипломатический прием», подразумевает строго определенный стиль поведения на этом приеме.

Можно сказать, что на хаотичную, неупорядоченную реальность язык накладывает некую смысловую схему, матрицу, упорядочивающую эту реальность, придающую ей смысл. Поэтому неслучайно, что девиантные сообщества (профессиональные преступники, например) создают свой жаргон, выражающий их картину мира. Язык – универсальный инструмент контроля, доступный как формальным, так и неформальным агентам.

Пример. В пятый класс школы № N прибыл ученик Вовочка. Он плохо учится, грубит учителям и склонен к насилию над сверстниками. Родители у Вовочки – «неблагополучные». Это – просто факты. Классная руководительница Марья Ивановна, на очередном педсовете, где обсуждается «проблема Вовочки», действуя как агент социального контроля может дать две возможных интерпретации этих фактов. Курсивом выделены слова-маркеры, задающие ход интерпретации. Интерпретация первая: Вовочка – *трудный подросток, из неблагополучной семьи. У него занижены интеллектуальные способности и затруднена адаптация. Он агрессивен и проявляет явно девиантные поведенческие реакции.* Все это доказывает, что Вовочку *нужно направить* в учреждение для детей с девиантным поведением (спецшколу).

Интерпретация вторая: Вовочка – *несчастный ребенок, лишенный родительской опеки*. Он плохо учится *потому, что с ним никто систематически не занимался и его способности не развивались*. Адаптационные способности у Вовочки снижены потому, что он просто *не имеет опыта нормальных отношений со взрослыми*. Агрессивность по отношению к сверстникам вызвана тем, что это – его *единственный способ самоутверждения*, т.к. они воспринимают его как «неблагополучного», учеба ему не дается. Все сказанное доказывает, что Вовочке *нужно помочь*, с ним нужно заниматься и уделять ему больше внимания, чем другим школьникам. Наш класс возьмет над Вовочкой шефство.

Перед нами два совершенно разных по смыслу интерпретации, конструирующие для Вовочки два варианта будущего. В каждом случае основной инструмент контроля – слова. Неслучайно юристы так тщательно проверяют каждое слово в составляемых документах – слова имеют склонность изменять реальность, которую они описывают.

Личный опыт девиантности (как становятся девиантами). Хотя многие люди получают ярлык девианта, не совершив девиантного поступка, мы начинаем обсуждение с предположения, что было совершено определенное действие, которое агенты социального контроля считают девиантным

Первичная девиантность
– *первичные, разовые случаи нарушения социальных норм, что свойственно большинству совершенно «нормальных» людей.*

(отклоняющимся от правил). Одни люди, совершив девиантный поступок однажды или дважды, возможно никогда не повторят его; другие продолжают иногда поступать так, в процессе чего становятся все более девиантными; третьи же переходят от *первичной* девиантности к *вторичной*.

Если наблюдается поведение соответствующее первичной девиантности, человек, совершивший его, может быть наказан агентами социального контроля. Несмотря на наказание, в некоторых случаях девиантное действие может повторяться. Если повторный случай девиации попадает в поле зрения агентов социального контроля, то имеют место повторные

и, вероятно, более суровые санкции. Как правило, страх наказания удерживает лишь некоторых членов общества от девиантных действий, другие же, не взирая на наказания, продолжают осуществлять отклоняющееся поведения и у них часто развивается враждебность и обида в отношении тех, кто их наказывает. Это подводит к пределу способности общества терпеть девиантность. Наиболее вероятным исходом подобной ситуации является определенное формальное действие агентов социального контроля, приклеивающее ярлык девианта к индивиду. Некоторые ученые считают, что наклеенный ярлык способствует фиксации девиантного самоощущения и провоцирует дальнейшие девиантные действия. В конечном счете, индивид, который проходит через весь процесс, принимает девиантный социальный статус и начинает адаптироваться к нему. Конечным продуктом является вторичная девиантность, т.е. человек, чья жизнь и самоощущение организуются вокруг девиантного ярлыка.

<p>Вторичная девиантность – устойчивая склонность к нарушению норм, сформированное антинормативное поведение.</p>
--

Обобщая можно сказать, что первичная девиантность свойственна большинству людей – почти все, как правило в юности, «пробуют на прочность» социальные нормы. Большинство людей этот опыт не продолжают, по причине страха наказания или просто под влиянием нормативных смысловых схем. Те же, чей опыт первичной девиантности развивался (по самым разным причинам), рано или поздно противопоставят себя агентам контроля, которые приклеят ярлык. Человек будет осознавать себя, как нарушителя норм. Таким образом, вторичная девиантность связана с определенной «Я-концепцией», «теорией самого себя», в которой собственное поведение интерпретируется по схеме, задаваемой ярлыком. Это объяснение подходит как для случаев рецидивной преступности, так и для психических заболеваний.

Хотя некоторые люди сознательно вступают на путь девиантности, большинство, видимо, просто реагируют на обстоятельства и ситуации, в ко-

торых они находятся. Старая педагогическая истина: если мы сто раз назовем ученика дураком, он начнет вести себя как дурак.

Устранение девиантного ярлыка. Однажды навязанный девиантный ярлык трудно, а иногда невозможно устранить. Тем не менее, многие девианты ухитряются стереть ярлык и отказаться от девиантной роли. В этом разделе мы интересуемся не теми, кто может избежать девиантного ярлыка относительно легко (например, если кто-то имеет лишний вес, он может сесть на диету), а скорее теми, чьи ярлыки трудно устранить. Хотя мы сосредоточим внимание на алкоголиках, те же аспекты применимы к другим девиантным ролям.

Проблемы устранения девиантной роли иллюстрируются социологическими исследованиями деятельности организаций “Анонимные Алкоголики” (АА), занимающейся анонимным лечением алкоголиков (Исследования проводились в Америке). В АА можно найти примеры, когда алкоголики бывают в состоянии стереть свои девиантные ярлыки и заменить их социально приемлемыми, “вылечиваясь от алкоголизма”.

Устранение ярлыков может происходить тремя основными методами:

1. **Девианты могут организовать изменение правил**, норм или законов общества, что бы сделать отклоняющееся от нормы поведение приемлемым, как это сделало движение за права гомосексуалистов, что бы снять с них ярлык девиантности.
2. **Профессионалы**, часто первоначально применяющие девиантный ярлык, **могут устанавливать церемонии устранения ярлыка**, когда они публично объявляют, что отклоняющееся поведение перестало быть таковым, а индивиды, его практикующие могут вернуться в широкое сообщество. Примером может служить исключение Американской Психиатрической Ассоциацией гомосексуальности из списка душевных болезней.
3. Организации взаимопомощи могут **содействовать девиантному индивиду вернуться к согласию с социальными нормами**. Эти организации

могут так же помочь создать социально приемлемый стереотип “исправившегося” девианта. АА являются организацией взаимопомощи, которая предоставляет алкоголикам возможность объединиться вместе с целью прекращения практики девиантного поведения (неумеренного употребления спиртного) для того, что бы создать условия для возобновления нормальных профессиональных, супружеских и общественных ролей.

АА используют различные методы, что бы помочь алкоголикам прекратить девиантное поведение. Члены организации полагают, что алкоголики имеют биологическую предрасположенность к спиртному, толкающую их на путь алкоголизма. Это сталкивается с альтернативным мнением, что алкоголики ответственны за свои действия или, что алкоголизм является формой душевной болезни. Что бы помочь в дальнейшем процессе устранения ярлыков, АА доказывает, что поскольку девиантность алкоголиков происходит от неумеренного потребления алкоголя, как только они прекратят пьянство, их девиантный статус исчезнет. АА так же создали довольно необычную форму раскаяния. Признавая, что они алкоголики, алкоголики предположительно вступают на путь устранения ярлыка и приобретения более уважаемого статуса “экс-алкоголика”. АА так же подчеркивают деградацию, вызываемую пьянством. Показывая насколько низко опустились некоторые алкоголики, они создают негативный образ, с которым никто из их подопечных не хочет себя идентифицировать. Тем самым создаются предпосылки для изменения «Я-образа». Хотя АА действуют более успешно, чем другие организации в оказании помощи людям, в избавлении их от девиантности, имеется несколько уточняющих данных о степени успешности их действий в рамках целого общества. АА является организацией для среднего класса, мало внимания уделяющей людям из менее благополучных социальных групп. Так же можно утверждать, что добровольное членство делает АА успешной организацией, т.к. те, кто решил вступить в нее, являются *наиболее мотивированными*

решить свои проблемы с алкоголем. Это важный момент! Дело в том, что можно выделить два типа отношения к ярлыку и предписанной им роли.

Ресоциализация – возвращение знаний и навыков, образа реальности, усвоенных в процессе социализации. Обычно является следствием десоциализации – утраты (по какому-то причинам) указанных знаний, навыков и образов.

Первый – идентификация, принятие ярлыка и отождествление себя с ним. В этом случае ярлык становится доминирующей частью «Я-образа». Личность организуется вокруг этого самоопределения, что задает «девиантную схему интерпретации действительности». Т.е. **принимая** себя как девианта, человек фактически говорит себе «да, я – девиант, но для меня это *нормально*». Человек с подобной мотивацией практически не поддается реабилитации путем «мягкого» устранения ярлыка, как в случае с АА. Он воспринимает свою де-

виантность, как естественный факт и не будет добровольно пытаться от нее избавиться. Если девиантный ярлык вызывает у него какой-то дискомфорт (что, скорее, будет связано с внешними причинами – социальное отторжение), то для него возможны два пути: 1) жесткая **ресоциализация** личности, предполагающая ее насильственную перестройку, вплоть до базовых основ мировосприятия. Пример: «депрограммирование членов тоталитарных сект» 2) изменение нормативной системы, что бы сделать внутреннее ощущение «нормальности» легальным, придать своей девиантности статус нормальности. Этот путь можно назвать **нормативной инверсией** (по аналогии с магнитной инверсией – сменой магнитных полюсов). Пример: «гей-движение».

Разумеется, наш обзор агентов и методов контроля был достаточно общим. Дополнительную информацию вы найдете в приложениях, а сейчас подведем итоги.

Резюме:

- *Социальный контроль включает в себя нормы и санкции.*
- *Нормы можно разделить на требования, пожелания, разрешения и запреты; внешне нейтральные разрешительные нормы, могут со-*

держат в себе мощный ресурс принуждения, приближая разрешения к требованиям;

- *Важный элемент социального контроля – приклеивание ярлыков, в котором наиболее ярко проявляет себя нормативная функция языка;*
- *Агентов социального контроля можно разделить на создателей правил и проводников этих правил; те и другие могут действовать в формальной или неформальной сфере, в последнем случае их деятельность может принимать, как явные, так и неявные формы.*
- *Неявный социальный контроль во многом связан с повседневностью, в которой «растворены» остаточные нормы.*
- *Создатели норм постоянно учитывают различные изменения условий жизнедеятельности людей, стремясь адаптировать нормы к этим условиям, либо наоборот – изменить условия с помощью норм, преследуя свои интересы.*
- *Различают первичную девиантность (не приводящую к приклеиванию ярлыка), свойственную многим людям и вторичную – устойчивую требующую специальных мер по устранению девиантного ярлыка.*

Приложения к параграфу.

Безмолвные свидетели и снисходительные жертвы: когда повседневный контроль дает сбой.

Похоже, что все больше и больше людей предпочитают держаться в стороне от тех или иных преступлений, свидетелями которых они оказались, из-за боязни «быть втянутыми в историю».

1964 год. 3 часа утра. Китти Дженовизе, молодая жительница, Нью-Йорка, возвращается с ночной работы домой, когда у самого дома ее жестоко атакует

мужчина, вооруженный ножом. Будучи ранена, она с криком отбивается, пытается убежать - но ее снова ловят. Она кричит, зовет на помощь и в течении почти получаса продолжает борьбу, прежде, чем уступить натиску агрессора, Десятки свидетелей (38 человек) в это время стояли у своих окон, но ни один из них не пришел девушке на помощь и даже не подумал позвонить в полицию.

В 1985 году в маленьком тупике, расположенном совсем близко от большою парижскою бульвара, среди бела дня трое мужчин напали на молодую женщину и изнасиловали ее на виду у десятков прохожих, молча продолжавших идти своей дорогой.

Подобные случаи то и дело происходят на улицах и тротуарах крупных городов, а свидетели никогда или почти никогда даже не пытаются вмешаться. Уместно спросить, не превращаются ли наши современные города в укрепленные лагеря, где каждый живет только для себя самого и никто не встанет на защиту ближнего?

Но если уж мы столь мало склонны защищать права других, то быть может, больше уважения мы проявляем к собственным правам? Ежедневно мы подвергаемся мелким обидам, ущемлению нашего человеческого достоинства но, как правило, не реагируем на это. Даже если наша безопасность при этом не подвергается угрозе, мы предпочитаем не реагировать, занимая пассивную позицию и говоря себе, что в конце концов все это пустяки.

Мориарти решил узнать, насколько распространена среди людей подобная снисходительность к нарушению основных прав личности. Для этого он провел ряд экспериментов в сноси лаборатории в Нью-Йоркском университете, а так же в некоторых общественных местах.

Первый опыт состоял в том, что двум испытуемым, находившимся в одной комнате предлагалось выполнить тест, чего за отведенные им 20 минут сделать было невозможно. Один из студентов был «подставным лицом и получал инструкцию с максимальной громкостью проигрывать на своем портативном магнитофоне рок-музыку и уменьшать громкость только после третьей просьбы «неосведомленного» испытуемого. Из 20 испытуемых только один сразу же потребовал от другого выключить музыку в столь категоричной форме, что тот немедленно повиновался. Трое других, потребовавших тишины один раз, не возобновляли свою просьбу после тою, как «поклонник рока» отвечал им, что выключит музыку, как только кончиться песня (это обещание он не выполнял). Ни один из остальных

80% испытуемых не произнес ни слова: хотя некоторые из них высказывали определенные признаки недовольства, они продолжали терпеть беспокойство, не будучи в состоянии сосредоточиться на задании.

Когда испытуемых, спрашивали, почему, по их мнению, они так плохо выполнили тест, лишь немногие из них ссылались на музыку, а если и делали это, то оговаривались, что совсем не уверены, что именно она была помехой. Лишь после настоятельных просьб исследователя рассказать об истинных переживаниях студенты признавались в том, что не могли сосредоточиться из-за музыки и даже злились на любителя рока; им хотелось вмешаться, но они так и не решились на это, успокаивая себя, что тест не настолько важен, что бы предпринимать такой демарш. Однако, как показали дальнейшие исследования, при выполнении более «важных» тестов число терпеливых жертв не уменьшалось.

Мориарти и его сотрудники провели другой эксперимент, в котором подставные участники громко разговаривали в библиотеке колледжа или в кинозале, тем самым явно мешая своим ближайшим соседям. Лишь немногим более четверти последних реагировало на это, пересаживаясь на другое место. Остальные терпели...

В другом исследовании экспериментаторы создавали прямое столкновение жертвы со «злоумышленником». Последний выжидал момент, когда какой-то человек собирался выходить из телефонной будки, и спрашивал его, не видел ли он кольцо, которое он, кажется, забыл на коробке автомата. Получив, понято, отрицательный ответ, агрессор продолжал натаивать: «А вы уверены? Некоторые берут чужие вещи, сами того не замечая. Если вам не трудно, не могли бы вы потряхнуть свои карманы?» В ответ на такую агрессию, разозлился только 1 человек. Трое других вежливо отказались, а остальные 80% вывернули карманы...

По мнению Мориарти подобная пассивность признак серьезной социальной проблемы. Она показывает, что из-за стрессов современной жизни и порождаемую ими чувства одиночества и безликости люди, похоже, пришли к мысли, что немного в этой жизни заслуживает защиты, особенно от незнакомых людей, И Мориарти заключает: «Законы, которые не выполняются перестают быть законами, а права, которые никто не защищает, очень быстро могут отмереть». (Moriarty T., A nation of willing victims, Psychology today, 1975, p. 43-50.)

(Источник: Годфруа Ж. Что такое психология? М.: Мир., 1992. с. 108-110.)

Вопросы для самопроверки:

1. Назовите основные элементы социального контроля.
  2. Какие типы норм вы знаете?
  3. Чем отличаются нормы-пожелания от норм-разрешений?
  4. С помощью какого механизма разрешающие нормы могут приобретать принудительный характер.
  5. Что такое приклеивание ярлыков? С какой функцией языка оно связано?
  6. В чем заключается репрезентативная функция языка?
  7. Назовите известные вам типы агентов социального контроля.
  8. В каких сферах могут действовать агенты социального контроля? Какие формы может принимать их деятельность?
  9. Назовите наиболее влиятельных создателей правил в современном мире.
  10. Кто по вашему, относится к главным проводникам правил.
  11. Как проявляется неявный социальный контроль? Какие эксперименты посвящены его изучению?
  12. Какие трудности встают перед создателями правил в осуществлении ими функции контроля?
  13. В чем разница между первичной и вторичной девиантностью?
-

§4. Преступление: главная форма девиантности.

В спектре различных девиаций выделяется наиболее проблемный, острый для общества фокус: преступление. С позиций нашего комплексного подхода к феномену отклонений, преступления – это наиболее угрожающие социальной системе нарушения норм. Это протест против тех норм, которые

формально считаются самыми важными (хотя в реальном нормативном сознании членов общества это не обязательно так). Преступление является девиантным поведением, которое нарушает закон и является предметом формального санкционированного наказания со стороны общества в целом. Исследование преступлений, криминального поведения, способов обращения с преступниками осуществляется в рамках *криминологии* (социологии преступности). Этот раздел написан в основном по материалам зарубежных источников. Дело в том, что с изменением социально-экономического строя России многие виды преступлений, традиционно хорошо известных в западной юридической практике стали актуальными и у нас. А учитывая процесс глобализации и интернационализации преступности, изучение западного опыта может оказаться весьма полезным. Кроме того, западный опыт в целом пока мало известен отечественным студентам. Другая причина – доступность и высокий уровень отечественных учебников по криминологии. Там в прекрасной форме излагается опыт отечественной традиции изучения преступлений, так, что нет нужды пересказывать этот материал. В то же время, мы не можем не опираться на отечественный (очень богатый и поучительный) опыт изучения преступности с целью дополнить общую картину этого типа отклонений. Отсюда следующая структура параграфа: сначала мы кратко рассматриваем основные тенденции в отечественной правоохранительной практике, затем обращаемся, преимущественно, к западному опыту.

Тенденции в отечественной правовой практике.

Обратившись к истории становления правовых отношений в СССР, мы можем выделить четыре стадии их развития.

Первая относится к самому началу становления советской системы. Ленин вслед за Марксом повторил тезис Монтескье о приоритете предупреждения преступлений по сравнению с карой за них. Активно используется идея превенции. Поэтому действующее в этот период законодательство было достаточно «мягким», по сравнению с последующими (включая ныне

действующее). Однако рост преступности заставил пересмотреть многие положения. Поэтому реальная правоохранительная политика была достаточно жесткой.

Превенция –	
от	лат
preventio –	
предупреж-	
дение, пре-	
дотвращение.	

Второй период, характеризующимся резким ужесточением законодательно-правовых норм, относится к эпохе ГУ-ЛАГа. В этот период удалось добиться значительного снижения уровня преступности. Заметим, что защитники «политических осужденных» часто игнорируют тот факт, что тяжкие уголовные преступления (убийство, изнасилование) относились к разряду государственных, т.е. расценивались, как «политические».

Третий период – неоднороден. Идея *превенции* была реанимирована Н.С. Хрущевым на XX съезде КПСС (1956). При всей демагогичности этих партийных заявлений, они позволили ученым разрабатывать теоретические и методологические основы превенции, а на практике наблюдалась либерализация наказания, сокращение доли лиц, осуждаемых к реальному лишению свободы, сопровождавшиеся снижением уровня *регистраемой* преступности (с 1961 по 1965гг. на 19%). Одновременно рос уровень реальной преступности.

Изменение этих тенденций характеризуют период горбачевской "перестройки". Доля лиц, приговариваемых к лишению свободы, сокращается в СССР с 45,2% в 1985г. до 33,7% в 1987г., количество освобожденных от уголовной ответственности с применением мер общественного воздействия увеличивается с 1985г. по 1988г. на 76%. Одновременно снижаются уровни преступности (расчете на 100 тыс. человек населения) с 752 в 1985г. до 636 в 1987г. (на 16%), самоубийств - с 24,6 в 1985г. до 19,1 в 1987г. (на 22%). Таким образом третий период длился в целом около 30 лет (От Хрущева до перестройки).

«Постперестроечный период» (четвертый) характеризуется возвратом к репрессивной уголовной политике, ростом всех видов девиантного поведе-

ния. Так с 1987 по 1994гг. уровень преступности вырос в 2,2 раза, умышленных убийств (с покушениями) в 3,4 раза, тяжких телесных повреждений в 3,3 раза, самоубийств в 1,8 раза. В 1994 году Россия вышла на первое место в мире по уровню смертей от убийств, второе место по уровню смертей от самоубийств, с 1993г. - на первое место в мире по душевому употреблению алкоголя, обогнав Францию - традиционного «лидера». Увеличивается число потребителей наркотиков. Хотя с 1993-1994гг. фиксируется «снижение» количества и уровня зарегистрированной преступности, можно предположить, что это - лишь результат массового сокрытия преступлений от регистрации (обоснование этой точки зрения представлено в многочисленных публикациях отечественных криминологов). Широкое распространение приобрели организованная преступность и коррупция, но лидеры криминальных организаций и коррумпированные чиновники и правоохранители редко оказываются на скамье подсудимых или в тюрьме.

Исследование современных форм социального контроля и практики девиантного поведения в России выявило следующие основные тенденции:

1. Усиливающаяся репрессивность уголовной политики (так, в 1988г. было осуждено за уголовные преступления 426 тыс. человек, в 1995г. - 1,036 тыс. человек, в том числе к смертной казни - в 1988г. - 115 человек, 1994г. - 160 человек, 1995 - 143 человека, при резко сократившемся числе помилований - в 1995г., - всего 5 человек, в 1996г. - 1 человек, тогда как в 1993г. - помиловано 149 человек, в 1994г. - 134 человека; осуждено к лишению свободы в 1988г. -149 тыс. человек, 1995г. - 358 тыс. человек; количество заключенных на 100 тысяч человек населения в 1996г. - превысило 700, это первое ме-

сто в мире, с большим опережением США - 2-е место, свыше 500 человек на 100 тысяч человек населения.);

2. Страшная по условиям отбывания наказания *пенитенциарная* система (тюрьмы, СИЗО, «зоны»);

3. Постепенное усиление репрессивности реакции официального контроля за нелегальным потреблением наркотиков (осуждено за преступления, связанные с наркотиками в 1989г. - 5 107 человек, в 1995г. - 38 560 человек, рост за 6 лет - в 7,6 раза, при этом за сбыт наркотических веществ привлекаются к ответственности и осуждаются менее 10% от общего числа, а подавляющее большинство - более 90% - за потребление наркотиков или иные действия, без цели сбыта; в новом УК РФ фактически усилена уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотиками, а так же сохранено принудительное лечение наркоманов, давно признанное неэффективным и носящее в наших условиях характер дополнительной к наказанию репрессии). При этом сохраняется значительное отставание наркологической медицинской помощи от реальных потребностей;

4. Резкое снижение формального контроля за изготовлением, продажей и потреблением алкогольных изделий. Исполнение принятых нормативных актов по контролю за алкоголем блокируется изготовителями и поставщиками фальсифицированной продукции. В результате за период с 1987-1993гг. смертность от острого алкогольного отравления выросла в России с 7,8 до 30,9 (на сто тысяч населения), то есть за пять лет в четыре раза, а в С.-Петербурге за 1987-1993 гг. с 6,2 до 49,1, т.е. за шесть лет в 7,9 раза. Правда по официальным данным, этот показатель в С.-Петербурге снизился в 1994г. до 46,3, в 1995г. - до 28,3;

5. Сохранение традиционных нормативных (административных и уголовных) мер по контролю за проституцией при минимальном практическом

их применении. При этом, «контроль» за занятием проституцией со стороны криминальных группировок становится все активнее и «эффективнее»;

6. Относительная активизация неформальных, негосударственных форм социального контроля за некоторыми видами девиантного поведения. Это - негосударственные охранные и детективные организации; организации «самопомощи» (лиц, имеющих проблемы с алкоголем, наркотиками, бывших заключенных, гомосексуалистов и т.п.); частная медицинская (в т.ч. наркологическая) помощь; службы и телефоны «доверия» и др.; [Обобщено по: Гишинский Я.И. Социальный контроль за девиантным поведением в современной России. М.,2000]

7. Двойственная роль средств массовой информации. С одной стороны, СМИ способствуют информированности населения, свободной дискуссии по "острым проблемам" преступности самоубийств, наркотизации, коррупции и организованной преступности, преступности подростков, проституции и т.п. С другой стороны, СМИ нередко злоупотребляют демонстрацией и смакованием насилия, неквалифицированно преподносят фактические материалы, потрафляя популистским намерениям и действиям политиков. Особенно негативно проявляют себя в этом отношении отечественные *масс-медиа*, в первую очередь, кинематограф. Согласно оценкам экспертов, «...в результате деидеологизации тоталитаризма экран заполнили тотальный катастрофизм, растерянность, отчаяние, отсутствие веры в себя и какой-либо надежды на будущее. Вместо лакировки мы имеем либо чернуху, либо псевдоэстетизм, "уход от реальности". ...Почти во всех без исключения современных фильмах государственные институты в лице носителей их функций интерпретированы резко негативно. Любая реальная или выдуманная опасность для жизни геро-

ев должна непременно завершиться смертельным финалом. Современный российский кинематограф не намерен (или не в состоянии) сыграть, хотя бы сымитировать, психотерапевтическую роль» (Дондурей Б.Д. О конструктивной роли мифотворчества.// Куда идет Россия?.. Поб общ. ред. Т.И.Заславской., М.: Аспект-Пресс – 1995, с.257-262). Другими словами масс-медиа не способны - на уровне массовых позитивных мифов - вытянуть людей, свою аудиторию из «негативной картины мира», которая так или иначе порождает рост отклонений.

Таковы, в общем, тенденции отечественной сферы правовых отношений.

Западный подход к преступности (по материалам зарубежных источников).

Типы преступлений. В американской правовой практике одним из способов дифференциации преступлений является четкое различие между преступлениями против личности и преступлениями против собственности.

Преступления против личности, называемые также насильственными преступлениями, ранения, применение (или угрозу применения) силы против жертв. Насильственные преступления включают в себя четыре основных типа:

1. Убийство, в т.ч. неумышленное (все преднамеренные убийства отличаются от смерти, вызванной случайностью, небрежностью);
2. Изнасилование (включая нападение с целью изнасилования, угрозу применения силы и попытку изнасилования);
3. Грабеж (воровство или присваивание какой-либо ценности силой или угрозой применения силы);
4. Нападение с отягчающими последствиями (нападение с намерением убить или причинить тяжкое телесное повреждение).

Преступления против собственности не включают в себя опасность ранения, угрозу (или) применение силы против жертв; целью является полу-

чение или разрушение собственности незаконными средствами. Основными типами преступлений против собственности являются:

1. Кража со взломом (взлом или незаконное вторжение в помещение с целью совершения уголовного преступления, в т.ч. кражу, включая попытку кражи и т.д.);
2. Воровство / кража (незаконное присвоение собственности, без применения силы, насилия или обмана - исключая растрату и подделку денег);
3. Угон транспортного средства (т.е. кража или попытка кражи автотранспорта);
4. Поджог (умышленный поджог или попытка поджога чьего-либо дома, здания, транспортного средства, личного имущества и т.п., принадлежащего кому-либо).

ФБР называет эти восемь преступлений (4 - против личности и 4 - против собственности) *индексными* преступлениями. Так же их часто называют уличными преступлениями - термин, широко используемый в средствах массовой информации.

Другой важный способ дифференциации преступлений, отражает методы, используемые системой криминальной юстиции. *Уголовные* преступления, как более серьезные нарушения (например убийство, изнасилование, грабеж), наказуемы сроком более одного года тюрьмы. Проступки, незначительные правонарушения (например, пьянство, кража в магазине, нарушение порядка) наказуемы тюремным заключением на срок менее одного года.

Хотя этот раздел фокусирует внимание в основном на уличных преступлениях, можно определить еще по меньшей мере пять основных типов преступлений:

Серьезной социальной проблемой являются **преступления среди “белых воротничков”**, т.е. преступления, совершаемые людьми, имеющими относительно высокий социально-профессиональный статус (кража компью-

терных данных, растрата денег, обман потребителя, взяточничество). Девиантность среди элиты, является составной частью “беловорничковой” преступности.

Следующим типом является **политическое преступление**, т.е. неправильное ведение дел и преступление, совершаемое внутри или против политической системы. В результате правительственных преступлений, таких как Уотергейт, афера Иран-контрас, прочего сомнительного поведения ряда правительственных чиновников (например нелегальные взносы в предвыборную компанию, “торговля влиянием”), политическое преступления являются проблемой особой значимости. Другой гранью политической преступности является политический терроризм (силовое незаконное влияние на субъектов политики).

Организованная преступность связана с “... непрерывной деятельностью субординированных и дисциплинированных ассоциаций индивидов, объединившихся с целью получения денежных или коммерческих выгод, полностью или частично незаконными средствами, в то же время защищающими свою деятельность посредством системы подкупа и коррупции.”

Существуют так же **преступления без жертв**, в них трудно определить жертву: люди сами решают участвовать ли им в данной деятельности (например, продажа и покупка порнографии, проституция). Наконец, **молодежная преступность** (делинквентность) связана с незаконным или антиобщественным поведением части несовершеннолетних.

Для сравнения, **отечественные криминологи выделяют 16 базовых форм преступности:**

1. Насильственная преступность.	5. Экологическая преступность.
2. Общеуголовная корыстная преступность.	6. Налоговая преступность.
3. Экономическая преступность.	7. Государственная преступность.
4. Коррупционная преступность.	8. Военская преступность.
	9. Организованная преступность.

10.Профессиональная преступность.	13.Женская преступность.
11.Преступность в экстремальных ситуациях.	14.Преступность несовершеннолетних.
12.Пенитенциарная преступность.	15.Преступность мигрантов.
	16.Рецидивная преступность.

Официальная криминальная статистика. Криминальная статистика в США собирается официальными правоохранительными агентствами, сопоставляется и публикуется ФБР в форме единых криминологических отчетов. Местные полицейские агентства посылают ФБР ежемесячные и годовые итоговые отчеты о преступлениях, имевшихся в их юрисдикции, что составляет основу статистики единых отчетов по стране.

За 1987 г., согласно ФБР, о 13,5 миллионах преступлениях было сообщено в полицию в Соединенных Штатах. из них примерно 12 млн. (ок. 89%) были преступления против собственности - кражи со взломом, воровство, угон автотранспорта, пожар. Преступлений против личности было совершено 1,5 млн., включая 20 000 убийств, 21 000 изнасилований, 518 000 ограблений, 855 000 нападений с отягчающими последствиями. Из статистики видно, что явное большинство преступлений в США является преступлениями против собственности. На основе данных о преступлениях, указанных в единых криминальных отчетах, ФБР подготовило диаграмму интервалов времени совершения преступлений:

ОДНО ИНДЕКСНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАЖДЫЕ 2 СЕКУНДЫ:

1. Одно насильственное преступление каждую 21 секунду:

а) одно убийство каждые 26 минут;

б) одно изнасилование каждые 6 минут;

в) одно ограбление каждую минуту;

г) одно нападение с отягчающими последствиями каждые 37 секунд.

2. Одно преступление против собственности каждые 3 секунды:

а) одна кража со взломом каждые 10 секунд;

б) одно воровство каждые 4 секунды;

в) один угон каждые 24 секунды.

Приведенные данные следует рассматривать тщательно и осторожно. Будучи наиболее совокупным представлением данных единого отчета, они предназначены степень ежегодной преступности, показывая относительную частоту совершения индексных преступлений. Этот способ изображения используется не как подразумевающий регулярность совершения этих правонарушений; скорее это представление годовой пропорции преступлений фиксированными временными интервалами.

Как видно из приведенных данных, в США убийство совершается каждые 26 минут. По сравнению с другими странами Соединенные Штаты имеют исключительно высокий показатель убийств. Например, в 1980 г. было совершено 23 000 убийств, население США тогда составляло 227 млн. чел. Для сравнения, совокупное население Дании, ФРГ, Греции, Японии, Польши на 1980 год составляло 230 млн. чел. И тем не менее в этих странах было зарегистрировано немногим более 2 300 убийств. Таким образом, количество убийств в США в 10 раз превосходит аналогичный показатель в большинстве развитых Европейских стран (данные на вторую половину 80-х гг.).

Следует учитывать, что любая официальная статистика демонстрирует данные только по зарегистрированным преступлениям. Значительная доля реально совершенных преступлений (по некоторым оценкам, до 50% - 70%) туда не попадает. Тому есть несколько причин. Во-первых, некоторые жертвы преступлений не заявляют в органы охраны правопорядка о случившемся с ними (причины различны: неверие в действенность и справедливость закона, нежелание огласки, стремление разобраться «по-своему»). Во-вторых, возможности официального социального контроля ограничены и все случаи совершения преступлений в принципе не могут учитываться (система перегружена и часто просто не справляется). В третьих, часть преступников мо-

жет воздействовать на агентов социального контроля, оставаясь безнаказанными (элитарная преступность).

Преступность в городских и сельских районах. (устаревшие данные – последние, которые публиковались открыто, по материалам западных источников).

В 1987 г. общий коэффициент преступности в районных метрополиях США составил 720 из 100 000 (т.е. было зарегистрировано 720 преступлений на каждые 100 000 среднегодового населения районных метрополий - урбанизированных областей в которых ведется статистический учет), тогда как аналогичный показатель для сельских областей составил 177,7 на 100 000 чел. сред. населения. В том же году в городах было зарегистрировано 5 575 преступлений против собственности на 100 000 нас.; в то время, как сравнительный показатель в сельских районах составил 1 723 на 100 000 (Бюро правовой статистики США, 1988). Эти цифры недооценивают степень, с которой преступность диспропорционально является городской проблемой. Насильственные преступления примерно в четыре раза более вероятны в городах, чем в сельских областях, вероятность преступлений против собственности в городах примерно в три раза более вероятна, чем на селе. Возможной причиной высоких показателей преступности в городских районах является большая вероятность потребления наркотиков в городах. Все возрастающее число доказательств этого показывает, что продажа и потребление наркотиков относится к криминальным явлениям.

Региональное изучение преступности в России позволило выделить два криминологических типа регионов: «северный» и «южный».

«Северный тип» отличается особо неблагоприятными характеристиками общеуголовной (особенно насильственной) преступности, существующей на фоне трудовой недостаточности, высокой концентрации пенитенциарных учреждений. Регионы этого типа отличаются высокой «зараженностью» криминальной субкультурой (наличие среди жителей множества людей с

криминальным опытом), распространением традиций злоупотребления спиртным.

«Южный тип» отличается доминированием хозяйственных и экономических преступлений и вообще преступлений, совершаемых по корыстным мотивам. Характерна ориентация значительной части населения на коммерческую деятельность, что влечет за собой разрывы в социально-экономическом положении различных групп и увеличивает ценность материального успеха.

Наркотики и преступность. В этом разделе мы опять опираемся исключительно на западный опыт. О наркотизации в России написано много, мы бы хотели, что бы читатели познакомились с западными криминологическими идеями (и фактами) в этой области. Наркоманы, особенно употребляющие героин, нередко совершают преступления. В Нью-Йорк Сити почти восемьдесят процентов мужчин, арестованных за серьезные преступления, прошли тест на наркотики положительно (т.е. было установлено, что они недавно употребляли наркотики). Было выяснено, что 40% из 1 672 убийств в Нью-Йорке в 1987 г. были связаны с наркотиками. Более того, большинство людей полагает, что официальная статистика недооценивает действительное количество преступлений, совершаемых наркоманами. Многие наркоманы становятся умелыми преступниками-предпринимателями, чтобы удовлетворять свои растущие потребности в наркотиках. Потребители героина обычно специализируются на каком-либо одном типе преступлений, который они считают своим главным “полем деятельности” для мужчин наиболее часто им является торговля наркотиками, а для женщин магазинные кражи и проституция. По мере специализации их преступная квалификация повышается, в результате они с большой вероятностью могут избегать ареста за совершенные преступления. Это объясняет, почему статистика преступлений наркоманов явно занижена.

Преступность, связанная с наркотиками потрясла многие американские города; фактически с ней столкнулись почти все крупные города мира. Некоторые латиноамериканские страны находятся под все более возрастающим контролем наркоторговцев. Хотя Соединенные Штаты в целом не охвачены влиянием наркобанд, некоторые районы крупных американских городов контролируются хорошо вооруженными наркобандами, которые жестоко обходятся с теми, кто пытается вмешаться в дела на их территории. В Вашингтоне в 1988 г. 372 человека были убиты, и примерно 80% смертей описывались полицией, как “связанные с наркотиками”. Что бы справиться с возрастающими проблемами, порожденными наркотиками, ряд законодателей и политических деятелей настаивают на декриминализации наркотиков. Декриминализация означает, что употребление наркотиков могло бы не являться преступлением, а специальные правительственные агентства распределяли бы наркотики тем, кто хочет их потреблять (возможно даже бесплатно). Те кто поддерживает декриминализацию обычно не выступают за легализацию наркотиков, что разрешило бы частную их продажу, которая сейчас незаконна (например сигаретные компании могли бы продавать сигареты с марихуаной).

Заинтересованность в декриминализации появилась в результате сформировавшегося мнения, что в настоящее время мало сделано в связи с ненасытным спросом на наркотики в США. Лозунги типа “Сразу скажи нет!” вряд ли сильно влияют на сознание наркоманов. Более того, невозможно полностью закрыть границы государства для того, что бы прекратить поток наркотиков. Декриминализация могла бы вытеснить криминальный элемент из бизнеса, т.к. если правительство распределяло бы наркотики бесплатно или по номинальной стоимости, нелегальный наркобизнес лишился бы прибыли.

<p>Декриминализация – исключение какого-то вида поведения из списка преступных действий.</p>

Декриминализация наркотиков: Голландский опыт. Сторонники декриминализации не могут быть воодушевлены опытом Нидерландов. Голландцы занимают весьма либеральную позицию в отношении наркотиков.

Специально предназначенные магазины распределяют марихуану. В Амстердаме имеется принадлежащий городу дом, в котором открыто употребляют кокаин и героин. Специальные автобусы разъезжают по городу и распределяют метадон регулярно в определенные места. Несмотря на такую либерализацию преступность в Амстердаме резко возросла, причем большинство преступлений совершаются наркоманами. наркоманов из многих стран привлекает Амстердам из-за его либеральной политики в этой области. Некоторым видам бизнеса был нанесен ущерб, а имидж города как туристического центра поубавился.

Наркотики и политическая власть: пример Колумбии. Одним из наиболее зловещих проявлений в области потребления наркотиков является то, насколько страны Латинской Америки стали контролироваться королями наркобизнеса. Правительственные официальные лица, выступающие против них и пытающихся арестовать и преследовать судебным порядком наркобаронов, сами находятся в смертельной опасности, а многие были убиты за свои усилия. В одной лишь Колумбии в период между 1985-1988 гг. наркокартели убили генерального прокурора, министра юстиции, более 50 судей, более десятка журналистов. В своих попытках сдерживать деятельность торговцев наркотиков, более 400 сотрудников полиции и армии были убиты. Любой колумбийский чиновник, высказывающийся против наркоторговцев вероятнее всего получит угрозы смерти. Многие попадают в черный список смертников (Айсикофф и Робинсон, 1989). В результате все меньше и меньше правительственных чиновников готовы противостоять наркокоролям.

Но дело не только в том, что не только правительственные организации все меньше готовы противостоять наркобизнесу, но наркокороли становятся правительством. Наиболее известным примером является лидер Панамы генерал Мануэль Норьега. С 1988 г. США предпринимали неоднократные кампании по свержению Норьеги, который имел репутацию ведущей фигуры в международной торговле наркотиками. Среди прочих действий, США нало-

жили ряд экономических санкций против Панамы, включая отказ платить пошлины за пользование Панамским каналом. Однако, несмотря на годы попыток свалить Норьегу, он все же мог оставаться во главе политической власти Панамы. Колумбия поставляет около 80% кокаина, провозимого контрабандой в Соединенные Штаты, зарабатывая от 2,5 до 3 триллионов долларов на этом бизнесе. Фактически в настоящее время Колумбия шире экспортирует наркотики, чем другой свой знаменитый продукт - кофе.

Лидером одной из колумбийских наркокартелей является Родригес Гача. Он живет в городке со своей личной военизированной охраной, состоящей из 110 вооруженных людей. Кроме того, он контролирует городскую администрацию, отвечающую за перевод и продвижение по службе офицеров полиции. Недавно картель Гачи участвовала в выборах и добилась контроля над еще пятью городками в северной части страны. Эта область легко может быть превращена в “наркогосударство” внутри Колумбии. Помимо контроля над местными правительствами, наркодельцы контролируют 1/12 продуктивной земли в сельской местности, одну из четырех крупнейших телевизионных станций, общенациональную сеть радиостанций, бизнес по продаже автомобилей, офисов., получают часть прибыли аптек, торгующих наркосодержащими лекарствами и контролируют, по меньшей мере, шесть профессиональных футбольных команд Колумбии. Как сказал редактор одной из крупнейших газет страны: “Эти люди более могущественны, чем государство” (Айскофф и Робинсон, 1989).

Дальнейшему укреплению власти наркобаронов способствует тот факт, что они предоставляют работу многим людям, для которых “наркозанятость” - единственный источник существования. Кроме того, наркокартели занимаются “наркофилантропией”, материально поддерживая беднейшие слои общества, которые чувствуют себя глубоко обязанными и являются горячими сторонниками наркоторговцев. Так, один колумбийский наркобарон, Пабло Эскобар, построил для жителей беднейших районов 450 домов с водопрово-

дом, электричеством, телефонами - удобствами, являющимися редкостью для бедняков Латинской Америки. Ни один из жителей бедняцких районов - баррио - никогда не платил какой-либо арендной платы за пользование этими домами. В результате, например, один из жителей этих баррио сказал в интервью Вашингтон пост: "Мы любим дона Пабло....Он очень добрый человек". Девятилетний мальчик сказал: "Дон Пабло - отец для всех нас" (Вашингтон пост, 1989). Эскобара был одно время членом Конгресса Колумбии, а влиятельный журнал "Форбс" поставил его на 40-е место среди богатейших людей мира.

Однако, данные проблемы имеют место не только в странах Латинской Америки, существуют реальные свидетельства того, что наркодельцы в самих США становятся все более могущественными. Все более растет озабоченность тем, что полиция в США отступает под натиском наркобанд. Отражает ли то что наблюдается сегодня в Латинской Америке возможное будущее Соединенных Штатов?

Возможно интерпретировать то, что имело место в Латинской Америке и то, что, возможно, произойдет в США с точки зрения марксистской теории. Так, одно из основных марксистских положений, фактически сводится к ому, что наиболее экономически могущественная часть общества вероятнее всего будет контролировать политику и идеологию. Маркс, конечно, имел в виду, прежде всего, легитимных капиталистов, однако нелегальный капитал наркоторговцев вполне может легализоваться в приобретении последними теле- и радиостанций, лоббировании своих интересов в правительстве и т.д. - другими словами оказывать классическое (по Марксу) влияние на управление обществом. Да и «легитимный» капитал имеет в своем распоряжении массу ресурсов для сокрытия своего происхождения. Некоторые эксперты всерьез говорят о сращении «теневого» и «легального» капитала в западных обществах (особенно в США).

Американская система правосудия и наказания*. Сегодня большинство американцев считают, что люди, совершившие преступления, должны быть осуждены к тюремному заключению, однако, исторически эта практика пресечения относительно молода. Во время колониального периода большинство осужденных преступников подвергалось штрафам, ударам кнутом или заключением под стражу. В случае достаточно серьезных преступлений применялось повешение. Колонисты не задумывались о возможности заключения преступников в тюрьму на определенный период времени (Ротман, 1971). Лишь после колонизации идея тюремного заключения преступников стала подлинной практикой.

Сегодня в США переполненность тюрем стала серьезной проблемой. Количество обитателей государственных и федеральных тюрем в 1987 г. составляло 582 609 человек (Бюро правовой статистики США, 1988). В 1980-х гг. количество заключенных выросло более чем на четверть миллиона (на 76%). Вызывает опасения увеличение количества заключенных женщин, причем их число росло быстрее, чем число заключенных мужчин каждый год с 1981 г.

Цена тюремного заключения. К сожалению, одна охрана заключенных, не говоря о содержании, требует значительных расходов. В 1983 г. (последний год, по которому есть статистические данные) муниципальные, окружные, федеральные правительства и правительства штатов потратили примерно 10,4 триллиона долларов на расходы, связанные с содержанием тюрем (Министерство Юстиции США, 1988). Это более чем в четыре раза превосходит цифру в 2,3 триллионов долларов, потраченных на такие же расходы в 1973 г. (Справочник криминально-правовой статистики США, 1983, 1984, с. 2-3). Помимо расходов на улучшение охраны и содержания, расходы на полицию, суды, прокуроров и адвокатов достигли общей стоимости в 1983 г. почти 40 триллионов долларов.

---

* Раздел написан по материалам американского учебника *Sociology / Kammayer, Ritzer, Yetman/ N.-Y. - London - Sidney, 1993*

Арест и тюремное заключение, как факторы, сдерживающие преступность. Угроза тюремного заключения, предположительно действует в качестве фактора, сдерживающего преступность. Можно различать два типа сдерживания. При “конкретном” (specific) сдерживании действительное наказание индивида предполагает удержание его/ее от совершения других преступлений в будущем. “Общее” (general) сдерживание включает в себя угрозу наказания и идею о том, что люди не совершают преступления из боязни быть схваченными и отправленными в тюрьму (Майранн и Грэй, 1987).

Вопрос, поднятый “конкретным” сдерживанием: какова степень вероятности того, что преступник совершит другое преступление после наказания или ареста. Недавние исследования показывают, что арестованные (когда-либо) преступники с меньшей вероятностью совершают преступления, чем те, которые были отпущены полицией. Это оказалось действительно верным для тех, кто впервые преступил закон, но особенно верно для опытных преступников (Смит и Гартин, 1989). Лица, подвергавшиеся аресту за криминальные действия, имеют меньшую вероятность совершить преступление в дальнейшем, чем те, кто был отпущен полицией. Этот вывод почти полностью аналогичен результатам полевого эксперимента, в ходе которого выяснилось, что мужчины, арестованные за домашнее насилие, менее склонны повторять свои насильственные действия, чем те, кто не подвергался аресту за подобные действия (Шерман и Берк, 1984).

Хотя аресты, по-видимому, удерживают людей от будущих криминальных действий, этого нельзя сказать о тюремном заключении. Одно из исследований показало, что суровость наказания (тюремного заключения) не уменьшает вероятность повторных преступлений; тюремное заключение, в действительности увеличивает вероятность совершения других преступных деяний (Шеннон, 1980). Другие исследования показали, что примерно одна треть людей, отбывавших срок в тюрьме, а затем освобожденных, позже вновь возвращались в тюрьму. Это называется рецидивизм (Валдо и Грис-

волд, 1979). Если одна треть людей, бывших какое-то время в тюрьме, не удерживаются от дальнейших преступлений, это говорит о том, что многое, связанное с тюремным опытом, может привести к дальнейшей криминализации личности. Более того, даже если можно предположить, что тюрьма особенно сдерживает преступность среди “белых воротничков”, недавние исследования показывают, что, даже, преступники из привилегированных слоев общества не удерживаются от дальнейших преступлений посредством приговоров к тюремному заключению (Мур, 1987).

Тенденции в западной системе социального контроля преступности. Эпоха Просвещения и XIX век подарили человечеству веру в то, что насилие и преступность - результат “неразумного” устройства и управления обществом, что стоит (с помощью науки) объяснить людям как надо жить и изменить социальные отношения в соответствии с Разумом, проблема преступности будет решена сама собой. Ж.Ж.Руссо, К.А. Сен-Симон, О.Конт - неполный перечень имен великих мыслителей веривших в возможности человеческого разума. Девиантность рассматривалась, как временное явление. Однако XX век развенчал все эти надежды, “подарив” человечеству, помимо устойчивого роста преступности (около 5% в год – среднемировой показатель на 1990-е гг.) две мировых войны, сотни локальных войн, гитлеровские и сталинские лагеря, “холодную войну”, геноцид, правый и левый экстремизм, фундаментализм, терроризм и т.д. и т.п.

В целом, социальная практика XX века явно продемонстрировала, что человек есть существо не только доброе и разумное, но и темное и злое. Что степень склонности человека к убийству себе подобного не зависит от просвещенности общества, что наличие или отсутствие образования почти не влияют на степень жестокости, к которой человек оказывается способен, что голос Разума легко заглушается “жаждой крови”. При этом, как и ранее, передовые технологии активно используются в практиках преступлений, убийства и насилия. Появление оружия массового уничтожения, учитывая лег-

кость, с которой человек убивает себе подобных, ставит под угрозу само существование всего Человечества. Не удивительно, что постмодернизм в социологии и криминологии конца XX века, приходит к выводу, что сама социальная реальность девиантна (Sammer C., 1999). Социологи и криминологи, исследующие формы латентной (скрытой) преступности (И. Валерстайн, К. Вайл, Р. Портфельд и др.) установили факт практически тотальной криминализации взрослого населения западных обществ (Manheim J., 1965). Таким образом, дискредитировалось само понятие преступления, с его “универсальным” признаком общественной опасности. Это вынуждало констатировать тот факт, что в условиях плюралистичности интересов и множественности социальных конфликтов понятие «преступление», есть не что иное, как результат “социального спора”. Другими словами, выигравшие “социальный спор” получают возможность диктовать обществу свои, специфические правила и определения того, что есть правомерно или неправомерно. Приходится констатировать, что если борьба с преступностью и ведется (с сомнительным успехом), то преимущественно против “уличной преступности”, тогда как огромный пласт “беловоротничковой”, “элитарной”, “респектабельной” преступности (преступность выигравших в “социальном споре”) остается вне “зоны внимания” со стороны общества. Одновременно, не смотря на все усилия государственных органов, статистика официально регистрируемых преступлений продолжала расти. Имеются основания предположить, что что-то в самой социальной системе продуцировало преступность ее членов. Среди ученых-социологов все чаще встречается мнение, что это - ценностные основания современной Западной культуры, с ее утилитаристской, прагматичной моралью, оставляющей не много места духовности.

Все описанные процессы привели к тому, что в большинстве «цивилизованных» стран общепризнанными стали представления о “кризисе наказания”, кризисе уголовной политики и уголовной юстиции, кризисе государственного и политического контроля. Вот почему последняя из 11-ти рекомен-

даций Национальной Комиссии США по уголовной юстиции предлагает “изменить повестку дня уголовной политики от “войны”, к “миру”.

Активно развивается движение *аболиционистов* за отмену не только смертной казни, но и тюремного заключения, как не выполняющего своих функций, с переходом на альтернативные меры наказания, за переход от юстиции “возмездной” к “восстанавливающей”. Кризис репрессий и уголовной юстиции очевиден. Более прогрессивной, перспективной представляется в мировой криминологии и девиантологии идея *превенции*, т.е. такого воздействия общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на причины девиантного поведения и факторы ему способствующие, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры девиаций и к несовершению потенциальных девиантных поступков.

Обобщая, можно выделить следующие характерные черты современной западной политики социального контроля над девиантным поведением:

- признание несостоятельности репрессий (“кризис наказания”);
- изменение стратегии социального контроля от “борьбы и войны” к “мирному сосуществованию”;
- поиск мер социального контроля, альтернативных репрессивным;
- приоритет превенции.

Именно идея превенции - т.е. недопущения, предотвращения преступлений составляет в настоящее время основное содержание прогрессивных новаторских подходов к проблемам преступности.

В рамках одного параграфа невозможно осветить все аспекты преступности, да мы и не ставили перед собой подобной цели. Целью было – дать читателю общее представление о преступности, в контексте прочих видов девиантности. Интересующимся темой подробнее, советуем обратиться к учебникам по криминологии, благо они доступны и, в большинстве своем, написаны хорошо. В следующей главе мы рассмотрим различные теории отклоняющегося поведения, а сейчас – подведем итоги.

Резюме:

- *Преступление – наиболее явная форма девиантности, привлекающая наибольшее внимание агентов социального контроля;*
- *В России наиболее тяжелая криминогенная ситуация сложилась в постперестроечный период, сопровождающийся бурным ростом преступности и «выдвижение в лидеры» по целому ряду криминогенных показателей: статистика убийств, самоубийств, алкоголизации и т.д.; борьбе с преступностью сильно мешает высокий уровень коррупции;*
- *Преступления разделяются на различные типы, в зависимости от своей специфики; классификация преступлений в отечественной и западной правовой практике частично различается;*
- *Официальная криминальная статистика отражает лишь часть процессов в данной сфере, во всех современных государствах велик уровень латентной преступности;*
- *Преступления имеют выраженную региональную специфику;*
- *Наркотики сильно влияют на преступность, причем опыт декриминализации наркотиков дает (на примере Голландии) отрицательные результаты; наркотики и вообще криминальный капитал, влияют и на политическую сферу, подчиняя ее своему контролю;*
- *Современные методы контроля над преступностью (арест и тюремное заключение) не всегда эффективны; все большее распространение получает идея превенции, как основной метод борьбы с преступностью.*

Приложения к параграфу.

Элита и низы общества в отношении к преступлениям и наказаниям.

В 1980-х произошел скандал на Уолл-Стрит, связанный с незаконной покупкой и продажей акций на основе опережающей информации. Это называется “торговля изнутри” и является криминальным деянием. Случаи подобной торговли, потрясшие Уолл-Стрит в 1986 году, сконцентрировались вокруг Ивана Бески. Бески был мультимиллионером, разбогатевшим на спекуляциях на рынке акций, который, в конечном счете, признал, что его невероятные экономические успехи - результат приобретаемой им опережающей информации об общем корпоративном обороте сделок. С этой информацией Бески был в состоянии скупить акции компаний, прежде чем цены на их акции повышались и, таким образом, получить огромные прибыли.

Когда его преступления были раскрыты, Бески согласился помогать правительству в обнаружении других предпринимателей, вовлеченных в торговлю акциями изнутри. В итоге он заплатил 100 млн. долларов штрафа и ему было пожизненно запрещено участвовать в профессиональной торговле акциями. Правительство позволило Бески продать 440 млн. долларов из акций, контролируемых им, до того как было объявлено о его преступлениях (т.е. до того как цена на акции Бески должна была резко упасть в связи со скандалом).

Бески также был приговорен к трехлетнему сроку тюремного заключения (с условно-досрочным освобождением через год отбытия наказания) в тюрьме по его выбору; он выбрал тюрьму Ломпок, штат Калифорния, с минимумом охраны и тюремного оборудования. Тюрьма расположена на 44 000 акров волнистых холмов и ухоженных лужаек. заключенным предлагаются теннисные корты, тренажерные залы, трек на открытом воздухе. Трудно представить, что взломщику или грабителю, укравшему сотни миллионов долларов будут предоставлены такие условия, обращение и мягкий приговор в тюрьме типа “загородного клуба”.

Теоретики конфликта доказывают, что девианты из элиты совершают зачастую более крупные преступления и получают за них более легкие наказания, чем средние граждане. Эта точка зрения может быть проиллюстрирована путем сравнения “дела Бески” со случаем Уильяма Дж. Руммеля. Руммель был осужден по трем обвинениям суда в Техасе. Его преступления были следующими:

- 1) подделка чека на 28 долларов 36 центов;

2) получение 80 долларов путем обманного использования кредитной карты;

3) принятие чека на 120 долларов в обмен на ложное обещание починить кондиционер.

Хотя ни одно из этих преступлений не включало в себя физического ущерба пострадавшим сторонам, все преступления оказались уголовными. По законам Техаса судимость за третье уголовное преступление влечет за собой пожизненное заключение. Таким образом, за преступления, ущерб от которых составил 228 долларов 36 центов, Уильям Руммель оказался за решеткой.

Преступление и наказание.

Институт права и сопутствующий ему институт наказания способствовали формированию целой профессиональной субкультуры “заплечных дел мастеров”. Вклад этих “профессионалов страдания” в копилку человеческих гнусностей трудно переоценить. Колесование, дыба, сажание на кол, испанский сапожок, четвертование (лишь небольшая часть списка казней и пыток) - все это не горячий приступ воспаленной дьявольской фантазии, а плоды пытливого человеческого разума. Человек действительно уникальное существо. Значительную часть своих интеллектуальных и духовных возможностей он потратил на изобретение максимально эффективных способов убийств и издевательств над себе подобными.

Экскурс в историю: как сажали на кол при Петре I.

“По свидетельству современников, именно таким образом расправился Петр I со Степаном Глебовым - любовником своей сосланной в монастырь жены Евдокии. 15 марта 1718 года измученного пытками Глебова привезли на Красную площадь, заполненную толпами народа. Петр приехал в отапливаемой карете. Глебова посадили на необструганный “персидский кол”. Приговоренного поставили спиной к столбу, завели руки назад и крепко связали за спиной. Затем его посадили на кол, вернее на дощечки. При этом кол вошел не глубоко, а вот глубину дальнейшего проникновения регулировали, постепенно уменьшая высоту опорных столбиков. Палачи следили за тем, что бы кол, входя в организм, не затрагивал жизненно важных центров. По личному указанию Петра, что бы мученик не умер от обморожения, не него надели шубу и шапку. Глебов мучился пятнадцать часов, оглашая площадь нечеловеческими криками. Он умер только в шестом часу утра следующего дня.” (Гитин В.Г. Это жестокое животное мужчина. М.2002)

“Мастера” просвещенного Запада отнюдь не отставали от своих коллег из “дикой Московии”, чему свидетельствует следующий пример.

Четвертование по французски.

Приведенное здесь описание повествует о последних часах человека, казненного в 1757 году по обвинению в заговоре с целью убийства короля Франции.

По приговору несчастному вырвали мясо на груди руках и ногах, а раны поливали смесью кипящего масла, воска и серы. Затем его четвертовали с помощью лошадей, а расчлененные останки сожгли. Офицер стражи составил следующий отчет о происшедшем:

“Палач погрузил кандалы в котел с кипящим зельем, которым он щедро поливал каждую рану. Затем запрягли лошадей и привязали за руки и за ноги. Лошади сильно потянули в разные стороны. Через четверть часа процедуру повторили и сменили лошадей: тех, которые были у ног, поместили к рукам, что бы сломать суставы. Все повторили несколько раз. После двух или трех попыток палач Самсон и его помощник, который держал клещи, достали ножи и надрезали тело у бедер, лошадей снова потянули; затем то же сделали с руками и плечами; мясо было срезано почти до самых костей. Лошади напряглись изо всех сил и оторвали сначала правую, затем левую руку. Жертва была жива до того момента, когда ей окончательно оторвали конечности от тела” /Foucoult Michel. Discipline and Panish. Harmondsworth, 1979/

Читая описание средневековых казней трудно поверить, что они происходили при больших скоплениях людей, жадно внимавших происходящему. Такие казни были большими событиями и служили одной из форм массовых развлечений.

Интересно, что уже в раннем средневековье появляется тенденция использования денег, как универсального обменного эквивалента - даже в правовых отношениях. Показательна в этом отношении “Саллическая правда”, действие которой приходится на приходится на IV-VIII века нашей эры, когда происходила варваризация Римской империи, сопровождаемая разгромом “всего и вся”. Как отмечают историки, жестокость и агрессия доходили до остервенения. Об этом можно судить по следующим выдержкам из действовавшего тогда закона: “Кто вырвет другому руку, ногу, глаз или нос, платит 100 солидов, но если рука еще висит, то лишь 63 солида. Оторвавший большой палец платит 50 солидов, но если палец остается висющим, то только 30”. И все в таком же духе. В частности, за указа-

тельный палец надо было платить на 5 солидов больше, чем за остальные, ибо он необходим для стрельбы из лука. Конечно, та целесообразность, которую хотел внести в эту норму законодатель, меркнет в наших глазах перед предполагаемыми формами его нарушения. Но это опять таки один из первых шагов к появлению в дальнейшем рационального западного права в его современном варианте.

Со временем в большинстве западных обществ получают распространение исправительные практики контроля над преступностью. Создаются первые тюрьмы, в последствии развившиеся в пенитенциарные системы.

Лондонская тюрьма “Флит”.

В XII веке в Лондоне были построены две тюрьмы, само упоминание о которых вселяло ужас в сердца не только уголовников, но и должников... Возведенная 1130 года, тюрьма “Флит” еще с той поры славилась коррупцией. Пост хранителя переходил по наследству и сохранялся за одной из семей свыше трехсот пятидесяти лет. В средние века во “Флите” томились люди, заключенные в тюрьму по религиозным мотивам - нередко подобных преступников клеймили раскаленным железом, увечили им ноздри и отрезали уши. Тюремные пыточные инструменты включали в себя тиски для пальцев и железный ошейник, вызывающий у несчастных смертельное удушье. Тюрьма всегда являлась желанной целью для бунтовщиков и революционеров. В минувшие века “Флит” сжигали до тла и отстраивали заново три раза. Условия в ней были столь плачевны, что судя по свидетельству Мозеса Пита, относящемуся к последнему десятилетию XVII века, “Вшей можно было снимать прямо с одежды теснящихся в камере десятков заключенных”. Для наказаний применялась и темница, называвшаяся “сейфом”. В этой камере из нештукатуренного кирпича не было ни камина ни печи, а свет проникал лишь через щель над дверью. Темница была сырой и зловонной и, как правило, располагалась вблизи горы, свозимых со всей тюрьмы в одно место нечистот. Обычно в “сейфе” находились наряду с живыми и покойники, ожидающие захоронения. В 1729 году тогдашнего начальника тюрьмы судили за убийство после того, как шестеро заключенных погибли в результате нечеловеческих условий, но в результате его оправдали. Тюрьму “Флит” снесли в 1846 году.

Российские тюрьмы прошлого века.

К концу XIX века в России насчитывалось 895 тюрем. По данным на 1 января 1900 года, в них содержалось 90 141 человек.

(Для сравнения: сегодня только в СИЗО сидит 280 тысяч человек и более 1 млн. в тюрьмах и на “зонах”.)

Англичанин Венинг осмотрел петербургские, московские и тверские тюрьмы в 1819 году. Вот его впечатления.

“...Две низменные комнаты были сыры и нездоровы; в первой готовили пищу и помещались женщины, которые хотя и были отгорожены, о на виду всех прохожих; ни кроватей, ни постелей в них не было, а спали женщины на настланных досках; в другой комнате было 26 мужчин и 4 мальчика, из них трое мужчин было в деревянных колодках; в этой комнате содержалось и до 100 человек, которым негде было прилечь ни днем ни ночью. Комната для колодников высшего сословия находилась почти в земле; попасть в нее можно было через лужу, комната эта должна порождать болезни и преждевременную смерть.”

Вопросы для самопроверки:

1. *Чем отличается преступность от других видов девиантного поведения?*
2. *Какие стадии развития правоохранных отношений в России вы можете выделить?*
3. *Какими процессами характеризуется развитие правоохранных практик в России в постперестроечный период?*
4. *Чем, по вашему, отличается российская преступность от западной?*
5. *В чем различия между отечественной и американской системами классификации преступлений?*
6. *Что такое уличная преступность? Какие преступления включаются в эту категорию?*
7. *В чем слабость официальной криминальной статистики? Какие факторы снижают ее эффективность?*
8. *Как проявляются региональные особенности преступности в нашей стране и в США?*
9. *Как наркотики влияют на преступность? Какие статистические данные по этому поводу вы помните?*

10. *Что можно сказать о голландском опыте декриминализации наркотиков?*
  11. *Как влияют наркотики и вообще криминальный капитал на политическую сферу?*
  12. *В чем проявляются недостатки такого метода контроля преступности, как тюремное заключение?*
  13. *В чем преимущества ареста, по сравнению с тюремным заключением?*
  14. *В чем суть идеи превенции?*
-

Глава III.

ТЕОРИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.

Специфика теоретического подхода.

Прежде чем приступать к рассмотрению непосредственно теорий, поговорим о том, что необходимо помнить, для правильного их понимания. Нужно особенно отметить несколько моментов. Во-первых, любая теория – это *модель, а значит – упрощение* той реальности, которую она объясняет. Объясняя реальность, теория выделяет некоторые ее характерные черты, отбрасывая остальные. Это необходимо, поскольку реальность (тем более - социальная) невероятно сложна и учет **всех** ее черт и качеств невозможен. Поэтому описание реальности, даваемое той или иной теорией – всегда схематично. Во-вторых, ни одна теория не объясняет полностью того, что она стремится объяснить. В нашем случае это означает, что *ни одна теория не объясняет всех видов девиантного поведения*. Отдельные теории объясняют лишь отдельные стороны этого сложного явления. Обобщая, можно сказать, что реальная жизнь людей не укладывается ни в какие теории, но теории способны значительно помочь в понимании реальной жизни.

Наконец, нужно помнить о ценностном измерении науки. Любая теория несет на себе отпечаток ценностей своего создателя. Проницательные студенты это понимают достаточно быстро, и, зачастую, начинают скептически относиться к теории. В первой главе мы уже говорили, что полное избавление от влияния ценностей в науках о человеке невозможно. Поэтому, чтобы изучение теорий принесло девиантологу пользу, нужно в каждом случае попытаться посмотреть на проблему глазами того ученого, чью теорию мы изучаем. Попытаться представить себе его взгляд на человека и общество. Подобный подход, помимо того, что помогает лучше понять каждую теорию, воспитывает гибкий, не догматичный взгляд на девиантологические проблемы.

Теперь – о тех теориях, которые рассматриваются в данной главе. Существует большое количество общих и частных концепций девиантности, авторы которых как правило концентрируют внимание на каком-либо одном (редко - на двух-трех) аспекте девиантного поведения. Традиционно, все многообразие теорий сводят к трем типам: *биологические теории, психологические и социологические*. В то же время, мы посчитали нужным выделить пять типов теорий девиантного поведения: 1) теории, использующие биологический подход; 2) теории, использующие подход психологии личности; 3) социально-психологические теории; 4) социологические теории; 5) гуманистический подход и связанные с ним дискуссии о природе человека. Однако, на более высоком теоретическом уровне можно видеть, что большинство разногласий между учеными фактически сводится к приверженности к одному из двух диаметрально противоположных утверждений: а) “девиантность – изначально свойственна человеку, поэтому социальные нормы нарушались и будут нарушаться”; б) “девиантность людей не является врожденной и необходимой, и при изменении условий жизни людей, мы имеем шанс избавиться от негативных поведенческих отклонений”. Другими словами, основной спор между учеными связан с взглядом на *причины* девиантного поведения, – находятся ли они *внутри*, или *вовне* человека. Со своей стороны скажем, что отчасти, по видимому, правы и те и другие. В человеке заложены и добро и зло, темная и светлая половина. В то же время, внешние условия могут способствовать проявлению, как положительного потенциала в человеке, так и отрицательного. Добавим лишь, что полное избавление от девиантности не только, скорее всего, невозможно, но и опасно. Общество в котором нет девиантного поведения – это безликая серая масса, ведь гениальность – это тоже девиантность, хотя и положительная. Еще в XIX веке французский социолог Э.Дюркгейм доказал, что некоторый процент девиантности в любом обществе – явление нормальное. С другой стороны, хочется верить, что наиболее опасные виды отклонений (преступность, например) могут быть сведены

к минимуму. Ведь рост числа подобных отклонений в современных обществах нельзя признать нормальным. Ну, хватит рассуждений - переходим непосредственно к самим теориям.

§ 1. Биологические теории девиантности.

Большинство биологических теорий создавалось в рамках криминологического изучения общества. Связаны, почти все они с попытками объяснить преступность и агрессию. В настоящее время число сторонников биологических теорий агрессии и преступности сравнительно невелико, большинство крупных ученых, работающих в этом направлении, предпочитают другие модели девиантного поведения. Тем не менее, теории этого направления время от времени приобретают определенную популярность. Поэтому, мы излагаем содержание основных биологических концепций достаточно кратко, уделяя больше внимания другим теоретическим направлениям.

Традиционно, одним из родоначальников биологического направления в девиантологии считается итальянский ученый **Ч. Ломброзо**, творчество которого относится ко второй половине прошлого столетия. Ломброзо в течении ряда лет работал тюремным врачом, что дало ему возможность обобщить значительный фактический материал. Основным детерминантом склонности к преступности, по мнению Ломброзо, были наследственно-биологические факторы (например, особое строение черепа), подкрепленные воздействием окружающей среды. В то же время, Ломброзо рассматривал причины девиантности в максимально широком спектре: от климатических, природных и наследственных факторов, до экономических, культурных и гендерных. Он писал: «*Всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин и, ...причины эти часто сливаются одна с другою*» (Ломброзо Ч. «Преступление», с.5.). Однако первенство, все-таки отдавалось факторам наследственно-биологического ха-

<p>Ломброзо Чезаре (1835-1909) – итальянский врач, соц. мыслитель. Родоначальник социологии пре- ступности. Рас- сматривал пре- ступность, как результат прояв- ления, прежде все- го, биологических факторов.</p>

рактера. Значительное место в его исследовании отведено анализу семейно-родственных связей преступников, внутри и между поколений.

Теория Ломброзо быстро приобрела значительную популярность, но последующее развитие социологии и психологии не способствовало ее поддержке. Прежде всего потому, что не прослеживались до конца причинно-следственные связи: было не ясно, то ли наследственность определяет склонность к девиантности, то ли другие, внешние факторы, влияющие в том числе и на наследственность.

Однако работы в данном направлении продолжались. Одной из попыток доказать решающую роль наследственных факторов в формировании склонности к девиантности является так называемый **близнецовый метод**. Сравнивая степень агрессивности близнецов, исследователи пытались доказать, что склонность к агрессии и преступлениям - результат влияния наследственных механизмов. Результаты, полученные при использовании данного метода, оказались весьма противоречивыми, а впоследствии и сам метод подвергли сомнению. Дело в том, что данный метод не позволял понять, какие воздействия оказываются определяющими: наследственность или одинаковые условия воспитания. Тем не менее, многочисленные исследования феномена наследственной склонности к криминальному поведению, проведенные в 1980-х годах, подтвердили гипотезу о влиянии наследственности на преступность. И все же, один из ведущих специалистов, работающих в этом направлении, **Мойер**, склоняется к мысли, что наследственность определяет

Депривация – по-
давление, лишение
(обычно – о потреб-
ности) **Фрустра-**
ция - блокирование;
препятствие реали-
зации, какой-либо
потребности.

склонность к преступному и агрессивному поведению, тогда как окружающая среда обуславливает пределы, в которых проявляется эта склонность. Мойер заключает, что “... человек, унаследовавший причинно-следственную цепочку “низкий порог возбудимости нервной системы - агрессивные реакции”, в *депривационной, фрустрационной* и стрес-

совой ситуации будет склонен к проявлению гнева и враждебности в девиантных формах.

С другой стороны, если этот же человек будет окружен любовью и, в значительной степени, защищен от жестокости и насилия, а так же не будет часто провоцироваться на агрессию, он вряд ли будет склонен к агрессивному поведению”.

Отдельно можно рассматривать такое продолжение «линии Ломброзо», как попытки связать девиантность с физическими и конституциональными факторами. Наиболее известными из этих попыток считаются типологии личности, разработанные Кречмером (1925) и Шелдона (1954). Согласно представлениям этих авторов, людей можно разделить на три типа по их психофизической конституции: *мезоморфный* (атлетический) тип, *эктоморфный* (худощавый) и *эндоморфный* (тучный) тип. Мезоморфы в большей степени склонны к доминированию, активности, агрессии и насилию. Эктоморфы описываются, как робкие, заторможенные и склонные к одиночеству и умственной деятельности. Эндоморфы отличаются добродушием и живым и веселым характером. Несмотря на то, что эти представления отчасти подтверждались фактами, их критиковали за явное упрощение. В частности, не ясным остается вопрос, насколько указанная типология обусловлена собственно биологическими факторами, а насколько – тем, как сам человек воспринимает себя и тем, как его воспринимают окружающие.

Значительный всплеск интереса вызвала, появившаяся в связи с развитием генетики *хромосомная гипотеза* агрессии и преступности. В 1960-х годах целый ряд исследований лиц, совершавших криминальные деяния, подтвердил высокую степень корреляции между склонностью к правонарушениям и наличием хромосомной аномалии типа ХУУ (Джекобс, Брандон, Мервиль). Как известно, женский хромосомный набор образован сочетанием двух Х хромосом. У мужчин это сочетание представлено одной Х и одной У хромосомой. Но иногда встречается сочетание ХУУ - прибавляется одна

лишняя мужская хромосома. *Патриция Джекобс*, проводившая обследование заключенных ряда тюрем Великобритании, установила, что процент людей с такого рода аномалией среди заключенных в несколько раз выше, чем среди простого населения. Однако, последующие исследования показали, что прямого обусловливания высокого уровня агрессии наличием лишней Y хромосомы не наблюдается. Скорее, дело в меньшем уровне интеллектуально развития лиц с этой аномалией. Они фактически склонны к совершению преступлений и актов агрессии не в большей степени, чем лица с обычным хромосомным набором, они лишь чаще попадают на месте преступления и подвергаются наказанию, что объясняет высокий процент их среди заключенных.

Другое направление биологических теорий агрессии связано с исследованием роли **гормональных влияний** на преступное и агрессивное поведение. Еще в 1924 американский ученый **М. Шлапп**, изучавший эндокринную систему преступников, выяснил, что треть обследованных им заключенных страдают эмоциональной неустойчивостью, связанной с заболеваниями желез внутренней секреции.

Впоследствии, устойчивость половых различий в проявлениях агрессивности, независимо от национальности и культуры, навела ученых на мысль о возможном влиянии **андрогенов** (мужских половых гормонов) на агрессивность. Практически во всех известных обществах мужчины, как правило, демонстрируют более высокий уровень агрессивности. Известно, что уровень *тестостерона* в организме мужчин более чем в десять раз выше, чем у женщин. Поскольку тестостерон влияет на формирование вторичных половых признаков, вполне возможно было бы предположить, что он способствует развитию более высокого уровня мужской агрессии и склонности к преступлениям. Многочисленные эксперименты по проверке этой гипотезы дали весьма противоречивую информацию. С одной стороны, фактов в пользу основного предположения (влияние гендерных различий) было собрано

достаточно. В тоже время, прямых данных, подтверждающих гипотезу о влиянии андрогенов на девиантность практически нет. Хотя уровень тестостерона может играть определенную роль в формировании склонности к агрессии, все-таки, большинство исследователей склоняется к мысли, что гораздо более важную роль в этом могут играть другие факторы. Скорее всего, тестостерон влияет на уровень агрессивности, вступая во взаимодействие с целым комплексом индивидуальных и социальных факторов (Мазур, Лэмб, Даббс, Роуз, Бернштейн и др.).

На сегодняшний день, большинство серьезных ученых приходят к выводу, что биологическая предрасположенность к различным формам девиантности проявляется только при наличии благоприятствующего влияния социальной среды.

Таким образом, мы можем констатировать, что в любом случае, объяснять феномены девиантности и агрессии только причинами биологического порядка, неправомерно. Речь должна идти о взаимодействии биологических и социальных факторов, большинство серьезных исследований это подтверждают. В чем же причина периодически возникающего стремления объяснить поведенческие отклонения исключительно с позиций биологии? Дело, как нам кажется, в том, что идея обвинить во всем физиологические особенности конкретного индивида, склонного к насилию, оказывается весьма удобной. Таким образом, социальной проблемы как бы не существует. Это позволяет не затрагивать вопрос о несовершенстве социальной системы, как возможном детерминанте негативных явлений. Ясно, что привилегированной части социума (как правило - меньшей) выгодно отсутствие покушений на легитимность системы. Но здесь есть и другой аспект: влияние теории на практику борьбы с преступностью. Тревожит тот факт, что под влиянием биологического подхода к проблеме преступности, возможно необоснованное применение карательных и других жестких мер в борьбе с ней. Прежде всего, нужно опасаться мер, связанных с клиническим воздействием на пре-

ступников (лоботомия, медикаментозное воздействие, электрошок, хирургические методы и т.п.). Помимо этических аспектов самого применения подобных методов, возникает угроза применения ярлыка “больного” (с соответствующими выводами о необходимости лечения) к целым категориям лиц, испытывающими сложности в социальных взаимодействиях.

Завершая наш краткий обзор биологических теорий, мы еще раз подчеркиваем, что, не смотря на определенную роль биологических факторов в формировании склонности к агрессивному и девиантному поведению, их воздействие способно в значительной мере корректироваться воздействием целого ряда других причин.

Резюме:

- *Первые научные попытки объяснить девиантность биологическими методами появились в конце XIX века;*
- *Девиантность связывалась с такими факторами, как наследственность (близнецовый метод), физическая конституция (Кречмер и Шелдон), гормоны (Шлапп), хромосомы (Джекобс) и др.;*
- *Большинство ученых считают, что в любом случае влияние биологических факторов должно опосредоваться воздействием внешних условий, поэтому нельзя трактовать биологические феномены в качестве «причины» девиантности;*
- *Биологические концепции могут использоваться в идеологических целях, оправдывая существующий социальный порядок и применение карательных мер воздействия на девиантов.*

Приложения к параграфу.

Звериная жестокость? Чем объяснить поведение героев Г.Г. Эверса? Хромосомами? Тетростероном? Впрочем, судите сами:

«Как-то мне довелось фотографировать петушинные бои.

Это было отвратительное зрелище!

Представьте себе: приносят двух петухов, похожих на кур (у них обрезаны гребни и хвосты), и они сразу, без подготовки, кидаются друг на друга. Вихрем летят перья. Снова и снова они сшибаются, раздираю; друг друга клювом и шпорами—и все без единого звука.

Зато человеческое стадо вокруг завывает, и стучит, и бьется об заклад и испускает дикие крики: «А! Желтый выклевал белому глаз! Подобрал с пола и съел его!»

Ощипанные шеи птиц вытягиваются и покачиваются над туловищами, словно красные змеи. Ни на одно мгновение они не оставляют друг друга в покое. Тела их окрашиваются в пурпур. Детали едва можно различить: петухи сплелись в один кровавый клубок.

Желтый потерял второй глаз и сослепу тычет клювом вокруг себя, а клюв противника в это время удар за ударом без промаха вонзается ему в голову.

Наконец желтый падает.

Без сопротивления, без единого крика он позволяет белому добить себя. После чего тот тоже падает замертво на труп своего противника.

Сидящие вокруг человекообразные хохочут при виде бесполезных ударов победителя и старательно подсчитывают эти удары, потому что они заключили пари.

Бой окончен. Хозяин петуха-победителя с торжествующей усмешкой разбивает палкой голову побежденного петуха. Это—его право.

Птиц поднимают, обмывают под краном и считают их раны—из-за пари. Из рук в руки переходят заплеванные, грязные деньги...

И это—люди?!»

ГАНС ГЕЙНЦ ЭВЕРС. Соус из томатов

Этот эпизод автор рассказа жестко компонует с аналогичным ему, где зрители наблюдают бой, отличающийся от первого лишь составом участвующих в нем бойцов.

«— Как,— воскликнул я.— По какому же поводу эти люди предпринимают свой петушиный бой? Оскорбление? Ревность?..

— Ничуть не бывало, — спокойно прервал меня падре.— У них нет никакого повода. Быть может, они хорошие друзья, а может, совсем не знают друг друга. Они просто хотят доказать свое мужество. Они желают показать, что ни в чем не уступают ни быкам, ни петухам. Будет много крови. Красивой красной крови!

Между тем визг затачиваемой стали прекратился.

— Кто держит за Бомбито?—воскликнул патрон, вытаскивая из кармана грязную записную книжку и обломок карандаша.

— Я!—Пезета!—Два дура, —Нет, я хочу за Лагартихилло!—каркали один за другим хриплые голоса. Падре сжал мне руку:

— Делайте ваши ставки так, чтобы непременно проиграть. Не скупитесь, если хотите уйти отсюда живым и невредимым.

Я последовал этому совету и поставил сразу на обоих, так что проигрыш был неизбежен.

Перед бойцами положили в сложенном виде несколько отточенных навах.

— Которую хочешь ты, Бомбито Чико, мой петушок?—рассмеялся точильщик,

— Давай! Давай, все равно,— бормотал пьяный боец.

— Я хочу мой собственный нож!—воскликнул Лагартихилло, не менее пьяный.

— Тогда и мне давай мой! - прохрипел Чико.

Когда все пари были записаны, патрон снова поднес бойцам вино. Они залпом осушили стаканы, бросили свои сигареты и крепко обмотали левые руки красными шерстяными платками.

— Можете начинать, зверушки!—скомандовал хозяин.— Открывайте ножи!

Клинки навах звякнули пружинами и застыли торчмя, но ни один из противников не шевельнулся.

Зрители стали проявлять нетерпение.

—Хвати его, Бомбито, мой молоденький бычок! Воткни ему рожки в тело!

— Начинай, малыш! Я поставлю на тебя три дура!

— А, так вы не хотите быть петухами! Куры вы! Куры! Со всех сторон загудел хор издевательских голосов:

— Куры! Куры! Яйца вам класть! Жирные куры!

Бомбито Чико нехотя махнул ножом и сторону противника. Тот поднял левую руку и поймал вялый удар в толстый платок. Оба парня были так пьяны, что едва могли владеть своими движениями.

— Подождите, подождите!—шептал падре.— Подождите только, пока они увидят кровь!

Зрители не переставали дразнить бойцов, то подбадривая их, то бичуя насмешками:

— Куры вы! Яйца вам класть! Куры! Куры! И вот оба бросились друг на друга, слепо, очертя голову. Вскоре один из них получил легкий порез в левое плечо.

— Bravo, Бомбито! Bravo, малый! Покажи ему, мой петушок, что у тебя есть шпоры!

Они сделали маленькую передышку, отерли грязный пот с лица.

— Воды!— воскликнул Лагартихилло. Им протянули кружки, и они стали пить маленькими глотками. Видно было, как они трезвели. Равнодушные взоры стали колючими.

— Готов ли ты, курица?! — прокричал Чико. Противник вместо ответа бросился вперед и распорол ему щеку. Кровь заструилась по голой груди.

— Вот оно, начинается! Начинается!—в самозабвении бормотал падре.

Зрители умолкли, жадно следя за движениями бойцов, на которых поставили свои деньги. Те все кидались и кидались друг на друга...

Клинки сверкали, как огненные искры в красном мерцании факелов, и глубоко впивались в шерстяные повязки. Большая капля кипящей смолы упала Лагартихилло на грудь, но он и не заметил этого.

Так быстро мелькали в воздухе руки, что невозможно было разглядеть их движений. Только кровавые борозды, которые появлялись на обнаженных телах, свидетельствовали о все новых уколах и разрезах.

— Стой! Стой!—закричал патрон. Парни продолжали биться.

— Стой! У Бомбито сломался нож! Разнимите их!

Двое схватили старую дверь и швырнули ее между бойцами так, что они не могли коснуться друг друга.

Зоркий глаз патрона не ошибся. Бомбито проткнул своему противнику ушную раковину, и его нож сломался о жесткий череп Лагартихилло.

Бойцам дали по стакану вина, вручили новые ножи и убрали дверь.

На этот раз они напали друг на друга, как два петуха: без рассуждения, со слепой ненавистью, удар за удар...

Темные тела окрашивались в пурпур. Из множества ран струилась кровь. У маленького Чико свешивался со лба большой лоскут кожи, влажные пучки волос упрямо лезли в рану. Его нож запутался в повязке противника, и тот нанес ему два-три сильных удара в затылок.

— Убери свою повязку, если ты не трус!—крикнул Бомбито и сорвал зубами платок. Лагартихилло помедлил мгновение, а затем последовал его примеру. Но

они и после того часто прикрывались от ударов левыми руками, и руки их вскоре были совершенно искромсаны.

Опять сломался клинок. Опять разъединили их гнилой дверью. Опять подали им вино и новые ножи...

— Проткни его, Лагартихилло! — прокаркал один из зрителей.— Проткни его! Выпусти кишки старой кляче!

И в то мгновение, когда дверь убрали, Лагартихилло неожиданно нанес своему противнику снизу вверх ужасный удар в живот и выдернул клинок обратно. Из длинной раны потекла отвратительная масса кишок.

А затем он с быстротою молнии нанес удар сверху и рассек Чико большую артерию, которая питает руку.

Бомбито вскрикнул и согнулся. Толстая струя крови из его плеча брызнула прямо в глаза Лагартихилло. Казалось, что Бомбито пришел конец, но внезапно он выпрямился, бросился на ослепленного кровью противника и поразил его между ребрами прямо в сердце...

Лагартихилло задергался. Нож выпал из его руки, и могучее тело безжизненно склонилось вперед.

Это зрелище будто придало новые силы умирающему Бомбито. Как безумный, он все вонзал жадную сталь в окровавленную спину врага.

— Перестань, Бомбито, храбрый малыш! Ты победил,— проговорил спокойно патрон.

И тогда произошло самое ужасное.

Бомбито Чико, последний жизненный сок которого окутывал мертвого Лагартихилло во влажный красный саван, оперся обеими руками о землю, поднялся кверху так, что из широкого разреза в животе вывалились кишки, словно клубок отвратительных змей. вытянул шею—и в глубоком молчании ночи раздалось его триумфальное: «Ку-ка-ре-ку!»

Это был его последний привет жизни». (Источник: В.Г. Гитин «Это жестокое животное мужчины». – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков «Торсинг», 2002. с.90-92.)

Вопросы для самопроверки:

1. В чем специфика биологического подхода в объяснении девиантности?

2. *С чьим именем связывают возникновение биологического подхода к объяснению человеческого поведения? Когда начинается научное изучение поведенческих отклонений, в рамках биологического подхода?*
  3. *В чем суть «близнецового метода»? В чем его недостатки?*
  4. *В чем суть подходов Кречмера и Шелдона к объяснению отклоняющегося поведения? Можете ли вы привести пример из личных наблюдений, подтверждающий их гипотезу?*
  5. *Каких результатов добилась в объяснении отклонений гормональная гипотеза?*
  6. *Действительно ли хромосомный набор, типа «ХУУ» связан с повышенной агрессивностью?*
  7. *Можно ли говорить о том, что биологические факторы действуют непосредственно? Приведите мнение Мойера по этому вопросу.*
  8. *Каковы опасности использования принципов биологического подхода в идеологических целях?*
-

§ 2. Походы психологии личности к объяснению девиантного поведения.

Среди психологов, так или иначе занимавшихся изучением девиантности, ярче, чем среди ученых другого профиля проявилось разделение на сторонников врожденной и приобретенной склонности к отклонениям. Споры между ними носят достаточно острый характер, поскольку являются, фактически, продолжением давнего спора между *бихейвиористами* и *инстинктивистами*. Первые считают, что поведение человека - результат воздействия

разнообразных стимулов внешней среды. Вторые ищут причину поведения во внутренних импульсах, влечениях и инстинктах. Их противостояние является одной из характерной черт развития психологии в XX веке. Относительно недавно, примерно с конца 60-х гг. XX века наметилась тенденция сглаживания противоречий между этими подходами, хотя многие разногласия наблюдаются, и по сей день. Следует заметить, что содержание психологических концепций девиантности не исчерпывается противостоянием инстинктивизм – бихейвиоризм. В современном мире все большее влияние получают *гуманистические и когнитивные* теории. Взгляды представителей гуманистического направления будут нами подробнее анализироваться в пятом параграфе, причины чего будут объяснены ниже. Все многообразие теорий девиантности в современной психологии может быть рассмотрено в рамках четырех подходов, которые рассматривают отклоняющееся поведение как:

Когнитивный интеллектуальный; умственный, **когнитивные процессы** – процессы мыслительной деятельности.

- определенное врожденными побуждениями или задатками;
- потребностями, активизируемыми внешними
- стимулами;
- *когнитивными* и эмоциональными процессами;
- специфическими социальными условиями в сочетании с предшествующим научением.

Среди теорий, трактующих девиантность, как инстинктивное по-

Фрейд З. (1856-1939) – австрийский психолог, создатель психоанализа. Основной тезис теории Фрейда – противоречие между глубинными эротическими и агрессивными влечениями и ограничениями, налагаемыми на них обществом. Рассматривал поведение, как результат попыток разума дать выход влечениям социально-приемлемым способом.

ведение, одной из наиболее известных является психоанализ, развивающийся в рамках *психодинамического направления*. Родоначальник этого направления **З. Фрейд** в своих ранних работах утверждал, что все человеческое поведение прямо или косвенно определяется *эросом*, инстинктом жизни, чья энергия, называемая им *либидо*, направлена на упрочнение и утверждение жизни. Девиантность при этом рассматривалась как реак-

ция на блокирование или разрушение либидиозных импульсов. Однако впоследствии Фрейд несколько изменяет свою первоначальную теоретическую схему. Он предположил существование второго, наряду с эросом, основного инстинкта - *танатоса*, или инстинкта смерти, чья энергия направлена на разрушение и прекращение жизни. Таким образом, человеческое поведение стало рассматриваться как результат комбинаций действия этих двух инстинктов. Однако, что бы понять взгляд Фрейда на девиантность, необходимо, хотя бы коротко, рассмотреть его теорию личности.

Фрейд известен тем, что ввел в психологию понятие *бессознательного*. Бессознательное включает в себя все влечения, потребности, воспоминания и чувства, которые человек не осознает, но которые влияют на его поведение. Фрейд считал это влияние гораздо более сильным, нежели влияние *сознания*. Сознание включает в себя все, что осознается в настоящий момент или может быть легко извлечено из памяти (события, действия, желания и т.п.). Наряду с этим, Фрейд ввел представление о трех уровнях (блоках, компонентах) человеческой психики. Первый уровень – наиболее древняя и примитивная часть психики, называемая **«Оно»**. «Оно» функционирует целиком в бессознательном и представляет собой «резервуар» инстинктивной энергии эроса и танатоса. Эта структура психики подчиняется *«принципу удовольствия»*. Другими словами потребности и влечения, возникающие в «Оно» требуют немедленного удовлетворения. Второй уровень психики – зона сознания и самосознания, называемая **«Я»**. «Я» - это не только стержень нашей личности, но и основной механизм адаптации человека к внешнему миру. Поэтому «Я» подчиняется *«принципу реальности»*. Другими словами, влечения, немедленного удовлетворения которых требует «Оно», «Я» удовлетворяет по мере возможности и с учетом требований безопасности. Высший уровень психики – это сфера нравственности, моральный компонент личности, называемый **«Сверх-Я»**. Область «Сверх-Я», иногда называемая *сверхсознанием*, включает в себя все представления о норме, ценности и идеалы, ставшие частью

нашей личности. «Сверх-Я» почти всегда действует в сфере бессознательно-го. Действительно, мы с вами редко задумываемся о моральных проблемах повседневного поведения, чаще всего мы просто «знаем», какие поступки являются «хорошими», а какие – нет. «Сверх-Я» подчиняется *«принципу долга»*, принуждая человека к совершению моральных поступков. Между требованиями морального порядка и подсознательными влечениями существует постоянный конфликт. «Я хочу!» - заявляет «Оно». «Ты не должен!» - возражает «Сверх-Я». Важнейшей способностью нормальной личности является умение безболезненно разрешать этот конфликт.

Здесь мы, собственно, подходим к фрейдовской девиантологии. «Нормальным» поведение будет в том случае, если инстинктивные импульсы «Оно», не вступают в противоречие с нормативными требованиями «Сверх-Я», отраженными в сознании («Я»), порождая внутренний конфликт. Сознание – «Я» - стремясь не допустить конфликта, вынуждено прибегать к *сублимации* агрессивных и сексуальных импульсов. *Сублимация – это механизм перевода темной, стихийной энергии инстинктов в культурно приемлемые рамки.* Например, если человек склонен к агрессии (имеет доминирующий танатос), он может «выпустить пар» занимаясь тяжелым физическим трудом или агрессивными видами спорта. Если некто сталкивается с повышенным давлением на сознание эротических (либидиозных) импульсов, то он может сублимировать их в творческие виды деятельности, искусство и т.д. *

Однако, давление подсознательных влечений на «Я» может быть слишком сильным, что бы быть полностью сублимированным. С другой стороны незрелое, неразвитое «Я» может оказаться неспособным к сублимации, которая требует творчества. В этом случае человек начинает ощущать тревогу, в связи с назревающим внутренним конфликтом. В этих случаях сознание, что

---

* Кстати, по Фрейду, сублимация эротических импульсов и есть основной механизм творчества, тогда как сублимация агрессивных импульсов связывается с достижениями и способностью добиваться поставленной цели.

бы смягчить конфликт между «Оно» и «Сверх-Я» и защититься от тревоги, использует *защитные механизмы*. Их действие связано с искажением реальности и самообманом, благодаря чему сознание защищается от травмирующих и неприемлемых переживаний. Фрейд описал несколько основных защитных механизмов - это *вытеснение, проекция, замещение, рационализация, реактивное образование, регрессия и отрицание*.*

<p>Защитные механизмы – используемые сознанием (Я), способы защиты от внутреннего конфликта между бессознательными влечениями «Оно» и моральными запретами «Сверх-Я».</p>
--

Вытеснение – это подавление подсознательных влечений и переживаний, создающих угрозу для самосознания и вытеснение их в сферу бессознательно. В этом случае человек вынужден тратить значительное количество психической энергии, но подавленные влечения все равно периодически «прорываются» в реальность через оговорки, сновидения и т.д. Например, добропорядочный отец семейства может не допускать мысли, что он хочет изменить своей супруге. В то же время каждую ночь ему снятся безумные оргии в которых он принимает участие. Это типичный пример действия вытесненных влечений. Фрейд называл это психопатологией обыденной жизни.

Проекция – это приписывание другим своих собственных неприемлемых переживаний. Скажем ханжа – человек, скрывающий свои сексуальные влечения и выискивающий малейшие «грязные» намерения в действиях окружающих. Или мания преследования, – когда человек приписывает другим свои агрессивные импульсы, искренне считая, что они хотят его убить.

Замещение – это направление энергии влечения на более безопасный объект. Например, человек, на которого накричал начальник, дома набрасывается с руганью на жену и детей, хотя они ничем не провинились. Или мужчина, влюбленный в очень красивую женщину, но предпочитающий сексу-

---

* Строго говоря, сублимация то же описывалась и анализировалась, как защитный механизм, позволяющий преодолевать внутренний конфликт. Однако девиантологический фокус внимания заставляет отделять сублимацию, как случай «нормальной» работы психики, от других защитных механизмов, которые рассматриваются, как примеры «девиантности».

альные контакты с другой, менее красивой, из боязни, что первая ему откажет.

Рационализация – это то, что в обыденной жизни называют самооправданием. Человек стремится дать рациональное объяснение поступкам, совершенным под влиянием инстинктивных влечений. Скажем, начальник накричал на своих работников, только потому, что «встал не с той ноги». Однако он объясняет это тем, что работники сами виноваты – плохо исполняли обязанности.

Реактивное образование – это более сложный защитный механизм, включающий две стадии. На первой стадии неприемлемое переживание подавляется, а на второй на его месте образуется прямо противоположное чувство. Скажем, женщина, не реализующая свою сексуальность, вполне может превратиться в мужененавистницу. Или брат, ненавидящий свою сестру, но не могущий себе в этом признаться, может вспылать к сестренке особой любовью и окружить ее всяческой опекой. Правда вскоре можно будет заметить, что его забота создает сестре значительные трудности и проблемы и явно тяготит ее.

Регрессия – это возврат к детским, ранним формам поведения. К этому типу защитных механизмов прибегают как правило незрелые, инфантильные личности. Однако и нормальные взрослые в ситуациях психической перегрузки могут использовать этот защитный механизм. Примеры регрессии – это такие реакции на травмирующие переживания или ситуации, как плач, «надуться» и ни с кем не разговаривать и т.д.

Разновидностью «детских» реакций психики можно считать *отрицание*. Скажем, человек в состоянии опьянения совершил преступление, а потом отказывается поверить в это. Или мать, чьи дети трагически погибли, ведет себя так, как будто они живы.

Фрейд утверждал, что защитные механизмы действуют на подсознательном уровне, и все люди время от времени прибегают к ним. В тех случа-

ях, когда с их помощью не удастся снизить напряжение, возникают неврозы – более или менее заметные расстройства нормальной психической деятельности. Вместе с тем люди различаются между собой по способности к сублимации и к контролю над влечениями. Многое зависит от степени развития, зрелости личности, основы которой закладываются в раннем детстве. Корни многих неврозов и более тяжелых расстройств – психозов – следует, по мнению Фрейда, искать в ранних детских переживаниях.

В целом взгляд Фрейда на проблему девиантности и агрессии не отличается особым оптимизмом. Фактически он является признанием того, что войны, насилие и психические расстройства - неизбежные спутники человеческого существования. Проистекают они из инстинктивной, порочной человеческой природы, лишь отчасти облагораживаемой моральными нормами и ценностями. Следует понимать, что психодинамический взгляд на личность – это не только научная теория, но и философия человека. В частности, вопрос о смысле человеческого существования этим взглядом снимается. Человек рассматривается, как существо, стремящееся к снятию напряжения, *гомеостазису*. Интересно, что если логически развить этот взгляд на человека, то различного рода отклонения (например, аморальное или агрессивное поведение) становятся, в определенном смысле, «естественными», - ведь они проистекают из самой природы человека. А сама мораль становится при этом не более, чем коллективным «защитным механизмом» Именно на это философское основание опиралась «сексуальная революция». Несмотря на достаточно жесткую философскую критику теории Фрейда (и многих его последователей) психоанализ позволил прояснить многое, из того в человеческом поведении, что до Фрейда оставалось за пределами научного изучения. Самые знаменитые ученики Фрейда - А. Адлер и Г. Юнг – модифицировали и изменили первоначальную теорию учителя, сохранив общий «динамический»* подход.

---

*Динамическими теориями этого направления называют потому, что они рассматривают психику, как поле действия различных сил (инстинкты, влечения, принципы и т.п.), взаимодействующих между собой.

Неофрейдизм – собирательное название психодинамических школ психологии, творчески переосмысливших наследие Фрейда.

Многочисленная критика теории Фрейда заставила многих его последователей более творчески подойти к теоретическому наследию психоанализа. Одно из веских девиантологических достижений *неофрейдизма* – это создание **типологий личности**. Еще Фрейд говорил о том, что для человека особенно важен возраст до пяти лет. В этом возрасте бессознательные влечения приобретают конкретную направленность, под влиянием воспитания. С этим связано формирование личностных типов. Для нас это представляет интерес, поскольку разные личностные типы имеют разные девиантологические характеристики. Одна из наиболее глубоких и философских типологий представлена *Фрицем Риманом*. Риман связывает выделение различных типов личности с характерными личностными страхами и соответствующей реакцией на них. Существует четыре типа основных личностных страхов, с которыми, так или иначе, сталкивается каждый человек. Первый – это страх потери собственной идентичности, переживаемый, как утрата «Я» и зависимость. Все мы живем в обществе и должны подстраиваться под других людей, принимать навязываемые нам обществом модели мышления и поведения. При этом нам вполне может грозить утрата собственной индивидуальности, «растворение Я». Этот страх, так же как и другие начинает осознаваться уже в раннем детстве. Второй – это страх, одиночества, неприятия нас группой, обществом, переживаемый, как незащищенность и изоляция. Мы должны сохранить свою индивидуальность, но мы должны, так же и наладить отношения с окружающими. Ведь человек реализуется только в обществе себе подобных. Страх перед социальным отторжением так же начинает проявляться в довольно раннем возрасте. Третий вид страха связан конечностью нашего существования – страх перед изменением, переживаемый, как неуверенность. Все мы обречены умереть. Человек – единственное живое существо, осознающее свою конечность. Это осознание не может не вызывать страха. Обычно он трансформируется в страх перед всем преходящим,

изменчивым, всем, что символизирует преходящий характер человеческой жизни. У детей достаточно рано проявляется страх перед изменениями, несущими, как кажется угрозу их существованию. Наконец, четвертый вид страха – это страх перед неизменностью, переживаемый, как окончательность и несвобода. Любая жизнь предполагает изменчивость, рост, где-то хаос. Неизменность есть ограничение жизненной активности, в ней стихийная жизнь чувствует угрозу себе. Эту угрозу ребенок воспринимает, усваивая различные правила, подчиняясь нормам, ограничивающим его жизненные проявления. Легко заметить, что страхи носят парный характер – первый со вторым и третий с четвертым – противоположные виды страхов.

Гармонично развитая, здоровая личность должна уметь преодолеть каждый из этих страхов. Мы должны научиться взаимодействовать с другими, без опасений потерять собственную идентичность. Так же мы должны уметь сохранять свою индивидуальность и не жертвовать ею ради конформизма. Аналогичным образом, мы должны примириться с тем, что «все течет, все меняется», и мы сами – не вечны. Так же необходимо признавать наличие вечных принципов, направляющих и организующих наше существование, уметь ограничивать свою спонтанность. Если какой либо страх оказывается не переработанным (что характерно для большинства людей), возникают личностные типы соответствующих профилей. Коротко их рассмотрим.

Первый личностный тип – это *шизоидный*, испытывающий страх перед самоотдачей. Его стремления направлены, прежде всего, на независимость и самодостаточность. Не нуждаться ни в чьей помощи, не быть ни кому обязанным имеет для него решающее значение. Шизоид стремится дистанцироваться от других людей, нарушение дистанции воспринимается, как угроза «Я» и, потому, пресекается. Этот тип личности отличается неразвитым эмоциональным началом, испытывает значительные сложности в отношениях (особенно близких) с окружающими. В то же время, шизоиды, обычно, обладают развитым интеллектом, компенсирующим эмоциональную неразви-

тость. Формирование этого типа относится к первым месяцам жизни ребенка, когда ему особенно необходимы тепло, забота и эмоциональный контакт с матерью. Недостаток всего этого приводит к страху перед окружающим миром, формированию *базового недоверия к миру*. Степень выраженности такого личностного типа колеблется в диапазоне от здорового до больного, от относительно легких расстройств к более тяжелым. Выстраивая этот континуум, в случае с шизоидными личностями получаем: «Легкая затрудненность контактов – повышенная чувствительность – индивидуализм – оригинальность – эгоизм – чудаковатость – странность – аутсайдерство (манера держаться особняком) – асоциальность – криминальность – психотические расстройства» /Риман, 1999/.

Второй личностный тип – это *депрессивная личность*, испытывающая страх перед одиночеством и изоляцией. У этих личностей преобладает стремление любить и быть любимым, стремление к доверительным близким контактам. Они стремятся соотнести свое поведение с запросами и требованиями окружающих. В любых межчеловеческих контактах они сильно зависят от партнера, испытывая постоянный страх утраты. Отдавая себя партнеру целиком, депрессивные личности утрачивают индивидуальность, отказываясь от собственных желаний, мнений и потребностей. Формирование этого типа связано с длительным периодом зависимости от матери. После начального периода полной зависимости, мы должны учиться автономности, самостоятельности. Однако, бывает, что мать всячески этому препятствует, выполняя все желания ребенка и ограждая его от внешнего мира. Со временем, ребенок отказывается от собственной самостоятельности, скатываясь к пассивному безволию. В результате депрессивные личности редко ведут себя самостоятельно, пытаясь вернуться к ситуации детства, довольствуясь ощущением любви и безопасности, исходящим от окружающих. Выстраивая континуум выраженности депрессивных наклонностей, получаем следующее: «склонность к созерцательности, стыдливость – как мягкая интраверти-

рованность; скромность, робость – как торможение требовательности и способности к самоутверждению; склонность к умственному и психологическому комфорту, пассивность восприятия; склонность к пассивному ожиданию, нетребовательность к жизни; безнадежность, депрессия, меланхолия. Нередко в конце этого ряда стоят самоубийство или полная апатия, праздность или склонность к злоупотреблению наркотическими веществами, которые, уменьшая депрессию, временно укрепляют «Я». /Риман. 1999, 156./.

Третий личностный тип – это *личности с навязчивостями*, испытывающие страх перед изменчивостью и ненадежностью. Отсюда их стремление все оставить по-прежнему, приверженность раз и навсегда данным принципам. Это консерваторы, занятые проблемой собственной безопасности. Они стремятся все заранее запланировать и предусмотреть. Стремление удержать жизнь от изменений с помощью правил и схем приводит их к навязчивым психическим процессам. Такие личности боятся любви, которая предполагает хаос и необузданность чувств и, потому, воспринимается, как угроза. Они часто вступают в брак по расчету. Для них характерна выраженная воля к власти, опирающаяся на внутреннюю потребность властвовать (а значит, и контролировать) и подчиняться (наличие правил). Формирование этого типа личности относится к периоду между двумя и четырьмя годами, когда ребенок впервые сталкивается с системой правил и запретов. *Чрезмерный контроль*, окружающий «выдрессированного» ребенка способствует формированию навязчивых расстройств. Строя шкалу навязчивых расстройств, получаем: аккуратность и пунктуальность – деловитость и выраженное чувство долга, надежность – преувеличенные трезвость и рассудительность, с развитым честолюбием – упрямство, деспотичность, автократизм – далее – навязчивые расстройства различной степени. Для навязчивых личностей с легкими расстройствами характерны приспособительные механизмы, ограждающие их от страха перед жизнью: скептики и излишне медлительные, педанты и брюзги, подхалимы и «фанатики здоровья» - аскетиче-

ские ипохондрики. В конце этой линии стоят больные с навязчивыми расстройствами в узком смысле.

Последний личностный тип – *истерические личности*, испытывающие страх перед необходимостью и ограничением чувства свободы. Они боятся всяческих ограничений, традиций, порядка, так значимых для лиц с навязчивым развитием. Они живут по принципу «один раз – не в счет», или «если нельзя, но очень хочется – то можно». Истерические личности всячески избегают любой ответственности, напоминающей им о необходимости. Они склонны идти на поводу у своих чувств, артистичны и, обычно, высокого мнения о себе. Истерики любят праздники и стремятся всегда быть в центре внимания, отличаются импульсивностью и несдержанностью. Формирование истерической личности связано с периодом от четырех до шести лет, когда ребенок активно овладевает новыми поведенческими моделями. Здесь особенно необходимы чуткое руководство и стабильное окружение, дающее примеры для подражания. Если окружающая среда характеризуется неустойчивостью, хаотичностью, отсутствием четких правил, если с ребенком обращаются как с малышом, и он не имеет достойных примеров для подражания, – развиваются истерические наклонности. Пытаясь определить линию возрастания истерических личностных особенностей, приходим к следующему: «жизнерадостно-импульсивные, эгоистичные и напористые – люди с нарциссическими* потребностями к самоутверждению и желанием быть в центре внимания – лица с чрезмерной напористостью и влечением к контактам – папенькины доченьки и маменькины сыночки – истерическая лживость – театральность и бегство от реальности, вплоть до афер – «вечные подростки» - лица без четкого восприятия своей половой роли, нередко с гомосексуальными наклонностями: мужененавистницы и «донжуаны» - выраженные расстройства психотического характера».

---

* По имени персонажа греческого мифа - Нарцисса, который влюбился в свое отражение.

Описываемые Риманом виды страха, служат индикатором духовной и интеллектуальной зрелости личности. Полноценная личность решает проблему страхов. «Преодоление страха – это победа, которая делает нас сильнее, уклонение от борьбы – это поражение, ослабляющее и уязвляющее нас»./Риман, 1999, 309/. Разным личностным типам свойственна склонность к различным видам отклонений. Хотя предпринимались многочисленные попытки идентификации девиантных профилей различных личностных типов, все же до полной ясности в этом вопросе далеко. Однако, созданная Риманом типология эффективно используется многими практикующими психологами, что подтверждает ее ценность.

Эволюционная теория поведения. Среди теорий других сторонников положения о врожденной природе девиантности (точнее – о девиантной агрессивности) заслуживает серьезного внимания *эволюционный подход*, приобретший значительную популярность в широких научных кругах благодаря трудам своих крупнейших представителей К. Лоренца, представляющего *этопсихологическую* школу и американских палеоантропологов Уошберна и Ардри. Отметим, что упомянутые теории объясняют скорее именно агрессию, нежели девиантность, как таковую. Поскольку насилие – одна из серьезнейших проблем современности, мы решили включить эти теории в наш обзор.

Лоренц, лауреат Нобелевской премии, выдающийся этолог*, демонстрирует неожиданное сходство с теорией Фрейда. Согласно Лоренцу, агрессия берет начало из врожденного инстинкта борьбы за выживание, который присутствует у людей так же как и у всех животных. Лоренц утверждает, что этот инстинкт развился в ходе длительной эволюции и является продуктом приспособления человека к окружающей среде.

---

* Этологи – специалисты по поведению животных. От собственно зоопсихологии, этологический подход отличает стремление использовать результаты наблюдений за животными для объяснения человеческого поведения.

Концепции Лоренца и Фрейда фактически утверждают “гидравлическую модель девиантности”, согласно их представлениям, девиантная энергия накапливается в человеческой психике, как в некоем резервуаре. В конце концов “открывается клапан”, выпускающий излишки этой энергии. Оба ученых сходятся на том, что сдерживание своих девиантных импульсов представляет опасность для психического здоровья человека, который представляется им как существо с постоянно возникающей агрессивной – деструктивной энергией, которая не может долго находиться под контролем.

Среди прочих популярных эволюционных теорий заслуживает внимания так называемая “*охотничья гипотеза*”, представленная в творчестве американских палеоантропологов Уошберна и Ардри.

Уошберн, выдвигает гипотезу, согласно которой агрессивные склонности человека сформировались благодаря его занятию охотой, и именно психология человека-охотника определяет агрессивность человечества на современном этапе. Уошберн полагает, что если человек большую часть своей истории занимался охотой, то и в современном человеке все может быть соотнесено с человеком - охотником, не только физиология, но и психология и даже привычки. Обобщая концепции Ардри и Уошберна, можно говорить о том, что именно охотничий инстинкт, в сочетании с развитием мозга и появлением оружия, поражающего на расстоянии, сформировал человека, как существо, активно нападающее на представителей своего вида. Эта же теория стремится объяснить гендерные различия в проявлениях агрессии и девиантности. Так, эволюция требовала от мужчин физической силы, смелости, мышления, ориентированного на решение конкретных проблем (как убить зверя и т.д.). Поколениями формировался стандарт мужественности, включающий как психологические, так и физические качества. Наиболее важными среди них были личное мужество и способность к принятию решений. Выживание как всего племени, так и отдельной семьи зависело от личного мужества каждого охотника-воина и от быстро принимаемых решений по обес-

печению безопасности (принимаемых всегда мужчинами). Мужская агрессивность была одним из важных условий выживания, так же, как и его повышенная сексуальная активность. Именно в этом усматривают истоки мужской неверности: биологически мужчина запрограммирован на оплодотворение как можно большего количества самок (привлекающих его внешними – биологическими данными), стремясь оставить потомство.

Не менее специфические требования эволюция предъявляла к женщинам. Во-первых, ее биологическая сущность ориентирована не на добычу и защиту, а на рождение потомства и уход за ним. Это формировало психобиологическую природу женщины. Выносливость (особого рода, как условие успешного вынашивания и рождения ребенка), чуткость, внимание к нюансам взаимоотношений, стремление не к соперничеству, а к консенсусу. Заботливость, жалость к слабым (самые слабые – дети), стремление к прочному союзу с одним мужчиной (привлекающим ее своими функциональными качествами – охотника, воина), все это направлено на защиту потомства.

Согласно этому взгляду на историю человечества, современное его (человечества) состояние кризисно – не природно, искусственно. Наши биологические и психологические качества деформируются, приобретают уродливые формы, под воздействием цивилизации. Это проявляется в виде преступности (выход агрессии), изменении в отношениях полов (кризис семьи, феминизм и т.д.). При этом, традиционные женские и мужские модели поведения – разрушаются, «девиантизируются».

В целом, различные теории, отстаивающие тезис о врожденной природе человеческой девиантности и агрессивности, фактически сходятся в одном: девиантность – вечный и неизменный спутник человека, поэтому насилие и деструктивность в той или иной мере будут сопровождать развитие цивилизации. Различного рода реформы в социальной и духовной сферах жизни общества не способны сколько-нибудь серьезно помешать проявлениям разрушительных тенденций человеческого характера.

Критики этих теорий оперируют сходными аргументами. Во-первых, никаких реальных доказательств существования какой-либо “агрессивной энергии” не существует (Зильман, 1979). Во-вторых, все наблюдения над животными, по мнению многих ученых, не могут столь однозначно переноситься на человека. Нужно учитывать значительную гибкость и изменчивость человеческого поведения. Человеческий мозг способен к воспроизведению невероятно широкого спектра поведенческих реакций, которые нельзя сводить только к агрессии и насилию. Тем более, неправомерны такие утверждения, т.к. они не учитывают наличия сложных когнитивных (познавательных) структур человеческого мозга. А ведь рассуждения и идеи в значительной степени определяют поведение человека. Аналогичным образом, существует множество опровержений “охотничьей гипотезы”. Данные, полученные при изучении примитивных культур, ведущих образ жизни, сходный с образом жизни первобытных охотников, не всегда свидетельствуют в ее пользу.

Бихейвиоральное направление. Противоположную позицию в дискуссии о природе девиантности заняло большинство американских психологов, на которых сильнейшее влияние оказал *бихейвиоризм* Скиннера. Профессор Скиннер долгое время являлся общепризнанным лидером академической психологии в США. Он сосредоточил внимание на воздействии стиму-

Бихейвиоризм – (от англ. behavior - поведение): направление в психологии, рассматривающее человека, как «черный ящик», получающий стимулы и отвечающий реакциями; внутренний мир, психика, при этом игнорируется.

лов окружающей среды на поведение индивида. Любые психологические теории, имеющие дело с такими категориями, как “намерение”, “подсознание” и т.п. он трактовал, как “донаучные”. Обобщенным выражением бихейвиористского подхода к пониманию поведения стала его знаменитая схема S - R (стимул - реакция). Скиннер и его единомышленники разработали и проверили целый набор операциональных приемов в сотнях экспериментов. Они доказали, что с помощью правильно подобранных стимулов можно в невероятной степени менять по-

ведение как животного, так и человека. Доказав это Скиннер подтвердил мнение тех антропологов, отдавали предпочтение роли социокультурных факторов в формировании девиантного поведения.

В целом, позицию психологов бихейвиористской ориентации выражает тезис о том, что поведение является реакцией человека на соответствующие стимулы во внешней среде. Изменение внешних условий определенным образом соответственно способно либо устранить, либо наоборот - активизировать проявления девиантности. Коротко рассмотрим теорию Скиннера.

Наука, утверждал Скиннер, должна изучать то, что относится к области фактов. Идеи и домыслы, – это предмет философского анализа. Факты должны быть фиксируемыми и измеряемыми, иначе научное изучение невозможно. Для психолога, единственным реальным фактом может быть только человеческое поведение – то, что поддается измерениям и анализу. Поведение всегда имеет под собой причину. Этой причиной является стимул – то, что извне подталкивает человека к действию. Сами действия осуществляются по схеме «стимул-реакция», такое поведение Скиннер называл респондентным. Однако человек, благодаря своим мыслительным способностям способен и к оперантному поведению. В этом случае реакция (поведение) предшествует стимулу. Например, если мы экономим на мороженом, что бы купить торт, это именно оперантное поведение. Стимул (торт) следует за реакцией (экономия). Все человеческое поведение – это более или менее сложный набор различных устойчивых или кратковременных реакций. В целом человек стремится к получению положительных и избежанию негативных стимулов. На этом основан механизм *научения* – закрепления в сознании типичных реакций на типичные стимулы. Поведение, получающее подкрепление, закрепляется и становится «естественным».

С этих позиций, девиантность – результат научения, связанный с различным набором стимулов в окружении каждого человека. Если ваши родители окружили вас в детстве заботой и лаской; если они дали вам хорошее

образование и воспитывали в вас уважение к людям, то вы, вероятно, вырастаете добропорядочным членом общества. Если же вы росли в неблагополучной семье, ваши родители не имели работы, но имели склонность к алкоголизму, а основным инструментом воспитания были ругань и побои, то весьма вероятно, что вы пополните ряды малолетних преступников. Разумеется, из приведенных случаев бывают исключения, но в целом, картина будет именно такой. Исключения же можно рассматривать, как результат воздействия скрытых, вторичных стимулов. Другими словами, девиантному поведению, так же, как и «нормальному» обучаются.

В целом, бихейвиористы достаточно оптимистично смотрят на проблему поведенческих отклонений. Ведь все эти отклонения – результат «неразумного» устройства общества, которое можно улучшить. Однако же подробный анализ их концепций не оставляет особых оснований для оптимизма. В самом деле, как полагают сторонники этих теорий, если убрать провоцирующие девиантность и агрессию стимулы из окружения индивида, то проблема будет решена. Но ведь тотальное устранение всех негативных средовых воздействий нереально, следовательно, оснований подобного оптимизма не существует.

К числу основных недостатков теорий бихейвиористского толка следует отнести то, что в них практически не остается места учету индивидуально-психологических качеств*. Игнорируется индивид, особенности его личности и специфика познавательных процессов. Это в значительной степени затуманивает проблему. Наблюдая за поведением с точки зрения стимульного воздействия не всегда можно уловить, неизбежно присутствующий, индивидуальный контекст действия. Точнее всего по этому поводу высказался замечательный американский психолог-гуманист Эрих Фромм, приведя пример с двумя отцами, подвергающими своих сыновей физическим наказаниям. С

---

* Позже, очевидный факт, что разные люди по разному реагируют на одни и те же стимулы, заставил Скиннера изменить первоначальную схему «S-R». Была введена категория личности и схема приобрела вид «S-I-R» (стимул – индивид – реакция).

точки зрения поведения и стимулов оба отца действуют одинаково - бьют своих сыновей за непослушание. Но в то же время глубинные мотивы их действий могут быть совершенно различными. Одним движет любовь к сыну и желание “сделать из него человека”. Другой же, может скрывать за заботой о воспитании сына свои садистские побуждения. Соответственно, эмоциональная реакция сыновей на наказания может существенно различаться. Фактически сам действующий человек, собственно личность выпадает из поля зрения бихейвиористов. Однако, поведение человека (в том числе и девиантное) можно понять до конца лишь в том случае, если мы будем знать осознанные и неосознанные мотивы, лежащие в основе его действий. Одни и те же стимулы среды способны вызывать у различных индивидов самые разнообразные реакции, в зависимости от их характерологических особенностей. Бихейвиоризм, это, конечно же, тоже философия. Интересно, что философские основания бихейвиоризма, лежат в основе и другого направления социального знания – экономической теории. Обе этих теории описывают человека, как рациональное существо, стремящееся к максимуму пользы, при минимуме издержек.

Когнитивное направление. Не вполне согласны с бихейвиористами представители другого теоретического направления - **когнитивной психологии**. Когнитивные теории девиантного поведения исходят из того факта, что при реакции индивида на различные внешние обстоятельства огромное значение имеет *личностная интерпретация* ситуации. В зависимости от того, как именно человек осмысливает те или иные социальные взаимодействия, он может действовать либо «нормально», либо, напротив – «девиантно». Таким образом, когнитивные психологи акцентируют внимание на содержании человеческого сознания. Их интересует, как различные представления, соображения и, вообще «идеи» воздействуют на поведение человека. Это заставляет обращаться к проблеме общего мировосприятия, важ-

Когнитивная психология	–
<i>направление в психологии, рассматривающее познавательные процессы, как базовые для психики: определяющие, как поведение, так и эмоции.</i>	

нейшей составляющей которого является *система ценностей*, принимаемая человеком. Упрощая, ее можно определить как *совокупность общих представлений о том, что хорошо и, что плохо*. Например, если человек трактует агрессивное поведение, как недопустимое (скажем, убежденный пацифист), то его реакция на различные провоцирующие стимулы будет гораздо более мягкой, чем у человека, одобряющего насилие (например, у профессионального преступника). К проблеме ценностей мы еще вернемся в этой главе, в связи с ее значимостью для понимания природы девиантности. Когнитивные психологические теории перебрасывают своего рода мост между личностно-психологическим и социально-психологическим взглядами на девиантность (рассматриваемыми в следующем параграфе). С одной стороны, безусловный интерес представляют вопросы личностной интерпретации девиантогенных воздействий. С другой стороны, не менее интересны вопросы *конвенциональных*, закрепленных в культуре или передаваемых с помощью СМИ интерпретаций. По мнению ученых, коллективные конвенциональные интерпретации событий, во многом определяют проявления девиантности на личностном уровне. Подробнее об этом – в следующем параграфе, а сейчас – подведем итоги.

<p>Конвенциональный – являющийся результатом социального соглашения – конвенции, закреплённой в общественном сознании.</p>	–
---	---

Резюме:

- ◆ *Теории психодинамического толка рассматривают девиантность, как результат проявления врожденных влечений и инстинктов, которые не могут контролироваться человеком или обществом в полном объеме. К числу фундаментальных открытий относится учение Фрейда о бессознательном, как резервуаре девиантных влечений;*
- ◆ *Значительным достижением неофрейдизма является выделение типологий личности, показывающих, какие личностные черты способствуют проявлению той или иной формы девиантности;*

- ◆ *Эволюционный подход объясняет человеческую девиантность, как результат эволюционной деформации инстинктов.*
- ◆ *Теории бихейвиористской ориентации дают нам богатейший материал о разнообразных стимулах, вызывающих девиантное поведение. В центре наблюдения, при этом, оказывается не сам субъект, а только поведенческий процесс, рассматриваемый с по схеме «S → R»;*
- ◆ *Представители когнитивной психологии указывают, что без учета того как сам действующий субъект воспринимает ту или иную социальную ситуацию, мы не всегда способны понять, что же лежит в основе его девиантной реакции на тот или иной стимул.*

Приложение к параграфу.

Эволюционная гендерная девиантность? Информация к размышлению: письмо жены, которую бьет муж.

Мне за тридцать, и моему мужу столько же лет. У меня есть аттестат об окончании средней школы, и сейчас я посещаю местный колледж, пытаюсь получить необходимое мне дополнительное образование. Мой муж окончил колледж и является специалистом в своей области. Мы оба привлекательные люди и, как правило, нравимся окружающим и вызываем у них уважение. У нас четверо детей; мы живем в доме со всеми удобствами, о каких только могут мечтать люди, принадлежащие к среднему классу.

У меня есть все, кроме жизни без страха.

В течение большей части моего замужества муж время от времени меня избивает. Что я подразумеваю под словом «избивает»? Я имею в виду, что он много раз наносил жестокие удары по разным частям моего тела. в результате чего у меня были болезненные синяки, кровоточащие раны, шишки, потеря сознания, а иногда все это сразу.

<...>

Он швырял в меня стаканы, он пинал меня ногами в живот, когда я была на последних месяцах беременности, он сбрасывал меня с кровати и бил, когда я лежала на полу, — и опять во время беременности. Он порол меня, сбивал с ног, поднимал и снова швырял на пол. Он бил меня кулаками и ногами по голове, груди, лицу и животу столько раз, что я сбилась со счета.

Я получала пощечины за то, что сказала что-то о политике; за то, что имела свое мнение о религии; за то, что ругалась, плакала или хотела близости.

Он угрожал мне, когда я не делала того, что он сказал. Он угрожал мне, когда у него был неудачный день и когда у него был удачный день...

После каждого избиения мой муж уходил из дома и не возвращался несколько дней.

Очень немногие видели синяки на моем лице или мои распухшие губы. Потому что после побоев я никогда не выходила из дома — мне было стыдно. После того как он избивал меня, я не могла вести машину и поэтому не могла доехать до больницы и получить медицинскую помощь. Но даже если бы я смогла сесть за руль, я бы ни за что не оставила маленьких детей одних дома...

Несколько раз мой муж звонил мне через день-два, чтобы мы могли договориться, какую отговорку мне придумать, когда я вернусь на работу, пойду в магазин за продуктами, на прием к дантисту и так далее. Я выдумывала разные причины — автокатастрофа, стоматологическая операция и тому подобное.

Конечно, первой реакцией на этот рассказ будет вопрос: «Почему вы не обратились к кому-нибудь за помощью?»

Я обращалась. Вскоре после замужества я пошла к священнику, который после нескольких моих визитов сказал, что мой муж на самом деле не хотел причинять мне вреда, а просто он запутался и чувствует неуверенность. Он призвал меня быть терпимее и проявить понимание. И что самое главное, мне было сказано простить мужа за побои, так же как распятый Христос простил меня. Я сделала и это.

Но избиения продолжались. В следующий раз я обратилась к врачу. Он дал мне успокоительные таблетки и сказал, чтобы я легче смотрела на вещи. Просто я слишком нервная.

Я пожаловалась подруге, но когда об этом узнал ее муж, он обвинил меня в том, что я или выдумываю, или преувеличиваю ситуацию. Подруге было ведено держаться от меня подальше. Она не послушалась, но больше не могла по-

настоящему мне помогать. Только за то, что она мне поверила, ее заставили почувствовать себя предательницей.

Я обратилась в специализированную консультацию по семейным проблемам. Там мне сказали, что мой муж нуждается в помощи и я должна найти способ контролировать ситуацию. Но я не могла контролировать избиения—именно из-за этого я и искала помощи. Оказалось, что на консультациях мне надо защищаться от подозрений в том, что я хотела, чтобы он меня бил, что я провоцировала его к побоям. Боже мой! Евреи в Германии тоже провоцировали немцев к тому, чтобы те их истребляли?

Я ходила еще к двум врачам. Один спросил меня, каким образом я провоцирую своего мужа. Другой спросил, неужели мы еще не помирились.

Один раз я позвонила в полицию. Они не только не приехали на вызов, а еще и позвонили через несколько часов и поинтересовались, все ли у нас «уладилось». К тому времени я могла быть уже мертва;

Если это случится снова, то мне некуда идти. Никто не примет к себе женщину с четырьмя детьми. Даже если нашлись бы добрые люди, готовые проявить участие, то все равно никто не хочет вмешиваться в так называемые «семейные дела».

Все, у кого я просила помощи, почему-то хотели возложить вину на меня и оправдать моего мужа. Я слышала это за всем, что они говорили. Священники, врач, консультант, муж моей подруги, полицейские—все они находили какой-нибудь способ, чтобы оправдать его.

Мужа, который бьет свою жену, не надо «провоцировать». Он набрасывается, когда захочет, и в любой момент находит для этого предлог.

Я знаю, что мне надо уходить от него. Но когда идти некуда, то знаешь, что можешь полагаться только на себя и неоткуда ждать поддержки. Я должна быть к этому готова. Я должна быть готова полностью обеспечивать себя и своих детей и создать для них приличные условия жизни....

Я поняла, что мне никто не верит и что я не могу рассчитывать ни на какую помощь извне. У меня осталась только надежда, что я смогу освободиться, пока еще не слишком ПОЗДНО. (Источник: Э.Пайнс, К.Маслач. Практикум по социальной психологии., Изд-во: ПИТЕР., 2000.с.402.)

Здравый рассудок среди безумия

Можно ли быть уверенным в том, что тебя сочтут «нормальным» человеком в таком месте, где ухаживают за людьми, считающимися «ненормальными». Именно на этот вопрос пытался ответить в 1973 году профессор психологии Станфордского университета (Калифорния) Дэвид Розенхан.

Он и еще семь человек образовали группу, в которую входили три психолога, педиатр, психиатр, художник и домохозяйка (три женщины и пять мужчин) и которая появлялась поочередно в 12 психиатрических клиниках пяти штатов США. Все члены группы были нормальными людьми и никогда в жизни не обнаруживали никаких психических расстройств.

Каждый участник группы получал следующую инструкцию: обратившись в клинику, он в ответ на соответствующий вопрос должен был сообщить, что иногда слышит незнакомый голос, принадлежащий человеку одного с ним пола и произносящий какие-то малозначащие слова;

Затем ему следовало, изменив только свое имя, без утайки рассказать все, что касается его реальной жизни со всеми ее радостями и горестями.

По мнению Розенхана, в этих рассказах не могло быть ничего похожего на патологию. Как бы то ни было, 11 из 12 участников группы были приняты в клинику с диагнозом «шизофрения».

Быть может, случившееся объясняется ошибкой медицинского персонала;! клиники или тем, что они хотели проверить диагноз?

С момента поступления в клинику и на протяжении всего пребывания в ней псевдопациенты вели себя совершенно нормально, не упоминая больше о «голосах», в надежде быстро выписаться. Такого внезапного улучшения состояния, однако, не заметил ни один из медицинских работников, и только после многочисленных попыток убедить персонал в том, что они находятся в достаточно здоровом рассудке, чтобы покинуть больницу, смогли они вернуться домой, проведя в ней в среднем по три недели (один из «исследователей», которого держали в клинике 7 с половиной недель, вынужден был бежать из нее, так и не убедив «опекунов», что он здоров и телом и душой).

Когда Розенхан ознакомил сотрудников психиатрических клиник с этими результатами, они возмутились, отказываясь верить в то, что подобное могло случиться в обычных условиях.

Тогда Розенхан предупредил медицинский персонал одной из клиник, ознакомленный с результатами его первой эксперимента, что в ближайшие три месяца им следует ожидать обращений «псевдопациентов». Из 193 человек, принятых за это время в клинику, 41 вызвал подозрения по меньшей мере у одного представителя персонала, 23 были объявлены «псевдопациентами» по крайней мере одним психиатром и 19 вызвали подозрения одновременно у одного психиатра и у одного представителя персонала без медицинского образования... А между тем в клинику за все это время не обратилось ни одного «псевдопациента».

Таким образом, следовало признать очевидность того факта, что нет ни малейшей уверенности в том, кого следует считать «нормальным», а кого «ненормальным» человеком. Тогда на чем же основана такая уверенность у некоторых психиатров? По мнению Розенхана, большей частью на ошибках восприятия или на ошибочной интерпретации действительности.

Во время пребывания в клинике псевдопациенты записывали все свои наблюдения за происходившим вокруг, и это никою не беспокоило и не побудило проверить цель этих наблюдений. Наоборот, их «писательское поведение» рассматривалось как характерный признак шизофрении и лишь подтверждало поставленный ранее диагноз. Однако 30% «настоящих» пациентов клиники разгадали «мошеничество» псевдопациентов; они заявляли: «Вы ведь не сумасшедший, правда?.. Вы, наверное, журналист или ученый?.. Держу пари, что вы наводите справки о больнице!..»

Исследователи отметили также, насколько трудно был доступен персонал клиники, шла ли речь о психиатре, психологе, медицинской сестре или служащем. Они подсчитали, что в среднем контактировали с тем или иным представителем персонала 6,8 минут в день. Кроме того, эти контакты чаще всего были испорчены отношением персонала, о чем прекрасно знают все, кто часто попадает в больницы. Так, например, на ежедневно задававшийся вопрос: «Доктор, не могли бы Вы мне сказать, когда меня выпишут?». психиатр тотчас же, не услышав даже вопроса, отвечал: «Здравствуйте, Дэвид, Как вы сегодня себя чувствуете?».

Как отмечает Розенхан, побывав в такой атмосфере, нетрудно понять, как нормальные люди «могут казаться безумными просто в силу того обстоятельства, что они очутились в столь необычном месте, как обезличивающая и вызывающая чувство обреченности психиатрическая больница».

Антипсихиатрия и психиатрия: право на безумие или право на лечение?

Дискуссии по поводу «безумия» еще очень далеки от завершения. С открытием в 50-е годы препаратов, действующих на мозг, некоторое развитие получило антипсихиатрическое движение, требующее для каждого человека права на уход из своей среды и обретение смысла своего существования с помощью «путешествия через безумие». Такая концепция прямо противоречила интересам тех психиатров, которые стремились «вернуть психиатрию в лоно медицины» как раз с помощью препаратов, представляющих собой «великолепные лекарственные прописи». Так, в частности, случилось с д-ром Тюйе, французским психиатром и фармакологом, автором книги «Десять лет, которые изменили безумие», где он прослеживал историю открытия психотропных препаратов и использования химиотерапии в психиатрии. В 1981 году в одном интервью он заявил: «Если такие антипсихиатры, как Лэинг и Купер, говорят, что больного не нужно контролировать во время приступов психоза, то подобные установки следует считать преступными... Тот, кто послушался советов антипсихиатров, привел своих больных к катастрофе. Но язык антипсихиатров подобен коварному яду, против которого иногда с большим трудом борются настоящие добросовестные психиатры. Этот язык ставит по одну сторону тех, кто хочет сопровождать, своих пациентов, жить вместе с ними и разрешать им делать все, что хочется, а по другую – тех, кто хочет упечь своих больных в психиатрическую больницу и колоть их, одурманивая. Вторые сразу же оказываются в проигрышном положении».

«Однако, -продолжает д-р Тюйе,- достаточно лишь взглянуть на то, как химиотерапия изменила состояние некоторых больных. Я могу привести один конкретный пример. Я знаю женщину, приходящую домашнюю работницу, мать семейства, которая трудится, несмотря на галлюцинации. В это время на нее воздействуют нейролептики, инъеклируемые ей каждые 15 дней. Стоит ей только включить пылесос, как ей слышится голос, начинающий с ней разговаривать, но потом она не обращает на него внимания, потому что находится под действием нейролептиков; а ведь прежде она разбила бы пылесос об стену. В этом вся разница. Можно ли говорить, что она вылечилась? Она не вылечилась, но она работает, зарабатывает себе на жизнь, заботится о своих детях, и для нее есть место в обществе».

Иные могут возразить, что химические смирительные рубашки и та жизнь зомби, на которую они обрекают человека, - возможно, и не лучший способ обретения смысла существования, даже если речь идет всего-навсего о простой домработнице. Разве безумие - как раз не средство избавления от реальности, все содержание которой ограничено чужой квартирой и пылесосом. К сожалению, еще ни разу не сообщалось о психиатре, работающем «под нейролептиками» и продолжающем «зарабатывать себе на жизнь», несмотря на галлюцинации. Такой пример, возможно, позволил бы проводить аналогии.

Как бы то ни было, и сейчас, в 1980 году, «психиатрия полностью пробуксовывает». Один психиатр признался: «Нужно смиренно признать, что диагноз ставят, не зная причин болезни, и что людей не лечат, а скорее опекают». Канадский психиатр д-р Леманн, работающий в настоящее время в Отделении психиатрических исследований в штате Нью-Йорк, сознается, что он всегда был скептиком. «Долгие годы работы с психически больными, говорит он, убедили меня в том, что все, чего можно ожидать от пилюль, - это частичное или временное улучшение состояния».

Каково же будущее психиатрии? С одной стороны, исследования, а с другой - «поиск путей, которые могли бы обеспечить более приятную жизнь всем хроническим пациентам, - поясняет д-р Леманн. Не следует самообольщаться. Общество агрессивно, чтобы идти вперед, нужно бороться. Больные на это не способны. Для них необходимо найти особый мир, где-то между обществом и клиникой. Мир, где они смогли бы наслаждаться большей свободой и самостоятельностью, пользуясь защитой и поддержкой других».

Но предложила ли антипсихиатрия что-нибудь отличное от тех мест, где пациент «смог бы сам найти для себя какой-то выход»? (Источник: Ж.Годфруа. *Что такое психология?*. М.: Мир, 1992. с. 187-190.)

Вопросы для самопроверки. Что бы проверить, как вы усвоили содержание параграфа, ответьте на следующие вопросы:

1. В чем суть психодинамического подхода к человеческому поведению?
2. опишите структуру личности по Фрейду? Какой компонент личности – главный источник отклонений?

3. *Что такое сублимация? Какова ее роль в контроле девиантности? Какие требования к личности предъявляет сублимация?*
  4. *Что такое защитные механизмы? В чем общий принцип их действия?*
  5. *В чем заключаются философские недостатки фрейдизма?*
  6. *На чем основана созданная Риманом личностная типология?*
  7. *В чем проявляется девиантность шизоидного типа?*
  8. *В чем проявляется девиантность депрессивного типа?*
  9. *В чем проявляется девиантность навязчивого типа?*
  10. *В чем проявляется девиантность истерического типа?*
  11. *В чем суть бихейвиористского подхода к поведению?*
  12. *Что такое девиантность, согласно Скиннеру?*
  13. *Возможно ли устранить все стимулы, способствующие девиантности?*
  14. *Опишите подход когнитивной психологии к девиантности.*
  15. *В суть теории конвенциональных интерпретаций?*
-

§3. Социально-психологические теории девиантности.

Социальная психология - это «спорная территория» между социологией и психологией личности. Поэтому пусть вас не удивляет, что некоторые идеи этого параграфа будут пересекаться с содержанием других параграфов. Это объясняется стремлением представить вашему вниманию как можно больше точек зрения на природу девиантности, отсюда частичные повторы – неизбежны.

Если психология личностного направления интересуется индивидуальными проявлениями девиантности, то социальную психологию интересуют *типичные* закономерности поведения, свойственные *большинству* людей,

лежащие в основе девиантных действий. Согласно взгляду личностной психологии, всякое проявление девиантности – индивидуально. Индивидуальность обеспечивается, либо уникальным сочетанием *внутрипсихических* процессов, либо уникальным набором стимулов, либо уникальной, личностной интерпретацией.

Социальные психологи считают, что девиантное поведение – результат действия устойчивых закономерностей психической организации людей. Большинство этих закономерностей связаны с тем, что люди – социальные существа и согласуют свое поведение друг с другом. Во второй половине XX века социальная психология накопила значительный теоретический и практический материал, способствующий лучшему пониманию природы девиантности. Для девиантолога особую ценность представляют *теория когнитивного диссонанса, влияние конформизма на девиантность и механизм подчинения, проявления девиантности в массовом поведении, конвенциональные роли и интерпретации, как источник девиантности.*

Одним из таких достижений является описание механизма **когнитивного диссонанса**, автором которого считается Леон Фестингер. Он обратил внимание на тот факт, что человек нуждается в согласованности своих поступков со своими убеждениями. Разумеется, само по себе это не было научным открытием. Психология, да и обычный здравый смысл давно уловили эту склонность человека. Фестингер, однако, подробно исследовал сам механизм разрешения конфликта, возникающего в сознании, вследствие рассогласования поведения и убеждений. Он назвал этот механизм когнитивным диссонансом, а практические выводы его теории нашли самое широкое применение в политической и коммерческой рекламе, менеджменте, и в практике реабилитации жертв «промывания мозгов». В чем суть теории. Согласно Фестингеру, когда наши действия расходятся с нашими убеждениями, в психике возникает более или

<p>Когнитивный диссонанс – рассогласование между относящимися к какому-либо явлению или событию убеждениями, эмоциями, намерениями и поведением; рассогласование, порождающее внутренний конфликт и дискомфорт.</p>
--

менее сильное напряжение - диссонанс. Сила диссонанса зависит от того, насколько значимы нарушаемые убеждения для нашей личной системы ценностей и общего мировоззрения. Разумеется, имеет значение и то, насколько сильно совершенный поступок противоречит нарушаемым убеждениям. Снять или ослабить диссонанс можно тремя путями: изменить поведение или его последствия, оправдать свое поведение (рационализировать) или *изменить убеждения*.

Установка – устойчивая модель отношения к чему-либо. Включает в себя пять компонентов: **когнитивный, эмоциональный, интенциональный** (намерение и готовность к действию), помимо собственно **поведенческого**, и, наконец, собственно **установку** – обобщенную оценку.

Последнее положение как раз является самым интересным и революционным. До Фестингера полагали, что убеждения и *установки* определяют поведение человека, а не наоборот! В связке «установки - поведение» роль «двигателя» приписывали именно установкам. Фестингер же выяснил, что эта связка – типичный «тяги - толкай», где роль «двигателя» могут выполнять то установки, то поведение.

Говоря проще, когда у нас нет возможности изменить свое поведение или его последствия и, когда мы не имеем повода для самооправдания, – мы склонны менять свои убеждения. Многое здесь зависит от силы возникающего диссонанса, от значимости убеждений и от ряда других факторов, но суть остается той же – *поведение воздействует на наши убеждения*. «Какое отношение это имеет к девиантологии?» – спросит читатель. Самое прямое – ответим мы – это одно объяснений процесса формирования девиантных установок. Например, человек, впервые совершивший какой-либо девиантный поступок, может попасть под действие этого механизма. Скажем, молодой человек, желая стать «своим» для уличной компании способен на необычные и девиантные поступки. Допустим, он кого-то избил в драке – распространенный способ закрепления статуса в подобных группах. Предположим так же, что родители настойчиво внушали ему мысль о недопустимости насилия. В результате развивающегося

ся диссонанса, юноша оказывается перед выбором: раскаяться в содеянном или изменить прежнюю систему убеждений и признать насилие допустимым. Если компания представляет для него ценность, скорее всего, произойдет второе. Тем более, что раскаяние связано с ощутимым ударом по самооценке, которой все мы дорожим. Более того, этот механизм можно целенаправленно использовать для изменения убеждений и втягивания человека в девиантную деятельность.

Выделившаяся из бихейвиоризма, *теория социального научения* рассматривает девиантность, как результат социальных взаимодействий, в ходе которых люди научаются девиантным моделям поведения и получают соответствующие стимулы, способствующие его закреплению. Основное внимание концентрируется на, различного рода, поощрениях и наказаниях, способствующих научению и закреплению девиантных реакций. Важнейшие поощрения и наказания – это знаки социального одобрения и отторжения, получаемые индивидом от группы и других индивидов в процессе взаимодействия. Социальные психологи считают, что для человека очень важным является одобрение и признание его достоинств, выражаемое его социальным окружением. Особенно важны знаки одобрения или отторжения, исходящие от «значимых других» - *референтной группы*. Оценки со стороны референтных (эталонных) групп служат основанием для самооценки и, связанного с ней, чувства самоуважения. Самоуважение – важный фактор, влияющий на поведение и образ мыслей людей. Отсюда, - люди, зачастую, нарушают конвенциональные нормы, ради положительных оценок со стороны представителей референтных групп. К числу других поощрений и наказаний относят: материальную выгоду (убыток) от агрессивных действий; викарный опыт - наблюдение за тем, как вознаграждают или наказывают других; наконец, человек может сам назначать себе поощрения или наказания. Крупнейшим представителем теорий социального научения является А.Бандура, исследовавший прямое (на собственном опыте) и *викарное* (на основе наблюдения за

другими) научение насилию. Мы ограничимся лишь кратким упоминанием об этой теории, поскольку она близка, по своим основным положениям, теории дифференциальной ассоциации, рассматриваемой в следующей главе.

Конформизм и девиантность. Развитию теории социального научения

Конформизм
– корректирование, согласование индивидуального поведения в соответствии с требованиями и ожиданиями окружающих.

способствовали многочисленные исследования феноменов *конформизма и социального давления*. Пик экспериментального изучения конформизма пришелся на 60-е гг. XX века. Взаимодействие людей друг с другом предполагает определенный уровень конформизма, гарантирующий конвенциональность выполняемых действий. В этом случае конформизм носит нормативный характер и, наоборот, подавляет девиантность. Однако,

в некоторых случаях, конформное поведение может принимать явно девиантные формы. Большинство людей, в результате деятельности институтов социализации и социального контроля, закрепляют в своем сознании нормативные стандарты общества. Эти стандарты определяют картину мира, восприятие внешних явлений, поступков других людей и своих собственных и т.д. Отраженные в сознании нормативные представления, будучи с детства поддерживаемыми, образуют сферу «само-собой разумеющегося» - повседневности. Тем парадоксальнее кажутся эксперименты ученых, показывающие, что некоторые из этих «естественных» стандартов довольно легко отменяются под влиянием группового конформизма. Классическим исследованием данной проблемы считаются эксперименты С.Аша.

Соломон Аш, американский исследователь, заинтересовался в начале 60х гг. XX века проблемой, поднятой еще до него более ранними исследователями. Проблема заключалась во взаимном влиянии людей на мнения и оценки друг друга при совместном восприятии каких либо явлений. Например, испытуемых просили описать траекторию движения слабого источника света в темной комнате (который, на самом деле, не двигался) (*Шериф, 1956*). В ситуациях неуверенности люди, в целом, не очень доверяют своим

оценкам, предпочитая согласовывать их с оценками других людей. В результате наблюдался «резонанс искажений», когда испытуемые ориентировались не столько на данные своих органов чувств, сколько на групповые мнения. Аш решил доказать, что в ситуациях определенности, когда нет места неуверенности восприятия, люди будут руководствоваться своими мнениями и впечатлениями, а влияние группы будет минимальным. Однако, его предположения, неожиданно не подтвердились. Эксперимент Аша заключался в следующем. Группе из 7 – 8 человек демонстрировали две одинаковых карточки. На одной были изображены три линии различной длины. На другой – одна линия, соответствующая какой-то из линий на первой карточке. Линии достаточно сильно различались по длине, что бы их можно было легко идентифицировать. Это подтвердили большинство испытуемых, когда их просили в индивидуальном порядке назвать какой именно, из линий на первой карточке, соответствует линия на второй. При групповом эксперименте, все, кроме одного члена группы, были в сговоре с экспериментатором. Было подстроено так, что бы реальный испытуемый высказывал свое мнение последним. Подставные же участники эксперимента давали неверные оценки, явно противоречащие тому, что можно было видеть на карточках. Представьте себя на месте ничего не подозревающих испытуемых Аша - вполне нормальные с виду люди утверждают нечто противоречащее тому, что вы видите собственными глазами. Как результат: треть (!) испытуемых соглашались с группой и давали неверные заключения (Аш, 1962). Под влиянием мнений незнакомых людей, не имевших в своем распоряжении никаких средств давления, люди отказывались верить собственным глазам – разве это нормально?

Возможным объяснением данных этого эксперимента можно считать, воспитываемую в членах обществ, привычку и способность к *самомониторингу*. Контроль за соответствием поведения ожиданиям окружающих, является элементом социальной компе-

<p>Самомониторинг – отслеживание своего поведения, на предмет со-ответствия ожиданиям окружающих.</p>
--

тентности. Если мы фиксируем расхождение между собственным поведением и мнениями, и мнениями и поведением окружающих, наше «социальное Я» подает нам сигнал тревоги. В случае сильного расхождения, нам грозит опасность стать аутсайдерами, отверженными. Тогда как соответствие социальным стандартам – источник социальных вознаграждений (одобрение и признание). Поэтому, люди с детства привыкают бессознательно согласовывать свое поведение с поведением окружающих. Точно такой же механизм лежит в основе группового проявления девиантности (например, подростковые уличные компании). Поэтому, распространенное объяснение подростками своих девиантных поступков (драк, случаев хулиганства и т.п.), – «Все делали, и я сделал» - часто соответствует истине. Это вплотную подводит нас к проблеме совершения девиантных поступков под влиянием подражания.

Деструктивное подражание. Феномен подражания тесно связан с конформизмом. Люди подражают друг другу, опираясь на *принцип социального доказательства*. Применительно к теме нашего разговора, этот принцип поведения может быть сформулирован следующим образом: в ситуациях неуверенности, люди склонны копировать реакцию окружающих. Следует заметить, именно в ситуациях неопределенности, неуверенности – т.е. в тех, когда требуется принятие решения (выбор линии поведения), но нет ясного

Феномен Вертера – эффект, вызываемый публичным описанием (в книгах, фильмах, СМИ) девиантных поступков, вызывающим волну подражаний.

понимания, какое именно поведение выбрать. Для социальных психологов долгое время являлся загадкой, так называемый *феномен Вертера*. История открытия феномена Вертера одновременно пугает и интригует. Более двухсот лет назад великий немецкий писатель Иоган фон Гётте опубликовал свой знаменитый роман «Страдания юного Вертера». Книга, главный ге-

рой которой, Вертер, совершает самоубийство, вызвала большой общественный резонанс. Она не только сделала Гетте знаменитым, но и вызвала волну самоубийств по всей Европе. Этот феномен проявился столь ярко, что во многих странах власти запретили роман. Американский социальный психо-

лог Давид Филлипс изучал действие феномена Вертера на протяжении нескольких лет. Его особенно интересовали проявления феномена Вертера, вызванные сообщениями средств массовой информации. Проведенное им исследование показало, что сразу после публикации на первых страницах газет рассказа о самоубийстве, число самоубийств в тех географических районах, где данный случай получил широкую огласку, резко увеличивалось. Это, по мнению Филлипса, связано с тем, что некоторые *неуравновешенные* люди, прочитав о самоубийстве какого-либо человека, лишают себя жизни, подражая ему. Изучая психологический профиль «подражателей», Филлипс пришел к мысли, что подражание связано с действием таких факторов, как неопределенность и сходство. Можно выделить два типа неопределенности: 1) *личностная неопределенность*, 2) *ситуативная неопределенность*. Личностная неопределенность проявляется во внутренней неуверенности, отсутствии ясных идеалов, ценностей, высоком уровне тревожности и т.д. Она, в значительной мере, связана с ситуативной неопределенностью, проявляющейся в воздействии на личность, сложных, нестандартных ситуаций, выход из которых проблематичен. Связь проявляется в том, что люди внутренне неорганизованные, неуравновешенные (личностная неопределенность) чаще сталкиваются с подобными ситуациями. Чем шире и ярче освещается в СМИ (книге, фильме) случай самоубийства (или другой девиантный поступок), тем большее впечатление он способен произвести на потенциальных «подражателей», и тем более массовым будет эффект подражания.

Сходство между персонажем и «подражателем» так же немаловажный фактор. Люди подражают, скорее, именно тем, кто чем-то похож на них. Факторами сходства могут быть возраст, место работы, семейное положение и любые другие характеристики персонажа, позволяющие «подражателю» идентифицировать себя с ним*.

---

* Кстати, момент идентификации важен при анализе случаев девиантности, вызванной подражанием кумирам и лидерам. Эти формы особенно характерны для подростков: информация о том, например, что их кумир (киноактер, эстрадная звезда) принимает наркотики, «дает санкцию» на употребление наркотиков поклонниками, поскольку кумир – объект сильнейшей идентификации.

Самое интересное, что, как установил Филипс, подражание может быть явным, а может быть и скрытым. Его натолкнул на эту мысль тот факт, что после публикаций в прессе или телевизионных репортажей, повествующих о самоубийствах, возрастала не только статистика самоубийств (явное подражание), но и число несчастных случаев – автокатастроф, аварий и т.п. По мнению Филипса, это проявления скрытого подражания. Многие люди не решаются на самоубийство (или другую форму девиантности) в открытую. Подобное поведение связано с моральным осуждением, угрызениями совести. В результате, некоторые, не подражая явно, могут «нечаянно» повторить акт девиантности (отвлечься от управления автомобилем, нарушить правила безопасности и т.п.). В приложении к параграфу вы найдете описание роли подражания в случае массового самоубийства в Джонстауне.

Деструктивное подчинение. Подчинение авторитетам – тем, кто облечен большей властью или более компетентен – один из основных принципов организации жизни в человеческих обществах. В своей повседневной жизни мы постоянно подчиняемся авторитетам и зависим от них. Врачи, учителя, сотрудники служб сервиса, управленцы – все это авторитеты, которым мы подчиняемся и от которых зависим. Ни один человек не может знать всего, поэтому приходится доверять экспертам в той или иной области. Социальные психологи считают, что подчинение авторитетам закрепляется на уровне условного рефлекса, и часто происходит автоматически, на «автопилоте». К сожалению, зачастую, этот механизм срабатывает, когда людей принуждают к совершению явно девиантных действий. Достаточно вспомнить некоторых нацистских преступников, осужденных на Нюрнбергском процессе. Эти, во всех отношениях нормальные в частной жизни люди (имеющие семью, любящие своих детей, не отягощенные пороками), будучи на службе были способны убивать и мучить ни в чем не повинных людей. Впоследствии многие из них на суде искренне заявляли, что «они просто выполняли приказ».

Социальный психолог С.Милграмм, в своих знаменитых шокирующих экспериментах, показал, как обычные люди, подчиняясь авторитету, оказываются способны причинить серьезные (даже смертельные) мучения человеку, не сделавшему им ничего плохого. Вкратце, эксперимент Милграмма заключался в следующем. Людям, принимавшим участие в эксперименте (набранным для участия за плату, по объявлению) сообщили, что изучается воздействие наказания на память. Из общего числа добровольцев отбирались двое, один из которых играл роль ученика, другой – учителя. «Ученика» привязывали к стулу и подсоединяли к нему электроды, которые тянулись к пульта, расположенному перед учителем. На пульте располагались тумблеры подачи тока. Каждый тумблер увеличивал напряжение тока, на 15 вольт, по сравнению с предыдущим. Всего было 10 тумблеров, подающих ток напряжением от 15 до 450 вольт. Над тумблерами имелись предупредительные надписи, например 50 вольт – «легкий шок», 90 вольт – «болезненный шок» и т.д. «Учитель» зачитывал «ученику» пары слов из списка. Затем, «учитель» называл первое слово из пары, а «ученик» должен был вспомнить второе. В случае ошибки учитель должен был наказать ученика ударом тока. За каждую следующую ошибку силу разряда нужно было увеличивать на 15 вольт, включая следующий тумблер. Ученик ошибался довольно часто и получал разряды все возрастающей мощности. После 60 вольт он начинал жаловаться на боль. После 100 - требовал, что бы его выпустили, упоминая слабое сердце. На 200 – громко кричал, что ему больно, и он отказывается продолжать эксперимент. Каждый раз, находящийся рядом экспериментатор требовал продолжать наносить удары. После 300 вольт ученик кричал и стучал ногами в стену, потом замолкал. Экспериментатор требовал продолжать наносить удары – «Отсутствие ответа расценивается как неверный ответ, продолжайте!». В результате, больше половины участвующих в эксперименте рядовых граждан (65%) довели силу наносимых ударов до 450 вольт – т.е. фактически убили малознакомого им человека. Большинство отказавшихся

продолжать мучить «ученика», вышли из эксперимента, доведя напряжение примерно до 300 вольт, успев причинить «ученику» немалые страдания. Это при том, что многие, в ходе эксперимента, испытывали явный дискомфорт (нервничали, кусали пальцы), а экспериментатор не имел никаких средств давления, кроме вербальных приказов. Разумеется, никаких ударов на самом деле, ученик не получал, это был помощник экспериментатора, а крики были заранее записаны на магнитофон. Но испытуемые об этом не знали и думали, что все происходит по настоящему, – это было однозначно подтверждено в последующих интервью с ними. Интересно, что на стадии подготовки к эксперименту Милграмм консультировался с ведущими психиатрами Америки по поводу того, какой процент обычных людей сможет дойти до крайней отметки в 450 вольт. Ответ экспертов был – «один из тысячи, с выраженными садистскими наклонностями». Они недооценили реальный показатель более чем в 500 раз.* Эксперимент вызвал бурную реакцию в научных и общественных кругах и неоднократно повторялся, всегда – с похожим результатом. Объясняя эксперимент, большинство психологов указывают, что ведущим фактором явилось подчинение авторитету экспериментатора, ассоциировавшегося с «большой наукой». Таким образом, Милграмм экспериментально доказал, что значительный процент людей под влиянием авторитета способен нарушать даже такие важные и закрепленные в сознании нормы, как запрет на убийство и причинение мучений.

Девииантность массового поведения (феномены социальных агрегатов). Еще в прошлом психологи, интересующиеся поведением масс, заметили, что поведение человека в толпе резко меняется. Человек оказывается способен на такие поступки, которые бы никогда не совершил самостоятельно, например убийство, погром. Революции и массовые движения XIX – XX вв. дали исследователям множество примеров девиантного поведения массового

---

* Мы описали эксперимент Милграмма кратко, приведя только основные моменты, тем кто заинтересовался и хотел бы узнать о подробностях эксперимента, рекомендуем книгу С.Милграмма «Эксперимент в социальной психологии», выпущенную издательством «Питер».

типа. Современность то же полна подобными примерами. Те, кто видел по телевизору записи старых концертов группы «Битлз», могли обратить внимание на не вполне адекватное поведение публики (прежде всего, кричащих, плачущих от восторга, заламывающих руки женщин). Не совсем, мягко говоря, нормальным бывает поведение публики на рок-концертах, футбольных стадионах и в других местах массовых мероприятий. Описывая большие, внутренне неорганизованные группы, состоящие из множества разных людей, объединенных какой-либо целью, ученые используют термин «социальный агрегат». В отличие от других типов групп (малые и вторичные группы, организации) агрегат не имеет внутренней структуры (набора статусов и ролей), а в поведении людей, составляющих агрегат, отсутствует личностный аспект. «Нормальные» индивидуально-психологические процессы в агрегате протекают совсем по другому. В обычной жизни, «нормальное» поведение предполагает, во-первых, наличие самосознания (Я-образа), придающего поведению личностный характер. Люди отличаются друг от друга своей индивидуальностью, проявляющейся как в личностном (напр.: дружба, любовь), так и в ролевом поведении (напр.: профессия, общение с посторонними). Во-вторых, «в норме», большинство людей контролируют проявление своих эмоций, подстраиваясь под существующие правила приличия, или «внимая доводам разума». Таким образом, *индивидуальность, самоконтроль и рациональность* можно рассматривать, как атрибуты «нормы». В агрегате эти атрибуты полностью отсутствуют, заменяясь своей противоположностью. Во-первых, исчезает «Я-идентичность», чувство собственной индивидуальности, своего «Я». Она заменяется «Мы-идентичностью», чувством общности, индивидуальность при этом утрачивается. Образуется как бы групповая виртуальная личность, подчиняющая себе индивидуальные личности. Как результат, люди, составляющие агрегат те-

<p>Социальный агрегат – относительно кратковременное, внутренне неструктурированное объединение разных людей, на основе общей цели, сопровождающееся изменением психологического состояния составляющих агрегат индивидов, приводящим к появлению коллективной «субличности».</p>
--

ряют чувство ответственности за свои действия – даже самые девиантные. Ответственность – это атрибут «Я», она носит личностный характер. «Мы-образ» предоставляет «амнистию», любым поступкам (на момент осуществления, позже, выйдя из агрегатного состояния человек способен испытывать раскаяние). Во-вторых, резко возрастает эмоциональность мышления и импульсивность поведения. Агрегат всегда эмоционален, эмоции превалируют над разумом. Можно сказать, что мышление становится эмоционально-образным. Эмоции отличаются крайностью и простотой, агрегату не свойственны тонкие переживания. Как следствие, люди, составляющие агрегат, оказываются не способны к сложным рассуждениям. В-третьих, агрегат ориентирован на действие, дающее выход эмоциям. Активность агрегата требует выхода, и, как правило, находит его. В четвертых, агрегат управляем, ему нужен вождь (в случае с толпой) или кумир (в случае с публикой). Без внешнего руководства агрегат не может долго существовать. Активность толпы направляется вождем (оратором), в своем поведении, люди, составляющие толпу ориентированы на вождя, личность и идеи которого выполняют роль объединяющего элемента. Публика, так же не может существовать без внешнего объединяющего и управляющего элемента – кумира, источника информации. Таковы, вкратце, характерные черты массового поведения.

Для девиантологов это крайне интересное поведение. Само психологическое состояние человека, в составе агрегата можно назвать «ненормальным». Действующие в агрегате эффекты заражения способствуют мгновенному распространению девиантных моделей поведения. Можно сказать, что агрегат находится в потенциальном состоянии «на грани», на грани коллективного нарушения норм. Воодушевленная политическими идеями толпа, легко переходит к погромам, переживание болельщиков за свою команду легко превращается в драку, обезумевшие от восторга поклонники, могут растерзать своего кумира и т.д. Многие случаи массового нарушения социальных норм объясняются именно спецификой агрегатного состояния.

В общем, можно условно выделить два типа агрегатов: стихийные, спонтанные, возникающие самостоятельно, и спланированные, организованные с какой –то целью. К первым можно отнести стихийные демонстрации или случаи массовой паники. Ко вторым – организованный митинг или аудиторию рок-концерта. Отдельную и крайне интересную группу составляют организуемые *виртуальные агрегаты*, к которым относятся аудитории СМИ – газет, журналов, телевидения. Виртуальными мы их называем потому, что фактически речь идет об изолированных друг от друга людях (в отличие от толпы и публики), одновременно получающих информацию из одного источника, и часто, реагирующих, как коллективная личность - агрегат. Тех, кто заинтересовался данной темой и хотел бы познакомиться с ней подробнее, отсылаем к специальной литературе по массовой коммуникации.

Попытки ученых объяснить природу агрегатного состояния, привели к концепции трех уровней человеческого поведения. В наиболее обобщенной и целостной форме она была представлена в работах отечественных специалистов Санкт-Петербургско социально-психологического центра (см.: В.Ю. Большаков. «Эволюционная теория поведения»). Применяя основные идеи этой концепции для нужд девиантологического анализа, коротко передадим ее суть.

Поведение человека направляется тремя группами регуляторов, соответствующих трем уровням поведения: 1) личностный уровень; 2) ролевой уровень; 3) уровень массового поведения. Все три уровня поведения проявляются в повседневной жизни. На первом уровне действуют регуляторы индивидуального типа, позволяющие максимально раскрывать личностный потенциал. Таково поведение человека в кругу друзей, семьи – везде, где он действует, как полноценное, самостоятельное и многогранное «Я». На втором уровне действуют ролевые регуляторы, ограничивающие индивидуальность. Например, на работе, с коллегами, знакомыми – там, где многогранность «Я» ограничена ролью, а ценности, эмоции и переживания имеют вто-

ричное значение. Третий уровень – это массовое поведение, где действуют биологические и подсознательные регуляторы, подавляющие «Я» и заменяющие его «Мы». Таково поведение в составе агрегатов.

Обобщенно это можно представить в виде таблицы, упорядочивающей свойственные каждому уровню поведенческие и психологические особенности:

три уровня поведения				
Уровень	Регуляторы	Поведение	Мышление	Проявление
1. Личностный	Личностные ценности, эмоции, рассуждения; задействованы все аспекты личности	Ценностно-ориентированное, эмоционально-вовлеченное, широкий диапазон свободно выбираемых реакций, наличие самоконтроля. Рефлексия.	Свободное, критическое, ясное, хотя, часто эмоциональное, личностный взгляд на вещи.	В <u>референтной</u> группе, индивидуальное. Поведение с друзьями, членами семьи, самостоятельное принятие решений.
2. Ролевой	Ролевые предписания, правила, конвенциональные нормы; задействованы аспекты личности, относящиеся к роли.	Рациональное, подчинено ролевым предписаниям, эмоции погашены, спектр поведенческих реакций ограничен. Высокая степень самоконтроля. Самомониторинг.	Прагматическое, ограничено задачами роли, предписанный взгляд на вещи.	Во вторичной группе. Поведение с коллегами, начальством, знакомыми. В тех ситуациях, где определяющую роль играют ясные правила.
3. Массовый	Биологические влечения, сильные эмоции, архетипы коллективного бессознательного; задействованы глубинные влечения и инстинкты, самосознание ограничено или полностью подавлено.	Иррациональное, импульсивное, узкоориентированное, эмоции накалены, поведенческие реакции подчинены общему ритму и направлению. Отсутствие самоконтроля. Нерефлексивное, синхронизированное. Подражание и заражение.	Образное, посредством символов, мифологическое, ограничено извне задаваемыми образами и идеями. Коллективный взгляд на вещи	В толпе, в составе публики, на массовых мероприятиях: в составе социальных агрегатов, в составе аудитории СМИ (особенно в случае пропагандистской или рекламной кампании)

Таким образом, мы получаем три различных уровня психологической и поведенческой «нормальности». Поведенческие, когнитивные и эмоциональные реакции на каждом уровне имеют свою специфику. Мы предвидим, что у определенной части читателей сразу возникнет вопрос: «А какой из этих трех уровней поведения самый нормальный?». Нужно понимать, что постановка такого вопроса возможна только в рамках философского анализа. Социальная психология, оставаясь наукой, этот вопрос не ставит и не отвеча-

ет на него. Все три уровня поведения наблюдаются и воспринимаются, как факты, которые должны быть описаны.

Девиантность и ролевое поведение. Одно из возможных социально-психологических определений девиантного поведения – это *поведение, связанное с нарушением ролевых предписаний*. Все мы в повседневной жизни играем какие-либо роли: профессиональные, семейные, общесоциальные (напр.: пассажир общественного транспорта). Роль предполагает наличие более или менее четко очерченных предписаний, устанавливающих правила поведения. Предписаниям соответствуют ожидания, имеющиеся у партнеров по ролевому взаимодействию. Это, своего рода обоснованные предположения, относительно действий других людей. Почему обоснованные? Потому, что и исполнитель роли и те, на кого она ориентирована (партнеры и зрители) более или менее ясно представляют, какое именно поведение должно быть реализовано. Эта информация черпается как из нормативной сферы культуры, так и из личного опыта. Роли могут различаться между собой по степени регламентированности. Регламентации подлежат два аспекта роли: то, **что** нужно делать (содержательный аспект) и то, **как** это нужно делать (церемониальный аспект). Например, ролевое поведение военнослужащих регламентировано очень жестко: вплоть до конкретных движений, слов и интонаций. На другом полюсе находится крайне слабо (на первый взгляд) регламентированное ролевое поведение, например, поведение прохожего на улице. Нарушения церемониального или содержательного аспекта роли представляют собой девиацию, связанную с неоправданием ожиданий. Для девиантологического подхода имеют особое значение такие факторы ролевого поведения, как *социальная компетентность, ожидания и интерпретации ожиданий*.

Социальная компетентность предполагает, в первую очередь знание содержания роли – того, **что** нужно делать. Человек может оказаться в необычной, новой для себя ситуации и вести себя как девиант потому, что про-

сто не знает, как именно ему следует поступить. Этот вид девиантности часто проявляется при столкновении с другими культурами. Например, в некоторых азиатских странах признаком хорошего тона считается громкая отрыжка после еды, символизирующая, что гостю понравилось угощение хозяев. Представитель азиатской культуры, ведущий себя подобным образом в России, будет девиантом, именно потому, что он просто не знает, что роль гостя в нашей стране исключает подобное поведение. Добавим, что для полноценного исполнения роли одного знания не достаточно, нужен опыт подобного поведения. Именно опыт, в значительной мере, проясняет церемониальный аспект – как нужно исполнять роль. Вспомните, например, неловкость, которую вы, может быть, чувствовали на первом свидании. Возможно, вас мучили подозрения, что вы что-то делаете **не так**. Хотя в целом, вы, наверное, представляли, что вам нужно делать (гулять, разговаривать, делать друг другу комплименты и т.п.). Все это относительно «простые» виды девиантного

Культурный шок – замешательство и удивление, а иногда и возмущение, вызываемое столкновением с другой культурой.

поведения, связанные либо с *культурным шоком*, либо с недочетами в процессе социализации. Сюда можно отнести иногда возникающие трудности согласования личного состояния с требованиями роли, например, смех на похоронах, или слезы на свадьбе.

Гораздо интереснее девиантное поведение, связанное с нарушением неявных ролевых предписаний, которое можно рассматривать, как нарушение ожиданий и несовпадение интерпретаций. Можно выделить целый ряд социальных ситуаций, для которых отсутствует четкий регламент: вечеринки, знакомства и другие неформальные способы времяпрепровождения; случайные столкновения людей (например, просьба передать деньги за билет в транспорте). Условно говоря, когда люди вступают в не жестко регламентированное взаимодействие, они каким-то образом должны интерпретировать ситуацию и уловить ожидания партнеров по взаимодействию. Придя на вечеринку в малознакомую компанию, мы поначалу присматриваемся к

другим гостям, пытаюсь составить о них впечатление. Они заняты тем же. Впечатления о других нам нужны, в первую очередь, для того, что бы конкретизировать возможные ожидания, предъявляемые к ним, ведь от незнакомого человека можно ожидать всего чего угодно. Одновременно, мы стараемся угадать их ожидания, что бы не попасть впросак и не выглядеть недотепами или «лохами». Идет интенсивный обмен сигналами. Окружающие обмениваются информацией (жестами, взглядами, репликами), производя друг на друга впечатление и, одновременно, задавая друг другу возможные интерпретации ситуации. Постепенно общение становится все более раскованным: вырабатывается общая интерпретация ситуации. Для компетентного поведения в подобных ситуациях, необходима чувствительность к улавливанию ожиданий и умение вникать в групповую интерпретацию ситуации и участвовать в ее выработке. Кроме того, требуется хорошее знание «социальных контекстов» – целого ряда неявных, но всеми признаваемых правил, регулирующих жизнь людей. Эти умения могут быть отнесены к отдельному аспекту социальной компетентности.

Таким образом, когда кто-то ведет себя девиантно, это, фактически означает нарушение или отсутствие чувствительности к социальным ожиданиям; неумение правильно расшифровать передаваемые участниками взаимодействия сигналы и, опираясь на них, интерпретировать ситуацию. Именно с этим, часто бывает связано девиантное поведение. Разумеется, это – описательная модель. Нет общепринятого представления о причинах нарушения социальной компетентности. К ним могут быть отнесены, как различные нарушения и недочеты социализации, так и возможные нарушения индивидуально-психологической нормы, например шизофрения.

Кстати сам феномен шизофрении может быть рассмотрен в терминах психологии ролевого поведения. Американский социальный психолог Томас Шефф предположил, что шизофрения может быть понята, как «нарушение остаточных норм». *«Остаточные нормы»* как раз и образуют те социальные

контексты, о которых мы говорили выше. Это не проговариваемые явно, но всеми разделяемые правила взаимодействия. К ним относится, например,

Остаточные нормы - неявные, "самой собой разумеющиеся" правила взаимодействия, служащие основой всех социальных контактов.

требование периодически смотреть на собеседника во время разговора, требование контролировать свои движения и жесты, умение понимать общепринятые контексты взаимодействия (отличать веселье от грусти, праздник от траура и т.д.).

Шизофрения, по мнению Шеффа, как раз и означает систематическое нарушение этих норм. В обычной жизни многие из нас периодически нарушают остаточные нормы. Человек, глубоко скорбящий о смерти близкого, может общаться с другими «неестественно». В подобных случаях, такое поведение допускается. Однако если человек ведет себя странно без видимых причин, то это, по видимому говорит о том, что он «ненормален». Как следствие может иметь место приклеивание ярлыка «ненормального», что вызовет дополнительные сложности в социальном взаимодействии. Подробнее о ярлыках говорится в следующем параграфе.

Обобщая наш краткий обзор социально-психологических теорий девиантности, выделим наиболее важные положения:

Резюме:

- *социальная психология рассматривает девиантность в контексте тех психологических механизмов, которые формируются и проявляются под влиянием взаимодействия человека с другими людьми;*
- *принцип когнитивного диссонанса объясняет, как могут вырабатываться девиантные установки и происходить девиантные изменения мышления и поведения людей;*
- *некоторые отклонения в поведении связаны с феноменами **конформности и подчинения авторитету**, искажающими индивидуальную оценку ситуацию и создающие условия для девиантности «по согласию» или «по приказу»;*

- *примеры **массовидного** поведения, в составе социальных агрегатов, могут рассматриваться как случаи коллективной девиантности; с другой стороны, можно выделить три уровня поведения: **личный, ролевой и массовый**, имеющих свою специфику и нормативность;*
  - *наконец, девиантное поведение может рассматриваться в контексте нарушений правил **ролевого взаимодействия** и неспособности расшифровывать социальные контексты; с позиций этого подхода, некоторые психические отклонения могут рассматриваться как **нарушения остаточных норм**.*
-

Приложения к параграфу.

Двойное принуждение и шизофрения

Парадоксальная коммуникация, лежащая в основе двойного принуждения. чаще всего принимает форму приказа, который «нужно выполнить, но выполнение которой состоит в том, чтобы проявить неповиновение». Таким образом, парадоксальная коммуникация ставит участвующего в ней человека в «невыносимое положение».

По мнению Уотслэвика. парадоксальные приказания встречаются в повседневной жизни чаще, чем обычно думают; поэтому их осознание весьма важно для «психического здоровья партнеров, идет ли речь об отдельных людях, семьях, обществах или нациях». Вот несколько примеров, взятых из разных работ » этого автора.

Первый пример рецепт - парадоксальной материнской коммуникации, который предлагает Гринсборг. Подарите своему сыну две одинаковые спортивные рубашки. Как только он в первый раз наденет одну из них, печально на него посмотрите и произнесите проникновенным голосом:

«А другая, - она тебе не нравится?»

Другой пример показывает, что двойное принуждение можно понять в рамках системы, в которой не только «любая модель вызывает реакцию», но где «сама эта реакция упрочивает общую схему».

«Представим себе, что отец-алкоголик начинает вдруг запутывать своих детей, требуя от них, чтобы они относились к нему как к любящему и нежному отцу, а не как к злому и жестокому пьянице, каковым он на самом деле и является. Теперь дети не должны обнаруживать страх, когда отец возвращается домой пьяным и угрожает им, так что им ничего не остается делать, как скрывать свое подлинное отношение к нему и соглашаться на притворство. Но предположим, что после того, как они в этом преуспели, отец вдруг обвиняет их в том, что они, скрывая свой страх, обманывают его, т.е. обвиняет именно в том поведении, которое сам навязал им своим террором. Если дети теперь обнаружат страх, они будут наказаны, так как своим поведением напомнят отцу, что он опасный алкоголик; если же они скроют страх, их накажут за «неискренность»; а если они попытаются протестовать и установить метакоммуникацию (например, говоря отцу: «Посмотри, что ты с нами делаешь!..»), они рискуют подвергнуться наказанию за «дерзость». Положение действительно невыносимое. Если вдруг кто-нибудь из детей решит выйти из него, притворившись, что видел дома «громадную черную гориллу, извергающую огонь», отец вполне может заподозрить ребенка в галлюцинациях. Любопытно, однако, что в данном контексте такое поведение, пожалуй, единственно возможное. В сообщении ребенка не содержится ни прямого указания на отца, ни отрицания причастности отца к ситуации: другими словами, ребенок указывает теперь причину своего страха, но делает это, как бы подразумевая, что причина страха совсем иная. Поскольку никаких черных горилл поблизости нет, ребенок по сути дела говорит: «Ты кажешься мне опасным зверем, от которого пахнет алкоголем»; но в то же самое время он отрицает это утверждение, прибегая к невинной метафоре. Один парадокс противоречит другому, и отец оказывается заданным в угол. Он не может больше принуждать ребенка скрывать страх, поскольку тот боится не его, а какого-то воображаемого существа. Не может он и изобличить ребенка в фантазировании, ибо тогда он должен будет признать, что он похож на опасного зверя, а вернее, что он сам и есть этот зверь».

Приведем, наконец, последний пример, показывающий, как попадают в ловушку после расшифровки сообщений, сделанных партнерами, что «уменьшает число возможных последующих ударов».

«Мать звонит психиатру по поводу своей дочери, страдающей шизофренией; она жалуется, что у девушки начался рецидив заболевания. Девять шансов из десяти за то, что эти слова матери просто означают: дочь выказала матери свою независимость и кое-что ей «ответила». Например, дочь недавно переехала на новую квартиру, чтобы жить отдельно, что не совсем согласовывалось с планами матери. Врач попросил мать привести пример «аномального» поведения дочери. Мать ответила: «Ну вот, сегодня я хотела, чтобы она пришла ко мне обедать, и у нас было крупное объяснение, как как она сказала, что не хочет». Когда врач спросил, чем кончилось это объяснение, мать с некоторым раздражением ответила: «Ну, конечно же, я убедила ее прийти, потому что знаю, что на самом деле она хотела прийти, и у нее никогда не хватает духу отказать мне». Отказ дочери означает для матери, что на самом деле та хочет прийти, так как мать лучше ее знает, что происходит у той в «большом сознании»; согласие же дочери означает для матери лишь то, что у той никогда не хватает духу отказать. Таким образом, мать и дочь оказались жертвами парадоксального наклеивания ярлыков на сообщения».

Столкнувшись с невыносимой абсурдностью ситуации, человек, не способный к метакоммуникации, может обнаружить одну из следующих реакций:

1. У него может сложиться впечатление, что какие-то существенные элементы ситуации от него ускользают, не позволяя ему уловить ее скрытый смысл, который другие, похоже, находят логичным и связным. В результате его охватывает потребность выявить эти элементы, и он кончает тем, что начинает принимать за них самые безобидные факты, не имеющие к ситуации существенного отношения;

2. Человек может реагировать на озадачивающую его логику ситуации, подчинившись всем ее требованиям и принимая их буквально, не делая различий между главным и второстепенным, правдоподобным и нереальным...

3. Наконец, он может полностью выйти из игры, отрезав все пути коммуникации и демонстрируя скрытность и неприступность.

Каждая из этих трех схем поведения вызывает одну из трех форм шизофрении: параноидную, гебефреническую или кататоническую. Действительно, как отмечают Бейтсон и его сотрудники, когда человек «не в состоянии без основательной посторонней помощи расшифровывать и комментировать сообщения других людей», он «похож на саморегулирующуюся систему, лишившуюся своего регуляторного устройства; он обречен двигаться по спирали, совершая постоянные и всегда систематические искажения»; Уотслэвик добавляет к этому, что коммуникация

шизофреника, уже сама по себе имеющая парадоксальный характер, накладывает печать парадоксальности и на его партнеров, так что создается порочный круг.

(Источник: Годфруа Ж. Что такое психология?, М.: Мир., 1992.)

Подражание смерти (к теории подражания Филипса).

Филипс провел серию широкомасштабных исследований причин убийств (Филипс, 1983). Результаты этих исследований не могут не вызывать тревогу. Было выяснено, что число совершенных убийств резко увеличивается после широкого освещения средствами массовой информации актов насилия. Сообщения в вечерних новостях о боях боксеров-тяжеловесов вызывают, по всей видимости, заметное увеличение числа убийств в Соединенных Штатах. Анализ выявленной закономерности, проводившийся в период с 1973 по 1978 год, убедительно показал, что агрессивные действия в данном случае имеют подражательный характер. Так, в течение десяти дней после того, как на ринге терпел поражение черный боксер, значительно увеличивалось число убийств, жертвами которых были молодые черные мужчины, но не молодые белые. Если же проигрывал белый боец, именно молодых белых мужчин, а не молодых черных убивали чаще в последующие десять дней. Объединяя результаты данного исследования с ранее сделанными Филипсом выводами, касающимися совершения самоубийств, можно с уверенностью сказать, что существует удручающая тенденция распространения отраженного в средствах массовой информации агрессивного настроения на имеющих общие черты людей, причем агрессия может быть направлена как против самого себя, так и против другого.

Джонстаунская трагедия.

Коль скоро грандиозность силы подражания осознана, становятся понятными причины одного из самых широкомасштабных «актов уступчивости» нашего времени — массового самоубийства в Джонстауне, в Гайане. Это трагическое событие заслуживает подробного рассмотрения.

Возникший в Сан-Франциско Народный Храм являлся организацией культового типа, которая привлекала в свои ряды малоимущих жителей этого города. В 1977 году преподобный Джим Джонс — бесспорный политический и духовный лидер группы — обосновался с основной частью членов организации в небольшом поселении в джунглях Гайаны в Южной Америке. Там Народный Храм существо-

вал в относительной изоляции. Однако, через некоторое время, один из американских конгрессменов, посетивших Гайану, побывал в Джонстауне. Его возмущение увиденным было столь вежливо, что он пообещал довести подробности до сведения Конгресса (в секте царил жесткий тоталитарный порядок; Джонс подвергал сексуальной эксплуатации всех женщин общины и т.д.)

Тогда Джонс, испугавшись возможного преследования, отдал одному из своих фанатиков тайный приказ убить конгрессмена, а сам обратился к общине с пламенной речью. Представив дело так, будто один из «наших братьев» самостоятельно убил конгрессмена, он начал свой призыв. Для начала он припугнул жителей общины тем, что с ними сделают американские вояки, которые «не пожалеют ни детей, ни стариков». Затем он призвал всех к коллективному самоубийству «во имя спасения», которое «является нашим единственным выходом». Речь (фонограмма сохранилась) была произнесена по всем правилам ораторского искусства, и в результате более 900 человек приняли лимонад с цианистым калием. Матери поили своих детей, потом пили сами...

Когда комиссия конгресса, обеспокоенная исчезновением сотрудника, прибыла на место, ее взору представилось групповое кладбище. Человек, которому удалось спастись, рассказывал, что они пили яд так, точно были загипнотизированы или что-то в этом роде. Общественность, узнав о трагедии, была шокирована. Люди только и делали, что спрашивали друг друга: «Что они вообще делали в Южной Америке?», «Что послужило причиной?»

Да, «что послужило причиной?» — это ключевой вопрос. Почему люди оказались такими уступчивыми? Были предложены различные объяснения. Некоторые предполагали, что большое значение имели особенности личности и, соответственно, поведения Джима Джонса. Члены общины любили этого человека, считали его своим спасителем, доверяли ему, как отцу, и почитали его, как императора. Другие исследователи считали основной причиной то, что членами Народного Храма были люди определенного рода. Они в большинстве своем были бедными и необразованными и готовы были отказаться от своего права на свободу мыслей и действий ради обретения безопасности в месте, где все решения за них принимал бы лидер. И наконец, некоторые исследователи подчеркивали, что Народный Храм являлся по своей сути квазирелигиозной организацией, в которой имела место слепая вера в культового лидера, обладавшего огромным авторитетом.

Без сомнения, в каждой из этих гипотез содержится рациональное зерно, но я не нахожу данные объяснения исчерпывающими. В конце концов, в мире полно религиозных организаций, членом которых ведет за собой харизматическая фигура. В прошлом обстоятельства нередко складывались подобным образом. Но практически никогда и нигде не происходили события, даже отдаленно напоминающие инцидент в Джонстауне. Должно было иметь место что-то еще, что сыграло решающую роль.

Ключ к разгадке нам поможет найти ответ на следующий вопрос: «Если бы община осталась в Сан-Франциско, подчинились бы ее члены требованию преподобного Джима Джонса?» Конечно, это крайне умозрительный вопрос, но некоторые исследователи не имеют сомнений относительно ответа. Луис Джолион Уэст, ведущий специалист в области психиатрии и науки о поведении (университет Калифорнии, Лос-Анджелес), руководитель нейропсихиатрического сектора в этом учреждении, в течение многих лет занимался изучением различных культов. Он начал наблюдать за Народным Храмом за восемь лет до трагедии, происшедшей в Джонстауне. Когда у доктора Уэста брали интервью непосредственно после данного события, он заявил: «Этого не случилось бы в Калифорнии. Но они жили в полной изоляции от мира, в джунглях, в чужой стране».

К сожалению, на слова Уэста в суматохе, вызванной трагедией, мало кто обратил внимание. Однако наблюдение доктора Уэста вполне соотносится с тем, что мы знаем о принципе социального доказательства, и высвечивает причину патологической уступчивости членов Народного Храма. Важной предпосылкой являлся имевший место годом ранее переезд организации в поросшую джунглями страну с незнакомыми обычаями и враждебно настроенными жителями. Если верить рассказам о злом гении Джима Джонса, он прекрасно понимал, какое мощное психологическое воздействие должно было оказать на членов группы подобное переселение. Внезапно они оказались в месте, о котором ничего не знали. Южная Америка, особенно влажные леса Гайаны, не была похожа ни на что из того, что было им знакомо. Страна, в которой они оказались, должна была представляться им очень ненадежной во всех отношениях.

Неуверенность — правая рука принципа социального доказательства. Как отмечалось, когда люди неуверенны, они обращают особое внимание на действия других, чтобы руководствоваться ими в своих собственных действиях. Во враждебном гайанском окружении члены Народного Храма были готовы следовать

примеру других. Но, как мы уже видели, особенно заразителен пример похожих людей, Перед нами открывается жуткая красота стратегии преподобного Джима Джонса. В такой стране, как Гайана, для выходцев из Джонстауна не могло быть других «похожих», кроме самих бывших жителей Джонстауна.

Что является правильным для члена общины, определялось в основном тем, что делали и во что верили другие члены коммуны, находившиеся под сильнейшим влиянием Джонса. Рассматриваемые с этой точки зрения организованность, отсутствие паники, спокойствие, с которым люди шли к цистерне с ядом и к своей смерти, становятся понятными. Члены организации не были загипнотизированы Джонсом, они были убеждены — и в этом главную роль сыграл принцип социального доказательства, — что самоубийство является правильным действием. Чувство неуверенности, которое члены общины, разумеется, испытали, услышав команду своего лидера, заставило их посмотреть на тех, кто их окружал, чтобы определить, как им вести себя в данной ситуации.

Особенно важно то, что члены Народного Храма нашли два впечатляющих вещественных доказательства, каждое из которых подталкивало их в одном и том же направлении. В качестве первого источника социального свидетельства выступили члены группы, которые быстро, не задумываясь, приняли яд. В любой группе, властвует сильный лидер, всегда найдется несколько таких фанатически настроенных индивидов. Трудно узнать в данном случае, были они заранее специально инструктированы, как надо будет в нужный момент подать пример, или они просто были наиболее внушаемыми по своей природе и, вследствие этого, самыми покорными воле Джонса. Это не имеет значения; психологический эффект действий этих индивидов, несомненно, был очень сильным. Услышанное или прочитанное сообщение о самоубийстве может заставить впечатлительного человека убить себя, даже если самоубийца ему неизвестен и не имеет с ним ничего общего. Вообразите, сколько более «заразительным» будет подобный акт, совершенный без колебаний вашими соседями в отдаленном поселении в такой стране, как Гайана. Вторым источником социального свидетельства являлась толпа. Как я думаю, то, что произошло, было ярким проявлением феномена плюралистического невежества. Каждый член общины наблюдал за действиями окружающих, чтобы оценить ситуацию, находя, что все остальные выглядят спокойными (они ведь тоже скорее тайком наблюдали за другими, чем самостоятельно реагировали), решал, что терпеливо встать в очередь за ядом будет правильным.

Подобное неверно истолкованное, но тем не менее убедительное социальное доказательство явилось причиной жуткого спокойствия членов группы, которые шагнули навстречу своей смерти в джунглях Гайаны.

По моему мнению, большинство исследователей, пытавшихся проанализировать данный инцидент, излишне сосредоточивались на личных качествах Дж. Джонса. Бесспорно, Джонс был сильным лидером. Однако в основе власти, которой он обладал, лежали, на мой взгляд, не столько его выдающиеся личные качества, сколько принцип социального доказательства. (Источник: Чалдини Р. «Психология влияния». Изд-во «ПИТЕР» - 2000.)

Вопросы для самопроверки:

1. *В чем суть социально психологического подхода к анализу девиантности?*
  2. *Чем отличается взгляд социальной психологии от психологии личности?*
  3. *В чем заключается принцип когнитивного диссонанса? Каким образом, с его помощью можно объяснить девиантность?*
  4. *Как влияют на девиантность конформизм и подчинение авторитету?*
  5. *Мысленно воспроизведите эксперимент Аша. Как результаты этого эксперимента могут применяться к объяснению девиантности в повседневной жизни?*
  6. *Чем можно объяснить поведение участников эксперимента Милгрмма?*
  7. *Воспроизведите эксперимент мысленно. Что по вашему нужно было бы изменить (не меняя сути эксперимента), что бы ослабить подчинение?*
  8. *В чем проявляется девиантность социальных агрегатов? Постарайтесь вспомнить примеры из обыденной жизни.*
  9. *Какие три типа регуляторов поведения описывались в параграфе? Чем отличается поведение на каждом уровне?*
  10. *Как объясняется девиантность с позиций теории ролевого взаимодействия? Что такое остаточные нормы? Как они нарушаются?*
-

§4. Социологические теории девиантности.

Разговор о различных концепциях девиантности, разработанных социологами, следует начать с замечания. Если психологи, изучающие девиантность, концентрируют внимание на том, как и почему отдельно взятая личность осуществляет девиантное поведение, то у социологов несколько иной взгляд на эту проблему. Их больше интересует, как социум создает условия, благоприятствующие осуществлению его членами девиантных поступков. Однако нужно помнить, что индивидуально-психологические аспекты девиантного поведения активизируются главным образом тогда, когда общество создает подходящие условия для их реализации.

Крупнейшими социологическими теориями девиантного поведения являются *теория социального напряжения Р. Мертона, субкультурная теория, теория наклеивания ярлыков, теория конфликта и теория дифференциальной ассоциации*. Знакомясь с этими теориями, нужно отдавать себе отчет, что за каждой из них стоит своя философия. Психологи в своих теориях опираются на то или иное философское видение человека. Социологи опираются на то или иное философское видение общества.

Прежде чем перейти непосредственно к изложению и анализу перечисленных концепций, необходимо совершить краткий экскурс в историю.

Первым значительным социологическим исследованием, затрагивающим проблему девиантности, следует считать “Самоубийство” Э. Дюркгейма. Самоубийство фактически представляет собой агрессивное поведение, направленное против самого субъекта. Дюркгейм первым показал, что девиантный поступок (самоубийство) есть результат взаимоотношений общества и индивида. Уровень самоубийств определяется спецификой социальных отношений, а не личностных качеств людей.

Дюркгейм Эмиль (1858-1917), основатель французской школы социологии. Один из создателей классической социологической методологии. Определял социологию, как науку об объективно существующих социальных фактах, независимых от воли и мнений отдельных людей. Автор концепции **аномии**.

Очень важной является его концепция **аномии** и тезис о том, что для совре-

менного общества именно в этом состоянии таится наибольшая опасность. Аномия – это такое состояние общества, когда прежняя система регулирующих норм и ценностей разрушена, а замена еще не сформировалась. Аномичное общество – это девиантное общество. Это теснейшим образом связано со взглядом Дюркгейма на нормальный социум. Нормальному обществу требуется «согласие умов» - общая система норм, убеждений и ценностей, разделяемая членами общества и регулирующая их жизнь. В состоянии аномии общество представляет собой поле столкновений индивидуальных амбиций своих членов и регулируется правом силы. Это связано с тем, что каждый человек, по выражению Дюркгейма, представляет собой «бездну желаний». Сдерживать эти желания, и регулировать их направленность может только общество, ведь инстинктивных регуляторов у человека нет. Именно общество создает представления о норме и девиантности, которые размываются в состоянии аномии. Подобное состояние – бич современных обществ, т.к. именно с ним связано большинство преступлений, психических расстройств и самоубийств. В связи с этим, Дюркгейм указывал на патологический характер развития цивилизации: “...можно думать, что увеличение (числа самоубийств - прим. мое - Т.Х.) вытекает ...из особых условий, в которых осуществляется прогресс в наше время, и ничто не доказывает нам, что эти условия нормальны”. Это при том, что определенный процент преступных деяний в любом обществе, по мнению Дюркгейма, - явление нормальное. Трудно не согласиться с классиком социологической мысли. В самом деле, предположить полное исчезновение антисоциальных деяний было бы абсурдным, хотя бы потому, что в человеческой истории не существовало общества, полностью избавленного от преступлений. Тем не менее, различные типы обществ значительно различаются по степени девиантности и криминогенности. И специфические условия развития современной Западной цивилизации отнюдь не говорят о том, что современные западные общества являют собой наилучший вариант социального развития.

Одной из наиболее популярных теорий девиантного поведения является *теория социального напряжения* Р. Мертона. При создании этой теории, Мертон использовал дюркгеймовскую концепцию аномии применительно к проблемам социологии преступности. Главная идея этой теории заключается в том, что основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на которые общество нацеливает людей, и возможностями их достижения по установленным обществом правилам. Возникающее социальное напряжение приводит к тому, что человек, не сумевший получить определенные ценности, будет реагировать на это той или иной формой девиантного поведения (в том числе и связанно с агрессией и насилием). Всего Мертон выделял пять типов реакций на устанавливаемые обществом ценности и институционализированные средства их достижения. Традиционно, эти пять типов поведения трактуются применительно к такой общепризнанной в современном обществе культурной цели, какой является стремление к материальному благополучию. Основным социально приемлемым средством достижения этой цели считаются образование и карьера. Напряжение в отношении этой цели является очень сильным, поскольку ценность успеха поддерживается в сознании людей многочисленными СМИ (реклама, репортажи о жизни знаменитостей и т.д.), а реальная возможность сделать успешную карьеру доступна немногим. Это может быть представлено в виде следующей таблицы:

Типы девиантности по Мертону.

Виды поведения	культурные цели (материальное благополучие)	Институционализированные средства (успешная карьера)
1. Конформизм	признание	Признание
2. Инновация	признание	Отрицание
3. Ритуализм	отрицание	Признание
4. Отступление	отрицание	Отрицание
5. Мятеж	отрицание и замена	Отрицание и замена

Согласно этой таблице, единственно «нормальным» поведением будет *конформизм*, признающий, как цели, так и средства. Одной из девиантных реакций на напряжение может быть *инновация*. В этом случае субъект признает социальные цели (напр. материальное благополучие), но, не будучи в состоянии достичь их при помощи социально одобряемых средств (успешная карьера), применяет собственные средства, зачастую не одобряемые социумом (напр. преступная деятельность, рэкет).

Ритуализм - это непризнание целей, при использовании институционализированных средств их достижения. Например: субъект не считает себя способным добиться социального успеха, но продолжает усердно трудиться в неперспективных областях, без надежды на какие-либо достижения.

Отступление - это отрицание как целей, так и средств их достижения, уход от социума. Примером может служить поведение человека употребляющего наркотики и пытающегося таким образом “заслониться” от общества.

Мятежник не признает социальные цели и заменяет их своими собственными, так же как и средства. Например, вместо экономических выгод человек может стремиться к разрушению несправедливой социальной системы, с помощью насилия.

Теория социального напряжения Мертонa перебрасывает своеобразный мост между Дюркгеймом, который рассматривал преступление как продукт взаимоотношений личности и общества, к Марксу, который акцентировал внимание на неравном распределении жизненных шансов в обществе.

В 1961 году ученики Мертонa *Р. Кловард* и *Л. Олин* опубликовали монографию “Делинквентность и возможности: теория делинквентных групп”. Авторы монографии убедительно показали, что общество, навязывая молодежи определенные ценности (в частности стремление к успеху) не замечает того, что их достижение является мало реальным для большинства молодых людей (что опять таки противоречит официально декларируемому равенству

возможностей). На самом деле, подчеркивают авторы монографии, достигнуть социальных целей законными способами могут лишь немногие. Большинство вынуждены для достижения успеха проявлять ловкость - нарушать закон и нормы морали. Молодой человек, попадая во взрослую жизнь, сталкивается совсем не с тем, что ему внушали в процессе воспитания. Результатом такого противоречия становится разочарование, фрустрация. Типичные реакции на это:

- создание воровских шайк, члены которых посредством хищений и грабежей получают возможность жить в соответствии с господствующими в обществе стандартами потребления; в схеме Мертон - это инновация, использование насилия и краж для достижения целей;

- объединение в агрессивные банды, которые снимают напряжение, вызванное социальной несправедливостью, совершением актов насилия и вандализма; по Мертону - мятеж;

- вступление в антисоциальные группировки, где молодые люди, употребляя наркотики и алкоголь, уходят в себя, замыкаются в тесном кругу сверстников, озабоченных теми же проблемами, и таким путем пытаются уйти, заслониться от социальной несправедливости.

Работа Кловарда и Олина произвела сильное впечатление на Р. Кеннеди, по инициативе которого был принят закон о предупреждении преступлений несовершеннолетних. Была создана специальная программа расширения возможностей несовершеннолетних. По мысли ее создателей, социальная работа с молодежью (в основном, помощь в получении образования и работы) позволит снизить рост преступности несовершеннолетних.

Теория социального напряжения Мертона в значительной мере способствовала пониманию истинных причин высокого уровня преступности в современном обществе. Высокая социальная ценность материального успеха в современном Западном обществе, при неравных шансах его достижения для различных социальных групп, способствует росту всевозможных отклоне-

ний, прежде всего, среди тех, кто оказывается не в состоянии его достичь. Эта теория хорошо иллюстрирует одну из основных проблем современного общества - его “двуликость”: высокие стандарты потребления и уровень жизни, демонстрируемые с обложек журналов и в теле рекламе, контрастируют с нищетой и невозможностью реализовать “жизненный шанс” для значительной части социума. Реакции на это несоответствие и были описаны Мертоном.

Если теория социального напряжения помогает выявлению глубинных корней девиантности в обществе, усматриваемых в несоответствии между культурными целями и возможностями их достижения, то другие теории обращаются к иным социальным аспектам девиантности. Теория напряжения относится к *функциональному* направлению в социологическом теоретизировании. Она показывает как некоторые элементы общественной структуры (обнищавшие слои, расовые меньшинства и т.п.) могут быть социально дисфункциональны из-за невозможности реализации культурных целей. Однако эта теория менее эффективно объясняет отклоняющееся поведение привилегированных групп. Социальное положение представителей высших слоев общества не блокирует их пути к успеху. Следовательно причины их девиантности заключаются в чем-то ином (Акерс и Кокран, 1985).

Субкультурная теория. Исследования Кловарда и Олина можно рассматривать и в рамках другой теоретической перспективы, используемой для анализа девиантного поведения - *субкультурной теории*.

Родоначальником этого направления можно считать *Т. Селлина*, опубликовавшего в 1938 году работу “Конфликт культур и преступность”. В этой работе Селлин рассматривал в качестве криминогенного фактора конфликт между культурными ценностями различных сообществ. На основе теории Селлина американский социолог *А. Коэн* разработал свою концепцию субкультур.

Коэн в масштабе небольших социальных групп рассмотрел особенности культурных ценностей криминальных объединений (банд, сообществ, группировок). В этих микрогруппах могут формироваться своего рода “ми-никультуры” (взгляды, привычки, умения стереотипы поведения, нормы общения, права и обязанности, меры наказания нарушителей норм, выработанные такой микрогруппой) - этот феномен получил название субкультуры.

Субкультурная теория уделяет особое внимание группе (субкультуре), как носителю девиантных идей. Существуют субкультуры, исповедующие нормы и ценности, совершенно отличные от общепринятых. Люди, принадлежащие к этим субкультурам, строят свое поведение в соответствии с групповыми предписаниями, но доминантные социальные группы определяют это поведение, как девиантное.

<p>Субкультура – специфическая совокупность норм, ценностей, символов и ролей, используемая какой-либо ограниченной общностью в рамках более общей доминирующей культуры.</p>
--

Одно из первых исследований на базе этого подхода было проведено Альбертом Коэном в 1955 г., на примере банды делинквентных подростков. Рассматривая эту группу как девиантную субкультуру, Коэн обнаружил, что групп придерживается ценностей, которые представляют собой вид “антикультуры”, отрицающей “честные” ценности среднего класса. Подростки из банды презирали собственность других людей и выражали свои чувства актами беспричинного вандализма и разрушения. Видимо они получали злобное удовлетворение от того, что заставляют “честных” людей чувствовать себя дискомфортно. Они были “негативны” в том плане, что переворачивали ценности среднего класса (в первую очередь, это ценности трудолюбия и собственности) вверх дном. Таким образом, Коэн установил, девиантная группа, которую он исследовал, являла собой особый вид субкультуры антиистеблишмента. Он также обобщил идею о том, что большинство девиантных групп являются просто негативным отражением культуры большей части общества, выстраивающие свои ценности по принципу «обратной симмет-

рии» к ценностям доминантных групп. Примеры девиантных субкультур можно встретить в любом обществе.

Соединив положения теории социального напряжения и субкультурной теории, мы получим типологию девиантных субкультур. Эти типы будут различаться между собой, прежде всего, тем, какая из форм девиантного поведения (по Мертону) является в каждой из них доминирующей. Так выделяют следующие субкультуры:

1. Криминальная, использующая насилие и преступления для достижения одобряемых и поддерживаемых обществом целей (успех и материальное благополучие). Это субкультура организованных преступных групп (ОПГ), подходящих к нарушению норм инструментально – с позиций выгоды. Дисциплина является одной из важных ценностей, без нее ОПГ не сможет действовать эффективно. Культ силы и мужества, царящий в этих группах, связан со спецификой используемых средств достижения целей, без поддержки этих ценностей невозможно регулярное использование насилия – одного из главных средств. В то же время ОПГ склонны не применять насилие, если в этом не возникает необходимости, как, например, в случае интеллектуальной преступности (финансовые махинации, хакерские преступления)

2. Протестная, рассматривающая нарушения норм, как самоценность. Это субкультура молодежных объединений, ориентированных на альтернативный, агрессивно-протестный образ жизни (фанаты в Англии, мотоциклетные банды в США). Эти группы выстраивают свою собственную систему ценностей, где, обычно, важное место занимают насилие и сексуальная распущенность, в контексте мужского доминирования. Деятельность этих групп не обязательно связана с прямым насилием (например, хиппи - пацифисты), но всегда носит публичный характер, противопоставление себя «нормальному» обществу. Внутренняя структура этих групп, в отличие от ОПГ, неупорядочена, дисциплина не является значимой ценностью.

Где-то посередине между криминальной и протестной субкультурой может быть локализована очень интересная субкультура *профессиональной преступности (ПП)*. В отличие от организованной преступности (ОП) эта субкультура отличается гораздо меньшей инструментальностью, зачастую нарушения норм носят самоценный характер. Например, кодекс «вора в законе» включал такие нормы, как никогда не работать, не иметь семьи, никогда не сотрудничать с официальной властью и т.п. В этой субкультуре нарушения общепризнанных норм (напр., уважение к чужой жизни и собственности) реализуется скорее, как образ жизни, нежели, как средство достижения культурных целей. Ценность дисциплины относительна, признается только в рамках совершения преступлений, в остальных случаях профессиональные преступные группы довольно анархичны. Добываемые преступным путем средства расходуются на ведение альтернативного (а не респектабельного, как ОП) образа жизни, подразумевающего, в том числе, и регулярные «отсидки» в тюрьме и на зоне. Каждый срок лишения свободы рассматривается, как эпизод необходимой социализации, вроде "курсов повышения квалификации". В случае с ОПГ – это - досадная неприятность. Все перечисленные моменты и заставляют классифицировать ПП, как «пограничную» субкультуру, сочетающую черты криминальной и протестной.

3. Отступающая субкультура объединяет тех, кто стремится заслониться от общества, уйти от необходимости преследовать какие-то значимые цели и выбирать между легитимными и нелегитимными средствами. Это субкультуры алкоголиков, наркоманов, «компьютерщиков» (если страсть к компьютерам становится образом жизни). Группы, поддерживающие данные субкультуры пребывают как бы в параллельной реальности, отказываются идти на любые контакты с обществом, кроме самых необходимых, их деятельность носит непубличный, в отличие от протестных субкультур, частный характер. Эти субкультуры чрезвычайно разнообразны по набору доминирующих ценностей, а могут и вообще не иметь четко выраженных ценностей.

Группы – носители отступающих субкультур, отличаются наименьшей внутренней упорядоченностью, отсутствием выраженных лидеров и дисциплины. Большинство из этих субкультур имеют выраженную гедонистическую окраску: «Зачем нам этот непонятный и жестокий мир – здесь (под кайфом, у компьютера и т.д.) нам комфортно, здесь нас принимают и понимают» Часто велика ценность сексуальных удовольствий. Эти субкультуры объединяют в первую очередь тех, кто не сумел адаптироваться к требованиям общества (не признал цели или не нашел доступа к средствам), но у них нет сил на мятеж или желания к инновации.

Можно представить эти субкультуры в виде таблицы.

Девиантные субкультуры				
Тип субкультуры	Доминирующий тип поведения	Господствующие ценности	Отношения к нарушениям норм	Носители
1. Криминальная	Инновация	Успех и благополучие. Сила и дисциплина. В то же время, ценятся ум и организаторские способности – с точки зрения их полезности.	Инструментальное – нарушают, если это выгодно и не нарушают, если невыгодно	Организованные преступные группы, коррумпированные представители власти. Отчасти – профессиональные преступники.
2. Протестная	Мятеж	Насилие, секс, противопоставление себя обществу, верность альтернативному образу жизни.	Ценностное – нарушают публично и принципиально, противопоставляя себя обществу.	Фанаты, мотоциклетные банды, хиппи, воинствующий андеграунд. Отчасти – профессиональные преступники.
3. Отступающая.	Отступление	Нет ясной системы, часто ценится непохожесть, альтернативность. Пассивный гедонизм.	Не принципиальное, вытекающее, как следствие отступление.	Алкоголики, наркоманы, сторонники «компьютерного образа жизни», пассивный андеграунд.

Интересным практическим выводом из теории субкультур является положение, согласно которому, коррекция криминогенности общества часто невозможна без разрушения криминальной субкультуры, которая... защищает криминальное сознание от воспитательного воздействия общества. Поскольку криминальная субкультура, как уже говорилось выше, зачастую есть реакция на те или иные аспекты социальной системы, то, возможно, речь должна идти об изменениях в доминирующей культуре общества

Субкультурные теории, объясняющие отклоняющееся поведение социализацией индивида в системе девиантных ценностей и норм, не объясняют, конечно, почему девиантные нормы и ценности проявляются в обществе. Почему тогда как существуют доминирующие ценности, отрицающие делинквентность, некоторые субкультурные группы придают позитивное значение антиобщественному поведению? Эти теории также не объясняют, почему одни члены общества принимают девиантную систему ценностей, тогда как другие, находясь в тех же условиях, отрицают ее. Индивиды делают выбор; их поведение не является тотально детерминированным их социальным окружением. Есть масса примеров, когда люди вырываются из субкультурного окружения, в котором они находятся. Несмотря на эти критические замечания, нельзя отрицать значение социализации для формирования девиантного поведения. Доказательства важности последствий социализации обнаруживаются практически в любой форме девиантного поведения - от употребления наркотиков и подростковой делинквентности до организованной преступности (Хазани, 1986; Оркатт, 1987).

В то же время, если в качестве теоретической основы анализа субкультурных исследований использовать теории конфликта и социального напряжения, помогающих определить причины появления антисоциальных ценностей (невозможность следования культурным целям), то это может способствовать выработке более глубокого подхода к пониманию феномена девиантности.

Теория конфликта и девиантность. Теория конфликта основана на предпосылке того, что в любом обществе существует неравенство в распределении ресурсов и власти. Родоначальником этого направления считается К. Маркс.

<p>К.Маркс (1818-1883) – один из классиков социологии. Концентрировал внимание на конфликтности, возникающей из за неравного распределения важнейших ресурсов, присущей большинству обществ.</p>

Сфокусировав внимание на девиантном поведении, теоретики конфликта выделяют принципы, посредством которых общество

организованно для того, что бы служить интересам богатых и влиятельных членам общества, часто в ущерб другим. К этому направлению относится и ставшая популярной на Западе в 60-е гг. так называемая *радикальная криминология*, рассматривающая преступность, через призму классового и этнического неравенства. Для многих теоретиков конфликта основным источником девиантности в западных обществах является капиталистическая экономическая система (Гордон, 1981). Поскольку неравенство присуще самому базису системы, многие теоретики конфликта придерживаются мнения, что единственно возможное решение заключается в полном переустройстве системы, замене ее более справедливой системой, в которой разрыв между имущими и неимущими будет сведен к минимуму.

Хотя девиантность обнаруживается на каждом уровне общества, природа, степень, наказание девиантности зачастую связана с социально-классовым положением индивида (Берк, Линихен и Росси, 1980; Брэйтуэйт, 1981). Обычно люди из высшего общества - богатые, могущественные, влиятельные - играют главную роль в определении того, что является девиантным, а что - нет. Эти люди способны влиять на моральное и правовое определение девиантности многочисленными законными методами (лоббирование, финансовые вложения в политические кампании, отбор кандидатов на должность, участие в различных корпорациях, определяющих политику). В результате моральная и законодательная система общества отражает интересы власть имущих. Поведение тех, чьи интересы при этом не представлены, гораздо вероятнее определяется как девиантное. Например, люди из высшего класса вряд ли могут быть задержаны за бродяжничество - незаконное поведение, за которое часто задерживаются, обвиняются и осуждаются представители низшего класса. Как иронически заметил Анатолий Франс (1922): “Закон, во всем его величественном равенстве, запрещает богатым, как и бедным спать под мостами дождливыми ночами, попрошайничать на улицах и воровать хлеб”.

Социологи, рассматривающие девиантность с позиций теории конфликта, особе внимание обращают на **девиантность среди элиты**. В современной правоохранительной практике девиантность и *делинквентность* обычно ассоциируется с такими действиями, как насилие, кражи, бездомность и т.п. Т.е. с такими действиями, за которые представители низших классов скорее будут осуждены, однако, элита общества также нарушает законы и нормы морали. Теоретики конфликта имеют особый интерес к девиантности и делинквентности элиты. Преступления этой части общества зачастую гораздо более дорого обходятся обществу в экономическом плане и, как правило, менее строго наказываются.

<p>Делинквентное поведение – нарушение закона, криминальное поведение.</p>

Девиантность элиты может принимать различные формы от неэтичных или аморальных действий до криминальных актов, наказуемых штрафами или тюремным заключением. Биржевые манипуляции и растрата средств из государственных фондов - действия, очевидно, делинквентные, в тоже время политик, который лжет своим избирателям может быть назван аморальным, но, скорее всего, будет предохранен от юридического обвинения. Хотя девиантность среди элиты обычно менее заметна, драматична и меньше сопровождается насилием, чем другие формы девиантности, она все же приносит немалый вред финансовому и моральному благополучию общества. Например в 1967 году президентская комиссия в США установила, что ежегодный убыток от преступлений среди “белых воротничков” от 27 до 42 раз превысил убыток от традиционных преступлений против собственности (грабеж, кражи со взломом, воровство и подделка денег) (Тюо, 1978). Даже когда удается добиться юридического осуждения преступников, наказания для элиты часто бывают относительно легкими. Когда компания Ф. Хаттона (США) - крупная финансовая организация - была уличена в интригах по подделке чеков, преступлении, за которое обычные граждане были бы осуждены, никому из руководства компании не было предъявлено обвинения.

Следует подчеркнуть и тот факт, что представители элиты в значительной степени контролируют информационные потоки, пронизывающие общество. Это дает им возможность контролировать негативную информацию о себе, обладая более защищенной частной сферой. Поэтому девиантность элиты обладает высоким уровнем латентности, достоверную информацию о ней получить трудно. Чаще всего, социологам доступны лишь исторические источники, описывающие преступления привилегированных слоев в прошлом.

Теория конфликта особо подчеркивает неравенство в распределении власти и богатства в обществе. Теоретики конфликта марксистской школы рассматривают неравенство, как порождение капиталистической экономики. Однако ученые других школ отмечали, что неравенство в распределении власти и привилегий существуют во всех обществах, независимо от типа экономики или политического режима (Дарендорф, 1959).

Теория приклеивания ярлыков. Рассмотренные нами теории, уделяя внимание тому, как общество провоцирует девиантность, не всегда подробно описывают этот процесс. К тому же, сам анализ причин девиантности проходит скорее в социально-философском русле, используя такие категории, как “социальная несправедливость”, “жизненный шанс” и т.п. С несколько иных

Дж.Г.Мид (1863-1931) – американский социолог и социальный психолог, один из создателей теории **символического интеракционизма**, рассматривающей общество, как результат постоянных взаимодействий между людьми, связанных с манипуляцией символами (языковыми и не только) и принятием социальных ролей, соответствующих ожиданиям партнеров по взаимодействию.

позиций, акцентируя внимание на социально-психологических механизмах формирования девиантных наклонностей членов сообщества, подходит к данной проблеме теория наклеивания ярлыков.

Теоретико-методологической базой этого подхода является *символический интеракционизм* Дж. Г. Мида. Мид, рассматривающий социальную жизнь как серию постоянных взаимодействий между людьми и их окружением, *интеракций*, в которых поведение человека во многом определяются социальными ожида-

ниями и стереотипами.

Эту теорию ученый из Колумбийского университета **Ф. Танненбаум** попытался применить к анализу девиантного поведения. Он акцентирует внимание на том, как общество реагирует на различного рода социальный отклонения и, таким образом, влияет на их репродукцию.

Определяя какой-либо поступок человека, как девиантный, общество наклеивает ярлык. Таким образом, ярлыки - суть отрицательные оценки общества. Их действие имеет две стороны: они удерживают от антиобщественных поступков, но при неумелом их применении (Танненбаум называет этот процесс чрезмерной драматизацией зла) они могут провоцировать антисоциальное поведение. Эта теория разделяет с теорией конфликта точку зрения о том, что неравенство между группами людей в обществе может влиять на то, кто считается девиантом, а кто - нет.

Теория приклеивания ярлыков фокусирует внимание на социальной природе процесса, в котором одни индивиды в обществе могут приклеить ярлык другим индивидам, считая их девиантами. В центре внимания находится также то, как индивид, определенный как девиант приспособляется к мнению о себе как о таковом (принимает “ярлык девианта”).

Сторонники теории ярлыков утверждают, что всегда, когда какие-либо члены общества называются “преступниками”, “алкоголиками” или “душевнобольными”, имеет место процесс приклеивание ярлыков. Он включает в себя лицо или группу, приклеивающих ярлык и лицо или группу, к которым этот ярлык применяется. Ярлык – это негативное определение, фиксирующее место человека или группы на ценностной шкале «хорошо/плохо» (в данном случае – ближе к отрицательному полюсу). Те, кто применяет ярлыки, являются агентами социального контроля, часто приклеивание ярлыков является частью их социальных функций (полиция, психиатры). Приклеивание ярлыков имеет место также и в неформальных кругах, например, когда член семьи или друг называет кого-либо пьяницей, лжецом или психом. Те, кому приклеивают ярлык в этом процессе, являются девиантами. Таким образом, с

точки зрения теории ярлыков, девиантом является любой, к кому ярлык девианта успешно применяется (Беккер, 1963).

Девиантность обычно появляется тогда, когда люди совершают поступки, не одобряемые большинством членов своей группы. Такие формы девиантности, как преступность или шизофрения, могут возникнуть из-за личных проблем, особого образа жизни, условий социальной ситуации, в которой оказался индивид или иных факторов. Ранее рассматриваемые нами теории фокусировали внимание на причинах девиантности, которые присутствуют в самих индивидах или окружающей их среде. Сторонники теории наклеивания ярлыков сосредоточились на официальных и неофициальных агентах социального контроля и ярлыках, создаваемых и применяемых ими. Если девиантные ярлыки не были созданы агентами социального контроля, то в этом случае, вероятно, нет девиантности. Согласно теории ярлыков, чтобы считать поведение девиантным, оно должно быть охарактеризовано так, что социальные группы *создают девиантность*, составляя правила, нарушение которых означает девиантность, и применяя эти правила к отдельным людям и определяя их как аутсайдеров. С этой точки зрения девиантность является не следствием *действия, совершенного человеком*, а, скорее, следствием *применения другими правил и санкций* к “нарушителю” (Беккер, 1963).

Иными словами, *никакое особое поведение не является в сущности девиантным само по себе*; поведение становится девиантным лишь тогда, когда *другие определяют его таковым*.

Сторонники теории наклеивания ярлыков поддерживают точку зрения теории конфликта в том, что, девиантный ярлык не применяется единообразно. Бедняки, группы меньшинств, малоимущие скорее получают ярлык девианта за какой-либо проступок, нежели более обеспеченные, привилегированные члены общества, которые ведут себя таким же образом. В случаях крайне тяжелых преступлений, таких как, например, убийство, избирательность сообщества в определении людей, как девиантов не столь очевидна, но она

вполне ясна в более мягких случаях: “Некоторые люди, употребляющие слишком много спиртного, названы алкоголиками, тогда как другие (из них) - нет; некоторые люди, ведущие себя странно, направляются в больницы, а другие - нет” (Эриксон, 1964). Действительно, индивидуальная странность нашего соседа может восприниматься, как признак психического заболевания, а та же странность в поведении эстрадной звезды может восприниматься, как «экстравагантность». Алкоголизм нашего соседа – это порок, тогда как алкоголизм известного киноактера – пикантный штрих к его портрету. Эти реалии, привели наблюдателей к выводу о том, что более вероятно ярлык душевнобольного применяется к людям, которые бедны, занимают низкое положение в обществе или находятся в похожих невыгодных условиях (Гоффман, 1959). Человек в более привилегированном социальном положении часто избегает ярлыка девианта, несмотря на проявление таких же форм поведения.

Теория ярлыков также помогает понять девиантность с точки зрения жертвы девиантных действий. Свой вклад в изучение этих феноменов внесли представители *феминистической социологии*.

Изучение разнообразных случаев домашнего насилия выявило что, когда мужья жестоко общались со своими женами, часто именно женщина, жертва, объявлялась девиантной (Карлсон, 1987). Злоупотребляющий силой муж часто успешно объявляет свою жену девиантом, обвиняя ее в неадекватности, например в

Феминистическая социология – интеллектуальное движение на Западе, применяющее тезис Маркса о неравенстве и конфликтности обществ, прежде всего к сфере отношений полов, подчеркивая факт дискриминации женщин «мужской культурой». В рамках этого направления было проведено множество исследований, подчеркивающих «сконструированный», искусственный характер многих гендерных стереотипов.

том, что она не соответствует его представлениям об идеальной роли женщины. Многие обиженные жены сообщают, что мужья убеждали их, зачастую годами, что их несоответствия являются причиной побоев. К тому же если оскорбленная, пострадавшая жена пытается сделать что-нибудь против насилия, она, вероятно, получит ярлык девианта от общества в целом за вы-

ставление напоказ того, что ее домашние отношения и брак не являются нормальными (Подробнее об этом смотрите в Приложении). История переполнена примерами того, как ярлык использовался для оправдания самых жестких форм насилия в отношении отдельных людей, социальных групп и, даже, целых народов - вспомнить хотя бы французскую революцию, репрессии 30-х годов в России или германский фашизм

Первичная и вторичная девиантность. Когда девиантность рассматривается с точки зрения теории приклеивания ярлыков, отдельные индивидуальные девиантные действия не представляют особого интереса. Теория ярлыков не интересуется, *почему* прежде “честные” люди украли свой первый апельсин или первый раз солгали или напали на свою первую жертву. Такие первые, не организованные на чьем-либо примере, девиантные действия, называют *первичной девиантностью*.

Фактически каждый совершает акты первичной девиантности. Исследуя ответы 1 689 взрослых людей в Нью-Йорк Сити, Валлерстайн и Уайлс (1947) обнаружили, что 91% респондентов нарушали закон после того, как им исполнилось 16 лет. За уголовные преступления могли быть осуждены 64% мужчин и 29% женщин, участвовавших в исследовании. Между 80% и 90% всех опрошенных украли что-либо. Четвертая часть участвовавших в исследовании мужчин признались, что воровали автомобиль, а один из десяти совершал ограбление. Таким образом, действия, которые могли бы быть названы девиантными агентами социального контроля, являются распространенными.

Теория ярлыков, однако, главным образом интересуется *вторичной девиантностью*, которая связана с формами девиантности, постоянно присутствующими индивидам и которые вынуждают их устраивать свою жизнь и личные отношения вокруг своего девиантного статуса. Теория ярлыков фокусирует внимание на процессе, посредством которого индивиды оцениваются как преступники, а ярлык отрицает все другие определения себя самого.

Хотя этот подход фокусирует внимание на том, как общество применяет ярлыки к индивиду, возможно также, что индивиды применяют ярлыки к самим себе (Тойтс, 1985). Например, заболевшие люди, определяют себя (приклеивают ярлык) как больных в надежде, что другие признают этот ярлык и среагируют соответственно - выражением сочувствия, лечением болезни или освобождением больного от обычных обязанностей. Иногда, девианты применяют ярлык к самим себе, прежде чем кто-либо еще делает это, и продолжают действовать в соответствии с этим ярлыком (Лорбер, 1967). С этой точки зрения, любое самоопределение человека (неважно, под влиянием каких причин, позитивное или негативное) рассматривается, как наклеивание ярлыка. Например, многие «трудные школьники», под влиянием неудач в учебе приклеивают себе ярлык «неспособного», фактически еще *до того*, как это сделает учитель.

Хотя ряд критических замечаний был выдвинут против теории ярлыков, она, тем не менее, остается мощной социологической теорией девиантного поведения. Многие из последующих идей являются отражением основ теории приклеивания ярлыков.

Очень близка по своим основным положениям к теории ярлыков, теория стигматизации. «Стигма» - в переводе с латинского означает клеймо. Приклеивание ярлыка можно рассматривать как аналог практики клеймения преступников, распространенной в прошлом. Такая форма борьбы с преступностью нередко инициировала новые, более тяжелые преступления, как реакцию на социальное отторжение. Значительный вклад в понимание того, как люди, получившие ярлык девианта, справляются со своей девиантностью, внес Ирвинг Гоффман. В своей исследовательской работе Гоффман придерживался традиций символического интеракционизма. Он особо интересовался способом взаимодействия людей друг с другом и сообщениями, посылаемыми ими словами и жестами. В одной из своих работ он исследовал людей с определенными характерными чертами, благодаря которым другие находят

этих людей необычными, неприятными или девиантными (Гоффман, 1963). Гоффман назвал эти характерные черты **стигмами**, и его особенно интересовало то, как люди, имеющие стигмы, справляются с ними.

Анализ Гоффмана начинается с людей имеющих физические недостатки и, постепенно, представляет широкий ряд других отклонений. В итоге Гоффман показывает, что наличие стигмы не есть нечто необычное, свойственное небольшому кругу физических и моральных калек, а является достаточно распространенным среди “обычных граждан”. Он утверждает, что “... наиболее удачливые из нормальных, вероятнее всего имеют свои полускрытые недостатки, и для каждого маленького недостатка существует социальное обстоятельство, посредством которого он может превратиться в большой недостаток.” (1963).

Гоффман И. (1922 - 1982) – амер. социолог. Создатель драматургического направления, сравнивающего общество с театром, где люди играют роли перед другими (зрителями), одновременно являясь зрителями по отношению к другим. На основе этой концепции анализировал девиантное поведение.

Гоффман имеет дело с двумя основными типами **стигматизированных** индивидов. Первый тип, индивид с **проявленной** стигмой, предполагающей, что его отличие уже известно и легко доказывается. Второй - индивид с **латентной** стигмой, предполагающей, что его недостаток никому не известен, не воспринимается немедленно кем-либо (Гоффман, 1963).

Проявленные и латентные стигмы могут принимать форму физических дефектов, например, когда человек теряет какую-либо часть тела; обстоятельства могут влиять на личность, например, когда человек отбыл срок в тюрьме или имел душевную болезнь; или если он является членом этнической или расовой группы, которая часто рассматривается другими негативно, например, цыгане.

С точки зрения Гоффмана, люди с проявленными (легко видимыми) недостатками сталкиваются с проблемами взаимодействия в обществе. Имея проявленный недостаток (стигму), человек заранее ожидает негативных реакций других членов общества. С другой стороны, люди с латентными стиг-

мами часто пытаются так строить ситуации взаимодействия, что бы другие не узнали, о свойственных им недостатках. Утаивание часто становится обременительным. Примером может служить описанный в литературе случай с миссис Г., чей муж был помещен в психиатрическую лечебницу. Для того, что бы скрыть от соседей то, что для нее являлось стигмой, она сказала им, что ее муж в больнице из за подозреваемого рака. Каждый день она спешила получить почту, пока соседи не успели захватить ее с собой. Она отказалась от вторых завтраков в аптеке с женщинами из соседних квартир, чтобы избежать их вопросов. Перед тем, как пригласить их к себе, она прятала всякие материалы, связанные с больницей и т.п. (Йароу, Клаусен, Робинс, 1955).

СПИД и стигма. Одним из главных примеров стигмы в современном мире является СПИД. Существует большой страх перед болезнью и, по крайней мере, в некоторых кругах общества значительная враждебность по отношению к зараженным СПИДом. На ранних стадиях болезни пациент имеет латентную стигму, поскольку у них нет, как правило каких-либо открытых признаков болезни. Больные часто пытаются так управлять информацией, что бы окружающие не знали о наличии у них СПИДа. Однако, когда болезнь прогрессирует, утаивание признаков болезни становится все более трудным. Жертвы СПИДа обычно значительно теряют в весе, выглядят нездорово, им требуется частая госпитализация, иногда развиваются заметное повреждение кожи. Таким образом, на поздних стадиях заболевания больные имеют проявленную стигму; их болезнь очень заметна. Это часто заставляет их отгораживаться от общества, дополнительно страдать от депрессий и нервных расстройств. Тот же механизм лежит в основе многих сложностей, связанный с психологической реабилитацией лиц, вернувшихся из мест лишения свободы или потерявших работу. В этом случае ярлык «отсидевшего» или «безработного» способен резко затруднять социальные взаимодействия, воздействуя, как на воспринимающих его, так и на носителей.

Теория стигмы основывается на многих социально-философских традициях. Так теоретики анархизма рассматривали государственную юридическую практику, как начало озлобляющее человека. Поскольку правовая система государства основана на насилии, она отрицает всеобщую любовь и способствует проявлениям зла.

На основе этой теории американский ученый Э. Сатерленд, на основе многочисленных исследований, пришел к выводу о необходимости ограничения применения карательных мер, поскольку они неэффективны, несправедливы и путем стигматизации обрекают человека на преступную карьеру.

В воздействии на преступность представители этого направления предлагают опираться не на кары и подавление, а на системную перестройку основных начал общественной жизни: «увеличение справедливости, доброты, человеколюбия в обществе».

Интересно, что выводы теорий социального напряжения, теории конфликта и теории наклеивания ярлыков в отношении борьбы с девиантностью фактически совпадают:

- воздействие судебной системы, государственного аппарата и общественного мнения на преступность носит скорее негативный, нежели позитивный характер, т.к. в значительной мере способствует репродукции такого поведения;

- необходима не карающая реакция общества на преступность, а меры, которые бы смогли бы удержать человека от антисоциального поведения, предотвратить раскол общества на “хороших” и “плохих”;

- тезис о том, что агрессия (по отношению к девианту со стороны общества) зачастую порождает лишь усиленную ответную агрессию.

Девиантность, как приобретенное (усвоенное) поведение. Люди приобщаются к нормам и ценностям посредством социализации. Известно так же, что нормы и ценности в различных обществах и социальных группах значительно различаются. **Теория дифференциальной ассоциации** основыв-

ваются на положении о том, что девиация - продукт особых девиантных норм и ценностей.

Эдвин Сатерленд (1947), первым выдвинувший эту теорию, рассматривал девиантное поведение как результат социализации. Теория дифференциальной ассоциации подчеркивает, что индивиды могут быть социализированы группой людей, практикующих девиантное поведение и рассматривающих его как норму. Название теории отражает идею о том, что люди ведут себя определенным образом, под влиянием своего окружения. Этот аргумент сродни народному мнению об опасности “водиться с плохой компанией” (с кем поведешься - того и наберешься). В классическом социологическом исследовании Ховард С. Беккер (1963) указал на важность приятельских групп в приобщении к курению марихуаны. Когда люди начинают употреблять марихуану, они обычно полагаются на своих друзей, доверяя им сохранить запас наркотиков до тех пор, пока они станут относительно опытными потребителями. Более того, люди учатся наслаждаться воздействием марихуаны от своих друзей. Широко распространено в культуре потребления наркотиков мнение о том, что люди, которые говорят, что они не могут получить удовлетворения от марихуаны, были неправильно научены, как курить ее, и люди, не получившие удовлетворения, не курили с людьми, которые им нравятся или которым они доверяют. Исследование подтвердило важность социальной поддержки потребления марихуаны (Акерс и Кокран, 1985).

Теория дифференциальной ассоциации во многих своих положениях связана с теорией социального научения, которую мы кратко рассматривали в предыдущем параграфе. Здесь в центре внимания оказывается процесс социализации. Основные положения теории Сатерленда сводятся к следующему:

- 1) преступное поведение ничем принципиально не отличается от других форм человеческой деятельности, человек становится преступником (агрессором) лишь в силу своей способности к научению;

2) преступное обучение включает восприятие криминогенных взглядов, привычек и умений, которые формируются в результате негативных социальных влияний, подражания плохому примеру, и именно они лежат в основе преступного поведения;

3) человек обучается антисоциальному поведению не потому, что имеет к этому особые задатки, а потому, что эти образцы чаще попадают ему на глаза; если бы тот же самый человек с детства был включен в другой социальный континуум, то он и вырос бы другим человеком.

Отсюда и название теории - дифференцированные, различные социальные влияния определяют процесс воспитания и взросления личности. Если ребенок вырастает в уважаемом обществе, то он усвоит стандарты социально одобряемого поведения. Если, наоборот - социальное окружение ребенка криминализировано, то его скорее всего ждет карьера преступника.

Бихейвиористские дополнения к концепции Сатерленда (Бёргерс и Акерс) подчеркивают, что антисоциальному поведению обучаются тогда, когда оно подкрепляется сильнее, чем социально одобряемое поведение. Если совершение актов девиантности приносит положительный результат (например, престиж, уважение к "крутому" парню), то существует высокая вероятность успешного научения такому поведению и закреплению девиантных стереотипов в сознании субъекта.

Ценность теории Сатерленда в том, что она представляет собой попытку объяснить девиантное поведение на основе анализа обычного, свойственного человеку способа научиться чему-либо.

Виктимология и теория предотвращения преступных посягательств. В рамках теории и практики борьбы с преступностью на Западе зародилось интересное направление криминологии – *виктимология* – наука о поведении жертвы и ее влиянии на поведение преступника.

Общетеоретической базой этого подхода стали динамическая психология и символический интеракционизм. Согласно психодинамическим воззре-

ниям, в поведении человека отражаются его внутриличностные мотивы, конфликты и, вообще, внутренне состояние. Именно на этой основе Фрейд строил свою «психопатологию обыденности». Интеракционизм привлекает внимание к способности людей улавливать сигналы (вербальные и невербальные), намеренно или нет, передаваемые людьми друг другу. Опираясь на эти представления, виктимологи пытаются объяснить, чем руководствуется средний уличный преступник (наильник, грабитель, вор), при выборе жертвы.

<p>Виктимология – наука о поведении жертвы, согласно которой жертва, зачастую, сама, - своим отличающимся поведением провоцирует преступные действия в отношении себя.</p>

Американский исследователь Бетти Грейсон экспериментально установила, что преступнику требуется в среднем семь секунд для визуальной оценки потенциальной жертвы – ее физической подготовки, темперамента и т.п. Преступник бессознательно отмечает все, что может сыграть ему на руку: неуверенный взгляд, вялую осанку, несмелые движения, психологическую подавленность, физические недостатки, усталость, рассеянность и т.д.

Что бы выделить и классифицировать основные личностные особенности потенциальной жертвы, Грейсон засняла на видеопленку сотни пешеходов, в панораме обычного уличного потока. Запись демонстрировалась заключенным, отбывающим срок в различных тюрьмах США. В результате, большинство отдельно опрашиваемых преступников выделили одних и тех же людей, могущих, по их мнению, стать легкой добычей. Математический анализ показал, что потенциальную жертву преступники, обычно, выделяют по некоторым отличительным особенностям движений. Это может общая несогласованность движений, неуклюжесть походки, общая вялость, привлекающие внимание на фоне единого людского потока. Резюме этих исследований может быть выражено следующим образом: *профессиональный преступник, действует подобно хищнику; как хищник не нападает на здоровое и сильное животное, а ищет слабое и больное, так и преступник стремится нападать на тех, кто окажет наименьшее сопротивление.* Отсюда популярно

лярная в современной криминологии концепция *виктимности* - способности человека становиться жертвой.

В группу риска попадают, прежде всего, условно говоря, «хлюпики»: люди плохо физически организованные, расслабленные и не собранные психически. Виктимность – это динамическая характеристика, способная изменяться с течением времени, в зависимости от личностных или ситуационных влияний (напр. – подъема или упадка жизненных сил).

Теория виктимности – это частная девиантологическая теория, акцентирующая внимание, на таких видах девиантного поведения, как делинквентность и виктимность. Кстати, да, - уважаемый читатель, - предвидя возможное удивление: «Да ведь - девианты преступники, а не жертвы!» - виктимность можно рассматривать, как разновидность девиантности. Ведь, согласно этому подходу, преступники выбирают жертву, которая «не совсем нормальна» - отличается от других людей.

Резюме:

- *несовершенство общественно-экономического устройства может стимулировать рост девиантных тенденций в обществе, как реакцию на социальную несправедливость; особенно показательно в этом плане несоответствие между социально значимыми целями и реальными возможностями их достижения – так объясняет девиантность **теория социального напряжения**;*
- *Согласно **субкультурной теории**, различного рода субкультуры оказывают негативное социализирующее воздействие на личность, попавшую в поле их действия; по-видимому, существование таких субкультур так же объясняется реакцией на социальное неравенство; выделяют три типа девиантных субкультур – **криминальную, протестную и отступающую**;*
- *сторонники **теории наклеивания ярлыков** и **теории стигмы** считают, что девиантность может являться негативной реакцией на социальное*

*отторжение, вызванное наклеиванием ярлыка; в то же время сам ярлык девианта способен оказать направляющее воздействие на личность, благодаря значительной роли социальных ожиданий в формировании поведения; ярлык может иметь важное значение при переходе от **первичной** девиантности к **вторичной**;*

- ***теория конфликта** подчеркивает важность социальных соглашений относительно девиантности и неравные возможности членов общества в управлении собственной девиантностью, поддерживая теорию ярлыков в том, что девиантность – это **сконструированное поведение** – результат социального соглашения, заключаемого в интересах власть имущих;*
- ***теория дифференциальных ассоциаций** девиантность усваивается с помощью научения, в процессе социализации, при этом вероятность усвоения девиантных моделей поведения тем выше, чем больше выгод такое поведение приносит тому, кто его осуществляет; сформированные в процессе социализации склонности, вкусы привычки, ценностные ориентации, в значительной мере определяют уровень девиантности человека в дальнейшем;*
- ***виктимология** рассматривает вопросы взаимодействия жертвы и преступника, считая, что жертвы, зачастую, с помощью различных невербальных сигналов, провоцируют преступные посягательства на себя.*

Приложения к параграфу.

Субкультура насилия британских фэнов.

В Англии существуют группы футбольных болельщиков - так называемых фэнов - обычно состоящие из тинэйджеров и молодых мужчин, чье поведение является ярким примером проявления девиантной субкультуры (Даннинг и др., 1986). Эти футбольные хулиганы обычно являются выходцами из низших слоев британского рабочего класса. Они считают пьянство, драки и прочие виды агрессивного поведения естественным и нормальным стилем поведения болельщика

на футбольном матче. Фэны страстно идентифицируют себя с командами их родного города, и когда они идут на матчи, они считают частью развлечения нападать и драться с фэнами других футбольных клубов. Обычной практикой для фэнов является поджидание болельщиков команды-противника на стадионе или автобусной станции, когда фэны команды гостей уезжают после матча. Эти столкновения приводят к различным формам насилия. Наиболее известные столкновения такого рода произошли перед финальным матчем Кубка европейских чемпионов в 1985 г., когда столкновение между британскими и итальянскими болельщиками привело к гибели 38 человек. Многие британцы считают слишком опасным ходить на матчи, поскольку угроза случайно пострадать слишком велика. Большинство граждан четко определяет фэнов, как девиантов. Делались различные попытки объяснить обыденное и почти ритуализированное насилие британских фэнов. Большинство фокусирует внимание на нормах и ценностях позитивно усваиваемых частью британской молодежи. Большинство из агрессивных молодых людей происходят из рабочих районов, где условия жизни способствуют насилию. Во многих таких районах показателем престижа является умение драться и проявлять агрессию. Многие из молодых людей приобщаются к этим ценностям и, даже, получают удовольствие от драки. Один из них, 26 лет, так описывает это:

“Я иду на матч только по одной причине - “агрессия”[агрессия и драки]. Это как наваждение, я не могу покончить с этим. Я получаю так много удовольствия, что... почти намочил штаны. Я иду по городу и высматриваю... . Каждую ночь всю неделю мы бродим вокруг и лезем на рожон.” (Даннинг и др., 1986, с. 222)

В районах и домах, где эти английские юноши выросли, они не научились ценить образовательный и профессиональный успех. Вместо этого они научились ценить “физическое запугивание, пьянство без меры, драки, эксплуативные сексуальные отношения“ (Даннинг и др., 1986, с. 234). Девиантное поведение футбольных хулиганов из Англии легко определяется, как продукт ценностей и норм, заимствованных этими молодыми людьми на улицах их городов и районов.

Делинквентные мотоциклетные банды в США.

В соединенных штатах существуют субкультурные группы, которые разделяют нормы и ценности, очень схожие с теми, которых придерживаются футбольные хулиганы из Великобритании. Наибольшую известность среди них получили

банды на мотоциклах, такие, как “Ангелы ада” (Hell’s angels), которые также ценят насилие и агрессию. Характерной чертой этих группировок является то, что мужчины банды эксплуатируют своих компаньонов. Женщинам из банды обычно приходится заниматься проституцией, чтобы заработать деньги для доминирующих в их отношениях мужчин. Но это только часть более широкой субординации женщин по отношению к мужчинам. Постоянная подружка мотоциклиста может быть продана и куплена (за каждую где-то от 50 до 500 долларов), а сексуальные предпочтения других женщин (не имеющих постоянных бой-френдов) свободно делятся между всеми мужчинами. Кроме того вообще в бандах доминирует грубый стиль отношений с женщинами. (Куинн, 1987; Уотсон, 1980).

Пуэрто-риканские женские банды.

Делинквентные женские группы также стали предметом социологических исследований. Исследования нескольких пуэрто-риканских женских банд в Нью-Йорке показали, что члены этих банд ориентированны на особую систему ценностей и убеждений (Кэмпбелл, 1987). Члены банд делают четкое различие между “расслабляющим” употреблением наркотиков и наркоманией. Члены банд употребляют и продают марихуану, собираясь на вечеринках они порой употребляют амфетамины и ЛСД. Однако они осуждают употребление героина и негативно относятся к “прокалыванию кожи” - инъекциям наркотиков, поскольку это рассматривается как признак наркотической зависимости. В субкультуре этих женских банд многие криминальные действия не считаются преступлениями. Хотя они осуждают “преступников”, они не считают преступниками тех кто вовлечен в “...торговлю наркотиками, войну между бандами, организованную преступность, проституцию, домашнее насилие, ограбление оставленных автомобилей и квартир, ограбление магазинов, кражи со взломом в торговых предприятиях” (Кэмпбелл, 1987).

Теленасилие.

Мощным манипулятором сознания стало ныне телевидение. В феврале 1993 года в небольшом городе, расположенном севернее Ливерпуля, одиннадцатилетние Роберт Томпсон и Джон Винеблсон заманили конфеткой двухлетнего малыша за угол, пока его мать совершала покупки, и жестоко убили его. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что наиболее вероятным стимулом этого преступления мог быть телефильм ужасов под невинным названием “Детская игра”.

Влияние телевидения на склонность к насилию и агрессии исследуется учеными давно. На Западе за многие годы исследований психологами и социологами накоплен огромный фактический материал. Все они пытались найти ответ на один и тот же вопрос: действительно ли просмотр фильмов со сценами насилия коррелирует со склонностью к агрессивному и девиантному поведению? Условно изучение проблемы теленасилия можно разделить на несколько этапов, в соответствии с хронологией:

1. В конце 20-х гг. Директор Национального Центра изучения кино (США) У.Шорт публикует работу, главный тезис которой заключается в том, что рост насильственных преступлений во многом объясняется подражанием киногероям (однако, не было факта, подтверждающего эту мысль).

1928 г. У.Шорт создает научно-исследовательскую группу из 19 психологов, социологов, педагогов, изучавшую данную проблему с 1929 по 1933 год. Почти все участники пришли к выводу о наличии прямой причинно-следственной связи между насилием в жизни и в кино. Однако, в данном исследовании игнорировалась роль опосредующих факторов, что значительно снижало его научную достоверность. Только доклад Блумера и Хаузера указывал, что отрицательное влияние телевидения особенно сильно в социально-неблагоприятной среде, т.е. там, где ослаблено действие таких институтов, как семья, школа, соседство, церковь и т.д.

Теоретической базой этих исследований являлись бихейвиоризм и психология масс. Согласно гипотезе ученых, кинематографические стимулы ложатся на глубинные – биологически унаследованные – влечения, эмоции, процессы, формируя соответствующее поведение.

На некоторое время интерес к проблеме ослабевает, но в середине 50-х гг. проявляется вновь. На этот раз проблема экранного насилия стала привлекать повышенное внимание европейских ученых. Однако, исследования под руководством Х.Химельвейт в пяти промышленных городах Англии не выявило ни вредных, ни благоприятных последствий экранного насилия (1955-1956 гг.).

Несколько иные данные были получены в 1958-1960 гг. в исследовании У.Шремма. Дж.Лайла и Э.Паркер, проводившемся в различных регионах США и Канады. Ученые пришли к выводу: При условии, что у подростка нет психической склонности к агрессии, если в семье царит любовь, ласка и забота, если подросток

ток вписывается в группу сверстников - теленасилие не оказывает воздействие на поведение.

В 1968 г. в США создается Национальная комиссия по изучению причин и предотвращению насилия. В 1969 г. научно-исследовательская группа в составе комиссии выносит заключение: просмотр фильмов со сценами насилия увеличивает вероятность агрессивного поведения.

2. В 1972 г. в отчете Научно-Консультативного комитета по изучению телевидения и социального поведения при министерстве здравоохранения США однозначно утверждается: существует причинно-следственная связь между насилием в кино и насилием в жизни.

Примечание: согласно статистическим данным, в 1974, 1976 и 1978 гг. 88% телепередач в США содержали сцены с насилием.

В 1980 г. Второй Научно-консультативный комитет, обобщив данные 2500 исследований, уверенно повторил: корреляция между насилием в кино и насилием в жизни, особенно у подростков.

Американский исследователь А.Бандура (конец 60-х гг.), используя концепцию научения с помощью наблюдения, определил необходимость наличие трех условий для восприятия агрессивных стереотипов поведения с телеэкрана:

- зритель должен воспринимать происходящее на экране адекватно, т.е. понимать, кто герой, кто злодей, суть конфликта между ними и т.д.
- способ совершения экранного насилия должен соответствовать психофизическим возможностям зрителя, иначе он не сможет подражать.
- герой должен иметь положительный потенциал для соответствующей оценки зрителем, а негативные качества злодея – исключать возможность подражания.

Интересны результаты исследования, проведенного в 1984-1986 гг в Канаде. Объектом стали 3 поселка городского типа. Первый поселок был подключен к общенациональной системе ТВ в 1984 г. (услов. название "Ноутел"), а два других – двумя годами раньше. При этом: "Унител" (одна общенациональная программа) и "Мультител" (несколько программ).

Исследователи констатировали, что уровень агрессивности (вербальной и невербальной) школьников (6-11 лет) "Ноутела" неуклонно повышался в течение двух лет. В "Унителе" и "Мультителе" - без изменений. При этом нет разницы ме-

жду смотревшими ТВ подолгу и урывками, нет разницы между девушками и юношами.

В 1972 г. социальные психологи Дж.Макинтайер, Дж.Тивэм, Т.Хартнейгель провели социологический опрос в штате Мэриленд, США, опросив 2 260 старшеклассников из 13-ти школ. Ученые обнаружили, что предпочтение сериалов и передач с высоким содержанием криминала коррелирует с совершением деликтов.

Для подтверждения полученных результатов, была проведена целая серия лонгитюдных (долговременных) исследований.

Одно из них проводилось в США с 1963 по 1972 гг., руководитель проекта Л.Иэрон. Выборка была сформирована из 875 школьников (8-9 лет). Через 9 лет из них были опрошены 427 человека. Исследователи пришли к выводу о наличие корреляции (корреляционный коэффициент составил 0,31) между склонностью к просмотру теле-видеопродукции со сценами насилия в детстве (8-9 лет) и агрессивным поведением в юности (17-18 лет).

В 1983-1986 гг. проводилось аналогичное исследование, охватывавшее параллельно Австралию, Финляндию, Израиль, Польшу и США. Выводы: частота просмотра фильмов, содержащих насилие, в подростковом возрасте позволяет сделать предсказания о степени серьезности совершаемых ими правонарушений в возрасте 30 лет. Кумулятивный эффект экранного насилия способствует выработке долговременных агрессивных установок и поведенческих стереотипов.

С осени 1993 года в Америке на телевидении нововведение. Передачам, демонстрирующим избыток насилия и крови, предшествует соответствующее объявление для родителей с рекомендацией увести детей от телеэкрана. Однако многие считают, что подобные предупреждения скорее будут удобным путеводителем для детей. Общий результат такой: 72% американцев-родителей считают, что телевидение источает насилие сверх меры, а подростки считают насилие чистым и естественным делом. Незаметно и органично с помощью телевидения насилие вторгается в тонкий процесс взросления человека.

Вопросы для самопроверки.

Что бы проверить, как вы усвоили материал параграфа, попробуйте ответить на следующие вопросы:

1. *В чем специфика социологического подхода к анализу девиантности?*
  2. *Как описывает девиантность теория социального напряжения?*
  3. *Какие виды девиантного поведения в современных обществах объясняет теория социального напряжения?*
  4. *Что такое субкультура и каково ее влияние на девиантность?*
  5. *Какие типы девиантных субкультур дает совмещение подхода теории социального напряжения с субкультурным подходом?*
  6. *В чем суть теории наклеивания ярлыков?*
  7. *Каким образом ярлык действует на своего носителя и его окружение?*
  8. *Что такое стигма? Какие виды стигм описывал Гоффман?*
  9. *В чем разница между первичной и вторичной девиантностью, с позиций теории ярлыков?*
  10. *Как описывает девиантность и норму теория конфликта?*
  11. *Какие виды отклонений можно назвать сконструированными в интересах правящего класса?*
  12. *Как объясняет девиантность теория дифференциальных ассоциаций?*
  13. *С какими психологическими теориями связан этот подход?*
  14. *В чем главная причина опасных видов девиантного поведения с позиций теории дифференциальных ассоциаций?*
  15. *В чем суть виктимологического подхода к девиантному поведению? Какие виды отклонений объясняет этот подход?*
-

§5. Философско-гуманистические концепции девиантности в психологии.

Оговоримся, сразу – содержание этого параграфа некоторые специалисты посчитали бы спорным. Рассматриваемые здесь теории, обычно, относят к гуманистическому направлению в психологии личности. Однако, мы предпочли рассмотреть их отдельно. Тому есть несколько причин. Во-первых, в рассматриваемых здесь теориях, ярко выделен философский аспект. Это проявляется, в частности, в *нормативно-описательном* стиле гуманистических концепций. Их авторы говорят скорее о том, что **должно быть**. Ответ на вопрос о том, почему так должно – носит чисто философский характер. Их теории можно рассматривать, как своего рода концепции психологической и поведенческой **нормы**, опирающиеся на философские воззрения авторов. Во-вторых, гуманистические теории поведения склонны к цельному, обобщенному описанию характеристик человека, которое свойственно, скорее философско-антропологическому подходу. В отличие от аналитического, свойственного науке. Они оперируют такими понятиями, как счастье, смысл, самоуважение и т.п. Подобные категории тяжело поддаются строгому аналитическому описанию. В третьих, основная цель этого параграфа – **сравнить** различающиеся модели «нормального» человека, созданные в рамках гуманистической традиции.

Задача этого параграфа – помочь читателю выработать собственную методологию анализа девиантности. Для этого нужно иметь более или менее ясное представление о норме, о «нормальном человеке». Ведь девиантология изучает именно человека. Помочь в этом, и призван материал, изложенный в параграфе. Поэтому, пусть читатель не удивляется и не обижается, если идеи, которые он встретит на последующих страницах, окажутся ему знакомыми, как психологические теории.

Наконец, последнее, что хотелось бы сказать. Гуманизм, как мощное философско-интеллектуальное и культурное течение, утвердил в обществен-

ном сознании мысль о том, что «человек от природы добр»*. Но, во взглядах на то, как и в чем проявляется природное «добро» человека, гуманистически мыслящие авторы расходятся. Потому, мы отдельно рассматриваем взгляды неопрейдистов – представителей **эго-психологии** (Э.Эриксон, Э.Фромм, К.Хорни), **теорию самоактуализации** А.Маслоу и **логотерапию** В.Франкла.

Эго-психология и гуманистическая концепция личности. Нарастающая к середине XX века критика фрейдизма заставила сторонников психодинамического подхода искать новые аргументы в защиту своих принципов и творчески модернизировать теорию Фрейда.

<p>Эго-психология – направление в психодинамических теориях, сделавшее главным предметом анализа сознательную личность (Эго); с общей ориентацией на изучение психически здоровых людей.</p>

Значительных успехов на этом поприще добилась *эго-психология*, ставшая одним из влиятельнейших направлений в гуманистической психологии. Представители этого направления (Хорни, Салливан, Фромм) критиковали Фрейда за то, что он слишком сосредоточился на изучении подсознания (Оно), упуская из виду важную роль Я (Эго). Эго-психологи, критикуя Фрейда, подчеркивают, что большинство его выводов сделаны на основе обобщения наблюдений за больными, психически нездоровыми людьми. Отсюда и такое внимание к подсознанию и болезненным явлениям в психике. Поведение здорового же человека, в основном связано с функциями сознания – Эго. Поэтому представители эго-психологии сосредоточили внимание на наблюдениях за здоровыми, полноценными членами общества. [Заметим, что слова «здоровый и полноценный» отражают личную позицию авторов. Объективно правильнее было бы говорить о «социально-полноценных» людях – не испытывающих серьезных психологических проблем в повседневной жизни. Однако, об этом - позже.] Выводы сделанные на основе наблюдений за здоровыми людьми использовались потом для объяснения поведения людей больных (а не наоборот – как у Фрейда). Несмотря на различия теорий, созданных отдельными

* Кстати, это – весьма спорное утверждение, можно найти достаточно примеров «природного зла» человека. Вопрос, скорее в том, каким **должен** быть человек, что бы быть человеком.

ми учеными, все теории этого типа имеют одну и ту же гуманистическую философскую базу. Все эти теории исходят из нескольких, связанных между собой базовых предположений относительно природы человека: *человек рожден для счастья - быть счастливым означает чувствовать себя комфортно – человек стремится к душевному комфорту, это нормально и естественно – сомнения, тревога, внутренние конфликты есть признаки патологии – человек должен принимать себя и окружающих такими, какими они являются – психологическая норма означает быть довольным своим существованием, самим собой и окружающими.*

Используя эти положения в качестве базовых, эго-психологи создают модель нормального человека. Не вдаваясь в частности, свойственные отдельным теориям, мы дадим обобщенный образ нормального («уравновешенного») человека, соответствующий эго-психологической и вообще гуманистической модели:

В *физическом* плане уравновешенный человек должен обладать отменным телесным здоровьем; у него хорошее телосложение, он любит физические усилия и умеет сопротивляться усталости. Психическое равновесие по существу немислимо без серьезного внимания к телу.

В *сексуальном* и *аффективном* плане уравновешенный индивидуум способен устанавливать гармоничные интимные отношения с другими людьми. Без преувеличенной тревоги заботясь об удовлетворении собственных потребностей, он в то же время умеет проявлять внимание к партнеру и чувствовать его потребности.

В *интеллектуальном* плане уравновешенным можно считать того, кто обладает хорошими умственными способностями, которые позволяют ему мыслить и действовать продуктивно. Он всегда стремится найти надлежащий выход из сложных ситуаций предпочитая при этом полагаться на факты, а не на оптимистические гипотезы. Поэтому он склонен, по возможности быстро переходить от мыслей к делу. Он осознает свои способности и возможности

и умеет наилучшим образом пользоваться ими для продуктивной деятельности. Он постоянно совершенствует свои навыки, стремясь добиться поставленной цели в разумные сроки. Он не лишен воображения и любит искать нетрадиционные решения проблем.

В *нравственном* плане уравновешенный человек обладает чувством справедливости, основанным на глубокой и постоянной озабоченности объективностью. Он склонен больше полагаться на собственные суждения, чем на суждения других людей, или средств массовой информации. Он всегда решает сам, придерживаться ли ему социальных норм, обладая твердой волей, он при этом не упрям. Он всегда готов признать собственные ошибки, не выставляя их, однако, напоказ.

В *социальном* плане уравновешенный человек, как правило, способен устанавливать непринужденные отношения с другими, чувствуя при этом, что он ими принят. Он редко рассчитывает свои реакции заранее, и эта непосредственность позволяет ему легко общаться как с теми, кто стоит выше его, так и с теми, кто стоит ниже.

Наконец, в *личностном* плане уравновешенный человек - это оптимист, который любит жизнь и отвечает на ее требования, не испытывая при этом чувства принужденности. Чаще всего это добродушный, жизнерадостный по характеру человек. Это зрелая, самостоятельная и реалистически мыслящая личность, способная брать на себя ответственность, не отказываясь и от риска. Она достаточно устойчива в *эмоциональном* плане, не проявляет ни излишней доверчивости, ни чрезмерной подозрительности и способна принять собственную неудачу без несоразмерных переживаний. Как правило, уравновешенный человек предпочитает достигать желаемого собственными усилиями, а не жалобами или манипуляциями. Кроме того, он сохраняет в себе некоторую свежесть чувств и поэтому способен совершать неожиданные поступки и восхищаться. Наконец, он с достаточным уважением и симпатией относится к самому себе, но сохраняет при этом чувство юмора, которое ме-

шает ему принимать собственную персону слишком серьезно. [*материал обобщен по Годфруа Ж. Что такое психология? (с.175-176)*]

Таковы, в общем, представления о личностном идеале представителей эго-психологии. Характерной чертой этого описания является то, что понятие «нормы» здесь смешивает реальность и предписание.

По оценкам экспертов эго-психологии не более трети людей в западных обществах подпадают под эту категорию «уравновешенного». Остальные демонстрируют признаки *невротичности* – тревогу, депрессию и т.п.

Некоторые авторы полагают, что фактически более 70% всех людей обнаруживают поведение *невротического* типа, хотя, по их мнению, тяжелыми неврозами страдает всею 5% населения. Эти цифры, однако, зависят от возраста. Так, согласно данным опроса, проведенного в центре Нью-Йорка, если в возрасте от 20 до 29 лет великолепное психическое здоровье обнаруживают 24% людей, то после 65 лет этот показатель падает до 15% (Strole et al., 1962).

Таким образом, судя по статистическим данным, большинство людей, скорее всего, соответствуют той «психической зоне», в которой пребывает 70% всех людей и которая располагается между полюсом психической уравновешенности и полюсом патологии. Канадский психолог Ж. Годфруа следующим образом комментирует эту ситуацию: («Нормальным человеком» можно, по сути дела, считать всякого, кто живет и уживается со всеми своими недостатками, не *всегда «адаптивным» поведением*, удовлетворяемыми с грехом пополам потребностями и *тревогой*, от которой он старается получше «застраховаться», прибегая к *разнообразным механизмам психологической защиты* или вырабатывая определенные черты характера. Важно как можно лучше осознать все это, и если полного *психического равновесия* достичь все-таки не удастся, то сохранять критическое отношение к своим реакциям и способность при случае посмеяться над ними.) – Курсивом выделены ключевые слова, дающие ключ к интерпретации.

Из приведенного описания следует, что сталкиваясь с жизненными трудностями и волей-неволей принимая тот вызов, который бросают им обстоятельства, люди все время вынуждены искать равновесия между адаптацией к реальности, с одной стороны, и развитием своих потенциальных возможностей, которое позволило бы им утвердить собственную индивидуальность, с другой.

Другими словами, взгляд на человеческую природу остался все-таки – «динамическим»: существование человека описывается в категориях адаптации и утверждения индивидуальности, в контексте стремления к равновесию. Равновесие – тот же принцип удовольствия, о котором говорил Фрейд. Только Фрейд описывал стремление к равновесию в терминах выхода инстинктивной энергии. Эго-психологи, не отрицая влияния подсознания, говорят о личностном равновесии. Равновесие означает душевный комфорт, согласие с собой и своим положением, отсутствие неудовлетворенности. Неудовлетворенность, тревога, расцениваются, как патология (по крайней мере, как психологическое неблагополучие). Общий подход к человеку в этом случае может быть выражен словами «человек рожден для счастья». Счастье в данном случае означает внутренний комфорт.

Что же такое девиантность, с этих позиций? Выдающийся представитель эгопсихологического направления Эрих Фромм исследовал наиболее опасный вид отклоняющегося поведения – деструктивность – т.е. стремление к разрушению, агрессию. В своем исследовании человеческой деструктивности он подчеркивал глубокое различие между различными проявлениями агрессии, обозначив их как “злокачественную” и “доброкачественную”; неадаптивную жестокость и адаптивную, оборонительную агрессию.

Эрих Фромм (1900-1980) – родившийся в Германии американский психолог, философ, социолог. В своих теориях находился под сильным влиянием Фрейда и Маркса.

Злокачественная агрессия проявляется, по Фромму, в садизме (понимаемом как желание абсолютной власти над другим человеком) и некрофи-

лии (понимаемой как страсть ко всему мертвому, лишенному жизни), которые и обуславливают деструктивность как черту характера. Именно этот вид агрессии, свойственный исключительно человеку, Фромм рассматривает, как наиболее опасный для общества и всего развития цивилизации. При этом причину существования этих форм агрессии он видит в социально-экономическом устройстве современного общества: “Садизм и некрофилия - эти злокачественные формы агрессии – не являются врожденными; можно в значительной степени снизить вероятность их проявления, если изменить обстоятельства социальной и экономической жизни людей. ...Ведь эксплуатация и манипулирование человеком вызывают не что иное, как скуку, вялость и уныние, а все, что превращает полноценных людей в психологических уродов, делает из них так же садистов и разрушителей”.

Говоря о доброкачественной агрессии, свойственной всем живым существам, Фромм подчеркивает ее адаптивный характер. Этот вид агрессии служит делу жизни, обеспечивая защиту витальных интересов индивида и выполняя инструментальную, обеспечивающую функцию. В то же время, Фромм подчеркивает, что сфера витальных интересов у человека значительно расширена, по сравнению с животными, и включает в себя не только физические, но и психологические условия. *Инструментальная агрессия* - это агрессия, преследующая определенную цель - обеспечить, достать то, что необходимо, причинение вреда при этом не является целью, оно лишь средство ее достижения. В целом, доброкачественную агрессию можно свести к оборонительной. Вообще трудно в нескольких словах передать всю изящность и теоретическую силу Фроммовской теории деструктивности. Интересующимся мы бы рекомендовали оригинал – книгу Фромма «Анатомия человеческой деструктивности».

Однако, на чем основаны все выводы о девиантности с позиций эгопсихологии? На утверждении, что человек должен быть счастлив, уравновешен, что от природы человек – «хорошее» существо, наконец, что человек

это биологическое существо, ориентированное на удовлетворение потребностей. Этот взгляд свойственен не только эго-психологам, но и всему гуманистическому направлению в психологии личности.

Похожим образом рассматривает человека другой выдающийся представитель гуманистического направления – А. Маслоу. Он создал модель здорового человека, как стремящегося к *самореализации* (максимальному развитию своего творческого потенциала). Поведение человека, по мнению Маслоу, связано с потребностями различного уровня. Пока не удовлетворены потребности более низкого уровня, потребности более высокого уровня не актуализируются. Иерархия потребностей начинается с витальных (жизненных) потребностей в пище, сне, отдыхе и т.д. Затем следуют потребности в безопасности (уверенность в завтрашнем дне). Когда они удовлетворяются, активизируются социальные потребности (общение), затем – престижные потребности (признание и любовь). Последняя, высшая группа потребностей – это потребности в самоактуализации. Здоровый человек – это человек, раскрывший свой потенциал, человек любящий жизнь, находящийся в *согласии с самим собой*. Девиантность, согласно этой модели, связана с блокированием потребностей, их искаженной реализацией. Снова в качестве главного тезиса, предполагается, что человек от природы добр и склонен к саморазвитию. Самоактуализация – это, по сути, состояние удовлетворенности собой, равновесия между желаемым и достигнутым. «Нормальный» человек в теории Маслоу вполне соответствует тому описанию уравновешенной личности, которое, мы давали выше.

Абрахам Маслоу (1908-1970) – американский психолог, автор теории самоактуализации, в основе которой лежит представление об иерархии потребностей и представление о природном добре человека.

Однако, давайте попробуем взглянуть на проблему непредвзято. «Какую, собственно проблему?» – спросит читатель – «В чем проблема-то? Все идеи гуманистической психологии вполне логичны!» Да, но все дело в том, насколько данная модель соответствует человеческой реальности. Действительно ли человек рожден для счастья и душевного комфорта? Действитель-

но ли тревога и сомнения – это признак неблагополучия? Должен ли нормальный человек принимать себя таким, какой он есть (без излишней драматизации)? Гуманистическая модель на все эти вопросы отвечает утвердительно. Однако нужно отдавать себе отчет в том, что это не научная, а фи-

Гедонизм – ориентация на удовольствие, как жизненный принцип, в противоположность аскетизму – ориентации на самоограничение.

лософско-антропологическая концепция. Это созданный философией образ *гедонистически* ориентированного существа, стремящегося к удовлетворенности и утверждающего свою самость (эгоизм). Впервые наиболее полно такой взгляд на человека представил древнегреческий философ Эпикур, учивший, что счастье – это отсутствие страданий и *атараксия*

(спокойная удовлетворенность). Собственно это и повторяют сторонники гуманистической психологии, утверждая, что **человек должен быть доволен своей жизнью.**

А разве не так? – спросите вы. Однозначно ответить тяжело, но усомниться в правильности этого взгляда можно. Ведь в реальности большинству людей присущи и тревога и чувство вины и желание жертвовать собой ради идеалов (что часто удовольствия не приносит). Можно ли спокойно принимать несправедливость, собственную порочность и другие неприятные вещи? Они существуют и от них никуда не денешься. Гуманистическая психология игнорирует **нормальность страдания.** Возможно, это не очень приятная мысль, но и здравый смысл и вся история человечества подсказывают нам, что человек обречен не только радоваться, но и страдать всю свою жизнь. Для нас естественно быть счастливыми, смеяться и любить себя и окружающих. Но точно так же, «естественно», нам свойственно страдать (например, от смерти близких) и плакать (горе – наш спутник), ненавидеть себя (за непоправимые проступки) и окружающих (за то зло, которое они нам причиняют). Человек от природы добр и стремится к удовольствию, но точно так же он зол (вспомнить число погибших в различных войнах) и готов терпеть крайние лишения во имя своих идеалов. Гуманистическая психология сме-

шивает научные критерии объективности и свой философский базис в познании человека. Мы не преследуем цели доказать, что эти взгляды неверны и, что человек не должен быть счастливым. Просто нужно понимать, что эти представления не так уж и «естественны». Что такое счастье? В интерпретации гуманистов – это внутренний комфорт, согласие с собой, атараксия. В то же время, некоторые мыслители и философы совсем не считали состояние «счастья» и комфорта «естественными». В качестве подтверждения сошлемся на слова классиков: «Когда мы принимаем человека таким, каков он есть, мы делаем его хуже. Требуя от человека быть тем, кем он может стать, мы помогаем ему стать таковым» (Гетте) и «Человек, который *зачем* ему жить, может выдержать почти любое *как*» (Ницше). Эти слова говорят скорее о напряжении, дискомфорте и стремлении к смыслу. Счастье здесь не является центральной категорией. Это другая философская позиция и взгляд на человека с этой точки зрения лучше всего развит в рамках *логотерапевтического* подхода, разработанного В.Франклом.

Логотерапия, как альтернатива гуманистической психологии. Австриец Виктор Эмиль Франкл, один из наиболее выдающихся мыслителей XX века, значительно меньше известен широкой публике, нежели его современники – Фромм, Хорни, Маслоу и др. Между тем его учение (учение, потому что это больше, нежели психологическая теория, так же, как и вся гуманистическая психология) прошло наиболее суровую проверку самой жестокой практикой – концлагерем. Франкл, как еврей стал жертвой нацистской политики. Он прошел через такие известные лагеря смерти, как *Дахау* и *Аушвиц*. Именно там он впервые имел возможность проверить правильность своего психологического подхода, названного им впоследствии *логотерапией* – (от греч. *logos* – смысл, знание), - т.е. речь идет о терапии смыслом.

Обычно логотерапию относят к гуманистическому направлению в теориях личности. Однако, это не вполне верно, хотя не стоит забегать вперед, а

лучше дать читателю возможность самому оценить разницу между логотерапевтическим и гуманистическим взглядом на человека.

В своей теории человека, Франкл исходит из трех фундаментальных положений:

- 1) Свобода воли; 2) Воля к смыслу; 3) Смысл жизни.

Разберем по порядку. Что понимается под свободой воли. Полагается, что человек всегда свободен, и никто не вправе эту свободу у него отнять. Разумеется, речь идет не полной и абсолютной свободе от всего. Каждый человек в своем поведении ограничен: социальными и экономическими обстоятельствами, рамками своей культуры, своим психотипом, наконец. Речь идет, прежде всего, о свободе осознанного отношения к обстоятельствам, о свободе занять личностную позицию по отношению даже к тому, чего изменить или предотвратить человек не в силах. Например, когда массы людей сгонялись нацистами в концлагеря, сами люди, разумеется, были не властны над обстоятельствами своей жизни: лишения, голод, побои – все это было общим. Однако, люди были свободны в том, как им относятся к данным тяжелым обстоятельствам. Свободны как позитивно, так и негативно. Они могли выбрать – пойти на поводу у нечеловеческих обстоятельств и превратиться в забитое животное, или несмотря ни на что остаться человеком, сохранить свою личность.

Второе положение – воля к смыслу – связано с другой фундаментальной чертой человека – разумностью. Мы обладаем абстрактным мышлением и рефлексией (способностью взглянуть на себя со стороны). И мы отличаемся от животных тем, что точно знаем: *мы обязательно умрем*. Осознание своей конечности, заставляет нас искать ответ на вопрос «Зачем и ради чего я живу?». Этот вопрос, отнюдь не праздный. Если мы не имеем на него ответа, то жизнь может лишиться для нас своей ценности. «Жизнь ценность сама по себе!» - возразит читатель. Да, но она заканчивается смертью. Человеку, который не знает, зачем жить, вполне может показаться, что жить просто неза-

чем. Поэтому мы ищем смысл, мы мотивированы поиском смысла, реализацией смысла в наших действиях. Мы не переносим бессмысленности. Когда мы что-то делаем, нам нужно знать *зачем* мы это делаем. Это принципиально отличается от взгляда на человека с позиций других психологических школ. Например, поведение художника, пишущего картину, можно объяснить в рамках динамического подхода, как сублимацию эроса. Однако сам художник, скорее будет говорить о смысле, который он пытается выразить в своей картине. Первое объяснение связано с причинами поведения (почему?), второе – с целью, смыслом (зачем?). Сторонники динамического подхода говорят о воле к удовольствию. Но ведь удовольствие, как правило – побочный продукт. Мы получаем удовольствие от хорошо выполненной работы, от приятного общения, от занятий сексом, наконец. Однако при этом, удовольствие проявляется, как последствия реализации смысла. Ведь, выполняя работу мы думаем не об удовольствии, а о конечной цели. Общаясь с другими, мы тоже не думаем об удовольствии, а сосредоточены на теме общения. Наконец, если занимаясь сексом, мы думаем в первую очередь об удовольствии, а не о нашем отношении к партнеру, то это наверняка закончится сексуальным неврозом, любой сексолог это подтвердит. Когда удовольствие становится самоцелью – оно становится почти недостижимым. Мы стремимся к идеалам и, готовы жертвовать ради них жизнью, а удовольствие чаще всего, приходит как нечто побочное.

Когда говорят о воле к власти и превосходству, как движущем мотиве человеческого поведения, то игнорируется тот факт, что власть нужна как средство для реализации чего-то большего – смысла. Когда власть становится самоцелью, личность патологически деформируется: достаточно вспомнить биографию любого тирана. Человек, дорожащий властью ради власти, крайне несчастное существо – он везде видит врагов, заговоры и постоянно боится эту власть потерять, что ведет к психогенным деформациям личности.

Наконец, воля к самореализации в теории Маслоу, так же не до конца описывает мотивы человеческого поведения. Ведь говорить о самореализации можно лишь в контексте служения чему – либо – долгу, делу, смыслу. Человек настолько реализует себя, насколько он реализует смысл. Самореализация, как самоцель это замкнутый круг. А человеку свойственно стремиться к чему-то его превосходящему. Например, если у меня хороший ораторский талант, я могу реализовать себя, как лектор (преподаватель) или священник (проповедник). Но могу реализовать себя и как лидер тоталитарной секты, манипулируя сознанием людей в своих интересах. Попробуйте утверждать, что это равноценные варианты. То есть самореализация сама нуждается в обосновании: **на что** направлено раскрытие моих способностей. Жизнь, по Франклу, это постоянное стремление уменьшить разрыв между тем, кем ты **являешься** и тем, кем ты **должен быть**, согласно своим принципам. Но этот разрыв – неустраним. К идеалу можно лишь приближаться, но нельзя его достичь, иначе жизнь теряет смысл и жить становится незачем, ведь все уже сделано. Именно этим, по мнению Франкла, объясняются случаи самоубийств среди людей достигших богатства и успеха, которые расценивали это, как смысл жизни. Этот пример показывает, что возможны ошибки в достижении смысла жизни. Все потому, что универсальных рецептов достижения смысла жизни нет. Это глубоко личностная задача, решаемая только самим человеком. Франкл, лишь указывает на общие моменты: это должно быть нечто намного превосходящее человека, недоступное, имеющее конкретное воплощение.

Здесь мы собственно подходим к третьему положению франкловской теории – как обрести этот смысл. Франкл считает, что есть три пути, связанные с различными типами ценностей. Первая – *это ценности творчества*. Мы можем обрести смысл давая что-то жизни. Осмысленный труд во имя высших целей – один из путей. Однако многим людям он недоступен – многие виды труда дегуманизированы, связаны с рутинной, не позволяют видеть

какой-то смысл, например, работа на конвейере: какой смысл можно найти в том, что бы десять тысяч раз в день закрутить гайку. Тогда возможен второй путь, связанный с *ценностями переживания*. Когда человек слушает прекрасную музыку, или наслаждается божественной красотой природы, вряд ли он может сказать, что его жизнь при этом бессмысленна. Однако, и эта группа ценностей может оказаться недоступной. Франкл много лет работал в хосписах (учреждениях для неизлечимых больных). Люди страдающие и ждущие смерти – какой смысл доступен им? Здесь возможна реализация смысла в рамках *ценностей отношения*. Ни один человек не избавлен от того, что Франкл называет трагической триадой: *боль, вина и смерть*. Эти феномены связаны со страданием. Страдающий он боли неизлечимый раковый больной может, тем не менее, найти смысл в том, как ему воспринимать его положение. Подчиниться боли или подняться над ней. Можно видеть смысл в том, что бы до самого конца мужественно переносить страдание, явив своей жизнью пример превосходства духа над смертью. Примеры, описанные Франклом в его наблюдениях во время работы в хосписах показывают, что человек может сохранять смысловую ориентацию до последнего момента, борясь со страданием. Вина связана с тем фактом, что жизнь наша конечна и мы способны на непоправимые поступки. Мы ошибаемся и должны отвечать за свои ошибки. Как к ним относиться – это тоже вопрос смысла. Наконец, тот факт, что все мы смертны и делает нашу жизнь уникальной и неповторимой, ведь в противном случае ничто не имело бы смысла, все можно бы было повторить. Каждое мгновение нам необходимо выбирать – какой выбор сделать. А то, что жизнь конечна, заставляет с особой ответственностью относиться к каждому выбору – вполне возможно, что исправить уже не удастся.

Таким образом, логотерапия рассматривает человека, как существо ответственное, ищущее смысл и неразрывно связанное со страданием. Тревога, сомнения, мучительный выбор, неприятие себя таким, каков ты есть, в контексте того, каким ты должен быть – это нормальные человеческие феноме-

ны. Девиантность по Франклу, как раз и проявляется в отсутствии тревоги, сомнений и борьбы – это расценивается, как искусственная рационализация. Жизнь уникальна и разнообразна и каждый должен творчески искать свой смысл. Успокоенность означает, что воля к смыслу подавлена, вытеснена. Главный вид девиантности, согласно логотерапии – это **экзистенциальный вакуум**: потеря смысла существования. Ощущение пустоты и бессмысленности может быть заполнено либо погоней за удовольствиями, либо трудоголизмом, но это – признаки патологии. С ними связаны такие расстройства, как депрессия, самоубийства, сексуальные неврозы. Психике нужно напряжение, связанное с разрывом между тем, что есть и тем, что должно быть. Самоуспокоенность – патологична. Во время войны, когда от народа требовалось чудовищное напряжение сил, процент психических расстройств и самоубийств снижался, по сравнению с самыми благополучными периодами.

Взгляд на человека, как на страдающее и ищущее смысл существо не является ни *оптимистичным*, ни *гедонистическим*. Это образ не «доброты от природы» существа, а, скорее, существа ищущего, каким ему быть. «Добрым» и «злым», «нормальным» или «девиантным» человек становится лишь в процессе реализации смысла или отказа от него. При этом, у человека нет гарантий, его жизнь, его поведение всегда связаны с риском, с негарантированностью, с ответственностью. Как говорит Франкл, «то, что сделано, навсегда сохранено для вечности – как хорошее, так и плохое».

Мы, лишь в общих чертах, рассмотрели два взгляда на природу человека. В одном параграфе тяжело передать полную картину гуманистического мировоззрения. Те, кого идеи параграфа заинтересовали, могут более подробно ознакомиться с гуманистической психологией самостоятельно. Конечно, существуют и другие точки зрения по поводу феномена человека. Мы специально сосредоточились на гуманистическом направлении, учитывая растущее беспокойство ученых по поводу «кризиса человека». На наш взгляд, сам этот кризис порожден идеологией гуманизма, сумеет ли гуманизм

его преодолеть – вот в чем вопрос. В любом случае девиантолог, изучая отклонения, не свободен от личностного отношения к понятиям «хорошо»/«плохо». Содержание этих понятий – дело глубоко личное, мы стремились, лишь дать пищу для размышлений.

Резюме:

- *Объяснение девиантности, требует наличия концепции нормы; наиболее философские концепции созданы представителями гуманистического направления в психологии.*
- *Эго-психология сосредоточилась на изучении сознания (Эго); согласно этой школе, поведение человека есть результат стремления к адаптации и утверждению своей самости.*
- *Теория самореализации А.Маслоу, подчеркивает, что человеком движет стремление к удовлетворению потребностей, высшей из которых является потребность в самореализации: максимальном раскрытии своего потенциала.*
- *Все гуманистически ориентированные психологи подчеркивают, что нормальный человек – это **адаптированный** индивид, находящийся в **согласии** с собой и окружающими, не подверженный тревоге и депрессии, оптимистично смотрящий на жизнь; Сомнения, тревога, внутренний конфликт рассматриваются, как признаки патологии.*
- *Логотерапия В.Франкла описывает человека, как существо, обладающее свободной волей, ищущее **смысл своей жизни**; Смысл – явление личностное и требующее усилий для своего открытия и реализации, поэтому тревога, конфликт и страдание, рассматриваются, как нормальные феномены человеческого существования.*
- *Главная форма девиантности, по Франклу – **экзистенциальный вакуум**, проявляющийся, как в форме погони за ощущениями, депрессии, так и в форме сомоуспокоенности, согласия с самим со-*

бой; смысл всегда динамичен и связан с разрывом между тем, кто есть человек и тем, кем он должен быть.

Приложения к параграфу.

Групповые психотерапевтические опыты в концентрационном лагере.

Следующее изложение основано на моих собственных наблюдениях и опыте в концлагерях Аушвица, Дахау и Терезенштадта. Перед тем как изложить специфический опыт психотерапии и опыт групповой психотерапии, мне, однако, представляется целесообразным сказать сперва несколько слов о психопатологии тюремно-лагерной жизни. Это, в то же время, может быть вкладом в познание симптомов так называемых тюремных психозов и особенно того явления, которое во время Первой мировой войны получило известность как «болезнь колючей проволоки».

В психологии лагерной жизни можно выделить три фазы: 1) шок, связанный с прибытием; 2) типичные изменения характера, происходящие по мере пребывания в лагере; 3) фаза убытия.

Шок, связанный с прибытием, в сущности, представляет собой состояние паники, которая примечательна только тем, что сопровождается надвигающейся угрозой самоубийства. В самом деле, единственное, что является слишком понятным для индивида, заключается в том, что, оказавшись в ситуации угрозы смерти в газовой камере, он угрозе «пойти на газ» предпочитает «пойти на проволоку» — совершить самоубийство, дотронувшись до находящейся под высоким напряжением проволоки, окружающей лагерь, или, по крайней мере, думает об этом.

Если попытаться квалифицировать фазу, связанную с шоком прибытия, психиатрически, то можно отнести ее к аномальным аффективным реакциям. Но, не надо забывать, что в концлагере, в ситуации, которая сама по себе является аномальной до крайней степени, «аномальную» реакцию этого типа можно считать чем-то нормальным.

Однако очень скоро состояние паники уступает место безразличию, совершается переход ко второй фазе — изменениям в характере. Вместе с безразличием возникает состояние раздражения, поэтому в психическом состоянии заключенного, в конце концов, преобладающими становятся два: апатичность и агрессивность. В конечном счете, они оба являются следствием сосредоточения всех усилий и стремлений индивида к самосохранению, в то же время все, что связано только с сохранением вида, способствует деградации. Хорошо известно, что у заключенных понижены сексуальные влечения, и в этом играют роль и только психические, но и соматические факторы. В целом можно сказать, что заключенный впадает в жуткую культурную спячку. Все служит исключительно цели самосохранения.

Обсуждая это явление, психоаналитики, находившиеся среди заключенных, единодушно говорили с регрессии, о проявлении более примитивных форм поведения. Другую интерпретацию предложил профессор Эмиль Утиц, который находился в одном из вышеупомянутых лагерей в то же время, что и я. Он считал, что изменения носят шизоидальный характер. Не вдаваясь в теоретические тонкости, я полагаю, что эти характерным изменениям можно дать более простое объяснение. Мы знаем, что если человеку давать очень мало есть и спать (паразиты!), то он уже будет склонен к раздражительности и апатии. Кроме этого, на людей оказывает свое влияние недостаток никотина и кофеина, поскольку эти так называемые яды цивилизации помогают подавлять раздражительность и преодолевать апатию.

Эмиль Утиц попытался также интерпретировать внутреннее состояние заключенных как временное по сути существование. Я бы отметил, что существенной чертой этого временного существования является то, что оно длится без конца. Потому что действительно невозможно предвидеть, когда заключенному придет конец. У заключенного не было возможности сосредоточиться на своем будущем, на времени, когда он вновь обретет свободу. Ввиду того, что, по существу, временная структура пронизывает все человеческое существование, легко представить, что лагерная жизнь может вызвать экзистенциальную утрату этой структуры.

Для такого утверждения существует соответствующий прецедент. Из исследований Лазарсфельда и Цейзеля мы знаем, как сильно влияет на чувство времени человека то положение, когда он достаточно долго является безработ-

ным. Что-то подобное, как известно, происходит в санатории у туберкулезных больных; Томас Манн в своей *The Magic Mountain* поддерживает это наблюдение.

Таким образом, будучи лишенным возможности обрести поддержку в некоей конечной точке в будущем, заключенный может упасть духом. Возможно, вместо длинных рассуждений и теоретизирования, мне следует показать на конкретном примере, как происходит приводящий к поражению вегетативных функций физически-психический упадок жизнедеятельности в результате блокировки нормального стремления человека в будущее. В начале марта 1945 года товарищ по лагерю рассказал мне, что 2 февраля 1945 года он видел примечательное сновидение. Некий пророческий голос сказал ему, что он может задать любой вопрос и получить на него ответ. И он спросил у этого голоса — когда для него закончится война. Прозвучал ответ; 30 марта 1945 года.

Приближалась названная дата, но ничто не свидетельствовало о том, что пророчество сбудется. 29 марта у моего товарища началась лихорадка, он стал бредить. 30 марта он потерял сознание. 31 марта он умер от тифозной лихорадки. Тридцатого марта, в тот день, когда он потерял сознание, для него закончилась война. Мы не ошибемся, если скажем, что крушение надежд, которое произошло у него, снизило «биотонус» (Эвальд), иммунитет, сопротивляемость организма, и инфекция, до тех пор дремавшая в нем, сыграла роковую роль.

Подобные явления можно было наблюдать в массовом порядке. Массовую гибель людей в лагере в период между Рождеством 1944 года и Новым годом 1945-го можно было объяснить только тем, что заключенные стереотипно понадеялись на то, что непременно «будут встречать Рождество у себя дома», загнав тем самым себя в ловушку; они должны были исключить для себя надежду на возвращение домой в обозримом будущем. Крушение надежды привело к резкому снижению уровня жизненных сил, что для многих означало смерть.

В конечном счете, проявилось то, что физически-психический упадок зависел от духовно-моральной позиции, которую свободен был занять человек! И хотя по прибытии в лагерь у заключенного забирали все, что было у него с собой, даже его очки, даже его ремень, эта свобода оставалась с ним, оставалась буквально до последнего момента, до последнего дыхания. Это была свобода выбрать «этот путь или тот», «это или то». Снова и снова находились те, кто смог подавлять свою раздражительность и преодолевать апатию. Они прогуливались по лагерным баракам и ходили на переклички, произнося доброе слово здесь и делясь по-

следним куском хлеба там. Они были живым примером тому, что не было предопределенности в том, что сделает лагерь с человеком — станет ли он типичным «зеком» или даже в условиях заключения, даже в условиях пограничной ситуации, останется человеком. В любом случае, решение оставалось за самим человеком.

Поэтому, безусловно, и речи не может быть о том, чтобы заключенный неизбежно и автоматически подчинялся лагерному духу. При помощи той силы, которую я раньше называл «силой человеческого духа», он мог не поддаться влиянию своего окружения. Если мне и нужны были какие-то доказательства того, что сила человеческого духа является реальностью, концлагерь предоставил их мне сполна. Фрейд утверждал:

«Давайте представим множество совершенно разных людей одинаково голодных. С возрастанием этого императивного побуждения все индивидуальные различия будут стираться, а их место займет одинаковое для всех выражение одного и того же нереализованного побуждения». Это оказалось неверным.

Конечно, индивиды, изо всех сил старавшиеся сохранить в себе облик человека, встречались редко: «Все великое столь же трудно реализовать, сколь трудно его найти» — читаем мы в самом конце *«Этики»* Спинозы. Хотя немногие были способны на это, они подавали пример другим, и этот пример вызывал цепную реакцию, характерную для такой модели поведения. В добавление к известному поэтическому изречению можно сказать, что хороший пример плодотворен и порождает благо.

В любом случае, никто не сможет утверждать, что эти люди деградировали, напротив, они эволюционировали — морально и религиозно. Потому что они пробудили во многих заключенных то, что я называю подсознательной, или подавленной верой в Бога.

Никто не должен относиться к такой религиозности с пренебрежением или называть ее «лисьей религией», как в англосаксонских странах называют религиозность, которая не проявляется, пока не возникает опасность. Я бы сказал, что религия, проявляющая себя только тогда, когда дела идут плохо, мне более по душе, чем та, которая проявляет себя только пока дела идут хорошо, -- я называю такую религию «религией торговцев».

Во всяком случае, многие заключенные вышли из тюрьмы с таким чувством, что не боятся никого, кроме Бога. Для них тюремный опыт стал приобретением. Пройдя через лагерную жизнь, многие индивиды, страдавшие невротами,

почувствовали себя окрепшими, это аналогично факту, который хорошо известен строителям: ветхий свод можно укрепить, просто положив сверху что-нибудь тяжелое.

Итак, мы готовы к рассмотрению третьей фазы: фазы убытия. Недостаток времени не позволяет мне углубляться в изучение таких деталей, как единичный опыт деперсонализации, связанной с освобождением. Достаточно сказать, что освобождение означает резкое ослабление давления. При этом характер освобожденных узников может легко деформироваться, деформироваться морально — подобно тому, как деформируется глубоководная рыба, которую неожиданно подняли на поверхность воды. Кто-то в этой связи может, как и я, говорить о психическом аналоге кессонной болезни и соответствующих «отклонениях».

Давайте вернемся к нашей главной теме, к психотерапии или групповой терапии в концлагере. Я не буду говорить о вопросах, касающихся открытых или закрытых групп (во всяком случае, группа, с которой я имел дело, не была ни открытой, ни закрытой, но, скорее, «закрытой в»). Я не буду также рассматривать ту «малую» психотерапию, которая в импровизированных формах развивалась во время переключек, при передвижении строем, во время рытья рвов и в бараках. То, что я расскажу вам, будет сказано в память о д-ре Карле Флейшмане, погибшем мученической смертью в газовой камере Аушвица. Когда я впервые узнал этого человека, его ум был занят идеей, которую он настойчиво пытался воплотить — это был план организации психологической помощи вновь прибывающим заключенным. Организовать выполнение этой задачи он поручил мне, как психиатру. Все свое время я посвящал этому делу, из которого постепенно возникла система психогигиены, которую, конечно, надо было скрывать от СС и заниматься ею тайно. Например, снимать с веревки повесившегося товарища было строго запрещено.

Самой насущной задачей было устранение у вновь прибывших шокового состояния. В этом деле я при помощи психиатров и подготовленных социальных работников со всей Центральной Европы, бывших в моем распоряжении, достиг определенных успехов. Мне в помощь дали также мисс Иону, насколько мне известно — единственную, или, по крайней мере, первую в мире женщину-раввина (ученицу д-ра Лео Баека), Свою смерть она также нашла в Аушвице. Она была одаренным оратором, и как только нам сообщали о прибытии нового транспорта, мы собирались всей нашей, как мы называли себя, шоковой командой на холод-

ных чердаках или в темных стойлах бараков Терезенштадта, где вели с вновь прибывшими импровизированные беседы, направленные на то, чтобы привести их в себя. Я до сих пор помню, как они сидели на корточках и увлеченно слушали раввина — среди них была пожилая женщина со слуховой трубкой в руке и просветленным выражением лица.

Мы должны были уделять особое внимание, в частности, тем, кому угрожала особая опасность, эпилептикам, психопатам, «асоциальным», а кроме того, всем пожилым и немощным. В этих случаях было необходимо принимать специальные меры и проводить специальную подготовку. Мы пытались устранить психический вакуум у этих людей. Этот вакуум можно выразить словами пожилой женщины, которая на вопрос о том, чем она занимается все время, ответила; «Ночью я сплю, а в дневное время страдаю». Приведу только один пример того, как мы оказывали помощь: одна из помощниц, примкнувших ко мне, была филологом, и ей поручали отвлекать образованных пожилых людей от их мыслей о внешних и внутренних несчастьях, беседуя с ними на иностранном языке. Мы организовали также палаты для амбулаторных больных. Особенно активную роль здесь играл берлинский психиатр д-р Вольф, который использовал метод «аутогенной тренировки» Дж.-Х. Шульца в лечении своих пациентов. Он тоже умер в лагере от легочного туберкулеза. Он вел дневник самонаблюдений, отмечая этапы развития своих страданий. К несчастью, тот, у кого хранились эти записи, тоже умер. Я сам постоянно старался сходными средствами дистанцироваться от всех окружавших нас страданий, объективируя их. Так, я помню, как однажды утром шел из лагеря, не способный больше терпеть голод, холод и боль в ступне, опухшей от водянки, обмороженной и гноящейся. Мое положение казалось мне безнадежным. Затем я представил себя стоящим за кафедрой в большом, красивом, теплом и светлом лекционном зале перед заинтересованной аудиторией. Я читал лекцию на тему: «Групповые психотерапевтические опыты в концентрационном лагере» и говорил обо всем, через что я прошел.

Поверьте мне, в тот момент я не мог надеяться, что настанет день, когда мне действительно представится возможность прочесть такую лекцию.

И наконец, последнее, что было очень важным, — мы занимались предотвращением самоубийств. Я организовал службу информации, и, когда кто-нибудь выражал суицидальные мысли или проявлял действительное намерение покон-

чить с собой, мне тут же сообщали об этом. Что было делать? Мы должны были пробуждать волю к жизни, к продолжению существования, к тому, чтобы пережить заключение. Но в каждом случае мужество жить или усталость от жизни зависели исключительно от того, обладал ли человек верой в *смысл* жизни, своей жизни. Девизом всей проводившейся в концлагере психотерапевтической работы могут служить слова Ницше: «Тот, кто знает, «зачем» живет, преодолевает почти любое «как»».

Логотерапией я попытался ввести в психотерапию ту точку зрения, благодаря которой можно увидеть в человеческом бытии то, что я называю волей к смыслу, а не только волю к удовольствию (в смысле фрейдистского «принципа удовольствия») и волю к власти (в смысле адлерианского «стремления к превосходству»). Именно от обращения к этой воле к смыслу зависел результат психотерапии в лагере. Этот смысл для человека, находящегося в лагере в экстремальном пограничном состоянии, должен был быть безусловным смыслом, включающим в себя не только смысл жизни, но также смысл страдания и смерти. Извините меня, если я перехожу на личное, но, возможно, самым существенным опытом, приобретенным мной в концлагере, было то, что в то время как беспокойство большинства людей можно было выразить вопросом:

«Переживем ли мы лагерь?» — вопрос, который часто задавали мне, был такой; «Имеет ли смысл это страдание, эта смерть?» — при этом, если отрицательный ответ на вопрос большинства людей делал бессмысленными страдания, то отрицательный ответ на вопрос, которым осаждали меня, делал бессмысленным само выживание. Жизнь, смысл которой существует или не существует в зависимости от того, выживает кто-то или нет, вовсе не является стоящей жизнью.

Итак, речь шла о безусловном смысле жизни. Мы должны различать между собой два аналога того, что Ясперс называл истиной, — безусловный и обоснованный. Безусловный смысл, который мы должны были открывать людям, сомневающимся в его существовании или отчаявшимся его найти, в любом случае не являлся абстрактным или неясным, — совсем наоборот, это был очень конкретный смысл их жизни.

Это я хотел бы прояснить на одном примере. Однажды в лагере передо мной сидели два человека, оба решились совершить самоубийство. Оба произнесли фразу, которая являлась стереотипной в лагере: «Мне больше нечего ждать от жизни». Для них жизненно важным было переключиться с рассуждений,

что они могут ждать от жизни к осознанию того, что *жизнь ждет чего-то от них*, — жизнь в лице некоего человека или не законченного дела. Но что, если окажется, что это ожидание не может быть реализовано? Несомненно, есть ситуации, когда становится очевидным, что человек никогда не вернется к ожидающей его работе, или никогда не увидит определенного человека снова, то есть его больше ничто и никто не может ждать. Но даже в этом случае обнаруживалось, что в сознании каждого конкретного человека незримо присутствовал некто, как Ты в самом интимном диалоге. Для многих это было первым, последним и высшим Ты — Богом. Но кто бы ни занимал такую позицию, важным было спросить: *что он ждет от меня?* Поэтому самым главным был тот путь, следуя которым человек понял, как страдать, или узнал, как умирать.

Вы можете возразить, что подобные размышления бесполезны. Но в лагере мы узнали, что правило «...сперва выживай, потом философствуй об этом» — оказалось недействительным. Действительным оказалось как раз противоположное правило — «сперва философствуй, потом умирай». Это была единственная обоснованная мысль: давать ответ каждому, кто задавал вопрос о высшем смысле, и быть готовым идти прямо вперед и умереть смертью мученика.

Можно рассматривать концлагерь как микрокосмическое отражение человеческого мира в целом. Поэтому будет справедливым задать вопрос: что можно взять из опыта концлагеря для жизни в условиях современного мира. Другими словами, какие психотерапевтические доктрины мы можем вывести из этого опыта, обратив наше внимание прежде всего на то, что я бы назвал «патологией *Zeigeist'a*». Если попытаться описать эту патологию, то она представляет собой временную, фаталистскую, конформистскую и фанатичную точку зрения на жизнь, которые легко могут возрасти до уровня психической эпидемии. Соматические эпидемии являются типичными следствиями войны; психические эпидемии являются возможными причинами войны и, следовательно, новых концлагерей. Поэтому разрешите завершить обсуждение применения психотерапии в условиях концлагеря, выразив надежду на то, что психотерапия может сыграть важную роль в предотвращении возникновения концентрационного лагеря или его подобия в будущем. (Источник: В. Франкл. *Воля к смыслу*. М.: Апрель-Пресс, 2000. с.97-107.)

Вопросы для самопроверки:

1. *Опишите общие черты гуманистического направления в психологии. В чем их отличие от других психологических теорий?*
  2. *В чем заключается основное содержание эго-психологических теорий? Перечислите представителей этого направления.*
  3. *В чем суть теории самоактуализации А.Маслоу?*
  4. *Как представляют себе нормального индивида сторонники гуманистических теорий?*
  5. *Что является критерием нормальности в гуманистической психологии? Чем, с этих позиций являются тревога, сомнения и неуверенность?*
  6. *В чем проявляется специфика логотерапевтического подхода к человеку?*
  7. *Как в теории Франкла представлены базовые свойства человека?*
  8. *Чем воля к смыслу отличается от других концепций мотивации поведения?*
  9. *Что такое экзистенциальный вакуум?*
  10. *Совпадают ли взгляды логотерапии и гуманистической психологии на нормального человека?*
  11. *Что является критерием нормальности в логотерапевтическом подходе?*
  12. *В чем, по вашему, проявляется нормальность страдания?*
-

Заключение

Ну вот и закончилась эта книга. Мы искренне надеемся, что не показалась вам скучной. Конечно, здесь вы не нашли ответов на все интересующие вас вопросы. Возможно, даже, что вопросов прибавилось. Это хорошо – значит вам есть над чем поработать самостоятельно. В рамках одного учебника невозможно ответить на все вопросы, касающиеся поведенческих отклонений. Да нет этих ответов и во всей литературе, посвященной девиантному поведению. Любое наше знание – частично. Это нормально – ведь человек – суть ТАЙНА. Мы искренне надеемся, что вы пойдете дальше, открывая новые стороны этой тайны, постигая и проясняя грани (темные и светлые) человеческой природы. Однако сама тайна – бесконечна, и это нужно иметь в виду.

Заканчивая учебник, нам бы хотелось извиниться перед читателем. Извиниться за неточности, недоговорки, неясности и многие другие недостатки этой книги. Они есть, и возможным извинением нам может послужить лишь то, что учебник этот пробный, а первый блин, как известно... Все же мы сохраняем надежду, что главные свои задачи наш учебник выполнил – заинтересовал читателей темой девиантного поведения и дал общее представление о накопленном, в этом направлении, научном знании. Возможно, следующее издание (если таковое увидит свет) окажется более совершенным.

Напоследок, мы хотели предостеречь читателя. Изучая девиантное поведение, мы сталкиваемся далеко не с лучшими сторонами человеческой природы. Однако (и это наше искренне убеждение) социальный ученый вряд ли сможет глубоко понять человека, если не будет его любить. ...Ну-у-у, усмехнется читатель, - понесло в сторону любви к ближнему. Да нет, просто так и есть в действительности. Мы живем в сложное время. Многие ценности и представления о норме и отклонении размыты и продолжают размываться. Любовь к ближнему не числится в списке современных добродетелей. Нас

учат быть успешными, жесткими, сильными. Но последнее, как раз означает быть добрыми. Ведь атрибутом истинной силы является именно доброта. Насилие – дитя слабости. Оно (как и злость к человеку) от неуверенности, зависти и прочих ...«девиантностей». А истинная любовь к человеку позволяет нам оставаться учеными и людьми. Здесь у нас с вами преимущество: как сказал кто-то из древних, «что бы по настоящему любить человека, нужно знать, на какие гнусности он бывает способен, – тогда эта любовь – не лицемерие». Ну а кто про эти гнусности может рассказать больше, чем девиантолог.

Человек существо свободное, по крайней мере, в своем отношении к окружающему миру. Пример из психологии мышления иллюстрирует нашу мысль. Был составлен текст с пропусками некоторых букв в словах:

«0-ел ле-ал среди -орных –уч и с-ал». В зависимости от системы связей, в которую включали испытываемые весь текст, получалось два варианта: либо "осел лежал среди сорных куч и спал", либо "орел летал среди горных туч и скал.

....Лучше летать.

Литература.

1. Аббаньяно Н. Мудрость жизни. Спб., 1996. –с.71-72.
2. Альберт Л. Делинквентные подростки: культура гэнга. М., 1981.
3. Арсланов Р.Н., Корнишин А.Г. Особенности поведения членов подростково-молодежных группировок с правоохранительными органами г. Казани /Развитие социальной активности подростка/ Тезисы докладов республиканского научно-практического семинара 19 октября 1988г./ Казань., 1988.
4. Аспект Пресс, 1995.С.438-447.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
6. Бурдые П. Социология политики. - М.,1993.с.
7. Бэрон Р. Ричардсон Д. Агрессия. СПб., Изд-во ПИТЕР. -1997.
8. Бютнер К. Жить с агрессивными детьми. М., 1991.
9. В.Г. Гитин «Это жестокое животное мужчина». – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков «Торсинг»., 2002.
10. В.Франкл. Воля к смыслу. М.: Апрель-Пресс, 2000.
11. В.Ю. Большаков. «Эволюционная теория поведения». Спб. – 2002.
12. Вебер М. Избранные произведения. М. Изд-во Наука 1990.
13. Волков Ю.Г., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность Ростов н/Д, 1999.
14. Воронин Р.О. Система борьбы с преступностью в США. Свердловск. 1990.
15. Гишинский.Я.И. Социальный контроль за девиантным поведением в современной России. М.,2000.
16. Годфруа Ж. Что такое психология? М.: Мир., 1992. с.
17. Джон Д. Дэниэлс, Ли Х. Радета. Международный бизнес. М., 1994
18. Дональд Р. Делинквентность, преступность и социальный прогресс. С.-П. 1994.
19. Дондурей Б.Д. О конструктивной роли мифотворчества. // Куда идет Россия?..Социальная трансформация постсоветского пространства/ Под общ. ред. Т.И.Заславской. - М.: Аспект Пресс, 1995.С.257-262.
20. Дюркгейм Э. Самоубийство. С.-Петербург.,1998.
21. Жабский М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории. \\Социс.№2.1996г
22. Зиновьев А. Глобальный человек. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000
23. Ильин В.В. Постмодернизм. М., 1996.
24. Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология.М.,1999.

25. Козловски П. Культура Постмодерна. М., 1997.
26. Криминологи о неформальных молодежных объединениях: материалы круглого стола. М., 1990.
27. Криминология. Учебник для вузов. Под редакцией А. И. Долговой. М., 1999.
28. Куда идет Россия?.. Поб общ. ред. Т.И.Заславской., М.: Аспект-Пресс – 1995.
29. Кудрявцев С.В. межличностный конфликт, как причина насильственного
30. Личность преступника. М.: Юрид. Лит., 1975.
31. Ломброзо Ч. «Преступление». М. – 1994.
32. Лоренц К. Агрессия. М., 1994.
33. Лоренц К. Так называемое зло. М., 1995.
34. Мартин Н. Голо. Статус силы в среде делинквентных подростков. М., 1995.
35. Материалы недельного обозрения "Нью-Йорк Тайме" за 15-22 марта 1997 г.
36. Мертон К.Р. Социальная структура и аномия// Социс.1992-№2-4.
37. Михайлова Л.И. Социология культуры. М., 1999.
38. преступления. М., 1989.
39. Проективная психология/Пер. с англ. - М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО - Пресс, 2000.
40. Романов А.К. Задачи преобразования уголовно-правового сознания в условиях постсоветского пространства // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития/ общ. ред. Т.И.Заславской. - М.: Аспект Пресс,
41. Семенова В.В. Качественные методы (введение в гуманистическую социологию)М., 2000 г.
42. Сенчуков Ю.Ю. Да-цзе-шу - искусство пресечения боя. Минск, Изд-во «Харвест».
43. См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. - М., 1999.с. 333-334.
44. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда./СПб, 1913.
45. Состояние преступности несовершеннолетних в Российской Федерации в 1997 году/Образование в документах /21/98.
46. Социология преступности. М.: Прогресс, 1996.
47. Тарасов К.А. От насилия в кино к насилию "как в кино"? /Социс.№2,1996г.
48. Тернер Дж. Структура социологической теории./М.: Прогресс, 1985.
49. Уошберн С.Л. Австралопитек: охотник или жертва. 1958.
50. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991.
51. Фрейд З. Я и Оно. Психология бессознательного. М.,1989.
52. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.,1998.

53. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя/ Пер. с англ. Д.Н.Дудинский,-Мн.: 000 "Попури",1998.
54. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности// Вопросы философии. 1989-- №2.Социокультурная динамика в период становления постиндустриального общества: закономерности, противоречия, приоритеты.М., 1998.
55. Хагуров А., Тхакушинов А., Реформа и социокультурная среда. М., 1995.
56. Хагуров А.А. Технология исследовательской деятельности. Москва-Краснодар, 2001.
57. Хагуров А.А. Трудный подросток: феномен агрессии. Краснодар., 1994.
58. Хагуров Т.А. Степанова Н.Е. Агрессивность и маргинальность – характерные черты кризисного общества. Москва-Краснодар, 2000.
59. Чалдини Р. «Психология влияния». Изд-во «ПИТЕР» - 2000.
60. Чучупал В.В. Магринализация общества и культура // Культура как фактор социализации личности. Воронеж., 1992.
61. Шибутани Т. Социальная психология. Ростов н\Д., 1999.
62. Шнайдер Г.И. Криминология. М. 1994.
63. Шубкин В.А. Молодое поколение в кризисном обществе.//. Куда идет Россия?..Социальная трансформация постсоветского пространства/ Под общ. ред. Т.И.Заславской. - М.: Аспект Пресс, 1995.с.267-274.
64. Экман П. Психология лжи. С.-Пб., Изд-во ПИТЕР, 2000.
65. Энджел Ф. Джеймс. Поведение потребителей. – СПб.,1999. с.319.
66. Ядов А.Я. Стратегия социологического исследования. изд. 5-е., М., 2000.
67. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе// Социологический журнал. 1994-№1.
68. Abrahamsen D. Our Violent Society. N.-Y.,1970.
69. Abrahamsen D. The Psychology of Crime. N.-Y. - London, 1967.
70. Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. 1993.
71. Berger P., Berger B., Kelner K. Homeless mind. Modernization and Consciousness.-N.Y., 1974.
72. Burgess R., Akers R., Differential Association Reinforcement Theory of Criminal Behavior// Social Problems, 1966 .No 2. P. 7
73. Christie N. Limits to Pain./ Oxford: Martin Robertson. 1981.
74. Clinard M.B., Peter S.E. Corporate Crime. N.-Y. - London.,1980.
75. Clinard M.B., Robert M. Sociology of Deviant Behavior. N.-Y.,1985.
76. Cloward R., Ohlin L., Delinquency and Opportunity: A Theory of Delinquent Gangs. New

York, 1961.

77. Commission./ Harper Collins Publ. Inc. 1996.
78. Donziger S. The real War on Crime: The Report of National Criminal Justice
79. Foucault Michel. Discipline and Punish. Harmondsworth, 1979.
80. Freeman D/ Human aggression in Anthropological perspective. N.-Y./
81. Giddens A. Consequences of Modernity.-Stanford, 1990.
82. Jacobs P.A. Aggressive Behavior, Mental Subnormality and the XYY Male // Nature, 1965. V. 208.
83. Kaiser G. Genetic and Crime. Proceedings of II International Symposium on Criminology. SanPaolo, 1975.
84. Kressel N. Mass Hate. The Global Rise of Genocide and Terror/ Plenum Press. 1996.
85. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: Report on Knowledge. 1984.
86. Mannheim J. Comparative criminology/ London, 1965. T.I
87. Neier A. Crime and Punishment. New-York, 1976.
88. Sociology/ Kammayer, Ritzer, Yetman/ N.-Y. - London - Sidney,1993.